Gemma magica

Огюстен Кальме

Трактат о Явлениях Ангелов, Демонов и Духов а также о Привидениях и Вампирах

GEMMA MAGICA
Материалы и исследования по истории магии и оккультизма

Новая серия

I

Salamandra P.V.V.

Огюстен Кальме

ТРАКТАТ О ЯВЛЕНИЯХ
АНГЕЛОВ, ДЕМОНОВ И ДУХОВ

а также

О ПРИВИДЕНИЯХ И ВАМПИРАХ

в Венгрии,
Моравии,
Богемии
и Силезии

Salamandra P.V.V.

Кальме О.

Трактат о Явлениях Ангелов, Демонов и Духов, а также о Привидениях и Вампирах в Венгрии, Моравии, Богемии и Силезии. С приложением оригинальных документов первых вампирических расследований. Сост. и послесл. С. Шаргородского. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 338 с., илл. – (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Новая серия, вып. I.) – PDF.

Впервые почти за 150 лет к читателю возвращается легендарная книга. Это трактат ученого аббата-бенедиктинца О. Кальме, посвященный явлениям ангелов, демонов и духов, привидениям и вампирам. Со страниц сочинения Кальме, написанного в первой половине XVIII в., встают призраки и демоны, визионеры и колдуны, вампиры и ревенанты.

Книга аббата Кальме стала наиболее известным в Европе XVIII-XIX вв. вампирологическим трактатом и неиссякаемым источником литературных воплощений вампиров.

В послесловии раскрываются взгляды Кальме-вампиролога на фоне вампирологических дебатов эпохи и вампирской эпидемии в Западной Европе, а также история книги в Европе и России.

К трактату приложены впервые переведенные на русский язык оригинальные протоколы и другие документы, связанные с расследованиями случаев вампиризма в первые десятилетия XVIII в., которые породили и вампирскую лихорадку, и отразившиеся в высокой и массовой культуре представления о вампирах.

ЧАСТЬ I

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аббат Бенедиктинского ордена, Д. М. Августин Калмет, сочинение которого мы предлагаем читателям, родился во Франции, в Мениль ла-Горн у Коммерси, в 1672 году. В 1728 году, т.е. на 56 году от рождения, он назначен аббатом в Сенорес, что в Лотарингии. Скончался в Париже в 1757 году, — на 85 году от рождения. Он известен, как писатель исторический и как экзегет. Предлагаемое сочинение: «О явлениях духов» написано Калметом на французском языке. Мы перевели его со второго немецкого издания 1856 года.

При переводе на русский язык этого сочинения мы сочли нужным сделать в нем некоторые изменения. Прежде всего мы отделили все относящееся к несомненно истинным фактам. Такими фактами мы считаем те, которые признаны несомненно истинными Св. Писанием и преданием Церкви. По самому содержанию своему, эта часть — характера вполне богословского и потому серьезного. Истины, здесь изложенные, заимствованы или из Св. Писания или из Истории Православной Восточной Церкви. Сюда вошли сведения о явлениях добрых и злых духов, о том виде, в каком они являлись людям, об их отношении к людям и деятельности их на земле по соизволению и допущению Промысла Божия; далее изложены факты, заимствованные из Священного Писания и из Истории Церкви, об одержимых злыми духами; наконец переданы факты, заимствованные из Св. Писания и из Истории Церкви, о явлениях душ отшедших людей. В общих замечаниях критически рассмотрены возражения, делаемые относительно изложенных в исследовании предметов. Утверждаясь Св. Писанием и преданием Церкви, изложенные истины основываются на началах нашей веры и на началах нашего разума в подчинении его вере.

Таким образом, в этой части изложены факты вполне достоверные, совершенно истинные, нисколько не подлежащие сомнению.

Здесь не лишним считаем заметить, что кроме фактов, заимствованных из сочинения Дом Калмета и изложенных не в том порядке, в каком они изложены были в оригинале, мы с своей стороны сделали много дополнений и заменений, необходимых при переводе на русский язык.

Другая часть есть собрание языческих мнений, анекдотов, средневековых поверий, суеверных рассказов, предрассудков и заблуждений о гениях, духах, об отшедших душах, о магии и волшебстве. Здесь изложены мнения язычников о природе, происхождении и назначении гениев добрых и злых, об отношении их к смертным, и

о том виде, в каком они являлись людям, по представлению язычников. Сведения о гениях заимствованы нами из тех сочинений, которые цитированы в подстрочных примечаниях. У Калмета мы заимствовали только сведения о мнении греков и римлян относительно гениев, остальное все прибавлено нами. Далее переданы нами два-три факта, заимствованные у Калмета из народных поверий и суеверий относительно явления злых духов, всеми силами стремящихся завладеть человеком. С нашей стороны сделана критическая оценка этих фактов, которые рассмотрены нами с исторической стороны. Сюда же мы отнесли и нелепое поверие народа о возможности телесного сообщения с злыми духами, заимствовав некоторые рассказы у Калмета, а некоторые из истории язычества об обманах жрецов, о которых у Калмета не упомянуто; в конце главы мы привели два факта, подобные выше приведенным, и объяснили их. Этим оканчивается первый отдел части. Во втором отделе изложены нами народные языческие и средневековые поверия о домовых, о привидениях и об отшедших душах. В главе о домовых мы прибавили несколько строк в начале, а в конце сделали несколько самых кратких замечаний о переданных Калметом рассказах; в главе о привидениях мы не делали никаких изменений, ни замечаний, как потому, что и сам Калмет критически рассматривает все приведенные им рассказы, так и потому, что замечания в следующей главе и особенно общие заключительные замечания относятся к привидениям, происхождение которых там раскрыто. В главах об отшедших душах мы изложили мнения язычников и средневековые поверия о явлениях отшедших душ и об отношении их к живым людям, прибавив, с своей стороны, к фактам, переданным Калметом, некоторые мнения язычников. Критические замечания о явлениях отшедших душ написаны нами потому, что у Калмета не представлено относительно поверий, приведенных им, никаких замечаний. Приведенные факты или анекдоты мы старались объяснить самым простым и естественным образом. Эти объяснения могут относиться к рассказам о домовых и привидениях потому, что все приведенные нами рассказы о явлениях домовых, привидений и отшедших душ по характеру явлений, действий и отношений к людям весьма похожи друг на друга. Это последнее обстоятельство было причиною того, что все рассказы о домовых, привидениях и душах отшедших людей мы отнесли к одной категории. Сюда же отнесли мы и гадания язычников и народные поверия о состоянии загробной жизни потому, что эти сказки и поверия по своему характеру имеют связи с рассказами об отшедших душах. Сведения об этих гаданиях и повериях заимствованы нами из трактата Калмета: «О вампиризме». Критическая их оценка сделана с нашей стороны. Третий отдел посвящен исследованию о магии, о волшебстве, о колдунах и ведьмах. В общих замечаниях о магии и волшебстве многое заимствовано нами у Калмета, многое мы прибавили с своей сто-

роны. Здесь мы определили, что можно считать истинным и что считать ложным в рассказах о магии, разделив магию на *белую*, или основанную на началах и законах физики и механики, химии и медицины, и *черную*, то есть выродившуюся из стремления человека подчинить себе стихии мира видимого и существ мира духовного, и возникшую из народных поверий о действиях таинственных магиков или жрецов, которые умели для своих целей так поставить себя в отношении к простому народу, что последний, не будучи в состоянии понять хитрости и ловкости магиков, все их действия и фокусы объяснял как следствие сношений их с существами подземного мира. В следующих главах мы указали, как положено начало магии и каких результатов она достигла в своем развитии. В главах о колдовстве мы представили только то, что рассказывается у Калмета — из нелепых поверий и суеверий о силе и могуществе колдунов и ведьм, которые будто имели влияние на стихии мира, на людей и животных, летали по воздуху, являлись на шабаши и проч. и проч. В общих заключительных замечаниях мы в немногих словах коснулись по возможности всех фактов, изложенных нами в предыдущих главах.

В исследовании о вампирах мы представили народные поверия и суеверия, предрассудки и анекдоты о вампирах и бруколаках так, как они представлены у Калмета, без всяких почти прибавлений, напротив, с необходимыми сокращениями, т. е. мы опустили все то, что не относилось по содержанию своему к рассказам о вампирах. Мы представили рассказы о вампирах в особой части потому, что они имеют связь с рассказами о духах, их явлениях, домовых, привидениях и т. подобн., только как суеверия и поверия народные. В других отношениях между рассказами о явлениях духов, домовых, привидений и т. п. и между рассказами о вампирах нет связи. Чтобы не развлекать внимания читателя при чтении книги, мы сделали указанные прибавления и дополнения не под строкой, а в тексте.

Сочинение Д. М. Калмета имеет целью — указать истинный путь для обсуждения различных рассказов о мире духовном, сохранившихся в исторических памятниках, в различных записях из древней и средневековой жизни народов. Цель его — указать настоящий путь для определения и решения, какие из рассказов о явлениях духов и душ отшедших людей нужно признать истинными, несомненными, и какие из них должно отвергнуть. Для этой цели приведены некоторые рассказы, о которых необходимо было упомянуть здесь, и критически рассмотрены.

Сочинение Калмета издано было около половины XVIII века в то время, как во Франции начал пробуждаться дух свободномыслящей философии, которая на основании успехов в изучении естественных наук думала отвергнуть все духовное, вышечувственное. Суеверие большинства, примешивавшего к вечным истинам откровения бредни своего воображения или принимавшего на веру умышленные

выдумки, подавало удобство новым мыслителям, нападая на эти заблуждения, нападать и на истину. Потому-то важно было в то время собрать все сказания о явлениях духовного мира, отделив истинное от ложного. Но связанный еще сетью римско-католических преданий, Калмет не решается чисто высказать свое мнение о многих преданиях, очевидно не имеющих характера истины. Перемешивая истинное с неверным или сомнительным, он ослабляет этим и силу истинных свидетельств.

Русские переводчики могли прямее отнестись ко многим из сказаний, приведенных Калметом. Вполне веря, согласно с учением Православной Церкви, и в бытие духов и в возможность явления их во всякое время, когда то угодно Владыке живых и мертвых, Промыслителю человека, мы можем тем не менее критически рассматривать средневековые легенды Запада. Изучение природы, ее сил и законов, далеко подвинувшееся в течение ста тридцати лет, дает возможность объяснять естественным образом многое, что для Калмета казалось еще необъяснимым естественным путем.

Издание в русском переводе сочинения Калмета в настоящее время имеет свои побудительные причины и свое значение. В обществе мы видим, с одной стороны, распространение неверия во все духовное, во все сверхчувственное. Подтверждение веры в бытие духов несомненным свидетельством Священного Писания и преданий Церкви, всеобщею верою народов, которая высказывается и в самых суевериях, для беспристрастного мыслителя есть самое лучшее руководство к истинному знанию, — с другой стороны, как это часто бывает в века неверия, рядом с ним идет и грубое суеверие. Теперь явилось много приверженцев так называемого спиритизма или учения о сношениях с душами умерших и об откровениях, какие они сообщают. Сочинение Калмета представит немало рассказов, сходных с рассказами спиритов. Мыслящий человек увидит, что шарлатанство умело и прежде пользоваться доверием неопытных людей для своих целей. Спириты нередко приводят в подтверждение своего учения средневековые рассказы о явлениях духов, несмотря на то, что выдают свое учение, как новость, как наставшее только в последние годы откровение тайн загробного мира. Читатель увидит, что если истина бытия духов древняя, то и заблуждения, которые примешиваются к этой истине, не новость спиритов, но повторение старых заблуждений. Неверие и суеверие — это Сцилла и Харибда, которыми часто поглощается утлый член человеческой мысли, пустившейся в море исследований. Только тот, кто путеводной звездой для себя имеет маяк веры, безопасно может достигнуть пристани.

Сведения о явлениях Ангелов, злых духов и отшедших душ, заимствованные из Св. Писания и из преданий Церкви

При бесчисленном множестве рассказов о явлениях духов, ложных, порожденных невежеством, суеверием и предрассудками и таким образом своею собственною ложью подрывающих веру в самые действительные явления духовных существ, а этим и самую веру в существование мира духовного с одной стороны, и при так распространенном в настоящее время неверии в действительность этих явлений и этого мира с другой, знакомство с такими фактами этих явлений, действительность которых стояла бы выше всякого сомнения и которые следовательно неопровержимо доказывали бы бытие мира духовного, — есть очевидно дело настоятельной нужды и весьма важно для истины этого бытия. С целью этого знакомства мы представляем собрание утверждающих эту истину сведений о явлениях Ангелов, злых духов и отшедших душ, заимствованных из Св. Писания и из преданий Церкви, с замечаниями в пользу несомненной истинности этих сведений.

ГЛАВА I

Явления добрых Ангелов, представляемые Св. Писанием Ветхого Завета

Книги Ветхого Завета передают нам много фактов явления добрых Ангелов. Пред входом в земной рай поставлены были херувимы[1]; Ангелы являлись Аврааму и предвозвестили ему рождение сына[2]; являлись Лоту и предсказали ему погибель Содома и других нечестивых городов[3]; Ангел говорил с Агарью в пустыне[4]; Иаков на пути в Месопотамию видел во сне Ангелов, восходивших и нисходивших по таинственной лестнице[5]; Ангел же открыл Иакову тайну, как достигнуть того, чтобы овцы рождались пестрые[6], — и боролся с ним на обратном пути его из Месопотамии[7]. — Все эти были добрые, благотворные Ангелы света. Равным образом и тот Ангел, который говорил с Моисеем на Хориве из горящего тернового куста[8] и вручил ему на горе Синае скрижали закона и которому обыкновенно усвояется имя Божие, потому что он действовал по поручению и уполномочию Божию[9]; Ангел, который днем в виде темного, а ночью в виде светлого облака вел евреев по пустыне; Ангел, говоривший с Валаамом и грозивший умертвить у него ослицу[10],— все эти, без сомнения, были также добрые Ангелы.

То же нужно сказать и о том Ангеле, который с обнаженным мечом в руке являлся Иисусу Навину в равнине Иерихонской[11], назвав себя при этом архистратигом небесных сил[12]. Справедливо полагают, что это был тот самый Архангел Михаил, который, по свидетельству Апостола Иуды[13], спорил с сатаной о теле Моисеевом. Ангел являлся жене Маноя и потом самому Маною и возвестил ему рождение Самсона[14]. Ангел возвестил Гедеону, что он освободит из-

---

[1] Быт. III, 24.
[2] Быт. XVIII, 1-10.
[3] Быт. XIX.
[4] Быт. XXI, 17.
[5] Быт. XXVIII, 12.
[6] Быт. XXI, 10, 12.
[7] Быт. XXXII.
[8] Исх. III, 6-7.
[9] Исх. III, 2.
[10] Числ. XXII, 23.
[11] Иис. Нав. V, 13-15.
[12] Иис. Нав. V, 13-15.
[13] Иуд. 1-9.
[14] Суд. XIII, 5.

раильтян от рабства моавитян[1]. Архангел Гавриил являлся Даниилу в Вавилоне[2]. Рафаил сопровождал молодого Товию в Мидию[3]. Пророк Захария в своей книге упоминает о явлении ему Ангела[4]. В книгах Ветхого Завета самый престол Саваофа изображается в таких чертах: Господь восседает на Херувимах[5], пред Его престолом предстоят седмь высших духов[6], всегда готовых исполнять Его волю[7]; четыре Херувима вечно воспевают Ему хвалу и с молитвой повергаются ниц пред Его Высочайшей Святостью.

ΔΔΔ

[1] Суд. VI, 12.
[2] Дан. VIII, 15-17; IX, 21.
[3] Тов. V, 4-5; XII, 15.
[4] Захар. 1, 9, 10, 11.
[5] Пс. LXXIX, 2.
[6] Апок. I, 4.
[7] 3 Цар. XXII, 19, 20; Дан. VII, 10; Евр. I, 14.

ГЛАВА II

Явления добрых Ангелов, представляемые книгами Нового Завета

В Св. Писании Нового Завета передается также множество случаев явления добрых Ангелов. Архангел Гавриил является Захарии, отцу Святого Иоанна Крестителя, и возвещает ему рождение сына, имевшего быть предтечей Мессии[1]. Когда иудеи увидели, что Захария, пробыв в храме долее обыкновенного, вышел из него немым, то признали за несомненное, что ему было во храме видение[2]. Тот же самый Архангел Гавриил предвозвестил Пресвятой Деве Марии рождение от Нее Сына Божия[3]. Когда Господь Иисус Иисус родился в Вифлееме, Ангел Господень ночью явился пастырям[4] и благовествовал им о рождении в Вифлееме Спасителя мира. Далее можно признать за несомненное, что звезда, которая являлась приходившим для поклонения младенцу Иисусу волхвам и привела их прямым путем к Иерусалиму и оттуда в Вифлеем, была управляема добрым Ангелом[5]. Праведный Иосиф, по требованию небесного вестника, вместе с младенцем Иисусом и его матерью бежал в Египет для того, чтобы таким образом избавить Святого младенца от рук жестокого Ирода. Этот же Ангел сообщил Иосифу о смерти Ирода и повелел ему теперь возвратиться в свою отечественную землю[6].

После искушения Иисуса Христа в пустыне, приступили к нему Ангелы и служили ему[7]. Искуситель говорит Иисусу: «Бог заповедает Ангелам своим хранить Тебя, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею»[8]. Слова эта заимствованы из девятидесятого псалма Давидова (11, 12 ст.) и доказывают веру иудеев в бытие Ангелов-хранителей. Спаситель подтверждает истину существования таких Ангелов, когда говорит, что Ангелы детей постоянно созерцают лицо Его небесного отца[9]. На последнем суде добрые Ангелы отделят праведных от грешников[10] и свергнут грешников в вечный огонь[11].

---

[1] Лук. I, 11-20.
[2] Там же, ст. 21, 22.
[3] Лук. I, 26-38.
[4] Лук. II, 9-12.
[5] Мф. II, 2, 7, 9, 10.
[6] Мф. II, 13-23.
[7] Мф. IV, 11.
[8] Мф. IV, 6.
[9] Мф. XVIII, 10.
[10] Мф. XIII, 49.
[11] Ст. 50.

Во время душевной борьбы Иисуса Христа в Гефсиманском саду пред Его страданиями укреплял Его Ангел, сошедший с неба[1]. После Его воскресения, Ангелы являлись святым женам, которые пришли ко гробу Спасителя за тем, чтобы помазать Его тело. По свидетельству книги деяний Апостольских, Ангелы явились Апостолам непосредственно по вознесении Христа на небо[2]. Ангел Господень отворил двери темницы, в которой заключены были Апостолы, и вывел их оттуда[3]. В той же книге Святой Стефан учит нас, что закон дан иудеям при служении Ангелов[4].

Святой Апостол Петр, будучи заключен в темницу, освобождается из нее Ангелом[5], который потом проходит с ним одну улицу и скрывается. Когда Святой Петр постучался в двери дома, в котором тогда находились верные, то никто из них и верить не хотел, чтобы это быль сам Петр: все подумали, что стучится и говорит его Ангел.

Апостол Павел также признавал существование Ангелов и действительность их явлений[6]. Когда этот Апостол рассказывал собравшемуся около него народу, как он на пути в Дамаск повергнут был на землю, фарисеи, присутствовавшие при этом, заметили тем, которые вопили против Павла: «Если дух, или Ангел говорил ему, вам не должно противиться Богу»[7]. Святой Евангелист Лука говорит, что в Троаде Павлу было ночью видение, что ему именно явился македонянин (вероятно, Ангел-хранитель Македонии) и просил его прийти в Македонию для проповедания Евангелия[8].

Святой Иоанн Богослов в Апокалипсисе говорит о седьми Ангелах, *которым вверен надзор* над семью малоазийскими церквями. Известно, что именем Ангелов называются здесь у Иоанна епископы этих церквей. Но, по церковному преданию, каждая церковь имеет и своего Ангела-хранителя. В Апокалипсисе вообще представляется много различных видений и явлений Ангелов. Святой Иоанн Богослов напр. говорит: «и видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево. И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревам, доколе не положим печати на челах рабов Бога Нашего».

Коли предсказания греческих и других оракулов справедливо признаются делами злого духа, то с равным правом можно сказать,

---

[1] Лук. XXII, 43.
[2] Деян. I, 10-11.
[3] Деян. V, 19.
[4] Деян. VII, 53.
[5] Деян. XII, 7-9.
[6] 1 Кор. VI, 3.
[7] Деян. XXIII, 9.
[8] Деян. XVI, 9.

что истинным пророкам и Богопросвещенным мужам Бог давал знать будущее посредством добрых Ангелов. Так, Архангел Гавриил послан был Богом к Даниилу[1] сообщить ему о судьбах четырех великих монархий, о седьмидесяти седьминах и об окончании плена вавилонского. Пророк Захария ясно говорит, что Ангел сообщил ему все то, что он говорит, и повторяет это замечание в нескольких местах своей книги[2]. То же говорит и Св. Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе; именно, он говорит, что к нему послан был Богом Ангел и открыл ему все то, что он сообщил церквам[3]. В другом месте[4] Апокалипсиса Святой Иоанн Богослов упоминает также об Ангеле, который говорил с ним и в присутствии его измерял Небесный Иерусалим. Святой Апостол Павел говорит в своем послании к Евреям[5]: «Если Ангелами возвещенное слово было твердо...» и пр.

Δ Δ Δ

[1] Дан. VIII, 16; IX, 21.
[2] Зах. I, 9, 13, 14, 19; II, 3, 4; IV, 1, 4, 5; V, 5.
[3] Апок. I, 1.
[4] X, 8, 9; XI, 1, 2, 3 и д.
[5] Евр. II, 2.

ГЛАВА III

Об Ангелах-хранителях

Слово Божие как Ветхого, так и Нового Завета и равно как отцы Церкви и церковная история ясно учат нас, что не только каждый верующий, но и каждое человеческое общество, каждый народ, каждое государство, каждая церковь имеют своих Ангелов-хранителей, — и представляют факты явлений и действий этих Ангелов.

Так, Евангелист Матфей передает нам, что Иисус Христос, убеждая уважать каждого верующего, сколько бы ни казался он малым и слабым, сказал Апостолам: *блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго*[1]. Апостол Павел говорит: *не вси ли суть служебнии дуси; во служение посылаеми, за хотящих наследовать спасение?*[2]. В обоих местах очевидно утверждается бытие Ангелов-хранителей. Книга Деяний Апостолов передает нам такое событие. Когда Апостол Петр, освобожденный из темницы Ангелом, пришел к тому дому Марии, матери Евангелиста Марка, *идеже бяху мнози собрани и молящеся*, и стал стучаться в дверь, то все бывшие в доме верные подумали, что стучится не сам Петр, а его Ангел[3]. Это событие очевидно указывает на существование в первенствующей церкви веры в Ангелов-хранителей частных лиц. Православная церковь в лице своих отцов и учителей всегда верила и учила, что к каждому верующему приставлен особый Ангел-хранитель. Уже в книге Ермы *Пастырь* сказано: «Два духа находятся при человеке: один дух добрый, другой дух злой»[4].

Св. Василий Великий говорит: «с каждым из верных есть Ангел, который, как детоводитель и пастырь, управляет его жизнью, против сего никто не будет спорить, помня слова Господа, сказавшего: *не презрите единаго от малых сих, яко Ангели их выну видят лице Отца Моего Небеснаго*»[5]. Эта истина часто высказывается Василием Великим, Ефремом Сириным, Григорием Нисским, Григорием Богословом, Иоанном Златоустом и другими отцами и учителями Церкви.

В писаниях Ветхого Завета истина эта представляется, правда, не в такой степени ясности и определенности, как в Новом Завете, но тем не менее представляется довольно ясно. Так, в книгах Ветхого

---

[1] Мф. XVIII, 10.
[2] Евр. I, 14.
[3] Деян. XII, 12-16.
[4] Herm. Pastor M. 6, Patr. Apost. Pag. 361, Hefele.
[5] В 3 кн. о Св. Духе Св. Вас., част. 3, стр. 130-132.

Завета передается много таких событий, в которых нельзя не видеть действий, свойственных Ангелам-хранителям. Таковы напр. следующие события: Ангел был видимым спутником Товии в Раги, избавил его от опасности при Тигре, давал ему благотворные советы, располагал все ко благу и, что всего более послужило к счастью благочестивого семейства, устроил исцеление Товита[1]. В книгах Царств говорится, что Пророк Илия в своем дивном служении неоднократно получал и пособие, и наставления, и руководство от Ангела[2]. Авраам, посылая раба своего для снискания жены сыну своему, говорит ему между прочим: *Господь Бог... послет Ангела Своего пред тобою, и поимеши жену сыну моему Исааку оттуду*[3]. Есть места в Ветхом Завете, которые по единогласному пониманию занимавшихся толкованием Писаний Ветхого Завета Отцов Церкви, заключают учение об Ангелах-хранителях. Таковы, главным образом, следующие места: ополчится *Ангел Господень* (с подлинника еврейского: *ополчатся Ангелы Господни*) окрест боящихся Его и избавит их[4], и другое следующее место: *не приидет к тебе зло и рана не приблизится телеси твоему. Яко Ангелом своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих*[5]. Достаточно ясные указания представляет Свящ. Писание и в пользу той мысли, что и каждое человеческое общество, каждый народ и каждая церковь имеют своих особых Ангелов-хранителей. Так, Пророк Даниил говорит о молитвенном предстательстве пред Богом двух Ангелов-народоблюстителей, Ангела-народоблюстителя, или князя Персидского Царства и Ангела-народоблюстителя народа Израильского. Первый Ангел молил Бога об удержании народа Израильского под владычеством Персидского Царства, другой, напротив, молился об освобождении этого народа от ига персидского. Даниил говорит также, что именно с этими двумя Ангелами обращался с молитвою к Богу Ангел-князь Эллинского Царства[6]. Если же не только народ Израильский, но также и народы Персидский и Эллинский имели своих особых Ангелов-покровителей, то отсюда можно с правом заключить, что и каждый другой народ имеет своего Ангела-хранителя. — Евангелист Иоанн в первой главе Апокалипсиса передает слова Господа о седьми Ангелах седьми церквей Малоазийских[7]. Правда, как мы сказали уже, под именем Ангелов здесь должно разуметь и епископов этих церквей, но в то же время, по учению Отцов Церкви, здесь должно видеть и выражение той истины, что каждая церковь имеет своего Ангела-хранителя. «Я уверен, говорит напр. Григорий

[1] Тов. V, 4-17; VI, 2-18; IX, 1-6, XI, 2-14.
[2] 3 Царст. XIX.
[3] Быт. 24 гл., ст. 7.
[4] Псал. 33, ст. 8.
[5] Пс. XC, 10-11.
[6] Дан. X, 20.
[7] Ап. I, 20.

Богослов, что особенный Ангел покровительствует каждую церковь, как научает меня Иоанн в откровении»[1].

Эта истина всегда ясно признавалась православною церковью. Святой Василий Великий писал к пресвитерам Никопольским: «вас печалит, что извергнуты вы из ограды стен: но вы водворяетесь в крове Бога Небесного и с вами Ангел-хранитель церкви»[2]. Григорий Богослов, прощаясь с кафедрою Константинопольскою, восклицал: «простите Ангелы, назиратели сея церкви»[3].

Итак, существование и явления Ангелов в Св. Писании и в церкви представляются несомненными свидетельствами.

Δ Δ Δ

---

[1] Слов. 42, Твор. св. Отцов в русск. перев., том 4, стр. 33.
[2] Письм. 230, Твор. св. Отц. Васил., ч. I, стр. 177.
[3] Слов. 42, том 4, стр. 50.

ГЛАВА IV

В каком виде являлись добрые Ангелы?

Более обыкновенный вид, в каком, по сказаниям Ветхого и Нового Заветов, являлись добрые Ангелы, — был человеческий: в таком виде являлись они Аврааму, Лоту, Иакову, Моисею, Иисусу Навину, Маною — отцу Самсона, Давиду, Товии, пророкам. Ангел, явившийся Иисусу Навину в равнине Иерихонской, имел вид воина, так что Иисус должен был спросить его: «Наш ли еси или от супостат наших?»[1]. В человеческом образе являлись Ангелы святым женам, по воскресении Спасителя.

Но иногда Ангелы являлись и не в человеческом, а в каких-нибудь других образах; так напр. Моисею явился Ангел в горящей купине[2] и путеводил Израильтян по пустыне в виде столпа днем облачного, а ночью огненного[3]. Псалмопевец говорит, что Бог, для приведения в исполнение Своей воли, *творяй Ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный*[4]. У Пророка Иезекииля Херувимы представляются в виде полулюдей и полуживотных с человеческими туловищами, с орлиными крыльями и воловьими ногами; головы у них различны: или человеческие, или воловьи, или львиные или орлиные: два крыла у них распростерты, а двумя другими прикрывают они все свое тело; они сияют, как раскаленные уголья, как горящие лампады, как освещенное молнией небо. — Это поистине грозное зрелище.

Ангел, являвшийся Даниилу[5], имел человеческий образ, был одет в льняную одежду и чресла его были опоясаны уфазским поясом; тело его как хризолит, лицо как молния, очи его, как горящие лампады, руки и ноги его, как блестящая медь полированная, и звук его слов, как голос шума.

Святой Иоанн Богослов видел вокруг престола Всесвятейшего четырех животных (которые, без сомнения, были четыре Ангела), у которых было множество очей спереди и сзади. «И первое животное подобно льву, второе животное подобно тельцу, третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести вокруг крыл; ни днем, ни ночью они не имеют покоя, говоря Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и будет»[6].

---

[1] Иисус Нав. V, 13.
[2] Исх. III, 3, 4.
[3] Исх. XIII, 21, 22.
[4] Псал.103, 4.
[5] Дан X, 5, 6. Текст приведен по перев. Архим. Макария.
[6] Апок. IV, 6-8.

Ангел, поставленный пред входом в земной рай, был вооружен пламенным мечом[1]. Ангел, явившийся Валааму и грозивший умертвить у него ослицу[2], — Ангел, явившийся Иисусу Навину в равнине Иерихонской[3] и Ангел-каратель, явившийся Давиду[4], — были также вооружены мечами. Ангел Рафаил, сопровождавший молодого Товию в Мидию, имел вид путешественника[5]. Лицо Ангела, которого видели святые жены при гробе Спасителя, который отвалил от этого гроба огромный камень и сидел на нем, было светло, как молния, и одежда его была бела, как снег[6].

Ангел, который, по сказанию книги Деяний Апостольских[7], освободил Апостолов из темницы и заповедал им безбоязненно свидетельствовать о Христе во храме, являлся также в человеческом образе. В высшей степени замечателен способ, как этот Ангел освободил Апостолов из темницы: слуги, посланные первосвященником в темницу затем, чтобы взять оттуда Апостолов и привести их на судилище, нашли темницу запертой и стражей стоявшими у дверей ее, но отворив ее, они не нашли в ней никого[8]. Каким образом Ангел мог вывести Апостолов из темницы, не повредив дверей при этом, когда, кроме них, конечно, не было никакого другого выхода, и вывести так, что этого не заметили ни стражи, ни другие заключенные, это превышает наше разумение. Но это так же точно было возможно, как возможно было то, что Спаситель телесным образом восстал из гроба, не раскрыв его при этом и даже не повредив приложенной к нему печати, что Он прошел сквозь затворенные двери в комнату, в которой собраны были Апостолы[9], говорил со своими учениками, шедшими в Эммаус, будучи не узнан ими, потом открыл им глаза и стал для них невидим[10]; как возможно было то, что Он в продолжении сорока дней по своем воскресении являлся своим ученикам, ел, пил и беседовал с ними; но при всем этом был видим только для тех, кому, по предопределению Небесного Отца, суждено было свидетельствовать о его воскресении.

Иногда Ангелы, равно как и сам Бог, являлись без всякого видимого для глаз образа, а давали знать о своем присутствии громким голосом, посредством нравственных внушений, посредством выразительных явлений природы, посредством снов, откровений неизвестного будущего или прошедшего; иногда они наводили на людей помрачение, ослепление, оцепенение, давая таким образом им чув-

---

[1] Бытие III, 24.
[2] Числ. XXII, 22, 23.
[3] Иис. Нав. V, 13.
[4] I Пар. XXI, 16.
[5] Тов. V, 5, 6.
[6] Мф. XXVIII, 3.
[7] Гл. V, 18-20.
[8] Деян., гл. V, ст. 23.
[9] Иоан. XX, 19-26.
[10] Лук. XXIV, 15-31.

ствовать гнев Божий к ним. Так, когда Бог говорил с Моисеем на Хориве и сообщал ему закон[1], Израильтяне не видели при этом никакого подобия Божия; когда Архангел Гавриил сообщал Даниилу о судьбах великих царств, имевших существовать одно после другого, то он был видим только для одного Даниила, а другие мужи, которые при этом были, не видели явления, но ужас великий напал на них, и они убежали в страхе[2].

Когда Господь в первый раз беседовал с Самуилом и известил его о несчастии, которым Он определил наказать дом первосвященника Илии, то отрок Самуил не видал при этом никакого образа, а слышал только голос один, который сначала принял он за голос первосвященника Илии. Содомляне сначала видели пришедших в дом Лота Ангелов, но потом, когда они вознамерились силою ворваться в дом Лотов, то теми же самыми Ангелами были ослеплены и не могли найти дверей дома.

Святой Киприан рассказывает, что во время гонения христиан в Африке, заболел один епископ и в продолжение своей болезни постоянно и неотступно просил, чтобы его напутствовали Святыми Тайнами, — и вот однажды он увидел пред собой юношу величественного вида и с светлыми, проницательными глазами. Грозно и с гневом обратился к нему Ангел с такими словами: «Ты боишься страданий, ты умираешь неохотно; чего же ты хочешь от меня?» Когда епископ узнал, что этот упрек относился и ко всем верным, он собрался с последними силами и сделал увещание всем к мужеству в наступающих страданиях; после этого он приобщился Святых Тайн и скончался в мире. Церковная история представляет множество подобных явлений Ангелов в человеческом образе.

Многие из древних усвояли Ангелам телесность, потому что, основываясь на авторитете апокрифической книги Еноха, в известном месте книги Бытия[3], где говорится, что сыны Божии, увлекшись красотой дщерей человеческих, вступили с ними в супружеские связи и родили от них исполинов, под именем сынов Божиих разумели Ангелов. Это мнение, всеми отвергнутое в настоящее время, было разделяемо некоторыми из древних писателей и Отцов Церкви[4] и даже некоторыми из новейших мыслителей, которые, подобно древним, признавали, что Ангелы, демоны и человеческие души не лишены некоторой телесности. Но это мнение не согласно с учением православной церкви, которая верит, что Ангелы совершенно чужды всякой материальности.

Конечно, при том взгляде, что природа Ангелов не чужда некоторой материальности, чувственное, видимое явление их гораздо легче

---

[1] Втор. IV, 15.
[2] Дан. X, 48.
[3] Быт. VI, 2.
[4] Joseph. Antig. lib. I, c. 4, Philo, De Gigantibus, Justin. Apol.,Tertul. De anima. *Vide* commentatores in Gen. IV.

объяснить, чем совершенную бестелесность[1]. Но у нас дело идет не о каком-нибудь философском вопросе, — относительно которого можно было бы делать такие или другие гипотезы и выбирать из них те, которыми лучше объяснялось бы дело и с помощью которых лучше разрешались бы сомнения и опровергались бы возражения возможные относительно действительности и способа совершения явлений, о которых идет речь. Наш вопрос решен и все сомнения относительно его устранены. Христианская церковь и христианские школы признают, что Ангелы, демоны и человеческие души совершенно свободны от грубой материальности и что в тоже время добрые и злые духи и отшедшие души иногда являются по Божией воле. Этого мнения и должно держаться.

ΔΔΔ

[1] По сравнению с Богом Единым, Несравнимым, как замечает Св. Иоанн Дамаскин, — все оказывается грубым и вещественным (*Изложение вер. кн. 2 глав. 3*).

ГЛАВА V

О явлении злых духов и образе их явлений

Книги Ветхого и Нового Заветов и Церковная история передают также много опытов явления злых духов. Первое известнейшее и самое зловредное для человека явление диавола, — это то, когда он под видом змия явился к Еве и искусил ее[1]. С тех пор образ змия самый употребительный, чувственный образ диавола. В Свящ. Писании диавол часто называется древним змием[2], — говорится, что адский дракон будет сражаться с женою, под видом которой представляется церковь, и что он будет поражен Архангелом Михаилом и свержется им с высоты небесной[3]. Из книг Ветхого завета известно, что в этом образе он был почитаем язычниками. В Вавилоне напр. воздавали божеское поклонение живому дракону, которого Даниил умертвил, дав ему проглотить состав из разных ядовитых веществ[4]. У язычников быль род гаданий посредством змей, который назывался у них офиомантией.

Египтяне, Греки и Римляне почитали змей и смотрели на них, как на что-то божественное. Воздавали гадам божеское почитание[5]. Блаженный Августин[6] передает, что Манихеи признавали змия за Христа и говорили, что это животное, подав известный совет Адаму и Еве, чрез это самое открыло им глаза. По общепринятому мнению, выражения Абраксас или Абрахадабра[7], которые считались священными у древних еретиков Василидиан, которые, подобно Манихеям, признавали два начала всех вещей, доброе и злое, — по своему начертанию представляли образ змея. Абраксас с еврейского значит злое начало, или отец зла, — Аб-ра-хад-аб-ра — означает также единый отец зла, или единое злое начало.

Блаженный Августин[8] замечает, что ни одно животное не употреблялось так часто при волхованиях, как змея, как бы в наказание за то,

---

[1] Быт. III, 1-23.
[2] Апок. XII, 9.
[3] Апок. XII, 7-9.
[4] Дан. XIV, 23-26.
[5] Aelian, Hist. animal.
[6] Aug., Tom VIII, p. 28, 264.
[7] Ab-racha – отец зла, или злой отец.
[8] Aug. de Penes. ad lit. I, 2, c. 18.

Весь языческий мир в своих мифах о борьбе божественных героев со змием, или сатаною, единогласно указывает на неоспоримую истинность Моисеева повествования о явлении демона Еве в образе змия. В сочинении доктора Зеппа: Das Heidenthum und dessen Bedeutung für das Christenthum, III Thl. 8 J. —говорится относительно этого предмета так: что змий-обольститель вначале внес в мир зло, от чего извращено в нем (мире) пер-

то, что она соблазнила первого человека. Впрочем, более обыкновенный вид, в каком демон являлся людям и искушал их, — это об-

---

вобытное совершенное состояние и возникла борьба между добром и злом с перевесом этого последнего, и что этого древнего змия, по обетованию, имел победить и сокрушить ему главу небесный герой, рожденный от девы, — эта религиозная идея были присуща всем народам древности и у всех их выразилась в мифе о борьбе с драконом. Так, Зевс побеждает змеевидных Титанов; Аполлон — Пифона; Геркулес побеждает Геспернддова дракона, — хранившего прекраснейший сад с золотыми яблоками, принадлежавший трем, а по другим, четырем сестрам, называвшимся Гесперидами, — побеждает также девятиголовую Лернейскую гидру, у которой всякий раз, как только отсекалась у ней голова, тотчас на место ее вырастала новая. между тем как враждебный герою рак щипал его за пятки. Геркулес же убивает буйного Цербера, у которого было 3, а по Гесиоду (Theog.. V, 312) даже 50 голов. Озирис борется с Тифоном и Горус умерщвляет этого бога-дракона, или Баал-Зефона, самое имя которого означает змия. Ормузд побеждает Аримана, который под видом змея соблазнил праотцов, — и Феридун низвергает с неба князя драконов Ацдегака, или Цогака. В Индии Вишну отрубает голову дракону Рагу, а Кришна воюет против черного дракона Цеши с пятью головами и умерщвляет его, раздавив ему наконец головы. У Иова (в III, 8; XXVI, 12, 13) и у Псалмопевца (I.XXIII, 14, LI, 9) образно представляется Иегова поражающим змия Левиафана. Тибетяне представляют свою Дургу борющейся с Магаасурой, великим злым духом. Дурга — это восточная Минерва, потому что и Минерва изображается также победительницей змея с копьем и чудовищем подле нее (Pavsanias I, 24). В образе молодой девушки Дурга наступает ногой на голову змия и отсекает ее от туловища; но когда на обезглавленном туловище вырастает верхняя часть человеческого тела, она вонзает меч в сердце туловища. У Камчадалов этот миф имеет то отличие, что богиня раздавливает голову змия. В честь этой богини — победительницы змей у язычников было два годовых праздника, с которыми по времени совпадают христианские празднества св. Георгия и Михаила: один из них праздновался весной, другой осенью. Победу над змием приписывали Финикияне Кадму. который будто бы победил Пифона при Исмейском источнике у Киферона, — Греки и другие восточные народы Персею, Арамейцы — Араму. В северной Германии Тор побеждает народного змея Иормунгарда, Фрейр исполина Бели; Зигфрид, Отнит и Вольфдитрих по примеру богов сражаются с крылатым змием. У Богемских и Польских Славян есть рассказ о чудовище Турисе, которое было побеждено Кроком; Русские называют св. Владимира победителем змей. Еще национальнее в этом отношении их победитель змей Журило. Никто не мог победить ужасного Линта, но Журило, обладая необыкновенной силой, сламывает дерево и убивает им страшилище. Это борьба вола со змеем. Подобно Тезею, Журило получает от Яги-Бабы клубок ниток, который, постепенно разматываясь, указывает ему путь к волшебному замку князя Зимы Кощея, похитившего удивительно прекрасную Милолику, которую Журило теперь и освобождает увозит на своем чудном коне. У Ацтеков змей в свите бога войны представляет многознаменательный символ; изображение борьбы со змием высшего божества и умерщвление его этим последним как воплощенной разрушительной силы, встречается также на Мексиканских картинах; Тетцкатлипока представляется убивающим большого змия (Cortes, I. с. 211). По понятию Китайцев, солнечные и лунные затмения происходят от того, что змий тьмы заслоняет собой сияние солнца и луны, но при этом Илиос (бог света) всегда остается победителем .

Все эти мифы получают, конечно, полный свой смысл и истинное значение только при свете христианства, — при свете той истины, что Сын Благословенной в женах Девы Марии, Христос, побеждает древнего змия — диавола в охраняет свою непорочную невесту — церковь от его козней. В средневековой храмовой символике Спаситель изображается в виде победителя львов и змей с победной хоругвью, — смысл такой: в виде победителя львов Он изображается, как победитель грубой силы древнего язычества, а в виде победителя змей как победитель тонкой хитрой силы современного язычества и современных врагов церкви Христовой. *Примеч. Немецкого переводчика*.

раз человеческий: вероятно, в таком виде явился он Иисусу в пустыне (Матф. IV) и искушал его. Почти во всех тех явлениях диавола, которые в таком бесчисленном множестве передаются нам житиями Святых, он имел человеческий образ. Для того, чтобы представить фактические доказательства действительности явлений диавола и несколько примеров на то, в каком именно виде и зачем являлся он, представляем несколько фактов его явления, заимствованных из жизнеописаний Святых.

Незадолго до нашествия Персов на Греческую империю, во второй Киликийской епархии в городе Адане, с экономом соборной церкви этого города Теофилом случилось такое происшествие.

Теофил отличался и всем известен был безукоризненно-честным и в высшей степени деятельным выполнением своих обязанностей по должности и своими христианскими добродетелями. Он был глазом и десницею своего епископа. Он был отцом для сирот, питателем для вдов, щедрым подателем для нищих, заступником для обижаемых, помощником для беспомощных, и потому пользовался всеобщею любовью и уважением. И когда епископ Аданы умер, то все единодушно желали, чтобы епископом был сделан Теофил, и обратились об этом с просьбою к киликийскому первопрестольному архиерею. Архиерей разделил общее желание. Но Теофил, по чувству христианского смирения и по слишком высокому уважению к епископскому сану, решительно отказался от принятия на себя этого сана. Напрасны были все просьбы к нему об этом со стороны всего народа, клира и первопрестольного архиерея. Теофил остался при своем решении. Принуждены были сделать епископом другого, а Теофил остался при прежней экономской должности. Несмотря на безукоризненно-честную жизнь Теофила, нашлись люди, которые по внушению духа злобы и зависти начали клеветать на Теофила пред епископом и обвинять его в самых непотребных вещах. Епископ, сам хорошо зная Теофила, как человека в высшей степени благочестивого и добродетельного, сначала долго не давал никакой веры этим клеветам и обвинениям. Но так как они не прекращались, а все более и боле усиливались, то епископ мало-помалу стал верить им и решился наконец удалить Теофила от экономской должности под тем предлогом, чтобы дать ему покой от продолжительных тяжелых трудов. Теофил беспрекословно повиновался. Теперь зависть и злоба демона приняли другое направление. Прежде он действовал чрез других людей, теперь он начал всеми силами действовать на душу самого Теофила. Демон стал возбуждать и развивать в нем такую мысль, что он подвержен от епископа совершенно несправедливому унижению, что за его труды и добродетели ему заплатили оскорблением и пренебрежением. Мало-помалу эта мысль развилась в Теофиле до такой степени, что он наконец вообразил, что он всеми в высшей степени унижен, оскорблен, поруган, и в связи с этим скоро его душою овладело непреодолимое желание как можно

более возвыситься между людьми. Он сильно возжелал теперь на первых порах, по крайней мере, получить свою прежнюю должность. Властолюбие до того овладело Теофилом, что он решился наконец, для выполнения своих честолюбивых желаний, искать помощи у волшебства и бесовской силы. И вот он отправляется к известнейшему в то время волхву и чародею, открывает ему свои желания и со слезами просит у него помощи, обещая должное вознаграждение. Волхв с радостью соглашается помочь несчастному и, обнадежив его, велит ему прийти к себе в следующую ночь. Теофил ушел обрадованный, и в следующую полночь опять является к чародею. Волхв ведет его на ипподром, т. е. на место конских ристалищ, и говорит ему: если ты увидишь какое-нибудь видение, или услышишь какой-нибудь голос, не пугайся и не совершай крестного знамения. Теофил соглашался на все и тотчас пред их глазами возникло такое привидение: они увидели множество странных лиц, разодетых в разные светлые платья и со свечами в руках. Это был сонм демонов; они славословили своего князя-сатану, который с гордостью и надменностью восседал среди них. Волхв взял Теофила за руку, ввел его в сборище и предстал с ним пред князем демонов. Сатана спросил волхва: «Зачем ты привел к нам этого человека?» Волхв отвечал: «Я привел к тебе его, господин мой, потому, что он очень много обижен своим епископом и просит твоей помощи». Сатана сказал на это: «Как я помогу человеку, который есть раб Своего Бога? Если же согласен сделаться моим рабом и поступить в число моих слуг, в таком случае я ему так помогу, что он получит власть большую той, какую он имел прежде и даже той, какую имеет епископ». «Слышишь, что говорит князь», сказал волхв Теофилу. «Слышу», отвечал Теофил, «и сделаю все, что только прикажет он мне», — и с этими словами он повергся к ногам бесовского князя и начал лобызать его ноги. Тогда диавол сказал, обращаясь к Теофилу: «Пусть этот человек отречется от Сына Марии и от нее самой, потому что я их глубоко ненавижу. И пусть это отречение он напишет своею собственною рукою и отдаст эту рукопись мне; и тогда пусть требует от меня всего, чего ему угодно; я все исполню». «Я согласен сделать все, что бы ты ни повелел», сказать Теофил, «лишь бы я получил то, чего желаю». Услышавши это, сатана простер свои бесовские руки и начал обнимать и лобызать Теофила, говоря при этом: «Радуйся, мой искренний, верный друг!» — Потом Теофил произнес отречение от Христа и его Пречистой Матери, написал это отречение на заранее приготовленной для этого волхвом бумаге, запечатал ее и отдал князю тьмы. И дружески обнявшись и облобызавшись, новые друзья расстались. Сатана с своею свитой сделался невидим. А Теофил и волхв с радостью отправились домой.

На другой день после этого происшествия, епископ, нужно полагать, по внушению от Бога, а не от диавола, раскаялся в том, что он отставил от экономской должности Теофила, призвал его к себе

и снова возвел его на эту должность и при этом вручил ему власть во всех церковных делах вдвое большую той, какою он владел прежде. Епископ потом даже публично пред целым клиром и народом просил у Теофила прощения за сделанное ему им оскорбление. И весь почет и уважение от всех, какими пользовался Теофил прежде, не только опять возвратились к нему, но сделались еще несравненно больше прежнего. Честолюбие Теофила было удовлетворено: он был успокоен. Но недолго продолжалось это гибельное спокойствие. Милосердный Господь не дал погибнуть грешнику до конца. Скоро он возбудил в его сердце раскаяние. Скоро Теофил ясно сознал и глубоко почувствовал все несчастие своего положения. Раскаяние его было слишком глубоко и искренне; день и ночь проводил он в слезах о своем беспредельном оскорблении Господа и Пречистой Его Матери, о своем глубочайшем падении. И как ни велика была его виновность пред Богом, мысль о беспредельном милосердии Божием, не хотящем, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут, — внушала ему надежду на помилование и дерзновение обратиться к Премилосердому с молитвою о прощении и спасении. И вот Теофил оставляет все свои занятия по службе и решается все свои силы и все время употребить на исходатайствование себе прощения у Господа; — для этой цели он заключается в одной Церкви Божией Матери и здесь, пред иконою Пресвятой Девы, целых сорок дней и сорок ночей проводит в постоянном, глубоком сокрушении о своей греховности, в строжайшем посте и постоянной слезной молитве о своем помиловании. Наконец, по прошествии сорока дней, в полночь, когда Теофил по обыкновению молился, является к нему Божия Матерь и говорит ему: «Зачем же ты так бесстыдно обращаешься, взываешь и молишься ко Мне, чтобы я помогла тебе? ведь ты же отрекся от Сына Моего и от Меня! Как же я стану молиться за тебя к Сыну и Богу Моему, когда ты отдался диаволу и дал ему в этом рукописание, — когда ты раб диавола? И я Сама не могу терпеть оскорблений Сыну Моему и Богу. Я могу простить тебя в том, в чем ты согрешил против Меня, — но озлоблений и оскорблений, которые вы делаете Сыну Моему, вторично распиная Его таким образом, я не могу видеть и слышать. От совершивших такие озлобления и оскорбления потребны многие подвиги и глубокое сердечное сокрушение для того, чтобы они были помилованы Господом, поелику Он хотя премилосерд, но вместе есть и Судия праведный, воздающий каждому по делам его». Теофил, ободренный явлением Богоматери, выразил пред ней все свое глубочайшее сокрушение, все свое искреннейшее раскаяние, и принес к ней пламенную, слезную молитву о заступлении за него пред Господом и исходатайствовании ему помилования. — Увидев искреннее и глубокое раскаяние Теофила, Матерь Божия повелела ему произнесть православное исповедание веры. Теофил с искренним чувством исполнил это повеление. После этого Богородица обещала ему помолиться за

него пред Господом и скрылась. Теофил по-прежнему продолжал непрестанно сокрушаться и молиться. Чрез три дня опять является к нему Матерь Божия с радостным лицом и светлыми очами — и возвещает ему, что его раскаяние благоугодно Господу, что молитва его услышана, и что ему даруется Богом помилование под тем только условием, чтобы он впредь до конца своей жизни оставался верным Богу. Теофил высказал искреннейшее благодарение к Премилосердному Господу и к Его Пречистой Матери и искреннейшее желание и готовность во все дни живота своего быть преданным Господу, и молил Матерь Божию о том, чтобы ему было возвращено данное им демону рукописание. — Богородица сделалась невидима. Чрез три дня, в продолжение которых Теофил по-прежнему пребывал в посте и непрестанной молитве, когда он наконец, уже слишком удрученный подвигом покаяния, уснул, он в сонном видении увидел, что Матерь Божия несет к нему это рукописание. От радости он проснулся и действительно увидел, что рукописание это лежало на его груди. После этого Теофил частью от перенесенных им духовных трудов, частью от необыкновенной радости впал в какое-то полумертвое состояние. Пришедши в сознание, он принес достодолжное благодарение Богу и премилосердой Заступнице рода христианского, и потом для большего очищения себя пожелал совершить публичную исповедь. Для этой цели он во время Богослужения явился к Архиерею, рассказал ему всю историю своего падения и спасения и просил его огласить эту историю во всеуслышание, для общего назидания. Просьба его была исполнена. Вся история была оглашена пред всем народом и епископ потом произнес приличную случаю речь. В продолжение всего этого Теофил лежал у ног епископа и плакал. Потом Теофил был приобщен Святых Тайн и весь народ принес хвалу и благодарение Господу Богу. — Остальное краткое время своей жизни Теофил провел в подвигах молитвы и воздержания[1].

Святой Священномученик Киприан[2], который до своего обращения в христианство был волшебником и имел непосредственные сношения с демонами, сам рассказывает о себе следующее: «Поверьте мне, говорит он, я видел самого диавола, свидание с ним я вымолил у него многими жертвоприношениями; встретившись с ним, я обнимал и лобызал его и наслаждался беседами его и почетнейших его служителей».

---

[1] Чет. Мин. месяца июня 23 день.
[2] Там же, октябрь месяц, 2-й день.

ГЛАВА VI

Об одержимых злыми духами

К явлениям злого духа между людьми справедливо причисляется так называемая бесноватость. Бесноватые, или одержимые злым духом, бывают двух родов: на одних из них злой дух влияет только отвне, другими же он владеет внутренним образом, владеет всем их существом, заставляет их изрыгать Богохульства, говорить на языках, которым они совершенно не учились, открывает им разные сокровенные вещи, знакомит их с разными темными предметами философии и теологии.

Возможность и действительность бесноватости не подлежит никакому сомнению. Они ясно утверждаются как Св. Писанием, так и учением Церкви. Св. Писание с одной стороны сообщает нам много фактов бесноватости, с другой передает, что Сам Иисус Христос и его Апостолы признавали бесноватых действительно одержимыми злыми духами.

Саул был одержим злым духом[1]; злой дух от времени до времени возбуждал в к нем тоску, гнев и зависть в отношении к Давиду; или даже, если Саул приходил в гнев по каким-нибудь естественным причинам, демон овладевал им и приводил его в ярость. Бесноватые, о которых говорится в Евангелии[2], что они громко кричали, что Иисус есть Христос, что Он прежде времени пришел их мучить, что Он Сын Божий, представляют, очевидно, несомненный пример одержимых злым духом.

Сара, дочь Рагуила, которая была одержима демоном Асмодеем, который умертвил семь первых ее мужей[3], те люди, о которых повествует Евангелие, что они были заражены неисцелимыми недугами и болезнями, которые испускали изо рта пену, неистовствовали, избегали человеческого общества, которые были так сильны и страшны, что их нужно было связывать цепями для того, чтобы предохранить других от их нападений, — все это, очевидно, были одержимые злым духом.

Спаситель, в доказательство своего небесного посланничества, указывает на исцеление Им бесноватых. Он опровергает Фарисеев, которые говорили, будто Он изгоняет бесов силою вельзевуловою; Он доказывает, что изгоняет их силой Божией[4]. Он говорил с демонами, жившими в бесноватых, угрожал им, повелевал им молчать. Все это очевидно доказывает, что Иисус Христос смотрел на бесноватых,

---

[1] I Царств XVI, 14, 15.
[2] Мф. VIII, 29; Мар. I, 24.
[3] Тов. III, 8.
[4] Мф. 12 гл., ст. 24-29.

как на действительно одержимых злыми духами. Подобно своему Божественному Учителю, Апостолы и первенствующие христиане также смотрели на них, как на одержимых злыми духами.

Когда семьдесят учеников Христовых, возвратившись с своей Апостольской деятельности, отдавали Иисусу Христу отчет в своих трудах, они, между прочим, сказали Ему, что и самые бесы им повинуются. По воскресении Своем Иисус Христос обещал своим ученикам, что они во имя Его будут творить чудеса, изгонять бесов и получать дар пророчества[1]. Все это и исполнилось буквально. Сами враги христиан, Иудеи и язычники, так как они сами были очевидцами чудесных изгнаний демонов из бесноватых, совершаемых Иисусом Христом, Его Апостолами и вообще христианами, не отвергали действительности этих изгнаний, а только объясняли их посвоему; одни приписывали их силе князя бесовского, другие силе магии, силе известных трав и пр.

Св. Отцы Церкви первых веков, Св. Иустин, Тертуллиан, Лактаций, Св. Киприан и другие говорят об изгнании христианами демонов из бесноватых с такою уверенностью и положительностью, что не остается никакого места для сомнения в действительности того, о чем они говорят[2]. Они ссылаются на своих собственных врагов, как на свидетелей защищаемого ими дела, и с твердой уверенностью вызывают их на то, чтобы в их собственном присутствии совершать опыты того, как сила веры Христовой изгоняет злых духов из бесноватых, принуждает их к открытию их настоящего имени, к сознанию, что язычники в своих храмах поклоняются только одним демонам.

Послушаем, относительно этого предмета, собственных слов просвещеннейших писателей тех времен, когда еще совершалась борьба христианства с язычеством и когда между христианами часто бродили одержимые злым духом.

Арновий говорит: «Был ли когда-нибудь смертный, подобный Иисусу? Нужно только произнесть Его имя, и злые духи бегут, прорицатели замолкают, пророки-жрецы немеют и все искусство хитрых магов посрамляется» (Advers. gentes. I, I, 27. Ausgabe v. Jahre 1651).

Лактаций говорит: «Ученики Иисуса именем Его и св. знаменем Его страданий изгоняют нечистых духов. Это доказывается тем, что в присутствии христиан магические жертвоприношения остаются без всякого действия и даже самые знаменитые оракулы не дают никаких ответов» (Institutiones divinae I, 41, с. 27).

Св. Киприан писал к римскому градоначальнику Димитрию: «Приидите, посмотрите и послушайте, что такое делается в нашем присутствии с богами, которых вы чтите. Заклинаемые и изгоняемые силой Божественного слова, они принуждены бывают оставлять

[1] Луки X, 17.
[2] Just. Dialog. cum supplem., Tertul. De corona militis, c. II et. Apolog., c. 23, Cyp. Ad Demetriam., &c.; Minutius, in Octavio, &c.

одержимых ими людей. Поражаемые Божественной силой, с жалобными воплями, человеческим голосом возвещают они истину будущего суда, о котором учит наша вера. Приидите и убедитесь сами в справедливости наших слов; вы увидите, что духи, которым вы так рабски удивляетесь, которых вы так рабски чтите, — дрожащие, плененные, скованные лежат у ног наших. Особенно ясно вы увидите ваше заблуждение, когда увидите, как ваши боги, изгоняемые силою нашего повеления, в вашем собственном присутствии, против своей собственной воли, будут сознаваться в своем собственном обмане и лжи» (Ad Demetrianum, p. 221).

«Кто хочет убедиться в истине сказанного, говорит Св. Афанасий, тот пусть только при обольщениях демонских, при ложных прорицаниях и чудесах магии совершит крестное знамение, с которого так смеются язычники, или произнесет имя Иисуса, и он тотчас увидит, что демоны разбегутся, оракулы умолкнут; чудеса магии и волшебства прекратятся» (De incarn. Verbi Dei, p. 48).

«Приведите, говорит Тертуллиан в одном сочинении против язычников: приведите на судилище какого-нибудь действительно одержимого злым духом, и демон, по требованию всякого христианина, так же публично сознается, что он злой дух, как прежде публично он выдавал себя за Бога; или приведите на судилище когонибудь из тех ваших людей, которые говорят, будто они действуют только одной Божественной силой, которые под влиянием смрадных жертвоприношений приходят в экстаз и от времени до времени слышат слова, которые они во все горло провозглашают как оракульские изречения..., и если демон, который действует в этих людях, — в присутствии христиан не сознается, что он есть действительно злой дух, и не будет таким образом посрамлен, тогда пролейте кровь этих христиан. Возможны ли еще более ясные доказательства, более твердые доводы?» (Apologeticum, c. 23).

Сколько уверенности, сколько убеждения в этой торжественной речи! Как многочисленны и общеизвестны должны были быть случаи, когда христиане, являясь публично пред чтителями той силы, которая производила языческие чудеса, вынуждали ее к сознанию (в своем ничтожестве)? Какую, таким образом, победу над древней магией одерживали христиане еще прежде, чем своей собственной смертию доказывали, что имя их Бога побеждает все волшебные силы ада!

«Нет почти ни одного отца Церкви, говорит один ученый писатель, который бы не усвоял христианам силы во имя Христово изгонять бесов. Все верующие первых веков были убеждены в действительности этой силы; ни одна истина не была у них яснее и несомненней и не пользовалась большей известностью. И нельзя указать ни одного язычника, даже из тех, которые по преимуществу враждовали против религии христианской, который, не говорю не был бы вполне убежден в том, что христиане действительно изго-

няли бесов, как они об этом говорили в своих сочинениях, но который бы заподозрил христиан в обмане и совершенно отвергал бы действительность фактов этого изгнания (Baltus, Suite de la reponse a l'histoire des oracles). Die religion mit hilfe der neuern Gelehrsamkeit und Wissenschaft in ihrer Algemeinheit nachtgewiesen — Nacht der Franzosischen bearbeitet und herausgegeben von einem katholischen Priester. Zweiter Band, § 372-375. Würzburg, 1837. Verlag der Stahel'schen Buchhandlung. *Примечание немецкого переводчика*.

Всегдашнее существование в церкви заклинательных молитв против бесноватых составляет новое доказательство действительного существования бесноватых; оно доказывает, что церковь и ее служители всегда признавали действительность бесноватости, так как они всегда употребляли против нее эти молитвы. Даже Иудейские заклинатели злых духов именем Христовым исцеляли бесноватых[1]; они верили также, что Иисус Христос может давать это исцеление. Они также произносили иногда имя Соломона и употребляли заклинания, установленные будто бы этим царем, равно как разные коренья и травы; но все это производило только нечто подобное тому, что совершает искусный врач, вылечивая ипохондриков, помешанных и людей, воображающих, будто они одержимы злым духом, или что совершает мудрый духовный отец, успокаивая и приводя в нормальное состояние терзаемые совестью, глубоко потрясенные сознанием своей греховности и мучимые страхом адских мучений души.

Бесноватые же, которые были исцеляемы Иисусом Христом и христианами, были действительно одержимые злым духом, которые могли быть исцеляемы только силой Божественной, именем Иисуса Христа, силой заклинаний. Сын одного иудейского священника[2], по имени Скева, захотел изгнать демона из одного бесноватого именем Иисуса Христа, проповеданного Павлом; бесноватый бросился на него, говоря, что он знает Христа и Павла, а его не боится, и иудей едва не был задушен злым духом. Нужно строго отличать действительно бесноватых от мнимых, равно как и действительных врачей бесноватости от обманщиков. Возможны и бывают и такие бесноватые, которые только притворяются бесноватыми для того, чтобы таким образом возбуждать к себе сострадание и получать подаяния. Возможны и бывают и такие заклинатели, которые только злоупотребляют именем Христовым с целью обмана; возможны и бывают и такие обманщики, которые подговаривают других притвориться бесноватыми с той целью, чтобы посредством мнимого исцеления их приобрести себе славу.

---

[1] Марк. IX, 38.
[2] Деян. XIX, 14-16.

ГЛАВА VII

Возражения против действительного существования одержимых злым духом

Были люди, которые как вообще чудеса Иисуса Христа, так и в частности исцеление Им бесноватых, подводили под одну категорию с ложными чудесами языческих богов, волшебников, языческих героев, напр. с чудесами Эскулапа и знаменитого Аполлония Тианского. Так называемые либералы и теперь еще восстают против Христовых чудес с разными философскими доводами: они смотрят на веру в чудеса, как на произведение расстроенного воображения, усвоенных с воспитанием предрассудков и разных сокровенных свойств темпераментов. Они говорят, что сказания Св. Писания в этом случае нужно понимать не в собственном, а в аллегорическом смысле; что будто Иисус Христос, выдавая свои действия за чудеса, только приноравливался таким образом к понятиям и предрассудкам народа, что демоны, как чисто духовные существа, сами по себе не могут действовать непосредственно на тела, — и что совершенно невероятное дело, чтобы Бог совершал чудеса затем только, чтобы дать диаволу возможность действовать на тела человеческие.

«Если исследовать дело повнимательнее (говорят эти люди), то между так называемыми бесноватыми не найдется, кажется, ни одного, которого душа не была бы потрясена каким-нибудь несчастием, или которого тело не было бы подвержено какой-либо скрытой или явной болезни, — в котором бы такие или другие несчастия, такие или другие болезни не произвели расстройства в душе или в мозгу; к этому присоединяются еще предрассудки и чувство страха; из всего этого и образовалось поверие, будто эти люди одержимы злыми духами. Известное состояние царя Саула, которое обыкновенно называется бесноватостью, — легко объясняется тем, что он был человек желчной натуры и что в нем чувство тоски доходило до неистовства; поэтому-то он не находил никакого другого средства против своего горя, как музыку, которая бы разгоняла мрак в его душе и возбуждала в ней светлое расположение. Бесноватые, о которых говорится в Новом Завете, суть не более, как люди больные, душевно расстроенные, которых народ по этому самому и считал одержимыми злым духом.

Невежественный народ воспитался в предрассудках, которые поддерживались и усиливались в нем незнанием физики и медицины. На самом деле так называемая бесноватость есть не что иное, как у одних мрачное, меланхолическое настроение духа, у других горячий темперамент, — у иных воспаление внутренностей, у других накоп-

ление худых соков, выражающееся в разных болезненных припадках; подобному так называемой бесноватости состоянию подвержены те эпилептического и ипохондрического сложения люди, — которые воображают себя богами, царями, кошками, собаками, быками и пр. У некоторых бесноватость была не иное что, как развившееся вследствие каких-нибудь тяжелых преступлений чувство отчаяния: угрызения совести производили у них слишком сильное потрясающее влияние на дух, на организм, и таким образом рождалось в них убеждение, будто они одержимы злым духом. — В этом состоянии, вероятно, находились те женщины, которые следовали за Иисусом Христом и из которых он будто бы изгнал злых духов, — какова напр. Мария Магдалина, из которой он изгнал семь бесов[1].

В Св. Писании часто говорится о духе нечестия, лжи, зависти; нет же необходимости думать, что все эти страсти возбуждаются в нас какими-нибудь духами. Св. Ап. Иаков учит нас, что мы искушаемся нашими собственными страстями[2], — заповедуя нам таким образом не искать никаких других источников искушений вне нас. Иудеи большую часть болезней приписывали действию демона; — они верили, что болезнями они наказываются за какие-нибудь ведомые или неведомые грехи. Иисус Христос и Его Апостолы благоразумно снисходили к этому предрассудку, — не нападали на него открыто; не хотели разрушать древних понятий Иудейских; они исцеляли болезни, и народ верил, что они таким образом изгоняли бесов, которые, во его мнению, были причиною болезней; что было здесь существенного и действительного, — так это единственно исцеление от болезней; цель была тут только та, чтобы доказать мессианство Иисуса Христа, Его божественность и истинность Его учения; изгонял ли Он на самом деле бесов, или не изгонял их, это было для его цели делом совершенно сторонним. Несомненно, что Он исцелял больных, — исцелял ли Он их тем, что изгонял из них бесов, или же просто тем, что приводил в здоровое, нормальное состояние больные организмы, — во всяком случае, это исцеление было чудесно и доказывало божественность Спасителя. Известно из истории, что иногда и язычники исцеляли бесноватых, если врачи умели вылечивать ипохондриков и людей, воображавших себя больными; в таком случае они пользовались славой людей, умеющих исцелять бесноватых».

В некоторых сочинениях даже Римско-католических писателей нашего времени опровергается также действительность бесноватости[3]. Говорят: «Невозможно, чтобы демон имел влияние на мир физический. Если мы допустим в ряду сотворенных сил такую духовную силу воли, которая сама по себе может влиять на физические

---

[1] Лук. VIII, 2.
[2] Иаков, гл. I, 14.
[3] Ср. письмо епископа Сенского, напечатанное в Утрехте, и сочинения, какие представляются и опровергаются в этом письме.

тела и приводить их в движение, то мы по необходимости должны будем отвергнуть всякие пределы этой силы; такая сила была бы беспредельна». Утверждают, что «демон может влиять на наши души только путем одних чисто духовных внушений, а производить какие-нибудь чисто физические явления, это для него невозможно. Все, что говорится в Св. Писании о хитрых злоумышлениях сатаны, должно разуметь только в смысле искушения со стороны плоти и страстей; демон соблазняет людей только посредством чисто нравственных внушений. Он имеет только одни нравственные силы, но никаких физических», т. е., значит, демон не может делать ни добра, ни зла, он есть слишком ничтожная сила; как будто Бог никаким другим духам, кроме души человеческой, не дал способности действовать на физические предметы, как будто премудрости Божией угодно было, чтобы чистые духи не имели никакого влияния на физический мир. Утверждают даже, что язычники не имели никакого понятия о так называемых злых духах и демонах.

Все эти суждения, очевидно, прямо противоречат Св. Писанию, учению отцов и преданиям Православной Церкви. Но это противоречие не беспокоит этих людей; они говорят: «Свящ. писатели выражались приспособительно к понятиям своего времени, потому ли, что старались таким образом сделать свое учение общедоступным, или же потому, что сами разделяли эти понятия. Больше чем вероятно, говорят, что большая часть тех пороков, которые Св. Писание представляет порождениями злого духа, на самом деле имеют своим единственным источником не иное что, как собственную поврежденную природу человека; называя эти пороки порождениями злого духа, Св. писатели этим только приноравливались в способе выражения к народному пониманию, но эта неверность в языке не имела никаких дурных последствий».

«Само собой понятно, что рассказ об искушении Евы есть не больше, как аллегория. То же самое нужно сказать и об искушениях, которые испытал от демона, по допущению Божию, Иов. Как принять историю этих искушений за действительное происшествие, когда она в самом начале очевидно имеет чисто иносказательный характер? Ничего не может быть невероятнее, как то, будто сам Иисус Христос был вознесен демоном на крышу храма.

Отцы Церкви были предзаняты, с одной стороны, господствовавшими в их время идеями Пифагора и Платона относительно влияния посредствующих духов, с другой — теми выражениями Св. Писания, в которых, приспособительно к народным понятиям, естественные явления приписываются демону. Следовательно, для того, чтобы видеть, как и чему нужно верить в Писании относительно диавола, должно призвать на помощь законы разума.

Метод, которым руководились Св. Отцы при объяснении Св. Писания, основывался на общепринятом понимании, к которому должно

относиться с точки зрения здравого разума[1]».

Главное и существенное всех этих возражений очевидно составляют следующие мысли: (1) та мысль, что будто как духи вообще, так и в частности злые духи по самой своей природе не могут действовать как на материю вообще, так следовательно и в частности на тела человеческие, и что следовательно бесноватость, как действительное обладание злого духа телом человеческим, невозможна, и 2) та мысль, что будто то, что Сам Иисус Христос и Его Апостолы как вообще говорили и учили о влиянии злых духов на человека, как о действительно существующем факте, так и в частности говорили и учили о бесноватых, как о людях действительно одержимых злыми духами, не доказывает ни действительности этого влияния вообще, ни в частности, действительного существования таких людей. Они объясняют это учение тем. что будто Христос и Апостолы говорили и учили так не потому, чтобы они так и сами действительно смотрели на дело, а только лишь потому, что они в своем учении и своей проповеди старались приноравливаться к понятиям и предрассудкам народа. Народ верил, что демоны производят как многие другие физические и нравственные болезни человека, так и в частности болезнь, известную под именем бесноватости, между тем как на самом деле сами ученики Христовы не разделяли этих понятий и предрассудков, и как вообще на все те явления, которые народ приписывал злому духу, они смотрели не более, как только на действия естественных причин, так и в частности на так называемую бесноватость смотрели они не более, как только на известного рода болезненное расстройство.

Обе мысли, очевидно, совершенно неверны. Неверна первая мысль, неверна та мысль, будто дух не может действовать на материю. Как же не может, когда мы постоянно имеем пред глазами очевидный факт такого действования? Ведь дух же человеческий действует на тело, выражает в нем свои движения, владеет, управляет им? Значит, духовная природа вообще может действовать на материю; следовательно, может действовать на нее и злой дух. Нам непонятен образ этого действования; но возможность и действительность известного факта и образ его свершения совершенно различные вещи. И отвергать возможность и действительность известного факта на том одном основании, что мы не понимаем образа его совершения было бы, конечно, слишком нелепо. Мало ли чего мы не понимаем из того, действительность чего не подлежит никакому сомнению? Разве мы понимаем напр. образ внутреннего благодатного действования духа Божия на душу человека? и однако ж признаем это действование несомненным фактом. Говорят: душа человеческая для действования на тело имеет особенный орган, которого нет у злых духов. Но на это прежде всего нужно сказать то, отчего же,

---

[1] Все представленные возражения удовлетворительно опровергнуты Архиеп. Сенским в его письме, напечатанном в 1736 г. в Утрехте.

если душа человеческая действует на свое тело через известный орган, отчего же и злые духи не могут действовать на этот орган и через него на тело? Душа человеческая есть так же точно, как и злые духи, существо духовное; следовательно, если для нее возможно действовать на этот орган и через него на все тело, то так же точно возможно это и для злых духов. Но что хотят разуметь под органом души, через который она действует на тело? Дух и тело по самой своей природе противоположны между собою; поэтому между ними нет и не может быть ничего среднего. Теперь предполагаемый орган, посредством которого душа будто действует на тело, необходимо может быть только чем-нибудь одним из двух, или чем-нибудь духовным, или чем-нибудь материальным. Если предположить, что он есть нечто духовное, в таком случае, очевидно, действование души на тело через этот орган есть опять-таки ни более, ни менее, как действование духа на материю, и следовательно не только не дает основания отвергать возможность действования на человеческое тело со стороны злых духов, а напротив, доказывает эту возможность. Если предположить, что этот орган есть нечто материальное, какая-нибудь тончайшая, эфирная материя, то и от этого дело нисколько не изменяется. Материя, как бы она ни была тонка, все-таки есть материя и во всяком случае противоположна духу. Следовательно, принять, что душа действует на тело через посредство материального органа, значит принять не более, как то, что она действует на материю без всякого посредствующего органа, и значит, опять предполагаемое действование ее на тело через материальный орган не только не служит опровержением, а напротив, служит доказательством возможности действования на тело и со стороны злых духов. То обстоятельство, что мы не можем с точностью определить границ влияния злых духов на тела, конечно, не дает также никакого права отвергать самую действительность этого влияния.

Так же точно несправедлива и другая мысль, та мысль, будто Иисус Христос и Апостолы сами не признавали ни влияния злых духов вообще, ни существования людей, одержимых злыми духами, что будто они говорили об этом влиянии и об этих людях, как о действительно существующем факте, только приспособительно к народным представлениям. Эта мысль прямо противоречит цели проповеди Иисуса Христа и Апостолов. Цель ее была та, чтобы искоренить в людях заблуждения и научить их истине. Конечно, они имели целью главным образом научить людей таким истинам и искоренить в них такие заблуждения, которые имеют своим предметом нравственно-религиозную область человеческой природы и жизни. Но вопрос об отношении к человеку злых духов, о влиянии их на него прямо и непосредственно относится к этой области и есть один из самых главных и самых важных ее вопросов. Следовательно, допустить, чтобы Иисус Христос и Апостолы не только оставили без

всякого внимания в людях какие-нибудь заблуждения относительно этого отношения и влияния, но даже утвердили эти заблуждения, в своей собственной проповеди и своем собственном учении признали их за истинные понятия, совершенно невозможно, потому что это значило бы допустить со стороны их действие совершенно несогласное с их целью, положительно враждебное их цели. Следовательно, совершенно невозможное дело, чтобы они не только оставили без опровержения, но даже с своей стороны выдавали за истину народное убеждение как вообще во влиянии злого духа на человека, так и в том. что так называемые бесноватые суть одержимые злыми духами, невозможное дело, чтобы сделали это в том случае, если бы они сами не разделяли этого убеждения, если бы они признавали его ложным. И значит, если Христос и Апостолы говорят об этом влиянии и об этих людях, как о действительно существующем факте, то слова их необходимо понимать в этом случае буквально, то необходимо признать, что они и действительно сами признавали действительность этого влияния и действительное существование таких людей.

Иисус Христос и Св. Его Апостолы преподавали людям небесное учение не для того, чтобы приобрести себе славу учителей, а для того, чтобы призвать людей из тьмы в чудный свет Божий и доставить им средства ходить, как прилично чадам света[1]. Но можно ли было бы достигнуть им этой цели, если бы они стали преподавать свое учение приспособительно к ложным понятиям своих слушателей? Как можно было бы тогда понять истинные мысли проповедника? Поняли ли бы Иисуса Христа ученики Его, когда Он говорит: *се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу*[2]. Поняли ли бы мы, от чего хотел предостеречь нас Апостол Петр, когда заповедывал: *Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, аки лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*[3], *противитеся диаволу*[4]? Выразумели ли бы мы Апостола Павла, когда он, заповедуя нам облекаться *во вся оружия Божия*, говорил: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[5] ?

Правда, Иисус Христос выражался иногда языком символическим, приточным; но притча совершенно другое дело, чем приспособление ко мнениям и предрассудкам других. Притча у Спасителя всегда видна как потому, что она дает себя знать но самой своей форме, так и потому, что Спаситель всегда Сам дает знать, где Он говорит приточно. Таким образом, если бы слушающий притчу и лишен был счастья узнать скрытую в притче истину, по крайней мере он не

---

[1] Еф. V, 8.
[2] Лук. XXII, 31.
[3] I Пет. V, 8.
[4] Иа. IV, 7.
[5] Еф. VI, 11-12.

подвергся бы несчастию принять за действительную мысль проповедника буквальный смысл притчи.

Притом, Иисус Христос, предлагая учение Свое народу в притчах, по неспособности его надлежащим образом пользоваться сим учением[1], объяснил сии притчи для избранных учеников Своих — будущих учителей мира, коль скоро и они не понимали притчей Его. Так ученики Иисуса Христа не поняли притчи Его о сеятеле и семени, и Иисус Христос объясняет ее для них[2]. Ученики невыразумели притчи Иисуса Христа о Пастыре и овцах; Иисус Христос предлагает ее им в яснейшем виде[3]. И вообще, Иисус Христос обличал Апостолов, когда они не понимали духа Его учения[4], или когда думали о лице Иисуса Христа сообразно с понятиями своих современников[5]. Но Иисус Христос никогда не говорил ни народу, ни ученикам Своим, что слова Его о злых духах надобно понимать не так, как они представляются с первого взгляда; напротив, и пред народом[6] и пред учениками Своими[7] говорил о злых духах без всякого объяснения слов Своих; следовательно, Иисус Христос хотел, чтобы Его в этом случае понимали так, как велит буквальный смысл слов Его.

Говорят: мысль о влиянии злых духов на человека и об одержимых злым духом во время Иисуса Христа слишком глубоко была укоренена в народе еврейском, так что если бы Иисус Христос и Апостолы стали усиливаться искоренять ее, подверглись бы опасности сделаться жертвою народной ненависти[8]. — Но не вооружался ли Иисус Христос против неблагочестивого обычая Иудеев покупать и продавать в храме разные вещи[9]? Не восставал ли Он против предрассудочного мнения о клятве[10]?Он обличал лицемерие Фарисеев[11], осуждал предпочтение, оказываемое Иудеями обрядам пред сущностью закона, правдой и верой[12] и показывал несправедливость чувственных, любимых понятии о Мессии[13]. И сих обличений, осуждений, укоризн Иисус Христос не оставлял никогда, несмотря на то, что Ему на всяком шагу грозила опасность сделаться жертвою народной ненависти.

Апостолы Христовы, несмотря ни на какую опасность, проповедовали учение Христово, хотя оно и отменяло религию иудейскую и

---

[1] Мар. IV, 11-12; Матф. XIII, 10-15.
[2] Мар. IV, 14-20; Лук. VIII, 9.
[3] Иоан. X, 1-6, 7-16.
[4] Лук. IX, 52-55.
[5] Мар. X, 35-40.
[6] Лук. XI, 15-26.
[7] Лук. XII, 31.
[8] Politz в вышеприведенном сочинении.
[9] Мф. XXI, 12,13.
[10] Мф. XXIII, 15-22.
[11] Мф. XXIII, 3-5.
[12] XXIII.
[13] Лук. XVII, 20-21.

уничтожало религии языческие. Они разрешили Христиан от обязанности исполнять обрядовый закон Моисеев[1]; они обличали суеверную надежду на оправдание, основываемую на происхождении от Авраама[2]; осуждали Иудеев за убиение Мессии Иисуса[3], и укоряли за жестокосердие, удерживавшее их в неверии[4]. Словом, нет ни одного заблуждения, ни одного порока, который бы Иисус Христос и Апостолы оставили в народе иудейском без обличения, хотя бы это стоило им жестоких гонений. И оставили ли бы они без обличения мнение о влиянии на человека злых духов, если бы оно было несправедливо?

Некоторые в самом Св. Писании находят основание не принимать в буквальном смысле тех мест, в которых говорится о влиянии злых духов на человека. — За такое основание признают главным образом следующее изречение Апостола Иакова: *Кийждо же искушается, от своея похоти влеком и прельщаем*[5]. Но это изречение совершенно не может быть таким основанием. Здесь похоть берется в обширнейшем значении, и именно не только как действующее начало греховных наших расположений, но и как начало, приемлющее греховные возбуждения отвне: иначе, что бы означало это наставление Апостола Иакова: *противитеся диаволу*[6]? Сколько ни повреждена нравственная природа человека, в ней есть нечто и доброе. Хотя человек естественный весьма часто не обретает в себе еже содеяти доброе; по крайней мере ему прилежит еже хотети[7]. И это желание добра может быть приводимо в исполнение, так как в человеке есть несколько нравственных сил. Но диавол, этот исконный человекоубийца, не может равнодушно смотреть на эти останки добра в человеке; ему хочется и последнее семя добра исторгнуть из души человека, или если не можно их исторгнуть, то старается всеять в душу человека различные плевелы. Если бы природа человеческая не была повреждена, то этим плевелам труднее было бы возрасти. Но греховная похоть человека — следствие первородного греха, подобно как трут принимает искру, восприемлет злые внушения диавола. Итак, поелику принятие внушений диавольских в человеке, после падения, имеет основанием своим похоть, возбуждающую в нем расположение к этим внушениям, Апостол Иаков и самые внушения диавола приписывает похоти человека, так как от нее зависит принятие сих внушений. При понимании и объяснении Св. Писания должна быть нашею руководительницею Церковь. А Церковь, как

[1] Деян. XV, 22-23.
[2] Римл. IX, 6, 7, 8.
[3] Деян. VII, 52.
[4] Деян. VII, 51.
[5] Иак. I, 14.
[6] Иак. IV, 7.
[7] Рим. VII, 18.

уже видели мы, всегда признавала действительное существование одержимых злым духом.

Знаменитый в свое время доктор медицины Фернель доказывает, что бесноватость совершенно неизлечима одними естественными медицинскими средствами, что от нее могут спасти только духовно-религиозные меры, именно Церковные заклинания[1]. Мнение, очевидно говорящее в пользу защищаемой нами истины и, как взгляд самой науки, составляет очень важное доказательство против опровергаемых возражений.

Можно, конечно, делать много возражений против бесноватости: ничто столько не представляет трудностей для понимания, как этот предмет. Но уж это постоянный, неизменный закон, что и яснейшие истины религии всегда бывают покрыты некоторой темнотой, что и самые несомненные факты всегда подвергаются сомнению, что самые неоспоримые, самые несомненные чудеса людьми неверующими на основании каких-нибудь сомнительного свойства явлений опровергаются. Религия имеет свою ясную и темную сторону. Этого восхотел Сам Бог для того, чтобы таким образом люди праведные имели предмет для развития веры, а неверы и безбожники в своем самопроизвольном неверии и нечестии нашли погибель: чтобы видящие не видели и слышащие не слышали[2]. Великие таинства христианства для одних составляют камень претыкания, для других путь ко спасению: таинство креста для одних безумие, для других дело высочайшей премудрости и чудодейственной силы Божией: *Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть. Понеже бо в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога, благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих; мы же проповедуем Христа распята, Иудеем убо соблази, Еллинам же безумие* (Кор. 1, 18, 21, 23).

Когда Моисей творил чудеса, Фараон ожесточился, маги египетские должны были наконец увидать в них перст Божий. Иудеи, видя эти чудеса, доверяются Моисею и Аарону, отдаются их руководству, несмотря на опасности, какими угрожало им это решение.

Демон часто, по-видимому, действует против себя самого и разрушает свою собственную власть; то же он, по-видимому, делает и тем, что посредством своих приверженцев выдает, будто все, что рассказывается о явлениях злого духа вообще и в частности о бесноватости, есть не более, как басни, которым могут верить одни дети, будто все это может быть признаваемо справедливым только слишком неразвитыми и предрассудочными умами. Какая польза для демона внушать такой взгляд на все это и разрушать в народе убеждения относительно всего этого?. Если все это обман и ложь, что выигрывает он, открывая людям глаза на этот обман? Если это действительность, то зачем ему подвергать подозрению свое собственное

[1] Le Loyer, Lib. de Spec., cap. II, p. 288.
[2] Лук. VIII, 10.

дело, зачем ему лишать себя известности в своих собственных делах и в своих собственных последователях?

Если вникнуть в дело повнимательнее, то очевидно, что демон здесь, по-видимому действуя против себя самого, на самом деле действует в свою пользу. Стараясь внушить людям то убеждение, будто все рассказы о явлениях диавола между людьми ложны, демон этим самым стремится к той цели, чтобы еще более закрепить свою власть, чтобы на него не нападали, а оставляли его спокойно владеть своими приобретениями, чтобы мирские и духовные власти, на которых лежит обязанность охранять народ от его злобы и жестокости, прекратили борьбу с ним и перестали беречь народ от его хитрых нападений. Цель его здесь та, чтобы остановить направленные против него слова церковных пастырей и руку правосудия, чтобы таким образом простодушный народ беспрепятственно сделать своей игрушкой и чтобы тех, которые уже перестанут верить в его сети, в его злобу, тем удобнее ему искушать, преследовать, развращать, приводить к погибели; цель та, чтобы мир возвратился опять к тому состоянию, в котором он находился во времена язычества, чтобы он поработился заблуждениям и позорнейшим страстям, чтобы он подверг сомнению и отверг самые несомненные и самые необходимые для спасения истины.

Несомненно, в мире существует бесчисленное множество заблуждений, предрассудков, ложных понятий, ложных чудес, лжи, соблазнов; несомненно, что демону иногда приписывают и такие вещи, которые происходят чисто естественным порядком; правда, что существуют тысячи ложных рассказов. Следовательно, стеречься от обмана — дело совершенно законное, но нужно отличать истину от лжи, действительные происшествия от вымышленных, и стараться о том, чтобы вместе с ложью не отвергнуть и истины.

Демон со своей стороны к малой доле правды всегда примешивает много лжи для того, чтобы таким образом трудность, — отличить истину от лжи, приводила к желанным для него результатам, для того, чтобы неверы всегда находили что-нибудь такое, на чем они могли бы основывать свое неверие.

Примечание. Церковная история представляет бесчисленное множество примеров людей, действительно одержимых злым духом. Кальмет представляет несколько подробных рассказов о бесноватых из истории римско-католической церкви, которые хотя не авторизованы нашей православной Церковью, но вполне вероятны и с точки зрения нашей Церкви и имеют на своей стороне то значение, что представляются верованием всей западной Церкви. А потому мы передаем эти рассказы, как фактические доказательства действительного существования людей, одержимых злым духом.

«И по настоящее время, говорит Кальмет, всем известны бесноватые лудунские монахини, о которых существовали и существуют такие разногласные мнения. Дочь Роморантинского ткача, Марта

Бросьер[1] в свое время пользовалась большой известностью, как бесноватая, но ее бесноватость была мнимая, притворная. Карл Мирон, епископ Орлеанский, открыл обман тем, что дал ей напиться священной воды, не сказав ей, что она священная, прикоснулся до нее завернутым в красную тафту ключом, сказавши, что это часть креста Христова, и прочел пред ней стихи из Виргилия, которые мнимый дух счел за заклинательную молитву. Бесноватая, когда приблизили к ней ключ и стали читать Виргилиевы стихи, начала делать усиленные движения. Генрих фон Гонди, кардинал, епископ Парижский, поручил эту женщину для исследования пяти врачам, и трое из них дали мнение, что все дело в обмане, что она на самом деле только несколько больна. Парламент принял также дело к сведению и одиннадцать врачей единогласно признали, что бесноватости в ней никакой не было.

В царствование Карла IX, во Франции, в городе Вердюне, одной молодой девушке, 15 или 16 лет, по имени Николе Авбри[2], являлось привидение, которое выдавало себя за ее дедушку и требовало, чтобы она за упокой его души совершала молитвы и служила обедни. В виду лиц, которые стерегли ее, она часто переносилась в какие-нибудь другие места. Не оставалось никакого сомнения, что все это делается злым духом. Но ее только с большим трудом могли убедить в этом. Епископ Ляонский приказал совершить над ней заклинания и по окончании их представить отчет о ходе дела; заклинания продолжались более трех месяцев и совершенно исцелили бесноватую. Бедная страдалица вырывалась из рук у 9 или даже 10 человек, которые при этом употребляли все силы, чтобы удержать ее; а в последний день целых 16 человек едва могли удержать ее. Когда она подымалась с земли, то становилась так твердо, как столп, и в этом случае никакие усилия стерегших ее не могли заставить ее не подыматься. Она говорила на многих языках, открывала сокровенные вещи, рассказывала о том, что совершалось в самых отдаленных местах и в тот самый момент, когда это совершалось. Многим она открывала состояние их совести, в одно и то же время говорила на три голоса и между тем, как на полфута высовывала язык, в то же самое время без труда говорила. Несколько времени заклинания совершались в Вердюне, а потом епископ приказал перенести их в Ляон; здесь епископ для совершения заклинаний ставил бесноватую на возвышенном месте, которое было устроено в соборной церкви. Стечение народа при этом было так велико, что иногда бывало от 10 до 12-ти тысяч человек. Многие приезжали из других стран; князья и другие великие лица, который не могли при этом быть сами, присылали от себя уполномоченных с тем, чтобы

---

[1] Jean de Lorres, sur l’an 1599. Tbuan. Hist. I, XII.

[2] Этот рассказ заимствован из сочинения — Examen et Discussion Critique de l’Histoire des Diables de Loudun, &c, par M. de la Menardaye. Paris 1749, p. 134-143.

они потом передали им весь ход дела. Был при этом папский нунций и послы от Парламента и от высшего парнасского учебного заведения. Дело шло своим порядком, и демон в продолжение его, побуждаемый заклинаниями, представил так много доказательств истинности католической веры, действительности Евхаристии, как истинного таинства, и неверности кальвинизма, что кальвинисты, вместо того, чтобы делать возражения против этих доказательств, в жару гнева совершенно растерялись. Еще когда заклинания совершались в Вердюне, в то время, когда бесноватую водили в храм Богоматери в Liesse, кальвинисты посягали на самую жизнь ее заклинателей. В Ляоне, где они составляли преобладающее население, они были еще ожесточеннее и несколько раз угрожали открытым восстанием. Они требовали от епископа и Магистрата, чтобы амвон (устроенный для заклинаний) был разрушен и процессии, какие обыкновенно совершались перед заклинаниями, прекращены. Демон был теперь горд, дразнил и поносил епископа. Потом кальвинисты потребовали от Магистрата, чтобы бесноватая для лучшего исследования дела была заключена в тюрьму, и тут один врач, по имени Карльер, кальвинист, был обличен в том, что он однажды, в то время, когда больная лежала в конвульсиях, вбросил ей в рот какие-то порошки, которые она во время припадка продержала во рту и по прошествии его выбросила, и которые оказались самым сильным ядом. Это обстоятельство заставило опять возобновить процессии и заклинания. Теперь кальвинисты огласили подложное предписание от г. фон Монтморенси, которым повелевалось прекратить заклинания и в котором вместе с этим делалось приказание королевским чиновникам привести в исполнение это предписание. Демон торжествовал, но тут же он открыл епископу подлог этого предписания, — он назвал всех лиц, участвовавших в обмане и говорил, что благодаря слабости епископа, который более подчиняется людям, чем воле Божией, он выигрывает время. При этом демон публично объявил, что он вошел в девушку против своей воли, по повелению Божию, с той целью, чтобы или обратить кальвинистов, или же ожесточить их, и что для него очень тяжело таким образом говорить против себя самого. Об этом донесли епископу, и теперь нашли нужным совершать процессии и заклинания два раза в день, для того, чтобы таким образом возбудить в народе большее внимание к делу. Прелат согласился, и дело начало совершаться еще с большей торжественностью, чем прежде. Демон еще чаще говорил, что срок его отдален; как на причину этого, он указывал один раз на то, что епископ перед заклинаниями не исповедовался, в другой раз на то, что при заклинаниях епископ был не натощак, наконец на то, что не все общество, не все судьи и другие королевские чиновники были в сборе. Говоря все это, демон изрыгал проклятия на Церковь, на епископа, на духовенство, и проклинал тот час, когда вселился он в тело девушки. Наконец настал последний кризис. В пол-

день собрался весь город и епископ произнес последние заклинания, при этом совершилось много чудесного. Епископ хотел приблизить Св. дары к устам бесноватой, демон схватил его руку, девушка рванулась из рук 10-ти человек, которые ее держали, и подняла их над собой. После сильного сопротивления, демон наконец вышел из нее; она была спасена и прониклась чувством благодарности к милосердию Божию. Теперь, при звуке всех колоколов, пропето было «Тебе Бога хвалим»; это был общий праздник для христиан: целых девять дней совершались благодарственные процессии. Установлено было ежегодно, 6 Февраля, совершать благодарственную литургию и все происшествие было записано в Церкви на барельефе вокруг клироса, где эта запись существовала еще перед революцией. Принц Конде, который именно в это время выступил на поприще, по внушению некоторых из своей секты, призывал к себе девушку Авбри и Каноника д'Эспинуа, который все время неотлучно присутствовал при заклинаниях, допрашивал того и другую порознь, употреблял угрозы, обещания и всевозможные меры, не для того, чтобы открыть действительный обман, а с той целью, чтобы во что бы то ни стало взнести на них обвинение в обмане. Он зашел даже так далеко, что предлагал Канонику большую награду за то, чтобы тот согласился переменить свое вероисповедание. Но он ничего не мог добиться от людей, которые так ясно, так непосредственно видели дела Божия милосердия и силу своей Церкви. Твердость Каноника и наивная правдивость девушки доказывали только ему истинность того факта, который для него был неприятен, и он их оставил. Но в минуты нового припадка злобы, он приказал арестовать девушку Авбри и заключить ее в одну из своих темниц, где она и находилась, пока наконец ее родители обратились с жалобой на такую несправедливость к королю Карлу IX, вследствие чего она, по приказанию короля, и была выпущена на свободу. Многие из кальвинистов, под влиянием всей описанной истории, обратились к католической церкви, потомки их известны и теперь. Между этими кальвинистами был между прочим Флеримонд де Раймонд, который и описал всю историю в своем сочинении о ересях. Когда потом король посещал Ляон, он расспросил обо всей этой истории у кафедрального декана, который сам был ее свидетелем, и приказал огласить ее[1]. С одобрения Сорбонны, вся история была опубликована сначала на французском языке, потом на латинском, на испанском, на итальянском и немецком. К этому присоединились рескрипты Пия V и Григория XIII, кроме того, епископ Ляонский издал об этой истории короткую статейку под заглавием: Le Triomphe du S. Sacrament sur le Diable.

Рассказанное происшествие, по-видимому, столько заключает в себе признаков несомненного факта, что больше и желать нельзя.

[1] Trésor et entière Histoire de la Victime du Corps de Dieu, presentét au Pape, au Roi, au Chancelier de France, au Premier Président. A Paris, chez Chesnau, 1578. 4to.

В Лотарингии, в Нанси[1], около 1620 г. жила одна бесноватая, которая пользовалась большой известностью во всей этой стране, но вне ее еще очень мало известна. Имя ее — Елисавета фон Ранфейнг. Пичард, Лотарингский лейб-медик, записал историю этой бесноватой в 1622 г. После того как над ней, 2 Сентября 1619 г., в Рамиремонте были совершены предварительные заклинания, она была приведена в Нанси, где этот медик и был очевидцем всей дальнейшей ее истории. Епископ Тулский, Порцелет, назначил для нее заклинателями доктора Богословия Виардина, одного иезуита и одного капуцина. При совершении заклинаний присутствовали почти все нанские монахи. Присутствовали также вышепоименованный епископ Тулский викарий Страсбургский, Занси, прежний Французский посол в Константинополе, Карл Лотарингский, епископ Вердюнский и два уполномоченных молодых доктора из Сорбоннского университета. Последние заклинали бесноватую на еврейском, греческом и латинском языках. И она, тогда как в нормальном состоянии едва с трудом могла читать по-латыни, теперь совершенно свободно и верно отвечала на все их вопросы. Старлай, который тогда славился знанием еврейского языка, — писал, что он едва только начинал шевелить губами и не успевал еще произносить еврейских слов, как она уже давала ответы; этот же господин представил много и других фактов ее бесноватости. Гарньер, доктор Сорбоннский, также предлагал ей различные вопросы на еврейском языке, и она отвечала ему также совершенно верно, только уже на французском языке, так как демон сказал, что он согласен говорить только на местном языке. Когда Гарньер стал было допытываться далее (почему он не говорит по-еврейски), демон отвечал: разве для тебя недостаточно того, что я понимаю все, что ты говоришь. Когда потом Гарньер начал говорить по-гречески и по невнимательности сделал ошибку в склонении одного слова, злой дух заметил: ты ошибся. Гарньер потребовал по-гречески, чтобы он определеннее указал ошибку; демон отвечал: довольно и того, что я вообще заметил твою ошибку, и больше ничего от меня не требуй. Гарньер по-гречески приказывал ему замолчать; злой дух отвечал: ты хочешь, чтобы я молчал, но я не хочу молчать. Когда соборный схоластик, Мидот Тулский, велел ему по-гречески сесть, — демон сказал: я не хочу сидеть. Мидот опять сказал по-гречески: садись на пол, повинуйся; но тут он заметил, что злой дух хочет с силой повергнуть девушку на пол, и сказал ему опять по-гречески, чтобы он садился тихо, и демон повиновался. Затем Мидот сказал: протяни правую руку, — приказание было исполнено. После этого Мидот велел демону возбудить в колене бесноватой холод, и она действительно тотчас объявила, что чувствует в колене сильный холод. Когда потом другой Сорбоннский доктор, Минс, поднес к бесноватой в руке крест,

[1] Этот рассказ я заимствую буквально из сочинения Иосифа фон Герреса: Christliche Mystik, IV, Bd. I, Abth. S. 257 и ff.

демон сказал про себя тихо по-гречески, однако так, что некоторые из присутствовавших слышали: дай мне этот крест. Доктор потребовал, чтобы он громче повторил свои слова; — я повторю свои слова, сказал демон, только наполовину по-гречески, — и сказал по-французски: donne moi (дай мне), а потом добавил уже на греческом языке: этот крест. Алберт-капуцин повелел ему на греческом языке, во имя семи радостей Марии, сделать на полу языком семь крестов. Демон сделал крест три раза языком, а два раза носом. Когда приказание было повторено, — он его исполнил; затем он исполнил и другое приказание, — поцеловать ноги Тулскому епископу. Когда Алберт заметил в нем желание опрокинуть сосуд со священной водой, он приказал ему тихо взять этот сосуд, — демон повиновался; потом Алберт приказал ему отнести кропильницу коменданту города. Так как Алберт говорил по-гречески, дух заметил, что этим языком не принято заклинать; Алберт отвечал: не ты нам для этого постановил заколы; Церковь имеет право заклинать тебя на каком ей угодно языке. Бесноватая схватила кропильницу и понесла ее сначала к Гвардиану Капуцинов, потом к Эриху, принцу Лотарингскому, к графам Брионскому Ремомвилю, Ля Бо и другим присутствовавшим. Когда Пичард наполовину по-гречески и наполовину поеврейски приказал ему, чтобы он освободил от боли голову и глаза бесноватой, демон отвечал: мы, демоны, не виноваты в этой ее боли, — ее голова наполнена дурными соками, что происходит от ее природного сложения.

Потом первый заклинатель, Виардин, спросил его по-латыни: *Ubi censebaris quando mane oriebaris?* демон отвечал: между серафимами. *Pro signo exhibe nobis patibulum fratris Cephae*, продолжал Виардин; демон скрестил руки и таким образом сделал знак Андреевского креста. В ответь на слова: *Applica carpum carpo!* он положил один кулак на другой. При словах: *Admove tarsum tarso et metatarsum metatarso!* он крестообразно сложил ноги. *Excita in calcaneo qualitatem congregantem heterogenea!* бесноватая сказала, что она почувствовала в пятках очень сильный холод. На слова: *Rapraesenta nobis labarum Venetorum* она сделала крестное знамение. На слова: *Exhibe nobis videntum bene precantem nepotibus ex salvatore Egypti!* она сложила руки крестообразно, как складывал их патриарх Иаков, когда благословлял Ефрема и Манассию. На слова: *Exhibe crucem conterebrantem stipiti!* она сделала знак опрокинутого креста Св. Петра. Когда Виардин сказал: *Per eum qui adversus te praeliavit!* дух, не давши ему времени поправить ошибку, (Виардин по невнимательности сказал, вместо praeliatus est, — praeliavit) сказал: осел! praeliatus est! Демон также отвечал на все, о чем у него ни спрашивали, на итальянском и немецком языке. Когда ему сказали: *Sume encolpium ejus qui hodie functus est officio illius de quo cecinit Psaltes: pro patribus tuis nati sunt tibi filii* демон пошел и схватил наперсный крест Эриха, принца Лотарингского, который в

этот самый день совершал за больного епископа Тулского литургию и приобщался Св. Тайн. Демон угадывал самые сокровенные мысли и слышал, когда присутствовавшие говорили между собой так тихо, что естественным образом их нельзя было слышать со стороны. Он сказал, между прочим, что знает содержание одной охранительной молитвы, какую, между прочим, один благочестивый священник читывал пред совершением Евхаристии. Когда ему наполовину полатыни, наполовину по-итальянски сказали: *Adi scholastrum seniorem et osculare ejus pedes, la cui scarpa ha piu di sugaro!* он подошел к Жуилету, схоластику монастыря Св. Георгия, который действительно был старше Виардина и который, так как у него правая нога была короче, носил на ней род деревянной туфли, которая делала ногу длиннее, и которая по-итальянски называлась sugaro. Демон давал ответы заклинателям не только на слова, но даже уже по одному движению их губ, — или по одному тому, если они прикладывали к устам книги или руку. Один протестант, англичанин, сказал ему: в доказательство того, что ты действительно находишься в этой девушке, — назови мне господина, который когда-то учил меня вышивать? — демон отвечал: Вильгельм. Пичард рассказывает еще много и других таинственных сокровенных вещей, которые открывал демон; он передает также, что демон делал такие вещи, которых человек, как бы он ни был гибок и изворотлив, не может сделать естественным образом, как напр. то, что демон без всякого участия рук и ног ползал по земле.

Описавши подробно заклинания и факты, доказывающие действительную бесноватость девушки, ее вопросы и ответы, Пичард приводит при этом подлинные свидетельства о действительности описанной истории Богословов, медиков, епископа Эриха Лотарингского, епископа Вердюнского, Карла Лотарингского, многих монахов, — наконец, приводит еще письмо иезуита Коттона, который тоже подтверждает эту историю. Письмо это писано от 5 июня 1621 г. в ответ на письмо к этому иезуиту Эриха, Лотарингского князя.

Я вошел в слишком частные подробности относительно заклинаний и доказательств действительной бесноватости девушки фон Ранфейнг: — думаю, я достаточно сказал для того, чтобы каждый, кто сколько-нибудь добросовестно смотрит на вещи и свободен от предубеждений, признал описанное происшествие несомненным фактом и вообще возможными подобные происшествия. Расказанная история произошла в Нанси, главном городе Лотарингии, в присутствии большого общества просвещенных людей, двух князей из Лотарингского дома, двух епископов, — очень образованных мужей, — далее в присутствии и по распоряжению высокопочтеннейшего господина епископа Тулского, Порцелета, человека весьма просвещенного и заслуженного, — в присутствии двух Сорбоннских докторов, которые нарочито были вызваны затем, чтобы дали свое мнение относительно действительности бесноватости, — наконец в

присутствии даже последователей так называемой реформатской веры, которые были заранее предубеждены против подобных вещей, как бесноватость.

Ранфейнг была девушка очень благородная и умная. Нельзя предположить никаких причин, которые бы могли побудить ее притвориться бесноватой, притворно принять на себя положение, причинившее ей столько неприятностей.

Г. Николай Занси и г. Виардан, это мужи, которые по своим личным заслугам, по своим духовным дарованиям, по своим должностям и заслуженности пользовались большой известностью. Первый был французским послом в Константинополе, другой резидентом доброго Герцога Генриха при Римском дворе. Мне думается поэтому, что нельзя указать никакого другого примера, который был бы способнее приведенного доказывать действительность бесноватости.

ΔΔΔ

ГЛАВА VIII

Возвращение и явление душ по разлучении их с телом по Священному Писанию

Так как продолжение существования души по разлучении ее с телом и ее бессмертие есть несомненная истина, так как сам Спаситель утвердил ее против непризнавших ее Саддукеев, то уже по этому одному возвращение отшедших душ и явление их живущим на земле людям, по допущению или повелению Бога, вполне возможны и не представляют ничего невероятного. У Иудеев, современных Спасителю, вера в это возвращение и это явление была всеобщею верою. Иисус Христос предполагал ее уже, как несомненную, и никогда не говорил ничего такого, из чего бы можно было заключить, что он не одобрял или осуждал эту веру. Он только учил, что духи, являясь, не имеют ни плоти, ни костей, как имел их Он по своем воскресении: *дух плоти и кости не имать, якоже мене видите имуща*[1]. Если Св. Фома усомнился в воскресении своего Учителя и в действительности Его явления, то усомнился он в этом единственно потому, что знал, что часто явления духов бывают только кажущиеся, мнимые, что часто люди, слишком занятые какими-нибудь мыслями, воображают, что видят и слышат то, чего на самом деле не бывает; и если бы Иисус Христос явился Своим ученикам не в теле, никакой другой образ явления не мог бы доказать им истинности Его воскресения; дух может являться и тогда, когда его тело находится в земле, или уже само превратилось бы в землю. Апостолы не сомневались в возможности явления духов: увидевши Спасителя, идущего к ним по водам озера Геннисаретского, они думали сначала, что видят духа[2]. Евангельский богач, находясь в адских мучениях, просит Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тот предостерег его братьев от опасности подвергнуться тому ужасному состоянию, в каком он сам мучится[3]. Следовательно, он несомненно верил, что души умерших могут возвращаться в мир, являться людям и говорить с ними.

Во время преображения Иисуса Христа на Фаворе явились Моисей и Илия, умершие несколько столетий тому назад, и вели разговор со Христом[4]. По воскресении Спасителя восстали многие давно умершие лица и явились многим в Иерусалиме[5].

---

[1] Лук. XXIV, 37-39.
[2] Матф. XIV, 26, Мар. VI, 49.
[3] Лук. XVI, 23, 24.
[4] Лук. IX, 30.
[5] Матф. XVII, 52-53.

В Ветхом Завете царь Саул обращается к волшебнице Эндорской и просит ее вызвать дух Самуила[1]: Самуил являлся и говорил с Саулом. Мы предвидим те бесчисленные возражения, которые представят против этого рассказа. Появлялся ли Самуил или нет, действительно ли вызывала его волшебница, или же его явление было только кажущееся, мнимое, во всяком случае из этого события мы можем заключить, что иудеи верили, что души умерших могут являться людям и открывать им сокровенное и будущее.

Блаженный Августин[2] писал Симплицию в ответ на его рассуждение об этом предмете: «Каким образом Самуил мог быть вызван посредством волшебства, понять это так же трудно, как и то, каким образом диавол может говорить, каким образом он мог искушать святого мужа Иова, или просить позволения совершить свои казни против Апостолов, или каким образом он мог Самого Христа перенесть на кровлю Храма Иерусалимского». «Должно полагать, что дух Самуила действительно был вызван и объявил Саулу имевшее с ним случиться не вследствие силы заклинания или власти диавола, но единственно по воле и допущению Бога».

Августин прибавляет к этому: «Можно даже думать, что не Самуил, а только призрак, произведенный обманом и силою демона, являлся Саулу. Если же Св. Писание называет этот призрак именем Самуила, то в этом случае оно следует тому свойству обыкновенного человеческого языка, по которому часто именем действительных предметов называют то, что на самом деле есть только их образ или представление».

«Если же спросят, каким образом этот призрак мог открыть будущее, возвестить Саулу его близкую смерть, то да позволено будет нам отвечать на это таким вопросом: каким образом диавол мог узнать в Иисусе Христе истинного Бога, или каким способом девушка, о которой рассказывается в деяниях Апостольских, узнала в Апостолах посланников Бога?»

В заключение Св. Августин говорит, что он не понимает надлежащим образом предмета, о котором идет речь, и потому отказывается произнести решительное суждение о том, может ли диавол посредством силы заклинания вызывать души умерших, так чтобы они являлись в телесном образе и способны были говорить и открывать сокровенное и будущее.

Первосвященник Ония, спустя несколько лет после своей смерти, являлся Иуде Маккавейскому[3] в образе мужа с поднятыми вверх руками, молящегося за народ Божий. Вместе с ним явился Иуде так же давно уже умерший пророк Иеремия. Ония при этом сказал Иуде: вот святой муж, защитник и покровитель своих братьев, неусыпно ходатайствующий за народ Божий и за святой город Иеруса-

---

[1] I Цар. XXVIII, 12, 13.
[2] Augustin De diversis Quaest. ad Simplicium, Quaest. CXI.
[3] 2 Макк. XV, 14-15.

лим. При этих словах Иеремия обратился к Иуде и, вручая ему золотой меч, сказал: прими этот меч, как дар Божий; им ты сокрушишь врагов моего народа — Израиля.

Во второй книге Маккавейской[1] рассказывается следующее: во время сражения Иуды Маккавея с Тимофеем, начальником войска Сирийского, явились вдруг пять мужей; они были на богато убранных лошадях и стали во главе Иудейского войска. Два из этих мужей неотступно сопровождали Иуду Маккавея в битве и своим оружием защищали его, а на врагов его метали стрелы и молнии и таким образом ослепляли их и устрашали.

Эти пять вооруженных всадников, которые сражались за Израильтян, были, очевидно: Маттафия, отец Иуды Маккавея[2] и четыре его сына, все в это время уже умершие; ибо из семи сыновей Маттафии в то время оставались в живых только три: Иуда, Ионафан и Симон. Можно также принять этих мужей за Ангелов, посланных на помощь Иуде Маккавею. Достоинство книги и свидетельство целого войска ручаются за подлинность этого явления.

Из всего сказанного очевидно, во-первых, то, что Иудеи не сомневались в возможности возвращения на землю душ умерших и верили, что они действительно являются и открывают людям много такого, что превышает обыкновенное человеческое разумение; во-вторых, то, что возможность и действительность этих явлений утверждается Св. Писанием. — Моисей запрещает вопрошать мертвых[3]: *Да не обрящется в тебе* (во Израиле)... *вопрошаяй мертвых.*

Души усопших, конечно, являются и могут являться на землю не по своей собственной воле, а не иначе, как только по повелению и допущению Божию. Бог повелевает и допускает им являться только для каких-нибудь особенных достойных его целей. Если бы они могли являться по своему собственному произволу, в таком случае их явления были бы, конечно, гораздо чаще, чем как есть на самом деле; в таком случае, конечно, мало нашлось бы между ними таких, которые бы не стали являться на землю по разным личным побуждениям, из побуждения, напр. родственного чувства; из желания свидания с своими близкими и пр. — Такое мнение высказывает Блаженный Августин, говоря о своей матери, Св. Монике[4], которая его так нежно любила. Евангельский богач непременно бы посетил своих братьев и родственников, чтобы известить их о той несчастной участи, которая постигла его в загробной жизни. Но Бог по своему милосердию и всемогуществу позволяет являться душам усопших только очень редко. Поэтому ко всему тому, что говорят и пишут о явлениях усопших, должно относиться с большою осторожностью и осмотрительностью.

---

[1] 2 Макк. X, 29.

[2] I Макк. II, 1.

[3] Второз. XVIII, 11.

[4] Aug. De Cura gerend. pro Mortius, c. XIII.

ГЛАВА IX

Явления отшедших душ, представляемые историей

Блаженный Августин[1] признает, что часто умершие действительно являлись живым людям, указывали им места, где были зарыты их тела без должного погребения, и просили для них такого погребения. При этом он замечает, что часто во храмах, в которых похоронены были умершие, слышен бывает шум, и что часто видали, что мертвые входили в дома, в которых они жили на земле.

Собором Эльвирским[2], бывшим около 300 г., было запрещено ставить на кладбище свечи для того, чтобы таким образом не беспокоить душ святых. В ту ночь, когда умер Юлиан, Св. Василий[3] видел в видении, что Св. мученик Меркурий получил от Бога повеление умертвить Юлиана. Вскоре по получении этого повеления, Св. Меркурий опять явился к Василию и сказал: «Господи, Юлиан ранен насмерть, как Ты это приказал мне». Наутро Св. Василий объявил об этом народу. Св. Игнатий, епископ Антиохийский, после своей мученической кончины в 107 г.[4], являлся своим ученикам, приветствовал их и оставался с ними долгое время. Когда они начинали усердную молитву, Св. Игнатий являлся им, увенчанный короною и облитый светом, как воин, вышедший победителем из опасного сражения. — По смерти Св. Амвросия, в ночь, когда крещены были оглашенные, многие из новокрещенных детей видели Св. епископа[5] и указывали его своим родителям, но те не могли видеть его потому, как говорит Св. Павлин, ученик этого святителя, написавший его жизнь, что глаза их не были достаточно чисты для этого.

Св. Павлин прибавляет, что в день смерти Св. Амвросия он явился многим Св. мужам на Востоке, молился вместе с ними и возлагал на них руки. Когда прислано было известие об этом с Востока в Медиолан, оказалось, что день явления святого на Востоке был действительно день его смерти. Письмо это сохранилось ко времени Св. Павлина, который сообщает обо всем этом. Много раз видели Св. епископа уже после его смерти на молитве в так называемой Амвросианской церкви, которую он обещал еще при жизни посещать. Во время осады Медиолана, Св. Амвросий явился одному гражданину и обещал ему на другой день подать помощь осажденным. Один слепец, узнавши, посредством видения, о прибытии в Медиолан тел

---

[1] Aug. De Cura gerend. pro Mortius, c. X.
[2] Concilium Eliber, anno circiter 300.
[3] Amphilo,Vita S. Basil et Chronic. Alex, p. 692.
[4] Acta sincera Mart. pp. 11, 22. Edit. 1713.
[5] Paulin.Vit. S. Ambros., n. 47,48.

Св. мучеников Сизинния и Александра и увидевший при этом видении епископа Амвросия, выходившего навстречу этим Св. телам, обратился к нему с молитвою о возвращении ему зрения. Амвросий отвечал: иди в Медиолан, там встретишь моих братий, они прибудут туда очень скоро и даруют тебе зрение. Слепец отправился в Медиолан, в котором прежде ни разу не был и, прикоснувшись ко гробу Св. мучеников, прозрел. Рассказ этот Св. Павлин записал со слов самого исцеленного. Жития Святых наполнены подобными явлениями и много книг можно бы наполнить ими.

Эводий[1], епископ Упсальский, друг Св. Августина, был также убежден в действительности явлений умерших и передает некоторые примеры этих явлений. — Эводий говорит: «Имеет ли душа по отделении от тела какое-нибудь тончайшее тело, в котором она является и посредством которого может переменять места? Не имеют ли сами Ангелы какой-нибудь телесной оболочки? Если они бестелесны, то как можно определить число их? Как мог Самуил явиться Саулу, если бы он не имел никакого тела? Я помню, как Профутурус, Приватус и Сервиций, которых я знал еще в монастыре, явились мне после своей смерти, и говорили со мною, и все сказанное ими исполнилось. Являлись ли мне их души, или это был какой-нибудь другой дух, принявший их образ?» Эводий полагает, что души усопших не совершенно бестелесны, так как один только Бог есть чистый дух: *Animan igitur omni corpore non posse, illud, ut puto, ostendit quia Deus solus omni corpore semper caret*[2].

Но Августин, к которому Эводий обращался с указанными вопросами, не допускает, чтобы душа по отделении от тела соединена была с какой-нибудь материальной субстанцией. Впрочем, он сознается, что очень трудно найти объяснение для многого, происходящего в нашей душе как в бодрственном, так и в сонном состоянии, когда мы видим, слышим, ощущаем и делаем то, что, очевидно, может быть вызвано в нас только влиянием от действительных предметов, трудно именно потому, что дух не заключает в себе ничего материального. И как возможно, продолжает он далее, объяснить такие вещи, как явления отшедших душ, — когда мы многого из нашей обыкновенной обыденной жизни не в силах объяснить? *Quid se praecipitat de rarissimis aut inexpertis quasi definitam ferre sententiam, cum quotidiana et continua non solvat*? Эводий говорит, что часто видел, как многие умершие после своей смерти приходили в свои дома и уходили из них как ночью, так и днем, и что во храмах, в которых погребены умершие, ночью часто бывает слышен такой шум, как будто бы там громко молятся люди.

Августин, писавший об этом предмете к Эводию, говорит, что строго должно отличать истинные явления от ложных. Он между про-

---

[1] Evod. Upsal. apud. Aug. Epist. CLVIII. Idem Aug. Epist. CLIX.

[2] Душа не может быть свободною от всякой материальной оболочки (тела): это, как я думаю, очевидно из того, что один только Бог совершенно бестелесен.

чим рассказывает одну замечательную историю, которая имеет очень близкое отношение к нашему предмету. Один врач, именем Геннадий, бывший с ним в дружеских отношениях и, за свою ученость и любовь к бедным, пользовавшийся всеобщей известностью в Карфагене, — сомневался в будущей жизни. Однажды он во сне видит юношу, который говорит ему: ступай за мною. Он последовал за ним и пришел в какой-то город; с правой стороны города доносились до него дивные звуки мелодии; потом тот же юноша является ему во сне в другой раз и спрашивает его: знаешь ли ты меня? Очень хорошо, отвечал он. — А почему ты знаешь меня? Врач указал на то, как он водил его в какой-то город. После этого юноша спросил: во сне, или наяву видел ты все это? Во сне, отвечал врач. — А то, что теперь я говорю с тобою, во сне или наяву слышишь ты? Во сне, отвечал тот. Юноша продолжал спрашивать: где же в настоящую минуту твое тело? — В моей постели. — Знаешь ли ты, что в настоящую минуту ты ничего не видишь твоими телесными глазами? — Знаю, был ответ врача. — Что же такое эти глаза, которыми теперь ты видишь меня? — Врач смешался при этом вопросе и не знал, что отвечать; тогда юноша сказал ему: как в настоящую минуту ты видишь и слышишь меня, хотя глаза твои сомкнуты и все чувства твои в бездействии, так будешь жить ты после твоей смерти; ты будешь видеть, но глазами духовными; поэтому не сомневайся, что после этой жизни будет другая жизнь.

Св. Антоний увидел однажды в совершенно бодрственном состоянии, что душу Св. отшельника Аммона возносил на небо сонм Ангелов. Действительно, в тот самый день, когда Антоний видел это, на пять дней расстояния от него в пустыне Питрийской совершали погребение Св. Аммона. Тот же Св. Антоний видел также душу Св. отшельника Павла, возносимую хором Ангелов и Пророков к небу. Св. Бенедикт видел душу Св. Германа, епископа Капуи, возносимую Ангелами на небо. Он же видел душу своей сестры, Схоластики, восходившую на небо в образе голубя. Подобных примеров можно бы привести бесчисленное множество из Житий Святых.

Св. Сульпиций Север, однажды, находясь вдали от города Тура, погрузился в легкий сон. Во сне явился ему Св. Мартин в белой одежде, с сияющим лицом и глазами, и пурпуровыми волосами; Сульпиций узнал его. Св. Мартин держал в руке книгу, в которой Сульпиций Север описал его жизнь. Сульпиций пал к ногам его, обнял его колена и просил его благословения, которое Святой и дал ему. Когда Св. Мартин поднялся на воздух, Сульпиций Север увидел, что с ним возносится на небо также и ученик его, священник Кларус. В эту минуту Сульпиций пробудился и увидел подле себя мальчика, своего слугу, который объявил ему, что из Тура пришли два монаха и принесли известие, что Св. Мартин умер.

Св. Иоанн Златоуст[1], во время своего заточения, в ночь, предшествовавшую его смерти, видел Св. мученика Базилика, который сказал ему: «Не унывай, брат Иоанн, завтра мы будем вместе».

Церковь свято чтит день открытия мощей Св. Стефана, первого христианского мученика. Оно случилось в 415 г. таким образом: в Иерусалиме одному священнику, по имени Люцию, который обыкновенно спал в церковном притворе, где совершался обряд крещения, для охранения священных сосудов, во сне явился Гамалиил, учитель Апостола Павла до его обращения и сказал ему, что тело его и тело Св. Стефана, первого мученика, погребены в Кафаргамале, предместье Дилагабиса. Видение повторилось три раза. И Иоанн, патриарх Иерусалимский, бывший в то время на соборе в Дилагабисе, отправился к указанному месту, открыл святые мощи и перенес их в Иерусалим, где при этом произошло от них много чудес.

Лициний, находясь в своей палатке и занятый соображениями относительно предстоявшего ему на другой день сражения, увидел Ангела, произносившего молитву. Лициний запомнил эту молитву, научил ей своих воинов и при помощи ее победил Максимина[2]. Масцецел, начальник римского отряда, посланного Стиликою в Африку против Гильдона, по примеру Великого Феодосия, приготовлялся к предстоявшей войне молитвой и испрошением помощи Божией. Он взял с собой на корабль монахов, которые во все время путешествия пребывали в молитве, посте и пении псалмов. Гильдон имел войско в 7000 человек, Масцецел только в 5000 и потому отчаивался в успехе. Ночью явился ему Св. Амвросий, скончавшийся за год перед этим; он держал в руке посох и ударил им три раза по земле со словами: «Здесь, здесь, здесь!» Масцецел понял, что святитель предсказывал ему этим, что имевшее быть через три дня сражение произойдет на этом самом месте. Действительно, спустя три дня, он встретился с неприятелем и вынужденный необходимостью начал просить мира. Но когда один знаменоносец начал было возражать против этого, он нанес ему сильный удар в руку, так что тот выпустил знамя. Стоявшие в отдалении, полагая, что знаменоносец сдался и наклонил знамя в знак покорности, поспешили сделать то же самое. Павлин, написавший жизнь Св. Амвросия, уверяет, что этот рассказ он слышал от самого Масцецела. Орозий знал об этом также от очевидцев. Когда в Галатии семь христианских девиц осуждены были на мученическую смерть[3], одна из них в следующую ночь явилась Св. Феодосию Анкирскому и открыла ему место, где она и ее подруги, с камнями на шее, будут брошены в озеро.

Св. девица Поталина[4], принявшая мученическую смерть в Александрии, являлась после своей смерти очень многим и обратила мно-

[1] Palladius, Dialog. De Vita Chrysost., c. XI.
[2] Lactant. De Mort Persec., c. 46.
[3] Acta sincera Martyr. passion. S. Theodos. M. pp. 343, 344.
[4] Euseb. Hist. Eccles., Lib. VI, c. 8.

гих из них ко Христу. В особенности она являлась одному воину именем Василию, защитившему ее от насилия черни, в то время, как она шла на смерть. Однажды, явившись, она возложила венец на главу Василия; по ее наставлению он принял крещение и венец мученический.

Св. Григорий Чудотворец, много и неутомимо подвизавшийся против еретиков, проводил большую часть ночей в составлении опровержений ересей. В одну из таких ночей явился в его комнату какой-то почтенный старец и с ним прекрасная женщина; старец этот был Евангелист Иоанн, женщина — какая-нибудь Святая. Она попросила Св. Иоанна объяснить Григорию таинство Св. Троицы и Божества Сына Божия. Данным при этом наставлением от Иоанна Богослова Григорий и руководился при составлении своего символа, который и по настоящее время хранится и признается Церковью.

Что касается того вопроса, в каких телах являлись отшедшие души, то об этом, равно как и вообще о свойстве тел, в каких являлись чисто духовные существа, нам не дают никаких определенных указаний ни слово Божие, ни опыт, ни тем более разум наш, который сам по себе, независимо от слова Божия и истории, ничего не может сказать. Некоторые учители Церкви имели то мнение, что души, и по разлучении с телом, имеют некоторую материальную оболочку. Так, Св. Ириней верил[1], что душа и по разлучении с телом удерживает его образ. Тертуллиан[2] приписывает душе протяженность и утверждает, что она есть нечто телесное. Ориген[3] считает душу за нечто материальное и имеющее образ: он сходится в этом мнении с Платоном и, вероятно, у него заимствовал его. Подобного же мнения были Арнольд, Лактанций. Св. Иларий и многие другие учители Церкви.

Св. Ириней считал за несомненную истину, что душа по смерти тела принимает некоторое другое тело, которое имеет образ прежнего и тем напоминает ей все дела и поступки, которые соделала она в сей жизни. Но с этим мнением, будто наша душа и по разлучении с телом не чужда некоторой материальности, нельзя согласиться, потому что оно не имеет никакого основания в Св. Писании и противоречит самой природе нашей души, как чисто духовной. Мы верим, что по наущению Божию, отшедшие души могут являться, но что за тела, в которых они являются, об этом, по недостатку оснований и данных, мы не можем иметь никакого решительного суждения.

Главная цель, для которой являются на землю отшедшие души, — это, как говорит Св. Григорий Великий, то, чтобы просить совершения за них, для их успокоения, бескровной жертвы и молитв. Опыт показывает, что христианские души всегда являются именно

---

[1] Irineus I, 2, § 62, 63.
[2] De anima.
[3] Contra Celsum, I, 2.

затем, чтобы просить за себя молитв, или раздачи милостыни, или путешествий по Св. местам, или уплаты их неуплаченных долгов, или же затем, чтобы побудить живых к добродетели, к исправлению жизни и вообще к Богоугодной жизни. Часто они при своем явлении сообщают о состоянии, в каком находятся умершие в другой жизни, и при этом они просят о помощи и предостерегают живущих на земле о тех несчастиях, какие ожидают грешников в загробной жизни. Они рассказывают об аде и добрых и злых Ангелах, о строгости суда Божия к грешникам и о Божием милосердии к праведникам.

Нельзя не заметить, впрочем, что явление душ отшедших преимущественно бывает людям живым во время сна. Сообщаясь с живыми людьми, по изволению Божию, они преимущественно являются их духовному оку без посредства телесного образа.

К фактам возвращения и явления умерших принадлежат также, конечно, факты воскресения умерших. А фактов этого последнего рода представляет довольно и Св. Писание и история Церкви. Несомненнейшим, важнейшим и разительнейшим фактом этого рода служит воскресение Спасителя нашего. Действительность воскресения Его выше всяких сомнений. Что Он действительно умирал, что смерть Его была действительная, а не мнимая, это засвидетельствовали не только Его ученики, но и сами враги Его и их. Воины, пришедшие к распятому Иисусу затем, чтобы прибить Ему голени, нашли Его уже и без того мертвым и потому не стали прибивать их; а один из воинов, для большего удостоверения в Его смерти, пронзил копьем Его ребро, причем в Нем не обнаружилось уже никаких признаков жизни, а только из прободенного ребра потекла кровь и вода. От одного этого столь сильного удара прервалась бы, без сомнения, слабая жизнь Божественного Страдальца, если бы Он был еще в это время жив. Сами враги Христа, как во время Его смерти, так и после, никогда не сомневались в ее действительности; между тем как они всеми силами и средствами старались о том, чтобы возбудить в народе неверие в действительность воскресения Христова. Следовательно, для них возбудить сомнение в действительности самой смерти Спасителя было бы очень важно и следовательно, если бы были какие-нибудь обстоятельства, на которых бы можно было основать это последнее сомнение, — они, конечно, не преминули бы разгласить эти обстоятельства: но они не указывают никаких таких обстоятельств; это уже одно доказывает, что таких обстоятельств совершенно не было. Действительность смерти Спасителя была слишком несомненна для того, чтобы можно было подвергнуть ее сомнению. Следовательно, если Спаситель действительно восстал после Своей смерти, то Его воскресение было действительное воскресение, воскресение действительно умершего, и самая Его смерть была действительная, а не мнимая какая-нибудь. Но что он, действительно, воскрес после смерти, это засвидетельствовано свидетелями и очевидцами в таком числе и с такой ясностью, как больше и желать

нельзя для того, чтобы признать Его воскресение несомненным фактом. Спаситель воскресил Лазаря. Это тоже несомненный факт действительного воскресения из мертвых; Лазарь воскрешен Иисусом Христом уже через четыре дня после своей смерти тогда, как уже начало тлеть его тело, следовательно, воскрешен после действительной смерти. Так же несомненны и все другие передаваемые книгами Ветхого и Нового Завета факты воскресения из мертвых; таковы напр.: совершенное Пророком Елисеем воскресение сына вдовы Самонитянки, воскресение мертвого через прикосновение к костям того же Пророка и пр.

История Христианской Церкви представляет также немало фактов воскресения мертвых. Вот какое, напр., событие известно из жизни Преп. Макария Египетского: в одном селении случилось убийство, в котором, по ложным подозрениям, обвинили совершенно невиновного в нем. Случилось так, что обвиненный, бежав от преследований, был схвачен близ кельи Преп. Макария. Несчастный начал клясться в своей невинности, но сбежавшийся народ единогласно признал его убийцей. Услышав сильный шум, Макарий вышел к народу и, узнав в чем дело, спросил, где погребен убитый, и вместе с народом отправился на его могилу; и здесь, ставши на колени, и вознесши пламенную молитву к Богу, праведник сказал к окружающим: «Ныне явит Господь, сей ли человек совершил убийство». Потом он громким голосом назвал убитого по имени и сказал к нему: «Верою Иисус-Христовою повелеваю тебе, открой нам, сей ли, которого народ обвинил, умертвил тебя?» Мертвец громогласно ответил из-под земли: «Не он убийца мой». Народ в изумлении и ужасе пал на землю. Потом все, повергшись к стопам праведника, стали умолять его, чтобы он повелел открыть мертвецу своего убийцу; но Св. Макарий отвечал: «Сего принять на себя не могу; для меня довольно — избавить от наказания невинного, а предать суду виновного не мое дело».

∆ ∆ ∆

ГЛАВА X

Общие замечания

Мы представили такие факты явлений духов, Ангелов, демонов и отшедших душ, действительность которых уже выше всякого сомнения, потому что они передаются нам несомненно истинными источниками, Св. Писанием и Церковью.

Теперь мы представим и опровергнем более главное из существующих возражений против действительности этих фактов. Так как чистый дух по самой своей природе и по своим законам существенно отличен от природы и законов мира земного и так как Ангелы, демоны и отшедшие души суть существа чисто духовные, то понятно, что как вообще жизнь и деятельность этих существ, так и в частности их явления в мире земном должны представлять много непонятного и необъяснимого по законам этого мира. Отсюда люди, которые признают для разума непреложным законом такое положение, что будто возможным и действительным может быть и должно быть признаваемо только то и настолько, что и на сколько может быть понято и объяснено по законам этого мира, отвергают возможность и действительность этих явлений. Указание на необъяснимость этих явлений по законам земного мира и составляет главное возражение против возможности и действительности первых.

Если вникнуть в дело повнимательнее, то это возражение оказывается в высшей степени несостоятельным, в высшей степени ложным и даже положительно нелепым. Во-первых, в этом возражении высказывается совершенное непонимание законов здравой исторической критики. Действительность известных фактов и способ и законы их совершения совсем не одно и то же, а две совершенно разные вещи. Для того, чтобы известные явления были признаны несомненно действительными, совершенно нет еще необходимости понимать уже и самый способ и законы их совершения. Для этого совершенно достаточно уже иметь достаточные доказательства именно их действительности; способ совершения их при этом может быть и не понят; это, кажется, слишком ясно. Совершенно возможная и самая обыкновенная вещь, — иметь несомненные доказательства в пользу действительного существования известных предметов и в то же время совершенно не понимать, как, от каких причин и по каким законам существуют эти предметы. Большинство людей, напр., и по настоящее время не имеют понятия о том, что такое небесные тела, солнце, месяц, звезды, об их действительном виде и устройстве, об их законах; и однако ж существование небесных тел для всех составляет несомненный факт, и это совершенно законно, каждый имеет право и необходимо должен признавать эти тела несомненно

существующими, потому что они подлежат непосредственному наблюдению каждого. Можно даже в области предметов, самых близких к нам, указать много таких вещей, действительность которых не подлежит никакому сомнению, но образа и законов, существования которых мы не понимаем. Во всяком случае, отвергать действительность фактов на том одном основании, что для нас непонятны законы их совершения, совершенно нельзя, совершенно незаконно. Первое необходимое и достаточное условие для того, чтобы мы могли и должны были признать действительным известный факт, это или наше собственное непосредственное наблюдение его, или же верно переданное нам непосредственное наблюдение его другими людьми. Если это условие выполнено, если известный предмет или подлежит нашему собственному наблюдению, или мы имеем несомненные свидетельства о непосредственном наблюдении его другими, в таком случае мы не только имеем полнейшее право, но и необходимо должны, обязаны признать этот предмет несомненно действительным, независимо от того, понимаем ли мы при этом законы существования этого предмета, или не понимаем их; по крайней мере, непонимание этих законов совершенно не должно быть препятствием для этого признания. Таким образом, и для того, чтобы мы имели право и обязаны были признать действительными передаваемые нам Св. Писанием и Церковью явления духов, необходимо и достаточно уже того одного, чтобы были несомненно верны свидетельства об этих явлениях. Если эти свидетельства несомненно верны, то мы уже по этому одному необходимо должны признать и эти явления несомненно действительными, хотя бы мы и не понимали образа и законов их совершения. Непонимание этих явлений не должно быть препятствием дли этого признания. И, следовательно, отвергать действительность этих явлений на основании одной их непонятности, одной необъяснимости их по каким-нибудь законам, значит отвергать их действительность без всяких удовлетворительных оснований. И значит, возражение против их действительности, основываемое исключительно на одной их непонятности, не есть собственное возражение, потому что всякое действительное возражение против этой действительности должно состоять в указании какого-нибудь действительного препятствия к признанию ее, а это возражение указывает на то, что вовсе и не составляет такого препятствия. А что свидетельства об этой действительности несомненно истинны, это выше всякого сомнения; но разбираемое возражение вовсе и не касается этих свидетельств, а потому, для опровержения его, нет и надобности доказывать их истинность; оно вполне опровергается и независимо от их истинности.

Далее, указанное возражение основывают на той действительно несомненной истине, что все действительно существующее необходимо должно быть согласно с законами бытия, и что, следовательно, только то может быть признано возможным и действительным, что

согласно с этими законами; но основывают совершенно незаконно. Если судить и с точки зрения этой истины, то опять-таки это возражение оказывается совершенно несостоятельным и даже положительно нелепым. Истина эта не только не заключает в себе никакого основания и оправдания дли этого возражения, а напротив, служит опровержением его. Все действительно существующее существует по известным законам. Это так. Но не все существующее подчиняется одним и тем же законам; а все существующее в этом отношении разделяется на несколько отдельных областей, из которых в каждой, кроме законов общих всем им, есть много законов, свойственных только исключительно ей одной и совершенно чуждых всем другим. Есть мир физический и мир нравственный. Есть законы общие этим обоим мирам; таков напр. закон причинности, тот закон, что каждое явление необходимо имеет свою причину. Но в то же время есть много таких законов, которые свойственны только какому-нибудь одному из этих миров и совершенно несвойственны другому. Так напр. духовному миру свойственны закон свободы, законы мышления, но эти законы совершенно несвойственны чисто физическим явлениям; с другой стороны, и эти последние явления в свою очередь имеют, очевидно, много таких законов, которым вовсе не подчиняется свободная деятельность духа; таковы напр. чисто механические и химические законы. Каждый из этих миров в свою очередь разделяется на несколько отдельных областей, которые опять, при законах общих всем им, имеют и каждая свои особые законы, принадлежащие только ей одной и совершенно не принадлежащие всем другим. Есть законы, которые свойственны мысли, но которые совершенно чужды чувству; есть законы, которым подчиняется чувство, но которым не подчиняется мысль. Есть законы, которым подчиняется органическая жизнь, напр. растительная, и которым вовсе не подчиняются чисто механические явления. Есть законы, по которым живет растение и которым вовсе не подчиняется камень. Значит, все существует по законам, но не все существует по одним и тем же законам. Следовательно, та истина, что все действительно существующее необходимо подчиняется законам бытия, — необходимо должна иметь такое ограничение, что всякий действительно существующий предмет подчиняется не всем существующим законам бытия и не каким бы то ни было из них, а только некоторым и известным определенным законам, именно тем только законам, которым подчиняется та область бытия, та область предметов, к которой он сам принадлежит. Растение напр. подчиняется не всем существующим законам и не каким-нибудь, а именно законам растительной жизни. Камень в своем падении подчиняется законам именно механического движения, а не каким-нибудь другим законам, напр. химическим или физиологическим. И следовательно, если судить о возможности и действительности на основании согласия с законами, то для того, чтобы известные предметы мы могли и

должны были признать возможными и действительными, нужно, чтобы эти предметы были согласны не со всеми вообще законами, это вовсе не нужно, и это совершенно невозможно, и не с какими-нибудь, а именно только с теми законами, какие свойственны той области бытия, к какой принадлежать эти предметы по своей природе. Так напр., при таком основании, в области растительной жизни может и должно быть признаваемо возможным и действительным все то и только то, что согласно с законами именно растительной жизни, а не с какими-нибудь другими законами, а не с законами напр. одних чисто механических и математических отношений вещей или с законами духовной жизни. Для того, чтобы мы имели право признать возможными и действительными в этой области известные явления, нет никакой надобности в том, чтобы эти явления подчинялись законам жизни чисто духовной, и несогласие их с этими законами, конечно, не дает никакого права отвергать их возможность и действительность в области растительной жизни. Из того, что камень не подчиняется законам растительной жизни, не следует, что он не существует и невозможен. Из того, что жизнь нравственная не подчиняется законам математическим, не следует, что она невозможна и не существует. Всякие величины нужно измерять только однородными, а не разнородными с ними единицами или мерами. Тяжести нужно измерять пудами, фунтами и пр., а не аршинами, и пространства нужно измерять верстами и аршинами, а не фунтами и пудами. Так точно и о действительности и возможности известных предметов нужно судить по тем законам, которые свойственны именно этим предметам, а не по таким законам, которые совершенно чужды им, которые принадлежат каким-нибудь другим совершенно разнородным с ними явлениям.

По-видимому, все это такая простая и ясная истина, что даже странно и говорить о пей; а между тем, может быть, по тому самому, что она слишком проста и ясна, как часто она не понимается и нарушается на самом деле! Вот иные вообразят себе, что возможно и действительно только то, что подчиняется одним законам материального мира, что все, чего нельзя объяснить по одним этим законам, невозможно и не существует, и потому отвергают существование духа, так как он непонятен и необъясним по одним материальнам законам. Поступать таким образом не значит ли то же самое, что мерить тяжести аршинами, или отвергнуть существование камней на том основании, что они не подчиняются законам растительной жизни? Совершенно то же самое. Дух по самой своей природе существенно отличается от материи; следовательно, судить о возможности и действительности духовного нужно по законам, свойственным духу, а не по совершенно чуждым ему законам чисто материальным. Если законно отвергать бытие духа на том одном основании, что его существование и деятельность необъяснимы по одним законам материальных явлений, то с совершенно одинако-

вым правом нужно уже отвергнуть возможность и действительность всего существующего; потому что так же точно, как дух не согласуется с законами материального мира, так же точно и всякий другой предмет не согласуется с законами каких-нибудь других предметов, камень напр. не согласуется с законами растений и пр. Следовательно, если отвергать возможность и действительность духа на том одном основании, что он не согласен с законами других материальных предметов, то с совершенно одинаковым правом нужно отвергнуть и существование всякого другого предмета, так как всякий предмет не согласен с законами каких-нибудь других предметов.

Существа чисто духовные, Ангелы, демоны и отшедшие души, конечно, тоже подчиняются известного рода законам; но так как они по самой своей природе, как чисто духовной, существенно отличаются от предметов мира земного, то они необходимо и существенно отличаются от этих предметов и по своим законам. Есть законы общие этим существам со всеми этими предметами, таков напр. хоть опять закон причинности. Но в то же время по самому существу дела необходимо должно быть много таких законов, которые были бы свойственны этим предметам, но совершенно не свойственны этим существам, равно как и таких, которые принадлежали бы исключительно только этим существам и совершенно чужды были этим предметам. Так действительно и есть на самом деле и потому эти существа в своей природе, в своей жизни и деятельности и в своих явлениях необходимо должны представлять много такого, чего нельзя объяснить по одним законам земного мира, так же точно, как и всякие другие предметы непременно представляют что-нибудь такое, чего нельзя объяснить по законам каких-нибудь других предметов. Следовательно, если принять основанием для признания возможности и действительности явлений согласие их с законами бытия, то мерой для определения возможного и действительного в области существ чисто духовных и их явлений и действий должно быть не согласие их с чуждыми этой области законами мира земного, а согласие их с законами, свойственными именно этой области. Признавать здесь мерой согласие с одними законами земного мира так же незаконно, как вообще незаконно судить о предметах по совершенно чуждым им законам, как незаконно мерить пространства мерами тяжестей. И отвергать возможность и действительность явлений и действий духов на том одном основании, что они необъяснимы по законам земного мира, так же совершенно незаконно, как незаконно было бы отвергать возможность и действительность всяких других предметов на том основании, что они представляют много необъяснимого по законам каких-нибудь других предметов, как незаконно напр. было бы отвергать возможность и действительность явлений физиологических на том основании, что они необъяснимы по одним законам чисто механических

явлений. Таким образом, разбираемое возражение против действительности явлений духов в той самой истине, на которой оно основывает себя, т. е. в той истине, что все возможное и действительно существующее необходимо должно быть согласно с законами бытия, на самом деле имеет для себя не основание, а опровержение. Потому что, как видели мы, эта истина может и должна быть признана истиной не иначе, как с тем ограничением, что каждый действительный предмет необходимо должен быть согласен не со всякими законами, а только с законами той одной области предметов, к которой он сам принадлежит по своей природе. А в таком виде этой истиной, как мы видели, вполне опровергается это возражение.

Итак, первое и главное возражение против возможности и действительности представляемых нам Св. Писанием и Церковью фактов явления духов совершенно несостоятельно. Неудобопонятность этих явлений вовсе не служит и не может служить основанием для отвержения их возможности и действительности. Так же точно не служит и не может служить основанием для этого и несогласие этих явлений с законами мира земного. Можно сказать, что эта непонятность и это несогласие составляют главное из всего того, на чем основывают отвержение действительности этих явлений; в них уже заключается если не основание, так по крайней мере побуждение и для всех других возражений против этой действительности.

Из других возражений более известны следующие: во-первых, говорят, передаваемые нам Св. Писанием и Церковью явления духов не более были, как чисто субъективным действием собственного воображения тех людей, которые будто бы видели эти явления. На чем основано это мнение? В самих известиях об этих явлениях не заключается для него никаких оснований, потому что в них ясно и определенно говорится, что это были действительные явления духовных существ, а не что-нибудь только мнимое, воображаемое. Притом самый характер этих явлений не допускает мысли об их призрачности. Они имеют такую ясность и определенность, представляют такие подробности и обстоятельства, которые возможны только в действительных происшествиях и совершенно невозможны при одних призрачных видениях. Возьмем напр. хоть явления Ангелов Аврааму; находясь совершенно в здравом, трезвом состоянии духа, свободный от всякой болезненной возбужденности воображения, он принимает Ангелов в виде странников, угощает их, ведет с ними разговор, все это продолжается довольно долгое время, и имеет ясность и определенность, свойственные только действительности; и как в продолжение всего этого, так и после Аврааму никогда и в голову не приходило, чтобы все это было только действием его собственного воображения. Допустить, чтобы подобные явления могли быть действием одного воображения, по крайней мере со стороны совершенно здравых людей, совершенно нельзя. Очевидно, это мнение имеет своим главным основанием тот уже опровергнутый нами

взгляд, что будто эти явления невозможны. Оно есть только необходимое логическое следствие этого взгляда. Если бы эти явления, как действительные явления духов, были бы невозможны, в таком случае, конечно, оставалось бы смотреть на них не иначе, как на субъективные произведения человеческого воображения. И люди, разделяющие этот взгляд, поневоле уже должны смотреть на них не иначе, как так. Отвергнув возможность и действительность этих явлений, как действительных явлений духовных существ, нужно же дать и какой-нибудь положительный взгляд на них; а при таком отвержении, взгляд на них возможен не иной, как только тот, что они субъективные произведения человеческой фантазии. А так как это отвержение совершенно безосновательно, совершенно неверно, как мы уже видели, то, значит, этот взгляд остается без всякого основания, потому что другого основания, кроме этого взгляда, для него нет. Так как эти явления совершенно возможны и так как мы имеем несомненные исторические свидетельства о том, что они были действительно, то, очевидно, при этом нет никакого права, никаких оснований признавать их одними субъективными произведениями человеческого духа.

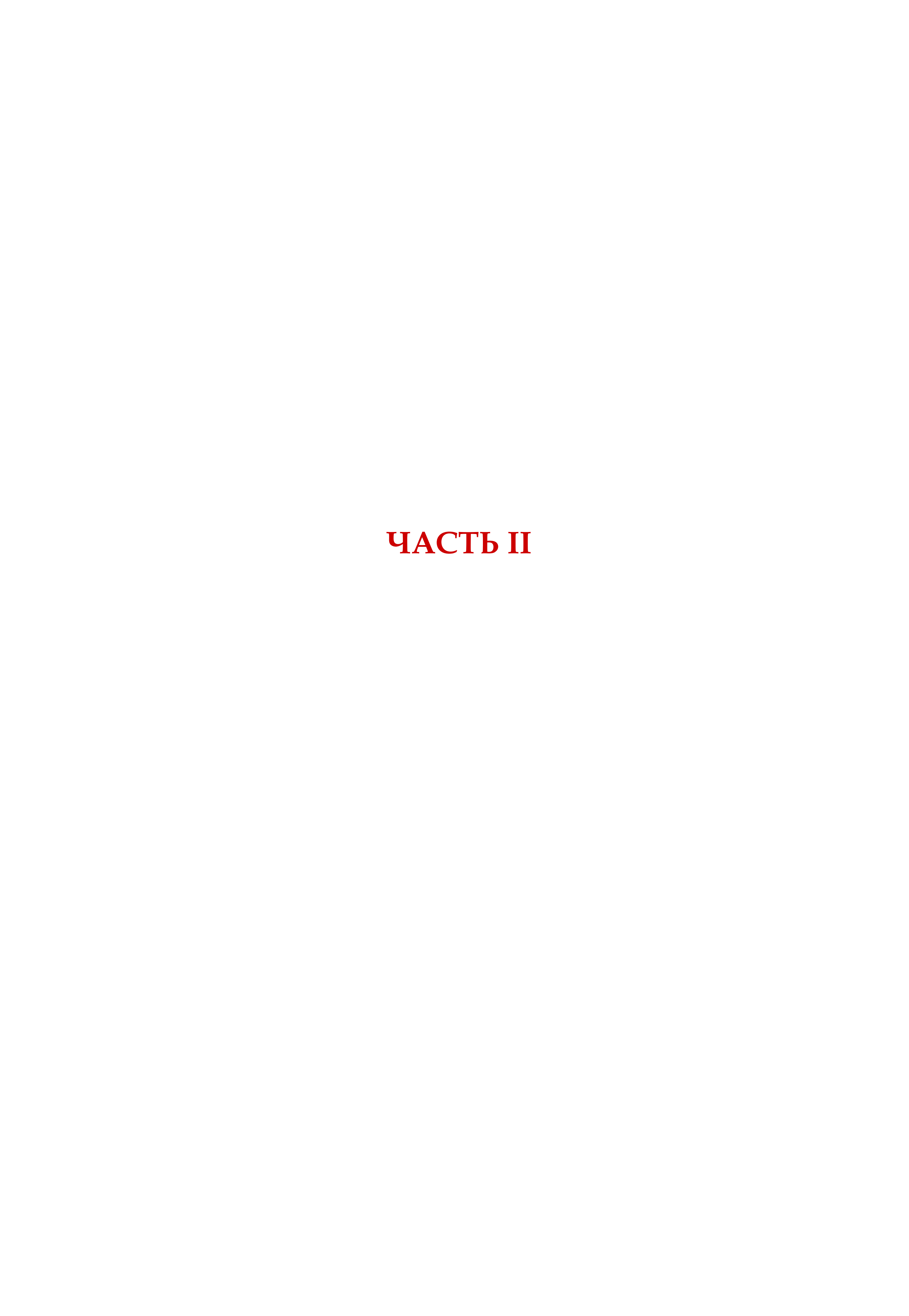
Говорят, наконец, в опровержение защищаемой нами истины так: известно, что существует бесчисленное множество таких рассказов о явлениях духов, равно как и о других чудесных происшествиях, относительно которых уже с несомненностью доказано, что они суть чистые выдумки, порожденные народным невежеством, суеверием и предрассудками, так как это дает основание думать, что к этой же категории рассказов относятся и те рассказы о явлениях духов, которые передаются Св. Писанием и Церковью. Умозаключение совершенно произвольное. Что существует бесчисленное множество рассказов о явлениях духов вымышленных, ложных, это совершенная правда (это доказывается в первой части этой книги). Но этот факт сам по себе дает ли какое-нибудь право признавать вымышленными и рассказы, сообщаемые нам Св. Писанием и Церковью? Конечно, не дает никакого права. Из того, что об известного рода предметах могут быть и есть рассказы ложные, вовсе нельзя заключать, чтобы и все вообще сведения об этих предметах были ложны. Это, кажется, слишком ясно для того, чтобы нужно было даже доказывать это. Едва ли найдутся такие предметы в целом мире, о которых бы когда-нибудь и где-нибудь не существовало каких-нибудь ложных понятий, вымысла, лжи; значит, если судить по той логике, по которой делается указанное умозаключение, то нужно бы отвергнуть верность всяких сведений и о всех предметах.

Что касается того вопроса, что были за тела, в которых являлись Ангелы, демоны и отшедшие души, были ли то действительные тела или только призрачные, мнимые, то, как уже сказали мы, мы не имеем достаточных оснований для решительного решения этого вопроса. Но неудоборешимость этого вопроса, очевидно, вовсе не дает

никакого основания сомневаться в самой действительности явлений этих существ так же точно, как вообще непонятность образа совершения факта не дает никакого права отвергать самую его действительность. Этот вопрос касается не действительности этих явлений, а только способа их совершения; следовательно, неудоборазрешимость его ничего не говорит против их действительности.

Итак, действительность передаваемых нам Св. Писанием и Церковью фактов явлений Ангелов, демонов и отшедших душ так же несомненна, как несомненно истинны сами сообщающие их источники. И, следовательно, в одних уже этих фактах мы имеем неопровержимое доказательство действительного бытия мира духовного и неопровержимое опровержение так распространенного в настоящее время отрицания этого бытия.

ΔΔΔ

ЧАСТЬ II

СОБРАНИЕ

языческих мнений и средневековых поверий, народных суеверий, предрассудков и анекдотов о явлениях гениев и духов, домовых и привидений, об отшедших душах, о состоянии загробной жизни, о колдунах и ведьмах.

I.

О явлениях гениев и духов и о виде, в каком гении и духи являлись людям. Мнения язычников, средневековые поверия и предрассудки.

ГЛАВА I

Мнения древних восточных народов о добрых и злых гениях или духах

Вера в добрых гениев, как благодетельные существа, и злых гениев, как вредоносные существа, была общей всем древним народам. Она встречается у древних Шаманов, Китайцев, Персов, Египтян, Индийцев и других. На первой ступени развития религиозного сознания в религиозных убеждениях фетишистов этой веры не встречаем; но как только религия получила более определенную форму, явилась и вера в добрых и злых гениев. Мы приведем здесь взгляд некоторых восточных народов на гениев.

1. *Мнение Шаманов*. Шаманизм допускает во вселенной действие двух начал — доброго и злого и служит тому и другому. Первое место между божествами занимает Тенгери, источник жизни и всякого добра. Сотворенные им гении представляют олицетворение небесных явлений, сил природы, стихий и даже человеческих страстей. Напр. 1. *Багатор* или *Батырь*, Тенгери, гений храбрости; 2. *Дайсун-тенгери* — покровитель войны; 3. *Кисаган* — защитник и податель победы; 4. *Дзол дзаягачи* — богиня, дарующая детей и пекущаяся об их счастье и здоровье.

Сюда относятся и *Иренюсун-сульде*, девяносто девять гениев, которые господствуют над горами, реками, пустынями, лесами, зверями и проч. Шаманы считают сульде сколько храбрыми, столько же и внимательными. Поэтому в напевах Шаманских всего чаще слышится монолог: «Девяносто девять Тенгеринов! внимайте словам нашим! Алтай хан, Кунтей хан......... вы, владычествующие повсюду, поспешите к нам!» Будучи по природе добрыми, сульде или тенгерины ни в каком случае не возбуждают опасения. Они являются лишь там, где нужна их помощь и услуга. К тенгеринам обращаются, как к посредникам между богами и людьми, особенно в тех случаях, когда надобно действовать против Чиктуров и других враждебных человеку духов.

Напротив, Чиктуры, как естественно злые, питают всегдашнюю вражду к людям и к небу. Их-то Шаманы боятся и вменяют в обязанность себе укрощать злобу их жертвами и молитвами. Главными местопребываниями их служат ад и пропасти земные, а также пустыни, горы, леса, воды и даже жилища людские. Чем ближе они к человеку, тем более стараются вредить ему, или по крайней мере враждебно наблюдать за его действиями и направлять их к своим целям.

Нося общее имя Чиктуров, существа эти делятся на многие виды. Замечательнейшие из класса Чиктуров следующие:

1. *Элье*; он является в виде коршуна, который, сидя на диком коне, впустивши когти в гриву, мчится стрелою по горам и степям. Явление его — предвестник злополучия.

2. *Ада*, видимо-невидимо носится в пустынях, среди жилищ; пугает людей, возбуждает крамолы и самые неистовые страсти.

3. *Албин* — существо шутливое. Шатаясь по дебрям и распутьям, он окликает, зажигает ложные огни, представляет фантастические виды, и всем этим вводит людей в обман, сбивает с толку, и заставляет блуждать.

4. *Кульчин*. Это страшилище принимает на себя разные виды и тешится, что являясь там, где его не ожидают, наводит ужас на человека.

5. *Бук*. Он принадлежит к числу домовых и, поселившись в юрте, ни днем, ни ночью не дает покоя.

Среднее место между добрыми и злыми гениями занимают Онгоны, т. е. души людей, которые, прославившись в жизни добрыми и злыми деяниями, не прерывают и по смерти своих прежних отношений к миру и продолжают действовать то во вред, то в пользу живых. И те из них, которые приняли злое направление, наносят поветрия, причиняют тяжкие болезни, губят детей, изнуряют скот; словом, они бич того племени, среди которого водворились[1].

Таким образом, Шаманы верили в добрых гениев, которым вверено смотрение за всеми частями мира, и которые пекутся о благе мира вообще и в частности о благополучии людей. Злые духи врываются в их области и производят в них беспорядки, обманывают и пугают людей.

2. *Мнение древних Китайцев*. По мнению Китайцев, звезды суть жилища духов *шень* (Schin), которые производят влияние на земную жизнь, почему и называются духами жизни. Звезды разделяются на четыре группы по четырем частям света, из которых каждая имеет своего особенного шень; каждый шень управляет не только известной частью звезд, но и частью года и свойственной ему стихией; восток подчинен *дракону*, который владычествует над эфиром и весной; север *таинственному витязю* (Hiuen-wu), которому подвластна вода и зима; запад *тигру*, который господствует над воздухом и осенью: юг *красной птице*, которая начальствует над огнем и летом. К этим четырем шень принадлежит еще пятый дух земли, пребывающий посредине прочих; ему поклоняются между летом и осенью. Кроме того, каждая из пяти стихий имеет своего шень; а также реки, озера,

---

[1] Сведения о гениях Шаманов заимствованы из соч. Преосвященного Нила Ярославского: Буддизм… СПб., 1858.

моря, пустыни и проч. имеют своих шень. Между ними есть и злые духи *гуи* (kuci). Шень постоянно ведут борьбу с собственно злыми духами — гуй.

3. *Мнение Персов*. Безначальное существо *Церуане-акерене* изрекло слово: *Гоновер — да будет*, и этим творческим словом произвело бесконечное множество низших и высших духов, т. е. *феруеров*. Все существующее должно иметь и имеет своего феруера. Величайшие из этих духов *Ормузд*, великий творец, и *Ариман* — зломыслящий. Ормузд — неизмеримая мудрость, его воля свята; он источник всего истинного и доброго. Ормузду противоположен Ариман — корень всего нечистого, злого. Ормузд и феруеры обитают в невидимом небе, в жилище блаженных *городман*. Ариман и его сообщники — в преисподней *дуцак*, в страшной, мрачной пропасти, находящейся под землею. Духи, покровители всех вещей, суть семь *Амшаспандов*, т. е. бессмертных, святых, и *Изеды*. Последние подчинены первым. Все месяцы и дни находятся под покровительством Амшаспандов и Изедов, даже части дня подчинены особым Изедам. Таким образом, Изеды, как низшие духи, феруеры, занимают и низшие должности; они преимущественно наблюдают за днями и месяцами.

Должность Амшаспандов, как высших феруеров, гораздо выше и шире. Амшаспанд *Баман* — хранитель всего животного царства; *Ардибегешт* — хранитель огня; *Шаривер* — хранитель металлов, *Сапандомада* — хранительница земли, плодородия, наук, мудрости и божественного откровения; *Кордад* — хранитель воды, и *Амердад* — хранитель растительного царства и стад. Все они подчинены Ормузду, как первому Амшаспанду, который есть защитник, покровитель и споспешник всего истинного, чистого, доброго.

Но по мере того, как Ормузд созидал мир, Ариман, в противоположность ему, творил существа враждебные, и благотворному действию Амшаспандов и Изедов противопоставил вредное и разрушительное влияние своих *дервандов* и *девов*. Он создал безобразное, недостойное творения, полчище, но числом и могуществом равное Ормуздову воинству. Ормузду противодействовал сам Ариман. Амшаспандам и Изедам противодействовали дерванды и девы или дивы. Все злое и нечистое в мире физическом и нравственном имеет своего дева, особенно относятся сюда *карфестеры*, означающие всякое нечистое создание в мире животном. Ариман с своими сообщниками во всей природе распространил зло и нечистоту; планетам он противопоставил зловещие кометы, осквернил стихии: огонь дымом и чадом, воду гадами, воздух зловредными испарениями, землю поражает бесплодием, к растениям примешал яд и тернии, каждому чистому животному противопоставил нечистое, самих людей поразил бедностью, болезнями и смертью и растлил нравственно. Очевидно, что вера Персов, как верование религии реф-

лективной, гораздо выше, чем вера Китайцев в гениев. Формы религии Китайцев, да вместе и Шаманов, как формы религии природы, по развитию своему ниже, чем рефлективная религия Персов. Оттого у Шаманов и Китайцев самые убеждения о гениях слишком поверхностны. Их гении имеют влияние только на видимую природу; их деятельность простирается напр. на болота, леса, горы и т. п. Гении Персов своей деятельностью обнимают не только мир физический, но и нравственный, и особенно имеют влияние на последний.

4. *Мнение Египтян. Кнеф*, или творец *Мент*, взяв часть своего дыхания, соединил его с огнем и другими натурами, произнес некоторые слова, и явилась тонкая, ему только видимая материя; из нее он образовал многие тысячи демонов, образов его самого, потом смешал другие элементы, воду и землю, произнес менее могущественные слова, вдохнул свой дух и произвел множество душ. Он разделил демонов и души, по относительному их достоинству, на 60 классов и разместил их между землею и твердью небесною, в воздухе, с тем, чтобы они не оставляли своих мест под опасением наказания. Этот период не имел определенного продолжения времени потому, что не было еще различия дня и ночи, а следовательно и определенного времени. Это был самый счастливый период. Но когда сила времени, *Себа* (Кроноса), начала обнаруживать и гибельную сторону своей природы, и когда Себ вступил в борьбу с Оксамосом, который победил и низринул его в тартар, тогда в природе совершился переворот, чтобы совершенно очистить землю от происшедшего в ней замешательства, творческий дух ниспослал на нее потоп, из которого земля вышла в обновленном виде. Для населения очищенной земли, миротворящий дух предоставил демонам, ближайшим к звездам, образовать из оставшейся от миротворения материи различные классы существ, обещая оживить их произведения своим дыханием, и демоны образовали из воздушной материи птиц, из воды рыб, из земли животных диких и домашних, а из холодного остатка пресмыкающихся. Демонам и душам назначены были, по их относительному достоинству, определенные места в воздухе, которые запрещено им было оставлять под опасением наказания. Но демоны, возгордившись своим творением, вышли из повиновения и оставили свои места потому, что покой казался им смертью. Они хотели проникнуть в высшие небесные сферы, но от взора Господня тотчас ниспали оттуда в знак Рака. Божество заключило их в формы видимой природы, для их очищения. Их жалобы не имели успеха. Не имея возможности переносить стыда и не внимая божественным велениям, они распространили беспорядок и раздор, зло увеличилось. Стихии, оскверненные нечистотою их, возопили к божеству верховному, и оно обещало послать им истечение самого себя. И действительно, чтобы судить живых, и награждать или наказывать

умерших, явились на земле *Изида* и *Озирис* и другие боги второго и третьего поколения.

Таким образом, демоны Египтян лишаются за свое поведение тех прав, которые были даны им у Персов. Злые действия Аримана и его сообщников естественны потому, что они соединены с понятием о самой природе Аримана, сотворенного с злыми наклонностями и способностями. Напротив, у Египтян демоны сотворены добрыми, но пали за свою гордость и неразумную требовательность и произвели в мире много зла. Ариману дана известная доля в управлении миром (во втором и особенно четвертом периоде, когда настанет его владычество). Демоны Египтян лишены этих прав, и если вторгаются в чужую область и производят там беспорядки и зло, то поступают беззаконно, против законов своей первоначальной природы и против велений верховного бога, который требовал от них правды и чистоты, когда заключил их в вещественные формы для очищения. Поведение демонов, как мы сказали, лишило их тех прав, какими пользуются Амшаспанды и Изеды у Персов. Эти высокие должности и права предоставлены Египтянами божествам. Так, *Тату* приписывают всю Египетскую науку; *Хасефу* письменное искусство и ученость; *Имутеф* и *Негимеу* — виновники врачебной науки; *Маи* и *Тафне* — божества поэзии; *Тме* — богиня правды и т. п. Все эти боги в соединении с высшими богами первого и второго поколения участвуют в разных должностях мироправления и господства над живыми существами, а в преисподней, в *аментесе*, произносят суд над душами умерших людей.

Что же касается демонов или духов непадших, которых относительно очень немного, то им предоставлена только одна обязанность. Каждый падший дух, нисходя на землю, получает себе в спутники и защитники одного непадшего, который и остается при нем во все время, назначенное для удовлетворения за грехи.

Из этих замечаний видно, что боги Египетские второго и третьего поколения исправляют обязанности Персидских Амшаспандов и Изедов, а вместо дервандов и девов — демоны и души падшие. Первобожество Египтян представляется выше, чем первобожество Персов потому, что Первое не произвело зла; оно само собою явилось — без участия первобожества, тогда как Церуане-акерене само произвело отрицательную сторону добра в лице Аримана. У Персов силы Аримана почти равны силам Ормузда, тогда как у Египтян могущество богов подавляет силы демонов.

6. *Мнение Индийцев*. Вечный, по истечении времен, восхотел сообщить величие своей природы существам, которые были бы способны участвовать в его блаженстве и служить его величию, и эти существа явились. Он образовал их частью из своей собственной природы, способными к совершенству, а частью, при влиянии качеств природы, оставил их с возможностью несовершенства, воз-

можностью делать зло, предоставляя им выбор свободный между тем и другим. Творение это — мир духов, которых Вечный разделил, по различию участия в них качеств природы, на чины и сонмы и над каждым чином поставил главу. Они молились пред престолом Вечного, каждый по своему достоинству, и гармония царствовала на небе.

Это блаженство и это прославление Вечного продолжалось бы вечно, если бы *Магисасура* и *Равана*, ближайшие к *Тримурти* духи, по зависти к ней, не отказались повиноваться Вечному и по гордости не захотели сами господствовать. Многие подчиненные духи соблазнились их примером. Вечный, разгневанный и опечаленный, повелел *Браме* возвратить возмутившихся духов к повиновению и возвестить им в таком случае милость и прощение. Возмутители упорствовали в неповиновении. После этого Вечный повелел *Сиве*, богу смерти и жизни, разрушителю и воссоздателю, низринуть отступников в кромешную тьму — в *ондерах*, в наказание на 1000 лет.

Между тем, как отверженные духи томились в ондерахе, оставшиеся в повиновении духи не переставали умолять Вечного оказать милость отверженным, — и Вечный, снисходя к мольбам верных духов, дал возможность отверженным возвратиться в первоначальное состояние, к прежнему блаженству, предоставив это их собственной воле; средства к возвращению — испытания, истязания. После этого Вечный решился создать и создал мир вещественный, видимый, потом повелел *Вишну* сойти в новосозданный мир с тем, чтобы падших духов постепенно переводить из ондераха в мир вещественный, в мир наказания, где, заключенные в тела низших тварей, духи должны подвергаться естественным страданиям сообразно с их преступлениями. Когда духи пройдут все степени испытания, очищения и оправдания, тогда возвратятся в прежнее состояние. Но не все духи достигнут этого.

Вся вселенная, по преобладанию в ней одного из трех качеств природы, разделяется на три мира: 1) на мир света, который подразделяется на семь высших областей, или звездных сфер; 2) на мир испытания, мир человеческий, и 3) на мир тьмы, подразделяющийся на семь степеней наказания. Мир света населяют бесчисленные добрые духи и восемь стражей восьми стран неба. Мир испытания представляет собою поле борьбы добрых и злых духов; а мир тьмы предопределен для наказания духов падших. Духи злые будут приобретать все более и более влияния на земле так, что будет исключением тот, кто не прельщен будет ими. И потому, чтобы противостоять злым духам и поражать их, добрые духи предстали перед Вечным и умоляли его, устами Вишну, чтобы он нисходил иногда на землю в чувственном виде и ратующим духам помогал своим советом и примером против наущения злых духов. Вечный милостиво согласился на их просьбу. Вишну, по мнению Индийцев, уже девять раз являлся с этой целью в мир и еще раз явится. Злые духи или

гении все силы направляют к тому, чтобы поразить добрых; беспорядки, разрушения, неустройства в природе суть действия злых гениев. Бедствия, болезни и вообще все несчастья, поражающие человека в жизни, следствия грехов низверженных с неба гениев и посланных для наказания в мир вещественный, а также следствия настоящих грехов, совершаемых постоянно человеком по наущению и содействию злых гениев.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА II

Мнения Греков и Римлян о гениях или духах

Подобно восточным народам, древние Греки и Римляне верили в существование двух родов гениев или духов — добрых, благодетельных и злых, зловредных. Они верили, что каждому человеку при самом рождении дается богами два гения или духа — добрый и злой, что добрый гений побуждает человека к добру, злой совращает его ко злу; первый заботится о его счастье и благополучии, второй вовлекает его в худые дела, соблазняет к безнравственной жизни и подвергает его несчастьям.

Греки и Римляне верили далее, что не только частные лица, но и каждый дом, каждый город, каждая провинция имеют своих гениев. Эти, последнего рода гении, т. е. гении, приставленные к домам, городам, провинциям, считались добрыми, благодетельными, благотворными, достойными почитания[1].

Гениям приносимы были в жертву цветы, фимиам, кушанья и вино[2]; именем гениев клялись[3]. Тертуллиан говорит, что у Греков и Римлян считалось великим преступлением нарушать клятву, данную во имя гения царского[4]. Часто встречается на Римских монетах надпись: Genio populi Romani, т. е. гений народа Римского. Когда Римлянин или Грек приходил в чужую землю, то прежде всего он непременно приветствовал гения этой страны, обращаясь к нему с молитвой, и приносил ему жертву. То же самое повторялось и при удалении из страны, — при этом уходивший из страны почтительно целовал землю[5].

Не было ни одного государства, провинции, ни одного города, ни одних ворот, и ни одного общественного или частного здания, которые бы не имели своего гения[6].

Гений дается также богами каждому человеку и руководит его во всем со дня рождения и до гробовой доски: «Так как, говорит Сенека, наши предки верили, что каждому из них дан богами в руково-

---

[1] Antiquitée expliquée, T. I; Horat. Lib. I, Epist. 7.94: Quod te per Genium, dextramque Deosque Penates, / Obsecto et obtestor. Stac. Lib. V, Syl. I, 73: Dum cunctis supplex advolveris aris, / Ei mitem Genium Domini praesentis adoras.

[2] Perseus. Satyr. II, v. 3: fundo merum Genio.

[3] Senec. Epist. 12: U. Villicus jurat per Genium meum, se omnia fecisse.

[4] Tertull. Apol., c. 23: Citius apud vos per omnes Deos, quam per unicum Genium Caesaris perjuratur.

[5] Ovid. Methamorph., Lib. XIII, v. 421: Troja vale, rapimur, clamant; dant oscula terrae / Troades.

[6] Prudent., Contra Symmach: Quamquam cur Genium Romae, mihi fingitis unum? / Cum portis, domibus; thermis, stabulis solentis / Assignare suos Genios.

дители гений, то каждый человек, по их мнению, имеет своего гения»[1].

«Гений есть бог, говорит другой писатель, — под защитой которого каждый живет с самого своего рождения... он находится при человеке до последнего дня его жизни»[2].

Признавая этих гениев (т. е. охраняющих царства, провинцию, города, дома и людей) благодетельными, добрыми, Греки и Римляне оказывали им, как своим домашним богам, суеверное, идолопоклонническое почитание; молились им и приносили жертвы, состоявшие из благовония, пищи, меда, вина и т. п.; не приносили им только кровавых жертв[3].

Греки и Римляне верили еще, что демоны любят воскурения и жертвенную кровь, пение и женское общество, что они по временам тревожат известные места и здания. И потому Греки и Римляне приносили жертвы и злым гениям, или демонам, с тем, чтобы задобрить их.

Порфирий, неоплатоник, не задумываясь, утверждает, что демоны страстно желают, чтобы их считали богами, и что их воздухообразным телам весьма нравится запах и дым крови и жира животных, приносимых им в жертву[4]. Так рассуждает об этом и Ямвлих. Но из этих рассуждений Порфирия и Ямвлиха вовсе не видно, откуда известно Порфирию, что тела демонов воздухообразны, что они любят принесение в жертву животных и пр. Их свидетельство важно только в том отношении, что доказывает веру Греческой и Римской массы в гениев. И как масса не имела оснований для утверждения своих верований и не знала источников, из которых возникло это верование в гениев, так Ямвлих и Порфирий не могли утвердить своих мнений о духах на разумном основании. Все гении неоплатоников вообще и в частности Порфирия и Ямвлиха — произведение их собственной жалкой фантазии, мистически настроенной. Все их произведения о гениях в частности и о религии вообще не иное что, как жалкое стремление противопоставить свои теософические и теургические тенденции быстро развивающемуся христианству. «Неоплатоники, говорит Швеглер, обнаруживали очевидное стремление создать, как языческое соответствие христианству, такую философию, которая бы могла быть в тоже время универсальной религией»[5]. После этого нисколько не удивительно, что неоплатоники и их последователи могли создавать целые миры богов и гениев, чтобы добиться только до желаемых результатов.

---

[1] Senec., Epist. 110.

[2] Censorin. De Die Natali, c. 3.

[3] Censorin. De Die Natali, c. 2: Forsitan quis quaerat, quid causae sit, ut merum fundendum sit genio, non hostiam faciendam putaverint… Scilicet ut die natali munus annale genio solverent, manum a coede ac sanguine abstinerent. Vide Taffin de Anno Saecul.

[4] Porphyr, Apud. Euseb. de praepar Euang., Lib. IV, c. 5.

[5] История философии древней, соч. Швеглера, пер. под ред. Юркевича, стр. 156-157.

Чтобы определить, что за новосозданные гении или посредники, составлены были целые генеалогии, подробные описания характера деятельности гениев, их свойств и явлений, о которых сейчас будем говорить. Так составилась систематическая вера в гениев у древних народов язычества.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА III

В каком виде представляли гениев древние восточные народы, Греки и Римляне?

Гении, по религиозному верованию древних, считались посредниками между богом и людьми. Они всегда считались добрыми как по природе, так и по тем свойствам нравственным, какие гении необходимо обнаруживали при своих отношениях к миру вообще и к людям в частности. Добрые гении наблюдали за нормальным течением явлений природы, охраняли законы природы и стихии, времена года, жизнь земли и пр. Напр. *Шень*, или гении Китайцев, заведовали временами года, стихиями и пр. Каждая вещь, по мнению Персов, имела своего феруера, или гения. Словом, весь мир подлежал наблюдению гениев, которые заботились о его благе. Но особенному смотрению, особенному промышлению гениев предоставлен был человек; они особенно заботятся о его благоденствии; они слишком внимательны и спешат на помощь, как думают Шаманы, ко всем просящим. С самого рождения, как думают Персы, Египтяне и другие, назначается человеку гений-хранитель, который охраняет жизнь человека до гробовой доски. Далее, гении заботились о развитии человека, о его благополучном здоровье и проч. Как бы, впрочем, и в чем бы ни выражались добродетели гениев, во всяком случае, это были добрые гении, которые пеклись о благе мира и человека.

Как противоположность добрым гениям, религиозное сознание древних создало другого рода гениев — злых, которые разрушали или, по крайней мере, стремились разрушить все то, что охраняли добрые гении. Разрушительные действия, беспорядки в природе, зловредные явления, заразительный воздух, вредоносное поветрие, моровые язвы, разнообразные болезни, голод и проч., растление нравственности, пороки и пр. — все это действия злых духов, или злых гениев.

Вот тот вид, то обнаружение, в котором раскрывалась и выражалась нравственная деятельность гениев добрых и злых. Что же касается того, в каком образе гении являлись лично, то это зависело от того, как смотрели древние на природу гениев. Одни представляли их в образе птиц, другие в виде животных и т. д. Словом, это зависело от того, как смотрели древние на сущность или природу божественного. Религиозное сознание древних облекало своих гениев в такие формы, какие лучше всего соответствовали природе гениев. Представители религии природы не отличали духовных сил от вещественных, духа от материи, те и другие силы в их представлении смешивались. И потому, как ни стараются прикрыть это за-

конодатели или составители религиозной догматики древних, духи или гении все-таки не более, как силы природы. Как ни тонки и неуловимы духи, по мнению Кхун-цзы, или Конфуция, но они являются только в телесных формах существ по тому самому, что сущность духов действительна; она может выражаться не иначе, как под формой какого-либо существа, не более. Все религиозное миросозерцание Китайцев показывает, что их духи или гении суть силы природы. Небо и земля — начала всего сущего, по мнению Китайцев; а после этого и духи или гении — силы природы, выражающие свои свойства и действия в явлениях природы. Все феруеры Персов суть божественные мысли или формы и не только заключаются во всех вещах, как их сущность, но сохраняют и поддерживают как роды и виды существ, так и каждое существо порознь. Феруеры суть первообразы всех возможных существ. Таким образом, феруеры или гении Персов те же, что и у Китайцев, силы природы. Различие только в том, что феруеры не только механическое соединение движения и покоя, но и божественная идея, воплотившаяся в материи и разнообразно ее движущая. Далее, у Персов борьба добра со злом не что иное, как борьба формы с материей. Но эта борьба объясняется чисто физически, т. е. силой и веществом. Частные дерванды, или злые гении — это семь комет, которые противопоставлены Ариманом семи Амшаспандам. Далее известно, что Ариман, желая вступить в борьбу с Ормуздом, поднялся на небо, но, пораженный ослепительным блеском света, он спрыгнул с неба на землю *в виде змия*. Символ же Аримана постоянный — это тьма; а Ормузда—свет. Других образов для представления Ормузда и подчиненных феруеров, Аримана и его сообщников Персидское религиозное сознание не успело создать. Это досталось на долю Египтян и Индийцев, Греков и Римлян.

Египтяне изображали своих богов в самых разнообразных видах различных животных. *Амун-Кнеф*, добрый перводух, изображаем был в виде змия, обвившего мировой шар. *Мент*, — творец всего, в виде козла, которому приписывали величайшую рождательную силу. Дух вообще и высшие божества, как существа духовные, изображались в виде копчика или ястреба и т. д. Божества второго и третьего поколения, которых считали виновниками устроения и благосостояния общества человеческого, представлялись в образе человеческом.

Божества и духи Индийцев изображаются в образе человека, но обладают при этом особенной силой и изображаются в колоссальном виде так, что земные предметы кажутся пред ними малыми и ничтожными. Впрочем, некоторые боги по своим в мир видимый явлениям исключаются из этого правила. Так, Вишну десять раз являлся на землю и каждый раз принимал различные виды. В первый раз явился в виде рыбы; во второй в виде черепахи; в третий в виде дикого вепря и т. д. Вообще же боги и духи являются в образе

человека с различными предикатами, которые возвышают богов над людьми, и в этом случае представления Индийцев о божествах, при всей их фантастичности, сходятся с понятиями Греков и Римлян о богах[1].

Ямвлих, ученик Порфирия[2], упоминает о многих древних сочинениях относительно гениев и их явлений. Читая этого писателя, удивляешься тем знаниям, какие приобретены им о природе и явлениях гениев. Он так наглядно описывает эти явления, так ясно представляет психологическое состояние человека при этих явлениях, что кажется, будто Ямвлих сам находился в постоянных *дружеских* сношениях с гениями. Он утверждает, что явления богов возбуждают в человеке радость; явления демонов и героев приводят человека в ужас; души людей, бывших при жизни начальниками, когда являются по смерти, производят болезненное впечатление испуга; явления душ обыкновенных менее неприятны, чем явления героев. Таким образом, по мнению Ямвлиха, состояние духа человеческого, при явлениях богов, спокойно и тихо; при явлениях демонов человек приходит в замешательство, при явлениях героев и начальников в волнение.

Когда являлись боги, тогда небо, солнце и луна как бы уничтожались от блеска света, их сопровождавшего, продолжает Ямвлих; явления же демонов и героев сопровождались весьма слабым светом. Явления богов поразительно блестящи, явления демонов сопровождаются почти тьмою; но еще мрачнее явления героев. Начальники, занимавшие в этом мире блестящие места, являлись по смерти окруженные светом; а начальники, заведовавшие грубыми вещами, являлись во мраке. Являвшиеся души похожи были на тень. Ямвлих в своем описании этих явлений вдается в такие подробности, что если верить им, то невольно подумаешь, что между ним, богами, демонами и отшедшими душами существовала тесная, внутренняя, постоянная связь. Но дело в том, что все рассказываемое Ямвлихом не иное что, как произведение его воображения. Кто сколько-нибудь знаком с философскими тенденциями Ямвлиха, тому эти сказки о явлениях гениев не покажутся странными. Это был мечтатель, и потому его рассказам нельзя верить. «Общая черта всех неоплатонических философов (Ямвлих — неоплатоник), говорит Швеглер, есть наклонность к мечтательности, теософия, теургия. Большая часть из них занималась магией, а наиболее знаменитые хвалились тем, что имели божественные откровения и явления, что прозирали будущность и совершали чудеса»[3]. Очевидно после этого, что верить словам Ямвлиха мы не имеем никакого основания.

---

[1] Сведения о гениях восточных народов заимствованы из сочинений: 1. Die Religions-Systeme der heidnischen Volker des Orients, P. Stuhr; 2. Китай и его нравы, Иакинфа; 3. Религия и философия Древнего Востока Новицкого и др.
[2] Jamblic., Lib. II, cap. 3 & 5.
[3] История древней философии Швеглера, перевод с немецкого. М., 1864 г. Стр. 156.

Его слова заслуживают внимания и то не вполне только в том, что они характеризуют отчасти веру народа в явления богов.

Вид, в каком являлись боги и гении — человеческий, только с различными характеристическими особенностями. Юпитер-громовержец, повелитель вселенной, бог богов, представляется всегда могучим, сильным. Янус, бог старого и нового годов, с двумя лицами (одно спереди, другое сзади). Венера — девицей изумительной красоты и т. д. Гении, кроме того, что изображались в виде детей и юношей, представлялись иногда в виде змей.

После этих слов нечего более распространяться о неоплатонизме. Гений Сократа только опровергает и не подтверждает их мнение. Гений Сократа — это инстинктивное стремление разгадать истину, инстинктивное чувство истинного, по которому человек только гадает об истине, смутно, неопределенно предчувствует истину. Этот факт мог в большей или меньшей мере испытать на себе каждый, особенно в юношеском возрасте. Мы считаем одно явление ложным, другое истинным, одно хорошим, другое дурным, а между тем не можем отыскать в уме причины нашего решения, потому ли, что новое представление слишком ново, потому и непонятно, потому ли, что мы не настолько развиты, чтобы найти причину для данного представления. К этому-то гению, или инстинктивному чувствованию истинного и доброго, Сократ и обращался, обсуждал этот внутренний голос истинного и доброго, уяснял новое понятие и находил причины утверждения понятия. Это совет ума, как некоторые говорят, с самим собою. Этим только и можно объяснить недостатки в философствовании и жизни Сократа. Напротив, если допустить, что ему являлся гений, то будет понятно, каким образом Сократ ошибался так же в философии и жизни, как и другие умные люди. Да Сократ и сам не говорит, что ему гений являлся и что он видел этого гения. А выражение неоплатоников то, что Сократ видел гения духовными очами, ничего не доказывает. Неоплатоники говорят, что им были божественные откровения и явления, но кто же поверит им?

«Странно, говорит г. Хотинский, что подобные вздоры (т. е. рассказы о духах, их нравах и пр., заимствованные у Порфирия и Ямвлиха и др.) имеют в себе много привлекательного не только для праздного любопытства необразованной толпы, но и для человека, специально преданного изучению наук. Когда я рылся в пыли фолиантов парижской *императорской* библиотеки, то по целым дням не мог оторваться от варварских страниц какого-нибудь *Альберта Великого*, *Красного Дракона*, *Энхиридиона папы Льва III*, или *Реджинальда Скотта*. Но едва ли не любопытнее прочих известная «Черная книга чародеев», приписываемая доктору Фаусту; эта книга озаглавляется так: «Mirakel, Kunst und Wunder-Buch, oder der Schwarze Rabe, auch der dreifache Höllenzwang benannt». В этом *Черном Вороне* записаны все формулы вызывания духов, адрес-кален-

дарь темных сил и расписание, кто из демонов какого нрава, как и где проводит время. Даже малейшие привычки подземных жителей описаны в Черном Вороне, как будто составитель его долгое время жил в самой короткой связи с Люцифером и его адскими сотоварищами. Мало того: вы можете найти свидетельства, что адский владетель зимою 1626 года проживал в Милане под именем герцога Мамона и тратил там страшную кучу денег. Ученый доктор Лотихиус лично был знаком с ним и часто являлся к нему на обеды и вечера. Потом нечистый посетил в 1669 г. Швецию, где захворал от сильной простуды, его вылечили кровопусканиями; но уверяют, что здоровье его совершенно поправится разве по прошествии только тысячелетий»[1].

Может ли быть что-нибудь нелепее этой галиматьи, а между тем очень многие и очень умные люди верили, что все рассказы Черного Ворона несомненно верны, потому что тогда такова была общая настроенность. Великий реформатор, учение которого поколебало многие средневековые предрассудки, Лютер, сам искренне убежден был, что ему являлся демон, в которого он бросил свою чернильницу. Дело было в Виттенберге, где и до сих пор показывают чернильное пятно и считают невежами тех, которые осмеливаются сомневаться в достоверности факта, что и случилось с г. Хотинским, по его словам.

Меланхтон, друг и товарищ Лютера на реформаторском поприще, от природы холодный и очень серьезный мыслитель, уступавший Лютеру только в энергичности и горячести, говорит[2], что он не раз видел привидения и несколько раз с ними беседовал; а Иероним Кардан уверяет[3], что его отец Фассий видел демонов всегда, когда только хотел этого. Если же такие дельные головы, как Лютер и Меланхтон, так жестоко заблуждались, то о предрассудках и суевериях большинства толпы и говорить нечего.

[1] Рассказы о темных предметах, соч. М. Хотинского. СПб., 1861. Стр. 436-441.
[2] Lib. de anima.
[3] Hieron. Cardan. I, 8 De variet rerum, c. 34.

ГЛАВА IV

Народные поверия, суеверия и предрассудки о явлениях духов и их действиях в отношении к людям

Мы приведем только некоторые рассказы, о которых необходимо упомянуть и представить критическую оценку.

Меланхтон, друг Лютера, рассказывает следующее: однажды в дверь дома Лютерова постучался какой-то монах; вошедши в комнату, он обратился к Лютеру с такими словами: «Прежде я разделял некоторые папистические заблуждения, и очень желал бы послушать их объяснение». Лютер просил его высказать свои сомнения и без труда дал ответы на некоторые из них. Монах представил более трудные возражения, и Лютер сердито отвечал: «Ступай прочь; ты мне мешаешь, я теперь занят другим». Эту историю передает сам Лютер. Заметив же, что у монаха руки похожи на когти птицы, Лютер сказал ему: «Хотя ты сатана, но спутать всех своими сетями ты не можешь». — И мнимый монах или сатана, как думает Лютер, со страшным ревом и шумом исчез из комнаты, оставив в ней отвратительный запах, от которого не могли избавиться в течение долгого времени[1].

Кто теперь поверит, что сатана действительно являлся Лютеру: а между тем сам Лютер искренне был убежден в этом, и по этому поводу написал большое рассуждение о богослужении католической Церкви, о молитвах за усопших, о чистилище и проч.[2]

В этой же книге Лютер утверждает[3], что Эколампадий убит был диаволом, о себе самом говорит, что однажды в полночь явился к нему диавол и вступил с ним в спор. Доводы духа были так сильны, что он после этого спора с духом долго беспокоился. Сильный голос духа и то, что он на свои вопросы давал и ответы, совершенно сбили с толку Лютера, который по этому случаю замечает: «Дух злой может удушить и убить, а также силою доводов довести человека до тоски, которая доводит человека до смерти, как я сам испытал на себе» — собственные слова Лютера.

Как, кажется, не поверить искренности Лютера, который так наивно передает факт? А между тем мы отвергаем действительность явления. Лютер был слишком мечтательный и религиозный, и потому, несмотря на безнравственность Римского клира, так поразившую его, сначала вовсе не думал производить переворота в религии или реформы в ней. Решившись на реформу, он естественно испытывал

---

[1] Philipp. Melancth. Theolog. C. I. Oper. fol. 326, 327.
[2] De Abroganda Missa Privata, Part. II.
[3] Ibid. Tom. VII, pag. 226.

борьбу убеждений старых, проклятых и новых, святых, как думал он. Ему казалось, что против его святого дела вооружены не только католики, но и духи злые, в явления которых вера в то время была очень сильна. Борьба расстроила мечтательную фантазию, которая рисовала ужасные образы, казавшиеся действительными при одиночестве Лютера в комнате.

В Мольсгейме, в капелле Игнатия[1], есть надпись, которая передает следующую историю: один молодой дворянин, по имени Михаил Людвиг фон Бубенгофен, был послан своим отцом ко двору герцога Лотарингского для изучения там французского языка. Но кроме этого, он здесь обучился еще многим дурным вещам и между прочим развил в себе здесь безграничную страсть к картежной игре, которая едва совершенно не погубила его. Он проиграл в карты все свои деньги: и вот, однажды, когда он наедине делал смету своим проигрышам, ему пришло в голову, что если бы демон обратил на него внимание и принес ему денег, то он готов был бы вступить с ним связь на каких угодно условиях. В ту же минуту явился пред ним юноша его лет, красивого телосложения, с приятными манерами, но его взгляд наполнил душу молодого человека ужасом, так как он принял незнакомца за демона. Незнакомец, смеясь, потрепал испуганного дворянина по плечу и сказал: «Чего ты испугался? разве я так неприятен, так гадок, что возбуждаю отвращение? Посмотри, как много у меня серебра, желаешь получить его?» Эта приятельская речь несколько ободрила несчастного, и он отвечал: «Серебро? но какого рода серебро? никуда не годное, фальшивое, которое вовсе не поможет моему горю?» «Нет, серебро хорошее, говорю тебе, серебро настоящее, пробное! и знаешь ли, как много? столько, сколько только ты захочешь иметь его! Вот оно, рассматривай его, пробуй, пускай его в оборот, и если найдешь его годным, обратись опять ко мне для того, чтобы нам с тобой заключить связь». Молодой человек отправился к своим товарищам, которых он застал еще за картами, начал опять играть с ними и не только отыграл у них свои деньги, но еще выиграл у них. Теперь, когда он с радостью возвращался домой, встречается с ним его злой враг.

— Ну что, правду я тебе говорил, или нет? Хорошим серебром снабдил я тебя, или нет?

— Весьма хорошим, отвечал юноша, я желал бы иметь его побольше.

— Хорошо, сказал демон, но чем же ты заплатишь мне за него?

Когда Михаил стал отговариваться бедностью, демон сказал ему: «Ты вовсе не беден кровью, и можешь дать мне ее капли четыре», и вслед за этим взял его левую руку и сделал на ней в одном месте разрез, не причинив, впрочем, при этом никакой боли. Выдавив из раны несколько капель крови в чашечку желудя и подав ему бумагу

[1] Игнатия Лойолы, основателя Иезуитского Ордена.

и перо, демон сказал ему: «Пиши», и начертил ему десять букв (которые тот должен был написать), которые, как потом оказалось, были большей частью греческие и которые не представляли никакого смысла. Потом он велел ему написать на другом листе еще гораздо большее число букв, похожих на прежние и затем сказал: «Эта бумага твоя!» и с этими словами вложил ее в рану, которая при этом в один момент так срослась, что остался только рубец. Демон сказал потом: «С этим ярлыком ты можешь требовать от меня всего, чего только пожелаешь; что ни прикажешь, все будет исполнено, и это будет в течение целых семи лет, по истечении которых ты сделаешься моим всецело. Это последнее ты обещаешь мне в другой записке, которую я беру себе. Согласен ли ты на мои условия?» Молодой человек глубоко вздохнул, однако согласился, и бес исчез. На другое утро он снова явился, посоветовал молодому человеку перестать читать некоторые небольшие молитвы, которые тот имел обыкновение прочитывать и отобрал у него много благочестивых книг для того, чтобы, как говорил он, могли свободнее и чаще вместе проводить время.

С этих пор обольститель постоянно, день и ночь, был при Михаиле в качестве слуги, научал его делать разные необыкновенные вещи, всегда дурного свойства, и постоянно побуждал его к различным порочным делам. Так протекла большая часть семи лет; молодому человеку наступал 20-й год, когда отец отозвал его обратно домой, в надежде, что его сын при дворе получил хорошее, приличное ему образование. Но его сын был самый испорченный, самый потерянный человек.

Срочного времени оставалось уже только несколько месяцев, и он, мучимый угрызениями совести, в отчаянии махнувши на все рукой, делал все, что только могло представиться ему самым необыкновенным и вместе самым постыдным. Он хотел отравить своих родителей, зажечь их дом, но ни того, ни другого Бог не допустил сделать демону, который уже дал было несчастному все нужные для совершения этих злодейств вещества; равно как не допустил Он молодого человека и до самоубийства. Два раза стрелял он из ружья в свою грудь, и в оба раза ружье осекалось. Этот последний факт неистовства открыл для других его внутреннее растерзанное состояние; сестры его не отходили от него для того, чтобы он опять не решился на неудавшееся злодейство и со слезами умоляли его сказать им, что заставляет его решаться на такое ужасное дело; но получили от него один ответ, что вскоре он приведет в исполнение то, на что решился, что это необходимо. Когда его мать узнала дело в общем виде, она также начала настаивать, чтобы он открыл яснее, в чем именно дело; и он наконец открыл ей все; мать от его рассказа упала в обморок. Но так как она принадлежала к Швенкфельдской секте и обратила к ней и своего сына, то она могла только оплакивать его, нисколько не заботясь о средствах к его спасению; наконец, од-

нажды демон пришел к нему в ее присутствии и согнул его тело в обруч так, что голова его пригнулась позади к ногам; это понудило мать отдать сына на попечение духовным. Но он, оправдываясь отвращением. какое он чувствовал к этим последним, ушел от них в Эйхштадт, где он стал жить еще позорнее прежнего. Но здесь поймал его брат, вюрцбургский каноник, сковал его, привез в Мольсгейм и отдал тут его на руки Иезуитам.

Демон понял теперь, что его добыча будет вырвана из его пасти, и нельзя пересказать, сколько угроз, искусства, хлопотни и запугиваний употреблял он для того, чтобы удержать ее за собой. Он нападал теперь на молодого человека то в виде черного льва, то в виде другого какого-нибудь зверя и делал вид, как будто хочет растерзать его, так что от страха и ужаса несчастный бросался в объятия духовных отцов, хотя, кроме его, никто не видал привидений, но иногда и другие слышали неистовый рев демона. Спасение было начато с строгой публичной исповеди, по предварительном совершении над грешником некоторых первоначальных заклинаний. Но он чувствовал к духовным отцам, к их действиям и намерениям такое отвращение, что один простой взгляд их был для него мучением, и если он хоть на несколько мгновений отдавался размышлениям, ему кто-то невидимо говорил на ухо: «Как это ты позволяешь себя утомлять подобными вещами?» Преследователь посоветовал ему сделать подложную расписку и бросить ее в каком-нибудь месте для того, чтобы дело таким образом показалось поконченным и он бы был оставлен. Но служитель, который был приставлен в Михаилу, подметил обман и предостерег ректора, и ректор теперь так неотступно стал действовать на Михаила, что он наконец решился на строгую и искреннюю исповедь. Но какого труда стоила она ему вследствие тех страшных видений и диких нападений со стороны демона, которые ему пришлось переносить при этом. При помощи несколько раз повторяемых заклинаний и молитв, исповедь однако совершилась; Михаил теперь почувствовал в себе удивительную силу к отражению дальнейших нападений. После этого решено было в капелле Св. Игнатия с молитвой к этому Святому совершить полные заклинания демона, с целью принудить его возвратить вложенную в руку Михаила записку и другую, написанную вместе с этой; для заклинаний назначено было 12-е октября; молодой человек обычным образом и со всею строгостью приготовился к ним; ректор совершил литургию и несчастный в присутствии многих духовных отцов и других посторонних людей произнес свое исповедание веры, отрекся от сатаны и это свое исповедание и отречение, записанные на бумаге, он отдал ректору, который положил их на престол. И потом, когда Михаил был приобщен Св. Тайн, он страшно содрогнулся и, дрожа весь, вскричал: «Два страшных демона стоят возле меня!»

Посредством повторенных заклинаний он был освобожден от этих привидений. Ему представилось, что по обеим сторонам алтаря стояли на задних ногах два козла и держали расписку. Потом эти козлы обратились в бегство; заклинатели стали искать расписку и увидели у своих ног тот самый маленький клочок бумаги, который юноша носил в руке. При виде расписки, у него полились из глаз слезы, особенно когда он посмотрел на то место своей руки, где была заложена расписка и увидел, что рубец на ней исчез, так что от него остался только легкий след. Теперь нужно было вынудить демона отдать и другую записку, и для этой цели повторено было все то, что было делано дня отнятия первой расписки. Когда дело дошло до вторичного совершения Св. Причастия, к величайшему ужасу заклинателя и Михаила, который теперь, впрочем, уже укрепился нравственно, явился гадкий аист. Аист держал во рту ту самую расписку, которую старались получить, и между тем как продолжалась усердная молитва, расписка выпала у него изо рта, как бы против его воли, после чего он тотчас исчез. Проискавши напрасно долгое время этой записки на полу, нашли ее наконец на престоле в том самом месте, где священником положено было клятвенное отречение юноши. Возвращенный таким образом Богу, Церкви и себе самому, молодой человек поблагодарил своего спасителя и стал жить по-христиански. Для того, чтобы увековечить память об этом чудном происшествии, папа Павел V поручил викарному епископу Страсбургскому, Адаму, и аббату Бенедиктинского Альторфского монастыря, Георгию, вместе со многими другими свидетелями происшествия исследовать дело, и следователи по окончательном допросе признали и объявили, что молодой человек своим чудесным спасением обязан, после Бога, молитвам Св. Игнатия. Вся эта история для вечной памяти о ней была начертана на доске, и эта доска повешена в церкви Игнатия в Мольсгейме, отстоящем на полторы мили от Страсбурга, где ее можно видеть и доселе. Эта история рассказывается также в сочинениях:

1. «De vita et instituto Sancti Ignatii Societatis Iesu fundatoris Libri quinque, ex Italico R. P. Danielis Bartoli S. I. Romae edito, Latine redditi, a P. Ludovico ex eadem Societate. Lugduni sumptibus Laurentii Anifson, an. MDCLXV, cum privilegio»

2. Görres. Christliche Mystik. III. 13d. VII. Seite 720-725.

Что сказать об этом рассказе? Прежде всего и главнее всего необходимо обратить внимание на ту редакцию, которой он пущен в ход, для определения достоверности его. Рассказ передан Иезуитами в церкви Игнатия Лойолы и в книге о его жизни — для возвышения и Игнатия Лойолы и Ордена, им основанного. Для человека не понаслышке знакомого с характером деятельности Иезуитов, достаточно сказать, что приведенный рассказ передан Иезуитами, чтобы рассказ был отвергнут. Но кто незнаком с происхождением, историей и характером деятельности Иезуитской, несколько суеверен,

тот примет этот рассказ за чистую монету. И потому мы считаем не лишним сказать несколько слов о происхождении Иезуитов, чтобы показать неверность рассказа, хотя г. Кальмет не делает с своей стороны замечаний. Для определения, что такое Иезуиты, мы воспользуемся замечаниями г. Ю. Ф. Самарина, занимавшегося специально вопросом этим[1]. В ответном письме патеру Мартынову вот что гововорит г. Самарин: «Основатель вашего (Иезуитского) Ордена называл Божию Матерь своею дамою, себя ее рыцарем, из-за нее вызывал на дуэль какого-то Мавра, и уверял своих учеников, что Бог-Отец взял его в товарищи к Иисусу Христу; это дало тон всему Ордену, и вы, по примеру старших, приравниваете теперь Иезуитов к Апостолам первых веков. Но Игнатию Лойоле, судя по рассказам его биографов, может, до некоторой степени, послужить извинением искренность его помешательства. Воображение его помутилось на единовременном чтении рыцарских романов и житий святых; одно с другим перепуталось и под влиянием этой комбинации, Испанский дворянин преобразился в какой-то небывалый, оригинальный тип полу-Дон-Кихота, полу-юродивого. Но ужели это образец для всех, и чем оправдаются последователи, в которых здравый рассудок остался нетронутым»[2]. Лойола, действительно Испанский дворянин, раненый в сражении, опасно заболел и по совету врача, не обладавшего предвидением, постоянно читал романы, поэмы и жития святых; расслабленный физически и расстроенный от боли тела умственно, Лойола вздумал создать новый Орден. Эта мысль так усилилась в расстроенном его воображении и уме, что и выздоровев, он не отказался от этой мысли, и по благословенно папы Павла III, основал Орден Иезуитов. Это и есть тот Игнатий, названный святым, которому посвящена церковь в Мольсгейме, и будто молитвами которого Михаил избавился от нечистой силы. Но можно ли считать святым того, кто оскорблял Божию Матерь, называя Ее своей дамой, и оскорблял Иисуса Христа, называя Его своим товарищем? Можно ли называть полу-Дон-Кихота полоумного святым, и можно ли рассчитывать на его молитвы? Очевидно, что ни молитвы Лойолы, которых конечно не было, ни его ходатайство, которого нельзя ожидать, не избавили Михаила от демона, а между тем Иезуиты утверждают, что ходатайству Лойолы перед Богом обязан Михаил. Если же так, то, судя об этом рассказе естественно, логически, мы должны будем спросить, да и всякий на нашем месте спросит: доверять ли рассказу переданному, можно ли принять за несомненно

---

[1] Пять писем г. Самарина, которые написаны в ответ на письмо Иезуита Мартынова, помещены в газете «День», за 1865 г., начиная с №№ 45 и 46, в которых напечатано и письмо Иезуита Мартынова. Эти письма вполне заслуживают внимания и уважения, как потому, что г. Самарин серьезно занимался изучением этого предмета, так и потому, что изучил глубоко этот предмет, осмыслил и с умением и тактом передал его. В этих письмах вполне охарактеризован Иезуит, как такой: в них выведена наружу пошлость Иезуитов теоретическая и практическая, как людей и как монахов.

[2] «День» 1865 г. №№ 45 и 46, стр. 1084-1085.

истинный этот рассказ? Можно ли, наконец, хоть наполовину принять переданный рассказ на веру? Свойство Иезуитов таково, что они готовы прибегнуть ко всем, даже низким, недобросовестным средствам, готовы врать беспощадно, лишь бы только возвысить своих. Г. Самарин характеризует это их свойство, когда говорит об их сочинении: «Imago primi saeculi». Книга эта, говорит г. Самарин, «произведение в своем роде единственное, как Геркулесовы столбы самохвальства. В ней говорится, что Иезуитское общество рождено от самого Христа и насчитывает трех основателей: Иисуса Христа, Божию Матерь и Игнатия Лойолу; что земная жизнь Спасителя, черта в черту, совпадает с историческою судьбою Ордена, который, через это, как бы отождествляется с божественным своим основателем; что каждый Иезуит, до конца жизни пробывший в Ордене, непременно попадет в рай, и что когда душа его отделяется от тела, Спаситель выходит ей навстречу и вводит ее в царство небесное — это *привилегия* Иезуитов, засвидетельствованная многими святыми; что Божия Матерь молилась на земле так же, как Лойола, и передала ему свою систему духовных упражнений, что общество имеет все свойства солнца и луны, сияет во вселенной, благотворит всему миру и все охраняет во время ночи. Затем исчисляются подвиги отдельных лиц, членов Ордена, которые уподобляются львам, орлам, Самсону, Апостолам и Архангелам; наконец, оглядываясь на прошедшее и на тогдашнее положение Иезуитского Ордена в Европе, авторы в каком-то лирическом опьянении восклицают: «Мы можем применить к нему пророчество Исайи о народе Божием и о Церкви: *будут царие кормителие твои, и княгини их кормилицы твоя: до лица земли поклонятся тебе и прах ног твоих оближут... и изссеши млеко языков и богатство царей снеси... и людие твои во век наследят землю* и т. д.» (Ис. 49, 7, 23; 60, 16, 21)[1]. Эта книга, о которой идет дело, написана и издана через сто лет после начала Ордена. Сколько в ней кощунства, сколько оскорблений для Спасителя. Что за сравнения Лойолы со Спасителем, Иезуитов с Апостолами и Архангелами! когда же это общество учреждено Спасителем? Очевидная ложь, самохвальство и нахальная бессовестность Иезуитов в отношении к неведущим. А после этого и рассказ о Михаиле лишается всякого доверия. Иезуиты способны и готовы насказать самых диких и нелепых небылиц, лишь бы возвысить своих, особенно основателя Ордена, в глазах незнающих дела. Самый рассказ о Михаиле по своему характеру — чистая средневековая басня. Иезуиты воспользовались суеверными рассказами и из них составили приведенный рассказ, чтобы возвысить и себя и своего основателя. Тем же, которые могут сделать подобного рода возражение: почему же современники не уличили их во лжи? мы ответим, что Иезуиты передают всегда факт так, как будто он совер-

---

[1] «День» 1865 г. №№ 45 и 46.

шился за 30 или 40 лет до передачи ими сообщения верным христианам, когда никто не мог поверить дела de facto: да никто бы и не решился спорить с Иезуитами, для личной безопасности, — Иезуиты никому не простят.

Один молодой человек знатного рода[1], по имени Клар, впоследствии священник, решившись посвятить себя исключительно Богу, поступил в монастырь, и здесь он вообразил, что он имеет общение с Ангелами. Но так как монахи не верили ему в этом, то он сказал им однажды, что в следующую ночь Бог даст ему белую одежду, в которой он и явится среди них. Действительно, около полуночи весь монастырь был сильно встревожен; в келье молодого монаха был необыкновенный свет и шум такого рода, как будто в ней ходило взад и вперед и разговаривало много людей. Потом Клар вышел из своей кельи и показал братии одежду, в которую он был одет; она была из материи удивительно ослепительной белизны и такой необыкновенной тонкости, что монахи еще ничего подобного никогда не видали, так что никто из них не мог понять, из чего она соткана.

Всю остальную часть ночи монахи провели в хвалебном и благодарственном пении за чудные благодеяния Божии. Утром хотели представить Клара Св. Мартину, но он всеми силами противился этому, потому что, как говорил он, ему строго запрещено было являться к Мартину. Когда монахи стали еще более настаивать на том, чтобы он шел к святителю, туника его вдруг исчезла в глазах всех присутствовавших, из чего заключили, что это действие нечистой силы. Другой монах воображал, что он Илия-пророк, третий, что он Евангелист Иоанн и т. п. Эти факты и много им подобных передает Сульпиций Север с тем, чтобы возвысить Мартина, биографию которого он написал. Очень естественно, что Сульпиций мог передать очень много самых нелепых рассказов, не намеренно, без критической оценки, как потому, что у него не хватало на это столько решимости, смелости, так и потому, что он не мог осмыслить их; в этом случае он отдал справедливую дань времени.

Все платили дань времени; наклонность к мечтательности, к предрассудкам, суеверию была общим достоянием того времени, общей настроенностью, не говори уже об отдельных личностях. Если неоплатоники, Магомет, гностики воображали, что они имеют общение с духами, то почему же какой-нибудь средневековый монах не мог вообразить, что он пророк Илия? Если и умные люди, напр. Лютер, воображали, что на них нападают демоны, что им являются ангелы, то почему же Клар, мечтательный, мистик, с расстроенным воображением, не мог вообразить, что к нему являются духи, и почему не мог кто-нибудь дополнить этот рассказ новыми самоизобретенными сведениями о шуме в монастыре, о тунике и т. п. ..? Чего не представится воображению в возбужденном состоянии, в котором человеку

[1] Sulpit. Sever. Vit. S. Martini, c. 15.

кажется, что он видит то, чего на самом деле, объективно, никогда не было. Аякс, по словам Гомера, воображая, что видит пред собою Улисса, Агамемнона и Менелая, убил вместо них животных. Это не иное что, как ослепление, обман внешних чувств, настроенных к этому возбужденным воображением или, говоря другими словами, это такое состояние, в котором мы видим и слышим то, чего на самом деле нет, а того, что действительно совершается кругом нас, не видим и не слышим. Все эти явления необходимо приписать расстроенному, больному воображению, страху, или слабоумию, суеверию, коварству и злобе, искусству и ловкости искусных шарлатанов, которые издеваются над простаками и пользуются их суеверием. Часто во сне мы видим то, чего желали страстно или, вообще, что прежде занимало наше воображение страхом пли надеждою. Часто мы видим во сне и то, чего прежде никогда не представляли, что скорее составило предмет нашего отвращения, чем желания и любви. Но нам и в голову не приходит задумываться над подобными снами. Все эти сонные явления объясняются разгоряченной кровью, испарениями, соками обремененного желудка, местом, на котором спим в т. п. Но суеверные придают этим снам предсказательное значение, беспокоятся, мучаются в ожидании несчастья и т. п. Лежа во время сна навзничь в комнате, наполненной нечистыми испарениями, особенно во время грозы, мы чувствуем давление в груди, которое не иное что, как прилив крови, зависящий от указанных причин или условий. Суеверные думают, что это душит человека нечистый дух, тем более, что проснувшемуся, пока он не протрет глаза, кажется, что пред ним стоит страшный человек (это в детстве я сам на себе испытывал не раз), который хочет броситься на несчастную жертву; но этот призрак исчезает, как только глаза протерты или, правильнее говоря: когда кровь, прилившая к груди и к голове и возбудившая мозг, придет в нормальное состояние, страшный призрак исчезнет. Да не только в сонном, но и в бодрственном состоянии человеку иногда представляется то, чего на самом деле вовсе нет. Много таких случаев, что больной и слабый зрением видят то, чего здоровый не видит. Пьяному все представляется в удвоенном виде; больному желтухой все представляется в желтом цвете; палка в темноте может показаться привидением. Иные по злобе или просто из шалости надевают черные или белые покрывала, выходят на улицу ночью, чтобы напугать других, а суеверы, увидев этих пугал, утверждают, что видели нечистую силу, или злого духа. Иногда такие духи беспокоят дома потому, что роль нечистых духов разыгрывают иногда воры или любовники, для достижения своих целей.

Замечено, что чем более в стране господствует невежество, тем более распространено в ней суеверие, и более видную роль играет в ней нечистый дух. Людовик Вивес замечает, что в новооткрытой Америке ничто так не обыкновенно, как видение духов, которые яв-

ляются будто бы среди белого дня, и не только где-нибудь в поле, но и в деревнях и в городах[1]. Олай Магнус, архиепископ Упсальский, который писал о древностях северных народов, замечает[2], что в Норвегии, Швеции, Финляндии и Лапландии видят духов, которые совершают чудеса; некоторые из них служат людям и водят их лошадей и другой скот на пастбища.

Мы думаем, что предубеждения детства гораздо более имеют значения в отношении к этой вере, чем разум и опыт. Это суеверие всасывается, если можно так выразиться, с молоком матери. Где нет рассказов о духах, там ничего не слышно ни о явлениях духов, ни о привидениях. Татары и магометане не верят ни в какие явления духов, хотя убеждены, что ангелы являлись Аврааму и другим патриархам, и что Архангел Гавриил являлся Магомету. Абиссинцы, народ очень невежественный и грубый, не верят ни в явления духов, ни в привидения.

Да что говорить о сказках наших предков, когда и в настоящее время весьма много ложных историй и сказок о явлениях духов, которые так распространены в народе, который безусловно верит им, несмотря на то, что в настоящее время народ менее суеверен, чем в былые времена, когда суеверие особенно способно было создавать небылицы. Принимая пугала за явления духов, суеверы всегда старались передать факт в вычурном цвете, с прибавками от себя, и придуманная ложь передавалась из уст в уста с новыми и новыми дополнениями. Это своего рода кошмар, эпидемия, которой способен был заразиться и заражался всякий сколько-нибудь суеверный. И нам остается только пожалеть, что наши предки были так суеверны, невежественны, что верили в возможность таких небылиц, которые остались нам в наследство.

ΔΔΔ

---

[1] Ludov. Vives, De veritate fidei, Lib. I, pag, 540.
[2] Olaus Magn., Lib. III.

ГЛАВА V

Удивительное действие воображения в мужчинах и женщинах, которые думали, будто имеют общение телесное с злыми духами

К народным поверьям о явлениях и действиях духов относятся поверья о телесном сообщении духов с людьми. Это поверье известно было и в древности; в средние века оно изменило несколько характер вследствие изменения направления в развитии.

В древних языческих религиях мы встречаем очень часто веру в телесное общение богов с людьми. Большей частью волю богов о том, что известный бог желает иметь общение с известной женщиной или девицей, объявляли жрецы. Мужья и родители охотно отпускали жен и дочерей во храм, считая это благоволением богов и предзнаменованием счастия семейства. Жрец проводил во храм приглашенную особу и оставлял одну ночевать во храме. В глубокую полночь являлся к ней бог и проводил с ней некоторое время. Родившееся после этого дитя считалось отродием, отраслью, племенем богов, полубогом. Обычай этот существовал у многих древних народов, особенно же у Персов и Египтян. Бог Бел или Ваал особенно часто осчастливливал многих своим посещением. О многих знаменитых лицах известно, что они произошли от богов именно таким образом. Говорят, будто таким образом родился Александр Македонский. К его матери бог сам явился в дом. Впоследствии времени узнали, что это был самый недобросовестный, самый низкий обман легковерных со стороны ловких негодяев-жрецов, и теперь никто не верит, что боги сами требовали к себе известных особ; всякий считает это проделкой жрецов, смеется и жалеет о легковерных. Из греческой мифологии известно, что Зевс очень часто посещал смертных с этой целью; то он превращает известную особу в корову, ворону, то нисходит на нее золотым дождем и т. п. и поступает так потому, чтобы не узнала этого его ревнивая жена (она же и сестра) Юнона. Другие боги, как низшие, так и высшие, следовали примеру Зевса, хотя реже и с меньшим успехом. Словом, история Олимпийских богов полна подобных скандальных рассказов. Об Энее известно, что он произошел от бога таким образом. Все Римские оргии и вакханалии напоминают об оргиях богов с смертными. В Риме было целое общество девиц, посвятивших себя посмертному девству и служению при храме. Это были *весталки*. За несоблюдение обета, за нарушение девства, они строго наказывались. Чтобы избавиться от наказания, весталки, в случае нарушения девства,

говорили, что боги посещали их за святость их жизни[1]. В настоящее время все рассказы эти считаются вздором, произведением фантазии, обманом жрецов, игравших роль богов, весталок, желавших избавиться от наказания; несмотря однако ж на всю нелепость этих басен и обмана, в средние века допускали возможность их, только в измененном виде, как сейчас увидим.

Торквемада говорит, будто в его время в Сардинском городе Каглиари одна девушка была увлечена демоном в распутные с ним связи, что она за это была арестована инквизицией и приговорена к сожжению, которое она и потерпела, в надежде освободиться от своего любовника и спастись. Тут же Торквемада рассказывает такой случай: один молодой человек из хорошего дома предложил руку одной молодой девушке. Демон, приняв вид этого молодого человека, явился этой девушке, дал ей обещание жениться на ней и нарушил ее девство. Обман узнала девушка тогда, когда узнала от действительного жениха, что он в то время, когда демон в его образе давал ей обещание жениться, и нарушил ее девство, находился на пятьдесят часов расстояния от нее, и ничего не знает обо всем случившемся. Обманутая девушка пошла в монастырь и понесла здесь покаяние за двойное преступление, за невоздержание и сообщение с демоном.

В жизнеописании Бернарда читаем[2]: в Бретани, в Нанте одна женщина имела, или воображала, что имела общение с демоном; он посещал ее ночью, даже в то время, когда с ней спал ее муж. Целых шесть лет продолжалось это общение; по прошествии этого времени, она почувствовала наконец отвращение к этой связи и покаялась в ней перед священником. По совету священника она совершала много благочестивых дел как для того, чтобы загладить преступление, так и для того, чтобы избавиться от несносного любовника. Муж ее, узнавши обо всем этом, оставил ее, не хотел более иметь с ней никакой связи. Однажды сам демон предупредил ее, что скоро в Нант прибудет Св. Бернард, и требовал, чтобы она не обращалась к святителю, потому что, говорил он, аббат ничем не поможет ей; что если она будет говорить с ним, то это послужит только к ее вреду, потому что он, ее жаркий любовник, сделается в таком случае ее жестоким врагом. Св. Бернард утешал несчастную женщину и посоветовал ей перед сном ограждать себя крестным знамением и класть возле себя на постели жезл, который он сам ей дал. Если опять придет демон, говорил святитель, ты не бойся, пусть делает, что хочет. Демон действительно опять явился, но уже не мог приблизиться к ее постели; он начал изрыгать ей угрозы и сказал ей, что когда уедет Бернард, он опять явится к ней для того, чтобы мучить ее. В следующее вос-

[1] Обо всем этом можно найти почти во всяком сочинении о мифологии древних, особенно в сочин. «Храм древности, содержащий в себе Египетских, Греческих и Римских богов имена, родословие, празднества и проч.». Москва, 1764 г.
[2] Vita S. Berngard, Tom I, lib. 21.

кресенье Св. Бернард вместе с епископами Нантским и Шартрским отправился в соборную церковь; здесь он раздал зажженные свечи всему народу, которого собралось большое множество, потом во всеуслышание рассказал странную историю, произнес заклятие на злого духа и во имя Иисуса Христа повелел ему никогда более не приближаться ни к указанной, ни ко всякой другой женщине. Каждый потушил свою свечу, и власть демона была сокрушена.

Приведенные рассказы, передаваемые с такой обстоятельностью, по-видимому, дают основание верить, что во всем, что рассказывается относительно телесного сообщения демонов с людьми, есть своя доля правды; но если присмотреться к делу повнимательнее, то оказывается, что все это не более, как дело в высшей степени расстроенного воображения и предрассудка![1] Св. Бернард прежде всего действует на душу женщины тем, что дает ей трость и велит эту трость класть возле себя в постели. Этого уже достаточно было для первоначального влияния. Для совершенного исцеления он заклинает и изгоняет демона с возможно большей церемонией: собираются в церковь епископы, стекаются толпы народа, публично оглашается все дело; заклинается дух, погашаются свечи, все эти торжественные церемонии оказывают самое сильное влияние на душу женщины, и ее воображение совершенно выздоравливает. Иероним Кардан рассказывает[2] два замечательных в этом отношении примера влияния воображения. Сам он узнал их от Франциска де-ля Миранда. «Я знал, рассказывает этот последний, одного семидесятипятилетнего священника, который жил воображаемой женой, которую он называл Гермелиной, спал и разговаривал с ней, гулял с ней по улицам. Но он один только видел ее или, лучше, воображал, что ее видит, и потому его считали помешанным. Имя этого священника Бенедикт Бейна. Он был арестован и наказан, как преступник, потому что под пыткой сознался, что он при совершении литургии не произносил главных слов священнодействия, что он давал женщинам частицы Св. даров для какого-то безбожного употребления их, сосал кровь детей и пр.». Во всем этом он сознался под пыткой.

Другой священник, Пикета, говорят, тоже жил с демоном, как с женой, и в течение целых сорока лет имел с ним телесное сообщение. Этот священник был жив еще во время Франциска де-ля Миранда, передавшего рассказ о нем.

Это поверье существует еще и теперь в захолустьях. Одна барыня не шутя уверяла меня, что к ее горничной часто являлся злой дух, беседовал с ней и имел с нею преступные связи до тех пор, пока она не созналась священнику, который простил ей ее преступление и не заклял духа, который с этого времени прекратил свои нощения. Священник, знавший не хуже барыни и понимающий лучше ее дело, объяснял это так: «Горничная спала в постели, лежа на спине, в

---

[1] Здесь автор совершенно справедлив.
[2] Cardan, De variet. Lib. XV, c. LXXX, p. 290.

комнате, наполненной нечистым воздухом, потому что это была кухня, пекарня и пр. Девушка была 22 лет, полнокровная, здоровая, мечтавшая о замужестве и с этими мечтами засыпавшая, как сама созналась». Очень естественно, что она сонные грезы принимала за действительность. Что она во сне говорила с воображаемым демоном, в этом нет ничего странного; ведь мы часто говорим во сне. А думала, что имеет общение с демоном потому, что в действительности не видела мужчины похожего на того, который являлся ей ночью.

Другой факт еще страннее. К молодой вдове очень часто являлся ночью умерший муж, беседовал с ней, имел с ней плотское сообщение, приносил иногда подарки: платье, платки, бурнус и т. п. и даже деньги. Члены семейства почти всегда видели, как он входил к жене и уходил, слышало тихий разговор и пр. Молодая вдова искренне убеждена была, что лицо, являвшееся ночью, был ее умерший муж, и была очень рада этим посещениям, как потому, что очень любила мужа, так и потому, что он приносил ей подарки. Одно только ее беспокоило, именно то, что он страшно наскучивал ее каждый раз своими любезностями. Но еще более беспокоились родные и доложили священнику, который сначала хотел подействовать на нее убеждениями в том, что это все вздор, что это болезнь, развившаяся вследствие сильной тоски по умершем муже. Но вдова и ее родные опровергли его фактом, указав на подарки, и этим поставили его в тупик. Священник избрал другой путь для достижения цели; он начал угрожать ей церковной епитимией, если она не прекратит общения с умершим, вечными мучениями и т. п. Вдова обратилась за советом к бабам, которые посоветовали ей насыпать в миску конопли, положить горячих угольев, насыпать конопли в пазуху и когда явится покойник, вынимать из пазухи коноплю, раскусывать ее, чтобы она трещала в зубах и бросать на раскаленные уголья: когда же спросит: «Что это?» нужно было отвечать: «Вши одолели». Священник между тем произнес на умершего проклятие, чтобы впредь не являлся. Ночью, когда явился умерший, было совершенно темно на улице, а в доме, кроме темноты, смрад и дым. Явившись, умерший начал упрекать жену в ее недобросовестности, грозил убить ее и отнять у нее все, что подарил. Испуганная вдова впала в обморок, тем более, что этому способствовал дым и вонь. Очнувшись от обморока, вдова ничего не нашла из подарков. Между тем, когда мертвец уходил с забранными подарками, спавшие в чулане и разбуженные шумом родные вдовы слышали, как умерший ударился в стену, конечно впопыхах, и как затрещало у него платье. На другой день нашли кусок, оторванный от полы поддевки, задетой за гвоздь, вбитый в стену. Последнее обстоятельство открыло милого покойника. Помещичий конторщик, человек женатый, давно ухаживавший за женою умершего без успеха при жизни мужа, теперь думал достигнуть цели. Когда он через неделю по смерти мужа обратился в окно

к вдове с просьбою пустить его в дом или по крайней мере объясниться с ним у окна, вдова, постоянно думавшая и засыпавшая с мыслью об умершем муже, будучи пробуждена стуком в окно во время сонных грез о муже, решила, что это умерший муж вздумал посетить ее, сильно испугалась и закричала. Ее крик разбудил семью, которой она объяснила, что к ней являлся умерший и просился к ней, что она испугалась и закричала. В деревне на другой день разнесся слух, что умерший муж являлся ночью к вдове. Конторщик, конечно, узнал об этом и воспользовался слухом. Явившись в другую ночь, он разыграл роль умершего, объяснил ей, что он по-прежнему ее любит, что будет посещать ее по ночам, и будет приносить ей подарки, и тут же подал ей через окно ситцу на платье. Обманутая жена приняла конторщика за мужа, тем более что конторщик был во многом похож на умершего. Эти посещения продолжались до тех пор, пока священник не потребовал этого от вдовы. На вопрос жены, не раз замечавшей, как муж ночью уходил — на вопрос: куда он ходит по ночам? — он отвечал: «Ходил посмотреть контору». На другой день после скандала у конторщика был разбит висок и оторван кусок полы в поддевке. Это несчастное обстоятельство конторщик объяснял жене так: «Когда я подошел к конторе, то заметил здесь какого-то человека; я крикнул на мошенника, который ударил меня в висок палкой, и когда я начал кричать, он бросился бежать, оставив узел. От боли и испуга я побежал в комнату и, задев за дверь поддевкой, разорвал полу». Жена его передала это несчастие другим и история через два дня открылась. Дело кончилось тем, что конторщика наказали розгами и лишили места.

Таких фактов можно бы привести очень много, но это была бы слишком скучная история, потому что все эти факты похожи один на другой, как различные вариации на одну и ту же тему.

Одни из них были обманом несчастных со стороны ловких негодяев. Мы видели, как бессовестно жрецы языческие обманывали неопытных, не знавших, что роль богов разыгрывают жрецы, требуя в капище известных женщин или девиц для удовлетворения своей постыдной страсти. Жрецы за этот низкий обман оставались безнаказанными, а особы, приглашенные в капище, считались любимицами богов потому, что никто не знал проделки жрецов.

В средние века относились к делу иначе. Считая всех тех, которые говорили, что имеют телесное общение с духами, людьми нечистыми, колдунами и колдуньями, их мучили, резали, жгли, не исследовав хорошо дела. Почти во всех следствиях над ведьмами в средние века, показывается, по сознанию ведьм, что дьявол одет в черное платье, носит на голове шляпу с перьями и сидит на огне, но лошадиных ног не имеет. Католические безженные священники и другие проказники, конечно, в длинные зимние вечера всего удачнее разыгрывали роль странствующих демонских рыцарей. Между тем несчастных, воображавших, что имеют сношения с демонами, мучили,

пытали и казнили. Кроме обманов было много помешанных, которые только воображали, что имеют сообщение с демонами, тогда как на самом деле ничего подобного не было.

Инквизиционный суд должен был бы основательно рассматривать дело и тогда уже решать судьбу обвиняемых, а не вести судебного процесса наобум. Если бы дело было ведено таким образом, то открылись бы только обманы и помешательства, и тогда бы нужно было казнить не обманутых, а обманщиков; помешанных же излечивать, как это потом и делали, излечивая их простым и естественнным способом. В помешанных освежали кровь, очищали их организмы от дурных соков, занимали их воображение постоянно новыми впечатлениями, развлекая их, возбуждая в них новые и новые суждения, и таким образом не давали им времени заниматься их вздорными фантастическими бреднями и сосредоточиваться на одном и том же предмете помешательства.

В заключение мы пожалеем только о том, что инквизиторы не могли сообразить того, что духи, как такие, по самой природе своей, не имеют возможности телесно сообщаться с людьми.

∆ ∆ ∆

II.

О домовых, привидениях и явлениях душ отшедших людей. Мнения язычников, средневековые народные поверья, суеверия и предрассудки.

«Глаз есть самое обманчивое орудие чувств.
После глаза, ухо есть самое обманчивое
орудие чувств».

Сэр Давид Брюстер

Чувство зрения и слуха, необразованность, неразвитость и воображение были обильнейшими источниками обманов, иллюзий, фантасмагорий и заблуждений, суеверий и предрассудков. Неразвитое, необразованное воображение, под влиянием и при содействии органов зрения и слуха, породило бесчисленное множество поверий о домовых, леших, водяных, о привидениях и о явлениях отшедших душ.

ГЛАВА VI

Народные поверья о домовых

К явлениям и действиям нечистой силы народные поверья относят также и явления и действия домовых, которые будто находятся в домах, конюшнях, дворах, в горных пещерах и рудокопнях. Простой русский народ называет их хозяевами. «Хозяину, говорят, напр., не любо» и т. п. Домовые обыкновенно никому не делали никакого вреда, никакого насилия, если только их не дразнили и не оскорбляли. В противном случае они страшно мстили за оскорбление. Впрочем, иногда домовые беспокоили целые дома без всякой причины. В чем выражались действия домовых, и как они являлись, мы увидим из рассказов, которые оставлены нам в наследство древними и средневековыми писателями. Веру или, лучше, поверье в домовых мы встречаем уже в религиозных верованиях Шаманов, по мнению которых домовых из класса Чиктуров или злых духов очень много. Замечательнейший из них Бук, который, поселившись в юрте, не дает покоя жильцам ни днем, ни ночью. Шаманы, впрочем, умели изгонять его. Беспокоили, по мнению Шаманов, юрты и Онгоны, которых также изгоняли Шаманы[1]. По мнению Римлян и Греков, демоны беспокоили по временам известные места, здания и дома. Чтобы избавиться от них, как беспокойных посетителей, им приносили жертвы. Вера в домовых была и в Египте. Кассиан, часто посещавший Египет, говоря о различных видах демонов, упоминает о таких, которых называли фаунами или сатирами, а также полевыми или лесными богами; духи эти не имели в виду мучить людей или вредить им, а ограничивались только тем одним, что обманывали их, устраивали на их счет шутки, и забавлялись их простотой[2].

У Плиния младшего[3] жил один вольноотпущенный Марк, человек, знакомый с науками. Однажды, рассказывает Плиний, Марк увидел во сне, что у него на постели сидит какой-то человек и стрижет его волосы на голове; проснувшись, он увидел, что он на самом деле обрит и что его волосы разбросаны на полу. Спустя несколько времени случилось то же самое с мальчиком, который спал вместе с другими. Этот мальчик увидел также во сне, что через окно вошли в комнату два человека, одетые в белое, остригли его волосы и опять удалились тем же путем.

---

[1] Нила «Буддизм».
[2] Cassian. Collat. VII, c. 23.
[3] Plin. I, 7. Epist. 27 suiv.

Проснувшись, он увидел, что его волосы действительно острижены и разбросаны на полу. Плиний думает, что проделка в обоих случаях принадлежит домовым. Но почему же домовым, а не людям? Если только Плиний передает правду, то никак нельзя согласиться, что это были домовые, а не шалуны какие-нибудь.

Верили еще, что кроме шалостей невинных, домовые убивали иногда людей, шумели и т. п. Некоторые, напротив, привязывались к людям и служили им.

Отец Вальдинг передает такое событие из одной ненапечатанной легенды: в доме одной женщины Луппы в течение целых тринадцати лет жил домовой дух, который был для нее вместо комнатной прислуги, и который развил в ней много тайных пороков и заставил ее бесчеловечно обращаться с подчиненными.

У Агриппы домовой жил и прислуживал ему в виде собаки. Павел Иовий рассказывает, что эта собака, когда узнала, что хозяин ее умер, сама бросилась в реку Рону и утонула.

Ле Лойэр говорит, что в то время, как он изучал законоведение в г. Тулузе, жил он вблизи одного дома, где домовой по целым ночам выливал воду из колодца. Иногда казалось, что как будто он тащил по лестнице что-нибудь тяжелое; в комнаты входил он очень редко и тихо[1].

Рассказывают, что у Плотина[2], известного неоплатонического философа, жил домашний дух, который являлся к нему всегда, как только он его звал, и который будто был высшей природы, чем обыкновенные духи-покровители, он принадлежал к богам. Плотин постоянно говорит об этом своем духе-покровителе. Этот-то дух побудил его написать сочинение о присутствующем при каждом человеке демоне. — Здесь он старается объяснить различие людей по гениям. Тритенгейм[3] рассказывает: в Саксонии, в епископстве Гилдесгейм, долгое время видели духа, которого по-немецки называли Haidekina, т. е. считали его чем-то вроде домового. Он являлся то в том, то в другом виде; а иногда, оставаясь невидимым, производил разные явления, которые доказывали его присутствие и силу. Иногда он давал важные советы знатным лицам; часто он показывался на епископской кухне, помогал повару и делал разные вещи. Когда один из младших поваров, который с ним был в коротких отношениях, несколько раз оскорбил его, он пожаловался кухмейстеру, но кухмейстер не обратил на это никакого внимания, и дух отмстил за себя жестоким образом. Однажды, когда оскорбивший его повар спал в кухне, он задушил его, изрезал его в куски и изжарил. Потом он простер еще далее свою ожесточенность против поваров и других служителей епископа. Принуждены были наконец, посредством заклинаний, заставить его оставить страну.

---

[1] Le Loyer, Liv. 2, p. 550.
[2] Leben des Plotinus, art. X.
[3] Chronic. Hirsaug. ad ann. 1130.

К домовым, как уже сказал я, полагаю, нужно причислить тех духов, которые являются в рудокопнях и в горных пещерах. Они являются здесь в одежде рудокопов, бегают туда и сюда, хлопочут, как будто работают, отыскивают руду, складывают ее в кучи, делают вид, как будто ворочают колесо подземной машины, и вообще, повидимому, до изнеможения трудятся для того, чтобы помочь работникам, а на самом деле совсем ничего не делают.

Эти духи безвредны, если только не дразнят их, не смеются над ними, в противном случае они делаются злы и бросают чем попало в тех, кто их дразнит. Однажды один рудокоп изругал одного из этих духов и высказал желание, чтобы он был повешен, и рассерженный дух свернул ему шею, так что глаза у него очутились сзади; несчастный не умер от этого, но в таком положении и остался на всю жизнь.

Георг Агриколя, написавший ученый трактат о рудниках, металлах и способе добывания их из недр земли, рассказывает о разных родах духов, являющихся в рудокопнях. Рассказывает, что одни из них слишком малы, похожи на карликов и пигмеев; другие выглядят сгорбленными стариками и одеты, как рудокопы, с кожаными передниками; они делали или притворялись делающими то, что делали другие, они были очень веселы и не делали никому никакого оскорбления. На других рудокопнях, напротив, являлись страшные духи, которые оскорбляли работников, иногда даже убивали их и принуждали таким образом оставлять самые богатые и прибыльные рудники. Так напр. в Аннаберге, в одной рудокопне, называемой Розенкроне, дух в образе дикой лошади умертвил двенадцать рудокопов и принудил уничтожить эту рудокопню, несмотря на то, что она была очень выгодна. В другой рудокопне, по имени St. Gregori, однажды явился дух, одетый в черный кивер с хвостом, схватил одного рудокопа, высоко поднял его и потом бросил на землю, сильно искалечивши его таким образом.

Олай Магнус[1]; рассказывает, будто в Швеции и в других северных странах в старину существовали домашние духи, которые в виде мужчин и женщин служили людям. Он рассказывает также о нимфах, которые жили в пещерах и лесных трущобах и которые будто предсказывали будущее, к одним людям благоволили, против других враждовали; что будто они являлись тем, кто обращался к ним за советом, и говорили с ними. Он же рассказывает, будто иногда путешественники и пастухи видели ночью различных привидений, которые до того обжигали те места, на которых являлись, что на них потом уже не было никакой зелени.

Олай же Магнус[2] рассказывает, что будто в горных рудниках и преимущественно в серебряных, которые особенно много давали при-

---

[1] Olaus Mag. Lib. III Hist. 5, 9-14.

[2] Olaus Mag. Lib. IV, c. 9.

были, часто видели демонов, которые, принимая различные виды, то разбивали камни, то вздергивали ведра, то вертели машинные колеса и пр.; иногда они подымали громкий хохот и делали тысячи разных глупостей. Цель их была самая злая, — часто по их старанию рудокопы погибали под разрушенными сводами пещер или подвергались самым большим опасностям, причем демоны изрыгали ругательства и хулы на Бога. Многие, говорит он, из самых богатых рудников оставлялись именно из страха к этим зловредным духам.

Несмотря на все приведенные свидетельства, я очень сомневаюсь, чтобы в горных ущельях и рудниках действительно жили и являлись духи. Я расспрашивал насчет этого предмета рудокопов, людей, потрудившихся в своем деле, с которыми мне часто приходилось встречаться на Вогезских горах, и все они уверили меня, что все рассказы относительно этих духов вымышлены, что если иногда кому и представлялось в рудниках что-нибудь вроде демонов или других каких чудовищ, так это было не более как оптический обман, происходивший от слишком восприимчивого и раздражительного воображения. Но даже и о случаях такого обмана они говорили, как о весьма редких и необыкновенных случаях.

Один путешественник, путешествовавший в северных странах, которого путевые записки напечатаны в 1708 г. в Амстердаме, рассказывает, что будто исландцы все волшебники, что будто у них существуют домашние духи, которых они называют бабищами (trolles), что эти духи служат им как рабы, предуведомляют их о будущих несчастиях и болезнях, побуждают их отправляться на рыбную ловлю, когда предвидят, что она будет удачна, и что если отправляются на рыбную ловлю, не получив предварительно совета на это от этих духов, то обыкновенно возвращаются ни с чем, что у этого народа весьма много рассказов подобного рода.

Граф Деспильер, в молодых летах, будучи начальником кирасиров, расположился на зимовку во Фландрии. Здесь однажды приходит к нему один из его солдат и говорит, что к нему в квартиру каждую ночь является дух и не дает ему спать, и просит поэтому дать ему другую квартиру. Граф расхохотался и прогнал солдата. Через несколько дней солдат опять является с тою же просьбою. В этот раз граф хотел наказать солдата палками, от которых он избавился только тем, что поспешил уйти. Наконец пришел солдат в третий раз и поклялся, что он принужден будет к побегу, если не переменят ему квартиры. Деспильер ругнул солдата и сказал ему: «Сегодня я сам ночую с тобой и посмотрю, в чем дело». В 10-ть часов вечера ротмистр отправился в квартиру солдата, положил на стол заряженные пистолеты и лег с солдатом спать на одной постели. Около полуночи графу послышалось, что кто-то вошел в комнату; в этот же момент опрокидывается их постель, и ротмистр с солдатом очутились под матрасом и соломенным мешком. Большого труда стоило графу высвободиться из-под тяжести и отыскать шпагу и пистолеты.

Изумленный и пристыженный граф возвратился домой и на следующий же день солдату дана была другая квартира, где он спал спокойно. Деспильер всякому встречному рассказывал эту историю. Человек он был храбрый, который не знал, что такое трусить и убегать; он умер фельдмаршалом Императора Карла VI и правителем крепости Зегедин. Недавно мне сын его подтвердил действительность рассказанного происшествия, и сказал, что он слышал его от самого отца. Передавший мне это происшествие замечает: «Со мною никогда не случалось ничего подобного, хотя я бывал во многих местах, в которых, по рассказам, бывали явления домовых и хотя я сам старался убедиться в их действительности собственным опытом. Я однажды был в обществе четырех тысяч лиц, которые все говорили, что видели духов; я один был во всем собрании, который ничего подобного не видел». Господин, писавший мне обо всем этом, — человек очень почтенный, один офицер; писал он ко мне в 1745 году.

В 1746 г., 25 августа я получил письмо от одной очень почтенной личности, именно от священника в Италии, в Графстве Дахсбургском, в Нижнем Эльзасе. Домовой, о котором писал он мне, имел ту особенность, что он никогда не являлся ночью, а всегда только днем. Сначала выбивались в окнах стекла и потом сквозь пробитые дыры, с большим искусством, бросались камни, — камни всегда прямо попадали в цель. Когда священник окрещивал дом, окна оставались целы. Но все-таки продолжали совершаться разные приключения с домашними священника, впрочем, без особенного вреда для них. В особенности служанка была предметом шуток домового. Однажды, когда она рвала зелень в саду, домовой начал рвать все рассадные растения и сбрасывал их в одну кучу. Потом нашли ее топор зарытым фута на два в земле, затем в другом месте нашли ее ленту и две монетки, которые до того хранились у нее в сундуке. Как она ни бранилась, как ни угрожала, чудовище не прекращало своих шуток. Уносилась кухонная посуда иногда на двор, иногда на кладбище. Однажды домовой наполнил котел травой, сором и древесными листьями и повесил его над огнем, а когда служанка разбила в сковороду два яйца для священника и потом отвернулась за солью, он в ее же присутствии весьма быстро разбил еще два яйца. Иногда он рассыпал по земле камни, зерна и листья в виде кружков и потом, в виду всех, в один момент разбрасывал все это. Когда священник, выведенный наконец из терпения этими шутками, призвал к себе сельского старосту и объяснил ему, что ему нужно переменить квартиру, приходят домашние священника и извещают, что домовой опять повырывал зелень в саду и схоронил в яме деньги, которые священник оставил в своей комнате неспрятанными. Отправились, и действительно все так и нашли. Но когда возвратились в дом, деньги очутились уже в кухне и были расположены попарно. В это время прибыли в Италию два человека — чиновники графа Лейнингенского и, услышав обо всей этой истории, пришли к священнику и

посоветовали ему зарядить два пистолета и выстрелить в то место, где обнаружится присутствие духа. Совет был исполнен. Дух вбросил в карман одному из чиновников две серебряные монеты и с этих пор больше не показывался в доме.

Мне не раз рассказывали, что одному монаху Бернардинского ордена прислуживал домовой дух, — когда монах отлучался куда-нибудь, домовой приводил в порядок все находящееся в комнате и сберегал все в надлежащем виде. К нему наконец так привыкли, что по известным признакам безошибочно узнавали, когда он приходил. Рассказывают также, что одного монаха извещал не только обо всем том, что происходило в монастыре, но и о том, что совершалось вне монастыря. Однажды дух троекратно давал ему знать, что такие-то монахи подняли между собой ссору и уже готовы вступить в драку, монах поспешил отправиться к ним и насилу отклонил их от позорного дела.

Подобное нечто было и с одним из воспитанников Парижской Семинарии. Мне несколько раз рассказывали такое происшествие: в Париже с одним молодым воспитанником Семинарии постоянно жил дух, который исполнял для него служительские обязанности, разговаривал с ним, держал в порядке его комнату и платье. Однажды начальник Семинарии, проходя мимо комнаты этого воспитанника, услышал, что воспитанник с кем-то разговаривает; начальник входит к нему и спрашивает, с кем он разговаривает; воспитанник отвечал, что у него никого нет и у него действительно никого не было. Но так как начальник заметил, что он сам слышал разговор, воспитанник вынужден был сознаться, в чем дело, и рассказал ему, что с ним уже несколько лет живет домовой дух, который служит для него вместо прислуги, и что этот дух предсказывал ему, что он будет занимать важные доходные места по духовному ведомству. Начальник потребовал, чтобы воспитанник представил какие-нибудь доказательства своих слов; семинарист приказал духу принести стул для начальника, и приказание тотчас было исполнено. Дело было доведено до сведения архиепископа; архиепископ счел нужным не разглашать дело. А воспитанник был исключен. Бодин рассказывает[1] об одном человеке, которого он знал лично и который был еще жив в то время, когда он писал о нем, — это было в 1580 г., — рассказывает, что с этим человеком с 57-го года его жизни жил также постоянно домовой дух, давал ему добрые советы, внушал ему искоренять в себе пороки, какие в нем были, помогал ему в разрешении трудностей, какие встречал он при чтении Св. Писания и вообще помогал ему добрыми советами в разных обстоятельствах жизни. В три или четыре часа утром дух обыкновенно стучал в дверь его комнаты для того, чтобы таким образом разбудить его. Если он хотел делать что-нибудь доброе, полезное, дух шептал ему

---

[1] Bodin. Daemon. Lib II, c. 2.

на правое ухо; если же предпринимал он что-нибудь недоброе, опасное, — дух шептал ему на левое ухо; так что с ним не случалось ничего такого, о чем бы он заблаговременно не был предуведомлен своим духом. Иногда он слышал голос духа. А однажды, когда он находился в одной крайней опасности (сам не зная этого), дух явился к нему в виде дитяти необыкновенной красоты и таким образом спас его от несчастия.

Вильгельм, епископ Парижский, говорит[1], что он знал одного шутника, у которого жил дух тоже шутливого характера, — дух шутил с ним, мешал ему напр. спать, т. е. когда тот ложился в постель, он бросал что-нибудь в стену, стащит с кровати или одеяло или его самого.

Я слышал от одного очень серьезного человека такое происшествие, случившееся с ним самим однажды в жаркий день, когда он был в поле: «Вдруг с меня стащило что-то плащ и сапоги и сорвало шляпу, я проснулся и услышал громкий хохот и голос одной уже умершей, хорошо известной мне особы, которая, казалось, радовалась сделанной со мною шутке».

Все приведенные нами рассказы о домовых переданы нами, с немногими прибавлениями и сокращениями, так, как изложены они у Кальмета. Некоторые из этих рассказов отвергнуты самим автором, другие оставлены автором без всякой критической оценки их. На некоторые из этих рассказов мы сделаем краткие замечания, не считая нужным делать замечаний обширных потому, что самые рассказы не заслуживают этого.

У вольноотпущенного Марка и одного мальчика острижены волосы какими-то неизвестными людьми, которых они видели во сне. Плиний, расположенный к суеверию, думает, что волосы домовой остриг. Но из того, что оставшиеся без волос видели во сне каких-то людей, вовсе не следует, что это были домовые; скорее предположить, что это проделка недовольных на Марка или шалунов, а не домовых, созданных Плинием, который принимал на веру подобные рассказы без критической оценки. О. Вальдинг заимствовал из какой-то непечатанной рукописи и передал Кальмету рассказ о преступных связях Луппы с демоном, который научил ее бесчеловечно обращаться с слугами. Но мы уже в предыдущей главе объяснили, что нежное сообщение людей с злыми духами вещь немыслимая. Да разве человек не мог быть в преступных связях с Луппой, и разве не мог советовать ей бесчеловечно бить слуг? Представленные О. Вальдингом основания слишком недостаточны для того, будто у Луппы жил домовой в качестве прислуги. Также нелепо и предположение Иовия, будто у Агриппы жил домовой в виде собаки, которая бросилась в реку, когда узнала, что Агриппа умер. Разве обыкновенная собака не может броситься в воду и погибнуть? Из рассказа графа

[1] Guillelm. Paris. 2 Part., quaest. 2, c. 8.

Деспильера скорее, чем домовому, нужно приписать хозяину проделки над солдатом и испуг графа, который, испугавшись, насилу отыскал пистолет. — По тому самому, что не домовой, а хозяин мог быть недоволен тем, что к нему на квартиру назначили солдата. Рассказы о домовом — Саксонском поваре, слуге семинариста и Бернардинского монаха, о домовом Бодина и Лапландских домовых, а также проделки домового, описанные в письме к Калмету почтенным священником из Италии, — чистейший вздор, придуманный самими авторами. Часто самые обыкновенные явления были признаваемы за действия домовых и передаваемы были другим в преувеличенном виде с дополнениями, чтобы рассказ был принят за несомненно достоверный. Каждый передавал рассказ с новыми прикрасами так, что в новых редакциях терялась и самая тень рассказа истинного факта. Домовой Бодина замечателен по своему уму и добродетели, чего нельзя предполагать в домовом. Непонятно, почему Гильдесгеймский епископ, Бернардинский монах и особенно почтенный Итальянский священник не предали проклятию домовых посредством заклинательных молитв, которыми они изгоняли нечистых духов из людей, как они хвалятся, и которыми наполнены их ритуалы. Ле Лойэр передает столько нелепостей о чудесах колдунов и ведьм, что они подрывают доверие и к другим его рассказам. Некоторые рассказы переданы устно Калмету, который принимал их на веру, из уважения к тем авторитетам, которыми переданы эти рассказы. Как не поверить почтенному священнику из Италии, или рассказу о домовом — слуге семинариста, когда здесь участвовал авторитет ректора и архиепископа, и когда об этом часто и так многие рассказывали. К числу недостатков Калмета в этом отношении относится и то, что рассказы о домовых он считает истинными, тогда как в следующей главе рассказы о привидениях, очень сходные по содержанию с рассказами о домовых, совершенно отвергает. Рассказы о домовых, являвшихся в рудокопнях, Калмет сам считает ложными.

Более подробное объяснение и опровержение представлено нами в следующих главах о явлениях духов и душ и в заключении.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА VII

Явления привидений и открытие ими будущего

Как у древних, так и средневековых писателей находим бесчисленное множество рассказов о привидениях. Мы признаем за несомненное, что большая часть этих рассказов — дело лжи, обмана, вымысла, что все эти привидения обман зрения и слуха, если не дело вымысла. Все привидения мы разделяем на два рода, или категории. К первой относим все те, которые являлись только тем или другим лицам, и только их одних обманывали или уведомляли о будущем. Эти привидения не что иное, как обман зрения, слуха или создание расстроенного воображения. Ко второй относим те, которые беспокоили целые дома, в которых они постоянно жили, и в которых их можно было постоянно видеть и слышать. Эти привидения или вымысел, или проделки негодяев, шарлатанов. Нельзя при этом не заметить, что все эти рассказы передаются большей частью суеверными людьми с дополнениями и прикрасами с их стороны, такими, которые сами получили эти рассказы из десятых рук, когда дело настоящее искажено, переврано так, что трудно поэтому решить, что истинно и что ложно в рассказе. Понятно, что нужно быть на месте и во время самого происшествия, чтобы поверить рассказу о происшествии. После этого читателю нечего удивляться, если на некоторые рассказы мы будем делать недостаточные объяснения. Как бы то впрочем ни было, мы приведем здесь целый ряд рассказов, из которых многие будут отвергнуты самим читателем, как нелепые.

Плиний младший в письме к другу своему Суре говорит, что он очень склонен верить в привидения, и приводит для этого основание из истории. Квинт Курций Руф, прибыв в свите римского квестора в Африку, под вечер, гуляя по террасе, увидел женщину необыкновенной величины и красоты. Она назвала себя африканкой, и сказала ему, что он некогда придет в Африку в качестве проконсула. Это привидение возбудило в нем большие надежды. Возвратившись в Рим, он посредством происков добился того, что получил сперва квесторство, а потом преторство. После этого он назначен был консулом в Африку, где и умер после славной победы.

Это происшествие рассказывается у Тацита, у которого, вероятно, заимствовал Плиний, в котором оно возбудило веру в привидения.

Убитый в своем собственном дворце, Калигула после такой несчастной смерти был похоронен в своем собственном саду. Сестры, возвратившись из заточения, с торжественной церемонией сожгли тело брата и пепел его похоронили с приличными почестями. Передавали за несомненное, что до совершения этой церемонии, стра-

жей дворца и сада царского пугали привидения и страшный шум.

Когда Юлий Цезарь[1] пришел в Италию и хотел переходить Рубикон, явился пред ним необыкновенного роста человек и начал свистать. Когда вокруг незнакомца собралось много народа послушать незнакомца, он у одного из окружавших схватил трубу, начал трубить и побежал через ручей. Тогда Цезарь вскричал (к своему войску): «Так вперед же! когда знамения самих богов и неправда наших врагов призывают нас».

Когда в Антиохии было страшное землетрясение, разрушившее почти весь город, император Траян ушел из города вследствие бывшего видения, внушившего ему уйти в окно[2]. Философ Симонид был также предупрежден видением о разрушении своего дома, и как только он ушел, дом тотчас разрушился[3].

Император Юлиан Отступник рассказывал своим друзьям такое происшествие: в то время, когда в Париже его войско настаивало на том, чтобы он принял императорскую власть, однажды ночью ему явилась женщина, которая имела такой точно вид, в каком обыкновенно изображали бога, покровителя царей. Явившись, она сказала ему, что она будет жить с ним, но только недолго. Он же рассказывал потом, что однажды (это было незадолго до его смерти во время похода, когда он что-то писал в своей палатке), явился ему опять прежний дух и потом с грустным, мрачным видом исчез. Перед смертью Константина Великого тому же Юлиану являлся светлый призрак и несколько раз сказал по-гречески следующие слова: «Когда Юпитер будет на месте Водолея и Сатурн на 25 градусе Девы, Константин умрет печальной смертью».

∆ ∆ ∆

---

[1] Sueton. In Jul. Caesar

[2] Dio. Cassius., Lib. LXVIII.

[3] Diogen. Laert. in Simon. Valer. Maxim., Lib. XXIII.

ГЛАВА VIII

Другие примеры привидений

Плутарх, человек известный своим трезвым, серьезным умом, часто рассказывает о привидениях и призраках. Так, напр., он рассказывает, что во время Марафонского сражения многие воины видели призрак Тезея, который вместе с Греками сражался против Персов. Он же в биографии Силлы рассказывает, что этот полководец видел во сне богиню, которую чтили Римляне по примеру Каппадокиан, усвоивших особенное, высшее значение огню; богиня эта называется или Беллоной, или Минервой или Луной. Явившись Силле, она вложила ему в руки молнию для того, чтобы он метал ее на своих врагов, которых она при этом назвала и перечислила, для того, чтобы они, поражаемые молнией, падали пред ним и умирали. Очевидно, эта богиня была Минерва, которой язычники так же, как и Юпитеру, усвоили силу и право метать молнию.

Македонский полководец Павзаний[1] ненамеренно убил девушку из одного лучшего византийского семейства, по имени Клеонику, и потом день и ночь был преследуем тенью убитой. Тень постоянно произносила пред ним следующие слова: «Предай себя суду правды, которая карает злодеяния и ожидает тебя, гордость всегда пагубна для смертных». Измученный наконец неотступно преследовавшим его привидением, он отправился в вифинский город, Гераклию, где был храм, жрецами которого были маги, называвшиеся психагогами, т. е. заклинателями душ умерших. Когда Павзаний внес в храм установленное пожертвование, жрецы стали вызывать душу Клеоники и заклинали ее прекратить свою вражду. Клеоника наконец явилась и сказала Павзанию: «Скоро я явлюсь в Спарту и избавлю ее от ее зла». Этими двусмысленными словами она, вероятно, указывала на его скорую смерть в Спарте.

Существование у Греков этого обычая — заклинать мертвых, доказывает, по крайней мере, то, что они верили в подобные вещи. Но если Клеоника и действительно являлась к Павзанию и предсказала ему близкую смерть, надо полагать, что тут предсказывала не сама Клеоника, а по всей вероятности это был обман со стороны жрецов, как это доказывается самой двусмысленностью данного Павзанию ответа.

Историк Павзаний передает[2], что, спустя уже четыреста лет после Марафонского сражения, с того места, где оно происходило, каждую ночь слышно было ржание лошадей и крик такого рода, как

[1] Plutarch. in Cimone.
[2] Pavsanias, Lib, I, c. 324.

будто там происходила самая жаркая битва. Плутарх рассказывает, что в общественных банях его отечественного города Херонеи, в которых было убито много граждан из этого города, являлись привидения и слышался страшный вой, вследствие чего принуждены были закрыть эти бани. Но и после этого все-таки продолжал слышаться из них шум и по временам в окружности этих бань бродили привидения.

Однажды философ Дион, ученик Платона и сиракузский полководец, сидя под вечер в галерее своего дома, вдруг услышал большой шум и вслед за тем увидел привидение в образе женщины необыкновенно громадного роста и похожей на фурий, как их обыкновенно изображали в трагедиях. Было еще довольно видно. Привидение начало подметать в доме. Испуганный Дион пригласил к себе своих друзей и упросил их остаться с ним ночевать; но призрак больше уже не являлся. Вскоре после этого происшествия сын Диона убился с крыши дома и сам Дион был убит заговорщиками.

Марк Брут, один из убийц Юлия Цезаря, однажды ночью увидел, что в его палатку вошла какая-то мощная страшная фигура. Брут спросил: «Кто ты? человек или Бог? и зачем ты сюда пришел?» Призрак отвечал: «Я твой злой дух; ты увидишь меня в Филиппах». Брут, нисколько не испугавшись, возразил: «Нет, я тебя не увижу там». Потом он пошел и рассказал о случившемся Кассию. Кассий, как эпикуреец, не верил в привидения и потому убеждал Брута, что это было не более, как действие воображения. Таких духов и гениев, говорил Кассий, которые бы могли являться людям, нет. Духи не могут иметь ни человеческого образа, ни человеческого голоса и потому не могут ничего нам делать. Слова Кассия несколько успокоили Брута, но все-таки он никак не мог освободиться от невольного беспокойства. Между тем, вскоре после этого, во время сражения в равнине Филиппийской, сам Кассий увидел, что прямо на него едет с опущенными поводами Юлий Цезарь (который в это время был уже убит и в убийстве которого участвовал Кассий). Это так поразило Кассия, что он тут же сам себя заколол своим собственным мечом.

Кассию Пармскому (не тому, о котором сейчас была речь) являлся также в палатке злой дух и предсказал ему близкую смерть.

Друз, в царствование Августа, победивши Германцев, хотел расположиться на Эльбе с намерением проникнуть далее в страну; но был удержан от выполнения этого намерения явившимся ему в образе необыкновенного роста женщины привидением, которое сказало ему: «Куда ты едешь, Друз? надежды твои никогда не осуществятся; твой конец близок: воротись!» Друз воротился и умер на дороге, не дошедши и до Рейна, через который ему нужно было возвращаться.

После того, как совершилось в Антиохии известное народное возмущение, на следующую ночь какое-то существо, вроде фурий, быстро пролетело через город, махая кнутом так, как погоняют лошадей.

Иоанн, епископ Атрийский, живший в VI веке, передает, что во время величайшей чумы, свирепствовавшей при императоре Юстиниане, о которой говорят все писатели того времени, видели, что по морю ездили какие-то черные люди без голов, на медных лодках и везде, куда только они причаливали, тотчас начинала свирепствовать чума. Один египетский город был до того опустошен чумой, что в нем осталось в живых только семь человек взрослых и один десятилетний мальчик; эти люди, набравши множество золота, хотели было бежать из города, но тотчас попадали мертвыми. Мальчик хотел было уйти, не взяв с собой ничего, но у городских ворот был задержан привидением, которое насильно оттащило его в тот дом, где лежали недавно умершие семь человек. Спустя несколько времени, в город приехал приказчик одной богатой особы со слугами; мальчик убеждал его скорее бежать из города; но управитель тотчас помер. Слуги его поспешили бежать и известили о всем случившемся своего господина.

Смерть Карлштадта, по рассказам базельских духовных, его сослуживцев, сопровождалась страшными явлениями. Они передают: в то время, как Карлштадт произносил свою последнюю проповедь в базельской церкви, он увидел, что подле консула стоит какой-то огромный черный человек, — и от этого сильно смутился и испугался. Сошедши с кафедры, Карлштадт осведомился, кто такой этот незнакомец, который стоит возле консула; ему отвечали, что там вовсе нет такого человека, какого он видит. Когда Карлштадт пришел домой, ему пришлось ближе познакомиться с привидением. Черный человек пришел к нему в дом и, как только вошел, тотчас схватил за волосы самого младшего сына Карлштадта, которого он особенно любил, поднял мальчика на воздух и сделал такую мину, как будто хотел бросить мальчика на землю так, чтобы раздробить ему голову; но он этого не сделал, а только велел дитяти сказать своему отцу, что через три дня он опять придет к нему и что он должен готовиться к встрече с ним. Мальчик передал об этом отцу. Карлштадтом овладел сильный страх и через три дня он умер[1]. Подобные явления, по признанию самого Лютера, случались нередко в жизни первых реформаторов.

Подобных примеров привидений можно бы привести бесчисленное множество. Но при точном исследовании дела, едва ли во всех их можно найти что-нибудь, что имело бы фактическую верность и выдерживало критику здравого смысла. В доказательство этой мысли, я расскажу одно происшествие, которое тоже, по-видимому, имело характер большой необычайности, а потом на самом деле оказалось только неверно понятым естественным, обыкновенным явлением.

---

[1] Moshovius, p. 22.

ГЛАВА IX

Расследование одного призрака

Когда граф фон Але[1] по своим делам прибыл в город Марсель, здесь случилось с ним такое происшествие, — о котором он тогда же писал к философу Гассенди с тем, чтобы узнать его мнение относительно его: однажды ночью, когда граф с графиней лежали уже в постели, но еще совершенно не спали, они вдруг увидели пред собой огненно-светлое явление. Для того, чтобы узнать, в чем дело, они позвали слуг, но не успели еще слуги прийти, как явление исчезло. Тщательно закрыты были все отверстия в комнате и опять расположились спать. Но как только слуги ушли, призрак снова явился. Свет его был слабее солнечного, но сильнее лунного. Явление попеременно принимало то форму треугольника, то форму круга, то форму удлиненного крута. Свет его был так силен, что можно было читать при нем; оно постоянно перемещало место и иногда останавливалось над самой кроватью. Оно имело вид маленького щита, на котором были начертаны буквы. Вид его был необыкновенно приятный, оно возбуждало одно только удовольствие и никакого страха. Являлось оно каждую ночь во все то время, как граф жил в Марселе.

Гассенди, получив письмо с просьбой дать свое мнение относительно этого явления, отвечал 13 ч. того же месяца. Сначала он говорит, что не знает, что сказать относительно этого явления; потом говорит, что явление, может быть, посылается Богом с тем, чтобы предуведомить о чем-нибудь графа. Эта мысль имела то оправдание, что граф и графиня были люди благочестивые и что явление не возбуждало никакого страха. «Но при этом, продолжает он, нужно обратить внимание на то, что если бы явление было от Бога, то Он дал бы знать, для чего его совершает. Бог не шутит; и так как совершенно непонятно, что должно делать при этом явлении, надеяться, или страшиться, обращать или не обращать на него внимание, то это доказывает, что призрак не от Бога; иначе — это значило бы, что Бог не имеет здесь и на столько любви, сколько имеет ее отец, царь и даже всякий добрый и благоразумный человек, когда они, сообщая что-нибудь своим подчиненным, стараются, чтобы сообщаемое не было для этих последних непонятной загадкой, а было понятно им. — Если призрак, продолжает Гассенди, есть какое-нибудь естественное явление, то понять, в чем именно дело, слишком трудно; слишком трудно придумать даже какое-нибудь предположение, которым бы можно было объяснить его. Но, сознавая

[1] Vie de Gassendi, Tom I, p. 258.

свое бессилие относительно подобных вещей, попытаюсь однако ж дать хоть какое-нибудь понятие о них. Нельзя ли допустить, что свет являлся вам от того, что ваши глаза были аффектированы каким-нибудь образом, изнутри или извне? Во-первых, глаза по самой своей организации могут быть устроены таким особенным образом, как они напр. были устроены у императора Тиверия, который, как известно, когда просыпался ночью и открывал глаза, то из них выходил свет, посредством которого он мог и в темноте видеть предметы. Я знал одну знатную даму, с которой происходило то же самое. Во-вторых, глаз может испускать свет вследствие какого-нибудь возбуждения, что иногда случается со мной самим при пробуждении; когда я открываю глаза, то из них выходит свет, хотя вокруг не бывает ничего такого, что бы его производило. Никто не станет отвергать, что наши глаза обладают светом, посредством которого и происходят в нас представления тех предметов, которые производят на наши глаза впечатления. Известно, что ночные животные владеют таким сильным зрением, что и в темноте отыскивают себе добычу; известно, что жизненные соки глаза огненной природы и потому светлого вида. Быть может, что во сне, когда глаза закрыты, эти соки как-нибудь посредством век воспламеняются и таким образом возбуждают деятельность воображения; известно же, что напр. дерево и подобные вещи, если в них каким-нибудь образом возбуждается накопившаяся, вследствие гниения, теплота, производят свет; почему же не производить света и теплоте, возбуждаемой жизненными соками глаза?»

Когда граф фон Але в другой раз приезжал в Марсель и останавливался на прежней квартире, прежний призрак опять начал являться. Граф теперь писал к Гасссенди, что призрак, вероятно, входит как-нибудь сквозь крышу дома. Философ обещал тщательнее обсудить дело, но решительного ответа не давал, а ограничивался только тем, что успокаивал графа, — говорил, что, если явление от Бога, то Он не допустит, чтобы граф остался в неведении относительно значения явления, а если оно не от Бога, то Бог не допустит, чтобы оно долго продолжалось, что в таком случае скоро непременно должно открыться, что явление происходит от каких-нибудь естественных причин.

Спустя три года после всего этого, жена графа созналась ему, что призрак устраивала она сама при помощи своей служанки, из того побуждения, что ей не нравилось жить в Марселе, что все дело состояло в том, что служанка залезала под кровать и посредством фосфора производила свет. — Граф фон Але рассказывал обо всей этой истории г. Пугеру из Лиона, этот лет 35 назад рассказывал о ней г. Фальконету, доктору медицины и члену Императорской академии искусств, а Фальконет сообщил ее мне. Так, для того, чтобы давать решительное мнение о таких или других необыкновенных явлениях, необходимо прежде всего исследовать их надлежащим образом.

ГЛАВА X

Привидения, беспокоящие дома

Привидения или духи, которые беспокоят дома, производят в них шум и иногда являются в каких-нибудь видимых образах, можно разделить на несколько различных видов. Одни из них — это домовые духи, находящие удовольствие в том, что беспокоят людей, другие — души умерших, являющиеся живым людям затем, чтобы испросить надлежащего погребения своим телам; иные — души убитых, являющиеся затем, чтобы вытребовать отмщение за свое убийство и должное погребение телам своим. Рассказов об этого привидениях так много, что они в настоящее время уже не пользуются никаким вниманием и доверием. В самом деле, эти рассказы, при более точном исследовании дела, оказываются совершенно вымышленными и ложными.

То кто-нибудь старается опорочить дом, в котором квартирует, для того, чтобы таким образом отстранить от него других, кто бы захотел нанять в нем квартиру, как поступают напр. делатели фальшивых ассигнаций из боязни огласки своих занятий; то снимающие дома под аренду хлопочут о том, чтобы у них кто-нибудь не отбил места; то наконец кошки, совы или крысы производят в доме шум и таким образом пугают хозяев и слуг, как это много лет назад был случай в Молсгейме. Здесь в одном доме крысы (на чердаке) по ночам обыкновенно играли машинами, которыми чешут лен и коноплю. Один правдивый человек, который мне и рассказывал обо всем этом, захотел сам непосредственно узнать, в чем дело; взявши с собой два пистолета и слугу, который также вооружился, он в ночь отправился на чердак; и когда они притаились тут, на их глазах крысы начали свою обычную игру; они выстрелили по ним, двух убили, а остальных распугали. История эта огласилась, и мнимый домовой сделался предметом смеха.

Я передам несколько рассказов о привидениях указанного рода для того, чтобы читатели сами могли судить об этом предмете. Плиний младший рассказывает[1]: в Афинах был один очень красивый дом, который однако был совершенно оставлен, вследствие того обстоятельства, что в нем являлось привидение. Когда в этот город прибыл философ Афинодор и узнал, что указанный дом продается слишком дешево, купил его и расположился в нем ночевать с своими людьми. Ночью, когда философ по обыкновению читал и писал, он вдруг услышал сильный шум и бряцанье цепей, и потом пред ним явился страшного вида старик, окованный железными цепями;

[1] Plin. Junior, Epist. Ad Suram., Lib. VII, cap. 27.

старик приблизился в нему, Афинодор продолжил писать: привидение сделало знак, чтобы он следовал за ни, но философ с своей стороны сделал ему знак, чтобы оно обождало, и по-прежнему продолжал писать. Наконец он взял свечу и последовал за привидением, которое повело его на двор и здесь, в одном месте, оно вдруг исчезло в землю. Афинодор, нисколько не испугавшись, наметил это место, сорвал на нем траву и возвратился спать. На другой день он известил о случившемся начальство; пришли в дом к нему полицейские, начали рыть в указанном месте и отрыли кости скованного цепями человека. Кости были преданы обычному погребению, и в доме с тех пор было совершенно спокойно.

Подобную же историю рассказывает Лукиан. В Коринфе, рассказывает он[1], был дом, принадлежавший некоему Эвбатиду, — дом, в котором тоже, по слухам, бродило привидение. Один господин, по имени Аригнот, решился провести ночь в этом доме; он был знаком с известными магическими египетскими книгами и посредством их заклинал духов. Итак, ночью он со свечой приходит в этот дом и спокойно себе начинает читать магию, ходя по двору. Привидение скоро явилось, сначала в виде собаки, потом оно приняло вид быка и наконец вид льва. Аригнот, нисколько не смутившись, прочел из книги известные заклинательные слова, и по силе их привидение ушло в угол двора, где и исчезло в земле. На другой день Аригнот призвал хозяина дома, и стали рыть в том месте, где скрылось привидение, и также нашли скелет, которому и дано было должное погребение. С тех пор в доме ничего не видели и не слышали.

Лукиан, как человек, которому наименее можно верить относительно подобных вещей, заставляет рассказывать это происшествие другого Аригнота. Тут же он рассказывает о Демокрите, который не верил ни в духов, ни в демонов, — следующее: однажды этот философ заключился в одну гробницу за городом (Афинами) и занимался там своим делом. Одни молодые люди захотели напугать его; одевшись в черное платье, в котором обыкновенно хоронили покойников, и надевши на себя безобразные маски, они в таком виде отравились ночью к тому месту, где сидел философ, — и начали здесь бегать туда и сюда и подняли страшный шум. Демокрит совершенно невозмутимо слушал и видел все это и наконец совершенно хладнокровно сказал им: «Будет вам шутить!»

Не знаю, не воспользовался ли автор жизнеописания св. Германа Авксерийского[2] приведенными рассказами, рассказывая в этом жизнеописании совершенно подобное сейчас рассказанным фактам происшествие. Он рассказывает: Герман, однажды путешествуя по своей диецезии, должен был вместе с своими спутниками-духовными ночевать в таком доме, который уже давно стоял пустым вследствие того, что в нем являлись привидения. Ночью один из спутников свя-

[1] In Philo-pseu., pag. 810.
[2] Bolland, 31 Jul., p. 211.

тители, читая для него, вдруг увидел привидение, которое сначала его испугало. Он разбудил епископа; и святитель во имя Иисуса Христа повелел привидению сказать, кто оно и чего желает. Призрак отвечал: «Мы с моим товарищем совершили множество преступлений, умерли и погребены в этом доме, и будем беспокоить обитателей его до тех пор, пока не получим надлежащего погребения». Св. Герман повелел призраку указать место, где зарыты их трупы. Привидение привело его на это место. На другой день епископ собрал народ; стали рыть в отмеченном месте и нашли скелеты двух людей, которые лежали один на другом и были скованы цепями. Кости преданы были надлежащему погребению, совершена была за покойников молитва, и привидение более уже не являлось.

Следующее происшествие тоже подобно рассказанным, но заключает в себе некоторые такие обстоятельства, которые делают его вероятнее тех. Происшествие это рассказывает Антоний Торквемада в своем сочинении Flores Curiosas, которое было напечатано в 1570 г. в Саламанке. Он рассказывает (дело было незадолго до его времени): один молодой человек, по имени Баскес фон Айола, с двумя товарищами прибыл в Болонью для изучения юриспруденции. Не находя в городе квартиры по своим требованиям, молодые люди сняли один большой красивый дом, в котором никто не жил, так как в нем являлись привидения и наводили ужас на всякого, кто решался в нем остаться. По прошествии месяца, однажды ночью, когда Айола еще не спал, между тем как товарищи его уже спали, он услышал издали шум, похожий на бряцанье влекомых по земле цепей. Шум постоянно приближался по лестнице. Айола поручил себя воле Божией, совершил крестное знамение, вооружился щитом и мечом и со свечой в руке стал у дверей. Вдруг дверь отворилась, и пред ним явилось страшное привидение, — привидение состояло из одних костей и тащило на себе цепи. Айола заклинает его сказать, что ему нужно; привидение сделало знак, чтобы он следовал за ним, и Айола пошел за ним. Когда он взошел на лестницу, свеча его потухла; он опять зажег ее и продолжал следовать за духом, который повел его вдоль двора к тому месту, где был колодезь; Айола подумал было, не хочет ли привидение свалить его в колодезь, и остановился; но привидение пошло далее, и они пришли наконец в сад, где привидение вдруг исчезло. Айола вырвал горсть травы на том месте, где скрылось привидение и, воротившись, рассказал о случившемся своим товарищам. Утром он уведомил о происшедшем городское начальство Болоньи; стали рыть в намеченном месте и нашли скованные цепями кости человеческие. Стали расспрашивать, чей бы мог быть этот труп; но не могли об этом узнать ничего определенного. Кости были преданы должному погребению, и с тех пор привидение более уже не беспокоило дом. Торквемада уверяет, что будто в Болонье и Испании до сего времени есть свидетели этого

происшествия. Айола, по возвращении в отечество, занял почетное место, и его сын потом был президентом Болоньи.

Плавт, живший еще ранее Лукиана и Плиния, написал комедию под названием Mostellaria или Monstellaria. В этой комедии выводится на сцену одно чудовище, или привидение, которое будто бы являлось в одном доме и принудило таким образом жителей этого дома оставить его. Конечно, в основании комедии лежит вымысел. Но она дает основание заключать, что у Греков и Римлян с самых древних времен существовала вера в привидения. В комедии мнимый дух говорит[1], что лет за шестьдесят, прежде чем он был убит своим вероломным другом, который обобрал у него деньги и тайно похоронил его в этом доме, что бог подземного мира не захотел принять его по причине такой ранней смерти и что поэтому он принужден оставаться в этом доме:

Haec mihi dedita habitatio;
Nam me Acherontem recipere noluit,
Quia paemature vita careo.

Язычники верили, что в известных домах, в известных комнатах беспокоили людей злые духи и так называемые лямии, и заклинали этих духов разными волшебными средствами; они верили, что духов можно изгонять куреньем серы и других смрадных веществ, равно также и некоторыми травами, напояемыми морской водой. Овидий говорит о знаменитой волшебнице Медее [2]:

Terque senem flamma, ter aqua, ter sulphure lustrat.

(Она очищает старика троекратно огнем,
троекратно водой и троекратно серой).

А в другом месте упоминает еще, кроме этого, яйца:

Adveniat quae listret anus lectumque locumque,
Deferat et tremula sulphur et ova manu.

(Пусть придет и очистит старуха и постель и место
и принесет дрожащей рукой серу и яйца).

---

[1] Plaut., Mostell., Act. II, v. 67.
[2] Vide Joan. Vier. De Curat. Malific., c. 215.

ГЛАВА XI

Другие примеры привидений

Один ученый юрист из Неаполя (XVI в.), по имени Александр, рассказывает: всякому известно, что в Риме существует много домов, в которых никто не живет вследствие того, что в них являются привидения. Как на свидетеля, он ссылается на некоего Николая Тубу, своего друга, человека, известного своей правдивостью. Туба вместе с некоторыми своими приятелями решился сам непосредственно проверить, верно ли все то, что рассказывается об этих домах. И вот они остаются ночевать в одном из этих домов; ночью, когда они были еще в совершенно бодрственном состоянии, они вдруг увидели страшное привидение, которое своим необыкновенно сильным криком и шумом, какой оно производило, так напугало смельчаков, что они не знали, что делать и говорить. Но, по мере того, как они стали приближаться к привидению со свечой, оно, в свою очередь, начато удаляться от них и наконец совершенно исчезло, наведя страх на весь дом.

Здесь можно бы еще рассказать о привидении, которое являлось Синсону, одному из монахов иезуитского ордена, в Pont-à-Moussont в тамошнем монастыре. Но я ограничусь рассказом одного случая, записанного в сочинении под заглавием Causes Célèbres[1], случая, который очень пригоден для вразумления тех, которые слишком легковерны в отношении к привидениям.

В замке Арсилльер в Пикардии, в известные дни года, именно перед праздником Всех Святых, из замка выходило огромное пламя и дым и слышны были страшный крик и вой. Самого арендатора замка все это не очень беспокоило, потому что он сам устроил все это. Вся деревня говорила об этих явлениях и каждый разукрашивал их по своему вкусу. Владетель замка захотел открыть обман и с этой целью перед праздником Всех Святых отправился в замок с двумя своими друзьями, твердо решившись преследовать духа и стрелять по нему из двух добрых пистолетов. Спустя несколько дней после их прибытия, послышался сильный шум над той комнатой, где поместился владетель замка; и оба его друга полезли на чердак с пистолетами в одной и со свечами в другой руке. Тут они увидели черное привидение с рогами и длинным хвостом; привидение стало сигать туда и сюда. Один из них выстрелил по нему из пистолета; вместо того, чтобы упасть, привидение стало уходить; его хотели было схватить, но оно вскочило на маленькую лестницу, за ним последовали, не теряя его из виду. После нескольких изворотов при-

[1] Causes Célèbres, Tom XI, p. 374.

видение вбежало в амбар, и в ту минуту, когда преследователи совсем уже готовы были схватить его, оно исчезло. Внесли в амбар свечи и увидели, что в том месте, где скрылось привидение, находилась потаенная дверь в погреб, которая запиралась изнутри. Дверь была сломана и мнимый дух был найден. Он сознался во всех своих проделках. От выстрела спасла его буйволовая кожа, которой было обтянуто все его тело.

Кардинал фон Ретц в своих «Достопримечательностях» рассказывает[1], что однажды оу с своими друзьями, встретившись ночью с толпой августинских монахов, которые ходили купаться, сильно перепугались, потому что монахи представились им чем-то совершенно другим.

Один врач в трактате о духах рассказывает такой случай: одна служанка полезла в погреб и тотчас в испуге выскочила оттуда, потому что она увидела, что в погребе между двух бочек стояло привидение. Влезли в погреб другие, кто был посмелей, и действительно увидели что-то вроде привидения. А все дело состояло в том, что в погреб упал труп с повозки, которая проезжала мимо из городского госпиталя, и был сочтен за привидение; свалившись в погреб, труп застрял между бочками.

Все приведенные рассказы, вместо того, чтобы подтверждать друг друга и доказывать действительность привидений, напротив, в общем бросают друг на друга тень подозрения. Как возможно, чтобы люди давно умершие и уже сгнившие являлись и ходили с цепями? Как могут они носить цепи? Как могут они говорить? Ведь некоторые из них говорят, между тем как у них нет уже и самого органа слова. Что им нужно? погребение? но разве они не погребены уже?

∆ ∆ ∆

[1] Mem. du Cardinal de Retz, Tom. I, pag. 43, 44.

ГЛАВА XII

Мнение язычников о душах умерших людей

Вера в продолжение существования души за гробом встречается у всех народов, даже находящихся на самой низкой степени образования.

Этому верили Монголы древние, Японцы, Негры, Гренландцы, Эскимосы и другие и теперь, конечно, верят. Таким образом, она содержится уже поклонниками *фетишей*. По мнению грубых, необразованных народов, души живут сподобной жизнью призраков, являются тем живым, которые боятся и вспомнят о них. Как привндения, отшедшие души скитаются ночью везде и живут в расселинах, безднах, горах, рощах, даже на солнце и звездах. Они жаждут крови человеческой и побеждаются жертвами, молитвами и заклинаниями.

Халдеи верили, что души умерших не имеют ни жизненной теплоты, ни крови и живут под землею, и что заклинаниями можно вызывать их и посредством их открывать будущее.

По мнению Китайцев души, как воздушные духи, находятся в постоянной борьбе со злыми духами.

По мнению Персов, дух человека, боровшегося с Ариманом и его царством и исполнившего законы Ормузда в течение жизни, восходит, по смерти тела, в самое высшее небо, в жилище блаженных, *городман*; злые низвергаются в *дуцак* и там, по мере своей греховности, очищаются от нечистот; впрочем, рано или поздно все духи вступят в жилище блаженных, где будут наслаждаться всеми благами. Это будет после всеобщего воскресения, перерождения, воссоздания.

По мнению Индийцев, душа, оставив тело человека, конечно, умершего, является к судье мертвых Ямою, который определяет достоинство ее дел и, сообразно с своими заслугами, продолжает свое странствование или вниз по телам животных и растений, или вверх по семи небесным Сферам и, наконец, когда совершенно очистится, погружается в лоно бесконечной, божественной субстанции или, иначе говоря: сливается со всеобщею душою мира[1].

Египтяне, Греки и Римляне рассуждали о душе отшедших людей одинаково почти во всех пунктах. и потому мы приводим здесь мнение этих трех народов за раз.

Древние Греки, заимствовавшие свою религию от Египтян преимущественно, и Римляне, принявшие в свою очередь религию Гре-

---

[1] Die Religion-Systeme der heidnischen Völker des Orients. I Theil; и Религия и философия древнего Востока, ч. I, соч. Повицкого.

ков, подобно Египтянам, верили, что дух и душа по смерти тела не умирают, но отрешаются от плоти и поступают на суд в *аментес* (дающий, приемлющий), или в подземное царство Плутона, где судьи произносят приговор над душою. Вследствие приговора дух странствует вниз и вверх, как думают Египтяне.

Дух Ероса[1], оставив тело, явился в хорошее место, где было двое дверей; судьи оценивали дела пришедших с этого мира, и злых отправляли вниз, а добрых вверх. Теспезий Солосский или лучше, его дух видел, как души, оставившие тело, подымались в воздух и заключались в ядро или огненный шар, из которого одни подымались с неимоверной быстротой вверх, другие кружились в воздухе, то подымаясь вверх, то опускаясь вниз.

Египтяне думали, что дух для очищения посылается в животных, растения и человека[2]. Нечто подобное видел Ерос, о котором мы говорили; он видел, как души героев Улисса, Аякса и др. переходили в различных животных. Когда дух очистится, то возносится он в высшие области, в жилище богов, чтобы с ними наслаждаться блаженною жизнью, как думают Египтяне. Теспезий видел, что блаженные поднялись вверх и очень радовались, а злые, низринутые в ад на тысячу лет, страшно рыдали[3]. По словам Гомера[4], Геркулес находится между бессмертными богами.

В продолжение существования души за гробом верили также древние Галлы и Северные народы Европы.

Таким образом, поверья, басни и суждения о посмертном состоятоянии за гробом душ встречаются у всех древних народов, которые с великим страхом, уважением и благоговением относились к этим душам. Фетишисты боялись отшедших душ, молились и приносили им жертвы, как мы это видели.

Гомер[5] обвиняет Ахиллеса за то, что он тело убитого Гектора тащил за своей колесницей, и замечают, что такой бесчестной жестокостью он осквернил саму землю.

На души непогребенных древние народы смотрели, сколько известно, как на несчастные. Они не имели, по их мнению, места определенного ни в жилище блаженных, ни наряду с злыми.

Египтяне верили[6], что души убитых людей и непогребенных остаются при телах, и ничем нельзя удалить их от тела; какая-то любовь привязывает их еще к телу, поэтому при непогребенных трупах слышен бывает стон.

---

[1] Plato, Lib. X de Republic., p. 614.
[2] Учение о странствовании душ, по Геродоту, заимствовали у Египтян Ферекид и Пифагорейцы.
[3] Об Еросе и Теспезии мы будем говорить подробно после.
[4] Илиада XXIII.
[5] Илиада XXIV.
[6] Porphyr., De Abstin., Lib. II, art.47.

Древние Греки думали, что души непогребенных не имеют покоя и остаются при телах до времени их погребения, и похоронить тело значило, по их понятию: animam condere — похоронить душу[1].

Сивилла показывала Энею ни берегу Ахерона души непогребенных людей, около ста лет остававшиеся без пристанища[2].

Поэтому-то лишение погребения считалось величайшим бесчестием, которого все боялись, и которым наказывались величайшие преступники, напр. самоубийцы.

Как образовались эти поверья и мнения у язычников, мы не станем решать. Мы укажем только на одну из многочисленных причин, которая, по нашему предположению, имела немалое влияние на веру в явление умерших. Это, по нашему мнению, те явления или привидения, которые замечаемы были на могилах только что умерших. В чем состояли эти явления, мы объясним ниже, а теперь скажем о том, как смотрели и что думали о явлениях на могилах древние народы языческие.

Уже Фетишисты замечали какие-то явления или привидения на могилах умерших. Решено было, что это души умерших являются в виде привидений на могилах погребенных своих тел. Далее замечены были эти привидения в болотах, пещерах и т. п. — и решено было, что это скитаются души, потому что не знали настоящей причины этих явлений. Персы, как можно предполагать, думали, что души отшедших «бросают от себя тени».

Греки думали, что души умерших являются на могилах в виде теней. Примеров подобных явлений Гомер приводит очень много. Так, он говорит[3], что душа Патрокла, явившаяся Ахиллесу, имела голос, лицо, глаза и одежду Патрокла, но не имела тела этого героя. Когда Улисс, замечает он далее, нисходил в ад, он видел там образ божественного Геркулеса, но не самого Геркулеса. Философ Платон в своем разговоре «О душе» признает[4], чти тени умерших являлись иногда на гробах своих тел. Виргилий говорит[5], что Креиза, супруга Энея, являлась ему после смерти в своем обыкновенном, хотя гораздо лучшем и прекраснейшем виде.

Греки и Римляне верили даже, что души умерших, являясь на могилах своих прежних тел, вкушали вино и мед, которые ставили для них там; далее, что эти души имеют какие-то тонкие воздушные тела, имеющие образ тех, в каких они жили в этом мире; что вместе с этими телами они сохраняют и прежние отношения к живым людям: любят тех, кого и прежде любили, ненавидят и преследуют лю-

---

[1] Horat. I, I, satyr. 8,

[2] «Haec omnis, quam cernis, inops inhumatarque est. / Centum errant annos, volitantque haec littora circum».

[3] Илиада XXIII.

[4] Origenes, Contra Celsum, p. 97.

[5] «Infelix simulacrum etque ipsius umbra Creusae / Visa mihi ante oculos, et nota major imago».

дей, бывших ненавистными для них в этой жизни. Так, Дидона[1],по словам Виргилия, после смерти сердилась на Энея, и выразила это, когда он, явившись в подземное царство Плутона, хотел заговорить с ней.

В Риме и в Метце[2], во времена язычества, было особенное общество жрецов, посвященных отшедшим душам, теням и подземному миру и находившихся под покровительством бога Сильвана. Это показывает, что древние Римляне верили в явления отшедших душ и, желая склонить их на милость, приносили им жертвы. Философ Саллюстий[3] говорит о душах, которые в темных телах являлись на могилах своих прежних тел, и старается доказать этим, что души умерших переходят в другие тела.

Древние Галлы и Кельты приставляли к гробам своих знаменитых мужей стражу, с намерением от умершего услышать открытие будущего.

Древние народы северные верили, что привидения, иногда являвшиеся на могилах, суть души недавно умерших людей. Чтобы прогнать это неприятное привидение, они отрубали голову трупу умершего, труп протыкали копьем или колом и потом сжигали.

Все древние народы, убежденные, что души умерших являются на могилах своих прежних тел, думали, что их можно видеть только в первое время или в течение первого года после погребения[4] тела, потому что душа, в течение первого года после погребения тела, то отходит от него, то снова возвращается к нему, чтобы видеть, что с ним случилось[5]. По истечении этого времени души являлись только вследствие заклинаний. А теперь мы приведем поверья средневековые о явлении отшедших душ.

ΔΔΔ

[1] «Sequar atris ignibus absens; / Et cum frigida mors animae subduxerit artus, / Omnibus umbra lecis adero: dubis, improbe, poenas».
[2] Gruter, p. LXIII; Mauric. Hist. de Metz, praef., p. 15.
[3] Sallust., Philos., c. 19. 20.
[4] Лукан намекает на это (Pharsal., 16), кода приводит слова волшебницы, призывавшей души недавно умерших; а также Bereseith Rabbae, c. 22. Vide Menasse de Resurrect. Mort.
[5] Thomas Barholin., Lib. II, cap. 2.

ГЛАВА XIII

Поверья и суеверия о явлении отшедших душ в средние века

В средние века особенно много встречается рассказов о явлениях душ умерших. Признать все эти рассказы ложными мы не имеем основания, — ибо возможность подобных явлений допускается учением Церкви, но многие из них обставлены такими подробностями, что очевидно должны быть отнесены к области вымысла.

Одному благочестивому священнику, как это передает аббат Клюнийский[1], в одно время постоянно являлся умерший г. Вит, его духовный сын, и просил его передать брату умершего Анзельму, чтобы этот последний возвратил крестьянину отнятого у него вола Витом. В этом грехе умерший не сознался на исповеди, и потому теперь жестоко наказывается. Сначала священник не мог исполнить поручения потому, что Анзельм был в отсутствии. Вит явился священнику и упрекал в нерадении. Священник наконец объяснил Анзельму просьбу умершего. Но Анзельм отказался искупать грехи брата. Вит явился Анзельму и просил его помочь ему в крайней нужде, и Анзельм уплатил крестьянину за отнятого Витом вола и просил благочестивых молиться за умершего. Вит после этого не являлся более.

Что сказать об этом рассказе? Этот рассказ передает Петр Досточтенный, аббат Клюнийский. Но ведь и достопочтенный, если он действительно таков, мог легко принять ложь, сказку за истину, потому что не мог проверить рассказа на деле; далее, действительно ли священник передал аббату Петру дело верно; может быть, священник сам сочинил этот рассказ, а Петр поверил ему потому, что тогда принимали подобные факты или рассказы на веру, без критической оценки. Было тогда много и мастеров создавать подобного рода анекдоты и передавать их другим с убеждением и известного рода доказательствами с тем, чтобы творцов этих сказок считали людьми благочестивыми, обращались к ним за советами, просили их молитв о себе и т. п. Очень могло случиться и такого рода обстоятельство: священнику мог жаловаться крестьянин на Вита; священник, как благочестивый, если верить словам аббата, невольно задумался над этим и во сне увидел Вита, как кающегося и просящего помощи. Священник передал сон Анзельму, приняв сонный бред за действительное явление. Анзельм, каков бы он ни был, должен был задуматься над судьбою брата и, естественно, мог во сне

[1] Petr. Venerab. in Bibliot. Cl., p. 1283 et reliq.

увидеть брата, который будто явился ему с просьбою о помощи и т. д. Осталось священнику прибавить несколько слов — и факт, совершившийся во сне, получил характер реальный, серьезный, так что он оказался годным для записи, как и сделал аббат Петр. Впрочем, все-таки и здесь предполагается малый обман со стороны священника. Но возможно ведь и так, что не только аббат, но и священник и Анзельм были обмануты ловким крестьянином, который придумал способ отнятия вола и воспользовался им. Такого рода случаев было очень много. Иные, как мы выше имели случай заметить, одевались в особые костюмы и пугали суеверных. Являлись часто такие люди вдовам, требовали, вместо мужей, месс за умерших или пожертвования на какое-нибудь семейство или общество и т. п. Возможно, наконец, еще одно предположение: аббат Петр мог придумать вполне сам эту историю, несмотря на свою почтенность, с благочестивой целью (употребить piam fraudem, т. е. благочестивые обманы, для назидания верных, для защиты беззащитных и проч. Все это возможно и находит свое оправдание и подтверждение в истории средних веков.

Около 1212 года, в городе Епинале, как говорит Рихерий, монах Зенонский[1], в доме одного гражданина Гюго де-ла-Кур жил какой-то дух от праздника Рождества Христова до Иоаннова дня (24 июля), и давал всем знать о своем присутствии. Слышали, как он говорил, и видели все, что он делал. Дух отличался услужливостью и никому не делал ни малейшего вреда. Так, однажды Гюго приказал слуге оседлать лошадь; вместо слуги, который был очень занят, приказание хозяина исполнил дух. В другой раз Гюго купил к обеду рыбы, и дух принес ее в дом. Однажды Гюго вздумал бросить себе кровь и приказал служанке приготовить перевязь; дух изорвал новую рубашку и предложил хозяину тряпку для перевязи. Служанка раз развесила в саду белье для просушки; дух собрал белье, снес в верхние комнаты и так искусно сложил его, как могла сложить его опытнейшая хозяйка. Как бы в благодарность за услужливость, дух просил Стефана, сына Гюго, принести в дар за него один пфенниг покровителю города Епиналя. Стефан дал ему старый провансальский пфенниг. Дух просил тулузского хорошего пфеннига. Когда желание духа было исполнено, пфенниг исчез. В следующую ночь в церкви покровителя города Епиналя слышали шум, как от вошедшего человека.

Этот рассказ, записанный в хронике монахом Рихерием, не напечатан, как замечает г. Кальмет; а в хрониках непечатных чего-чего не рассказывали, каких там не было чудес, неестественных явлений, поверий и предрассудков? К таким рассказам относится и факт, переданный Рихерием. Прежде всего, он передан без всякой последовательности (рассказ приведен в порядок нами) и слишком страш-

[1] Richer. Senon. In Chronic. m. (Hoc non exstat in impresso).

ный по содержанию. Что заставляло духа так долго работать из-за одного пфеннига, который бы ему дан был и без стольких хлопот?' Да и почему пфенниг нужно было принести в дар покровителю Епиналя? Далее, каким образом дух, как дух, которого никто не видел, мог седлать лошадей, носить рыбу, брать пфенниг и пр.? Как объяснить все это? Наконец, чем доказать, что шум в церкви произведен ночью духом, а не чем-нибудь другим? Оказался ли пфенниг в церкви или нет? Вот вопросы, на которые не мог бы отвечать удовлетворительно и составитель хроники. А подобных вопросов можно бы предложить очень много.

Следующий факт как бы служит объяснением того, каким образом духи, как такие, могут совершать чисто материальные действия.

В 1306 г. в Вероне, умерший Гюго де-ла Тор[1] через восемь дней после смерти говорил с женою, соседом и соседкою, с настоятелем Доминиканским и профессором теологии, и очень хорошо и правильно отвечал на вопросы. Он объяснил им, что находится теперь в чистилище за грехи, в которых не покаялся. Когда спросили его, каким образом он может говорить, не имея необходимых к тому органов чувственных? — он отвечал, что отшедшие души способны образовать себе в воздухе орудия, посредством которых они могут говорить.

Мы приведем еще несколько рассказов, но не станем опровергать каждый из них: все они похожи друг на друга. Все духи ведут себя, по отношению к живым, слишком нелепо, то пугают живых, то оскорбляют их, то действуют во вред их и т. п. Характер рассказов сколько мрачный, столько же и странный по тому самому, что фантазия и склад мышления передавших эти рассказы мрачны, суеверны и странны.

«Теперь еще не знают, говорится в мемуарах Сюлли[2], что такое мог быть тот волшебный образ, который так часто и столь многим являлся в лесу Фонтенеблском: это было привидение с собачьей головой, лай которого слышан был издали и которого видели издали; но как только приближались, видение исчезало».

Издатель этих мемуаров замечает, что Перефикс упоминает об этом привидении, и прибавляет, что оно поразительным голосом произносило одно из этих трех слов: m’allandez vous, или m’entendez vous, или amandez vous (т. е. выслушайте меня). Думают, что это была ведьма. В дневнике Генриха IV также говорится об этом привидении и прибавлено, что оно очень беспокоило короля и двор. Петр Матье нечто подобное передает в своей истории Франции[3]. Об этом привидении упоминает и Бонгар[4], и утверждает, что это был вели-

[1] Herman Contraet Chronic., p. 1006.
[2] Mém. de Sully, in 4to Tom I, Liv. X, p. 562, note 26 или Edit. In 12mo. Tom III, p. 321, note 26.
[3] Tom II, pag. 268.
[4] Bongars, Epist. ad Camerarium.

кий охотник, убитый в том лесу во время Франц I. Теперь уже забыли об этом привидении, только пролегающая в том лесу дорога своим названием «grand Veneuz» (великий охотник) напоминает об этом страшном явлении.

Францисканец Тальйнье, профессор теологии в Руане (Rouen)[1], в своем сочинении «О явлении духов», изданном в Руане в 1600 г., упоминает об одном знакомом ему Францисканце Гаврииле, который являлся многим монахам монастыря Нисского и просил уплатить одному Марсельскому купцу за одежду, которую он у купца взял и не возвратил, денег. Когда спрашивали его, почему он, являясь, производит такой сильный шум, он отвечал, что не он производит этот шум, а нечистый дух, который является вместе с ним и препятствует ему высказывать настоящую причину его мучений.

Два каноника города Доц (Dies) рассказывали мне, замечает г. Кальмет, такую историю: спустя три месяца после смерти каноника того же города г. Генриха, одному из них достался дом умершего. Новый владелец отправился однажды со своим товарищем в дом осмотреть, какие нужно сделать в нем поправки. Они вошли в кухню и через отворенную дверь в главной комнате, очень светлой, увидели духовную особу, с виду совершенно похожую на умершего священника; он обернулся к ним и, посмотрев на них минуты две, через названную комнату ушел на черную лестницу, которая вела к амбару. Они тотчас же поспешили из дому и рассказали одному из товарищей случившееся. По совету последнего снова отправились в дом осмотреть, не спрятался ли там кто-нибудь, осмотрели весь дом, но никого не нашли.

В истории Епископа Майнского[2] говорится, что во время Епископа Гюго, жившего в 1135 г. в доме городского старосты, Николая, слышен был дух, который страшным шумом и стуком пугал не только жильцов дома, но и соседей: он выламывал огромные камни из стены, так что весь дом дрожал, переставлял с места на место посуду и другие кухонные принадлежности, хотя не видно было рук, которые бы все это делали, зажигал свечу без огня. Иногда принесенное мясо он посыпал отрубями, золой или сажей, так что до пищи нельзя было дотронуться. Когда Амика, жена старосты, приготовила пряжу для полотна, дух намотал ее вокруг лавки, к величайшему удивлению присутствовавших.

Призванный священник освятил дом и оградил всех крестом. В следовавшую за этим первую и вторую ночь слышал женский голос, который с сильным стоном жалобно говорил: «Я пряха». Потом дух, обращаясь к старосте, говорил: «Ах, откуда пришел я! Из какой далекой страны, через какие бури, опасности, снежные сугробы, какой холод и зной перенес я, чтобы достигнуть этого места! и я не имею теперь силы причинить какой-нибудь вред; приготовьтесь встре-

---

[1] Taillepied, Traité de l'Apparit. des Esprits, c. 15, p. 173.
[2] Anecdote Mabill, p. 320. Edition in fol.

тить целый сонм злых духов, которые пришли сюда с тем, чтобы вредить вам. Отслужите для меня заупокойную литургию, а ты, любезная невестка, раздай за меня несколько одежд бедным».

Духу предлагали многие вопросы о прошедшем и будущем, на которые он давал удовлетворительные ответы, высказывал мнения о многих лицах. Но в объяснения с учеными людьми дух не хотел вступать; «это последнее обстоятельство очень замечательно и бросает подозрение на целую историю», замечает г. Кальмет.

В последнее время нам сообщено одно сочинение, написанное Премонстратензерским монахом из аббатства Всех Святых в Шварцвальде, человеком очень почтенным; сочинение это носит такое название: «Umra Humberti, hoc est historia memorabilis D. Humberti Birkii, mira post mortem apparitione, per A. G. N.».

Этот Гумберт Бирк был один из лучших граждан города Оппенгейма и владетель хорошего поместья — Беренбах, он умер в ноябре 1620 г. за несколько дней перед праздником Св. Мартина. В субботу, следовавшую за его погребением, слышали плач в доме, где он жил с своею первого женою (он умер во втором браке). Хозяин дома, полагая, что это его зять, сказал: «Если это ты, Гумберт, мой зять, ударь три раза в стену». Послышались три удара; он обыкновенно ударял по нескольку раз. Иногда слышали его в колодце, откуда черпали воду, так что все соседи были устрашены. Дух не издавал никакого определенного звука, но давал слышать себя через удары, шум, топы, свист и просто через жалобный крик. Все это продолжалось без всяких вредных для жителей следствий около полгода, но потом вдруг прекратилось. В скором времени по прошествии года, гораздо яснее прежнего, дух дал себя слышать. Хозяин дома и один из его слуг спросили наконец, что ему нужно и чем можно помочь ему. Грубым и сильным голосом дух отвечал: «Призовите в следующую субботу священника с моими детьми». Больной священник не мог прийти в назначенный день, но в следующий понедельник он пришел вместе с другими лицами.

Гумберта известили об этом и он очень внятно говорил. На вопрос, желает ли он, чтобы совершена была литургия, он потребовал, чтобы совершены были три. Его спросили: полезно ли будет для него подавать милостыню, он отвечал: «Я желал бы, чтобы роздано было бедным восемь мер пшеницы» и чтобы жена его выдала из остававшегося после него имения, которое доходило до 20-ти гульденов, его детям следовавшую им часть, чтобы неправильный раздел в завещании был изменен. Когда спросили его, почему он беспокоит именно этот дом, а не другой, он отвечал, что сила заклинания принуждает его к тому. На вопрос священника, принимал ли он Церковные таинства, — он отвечал, «Принимал от вашего предшественника». Далее заставили его читать «Отче наш» и «Богородица Дево радуйся». То и другое произносил он с большим усилием и

говорил, что злой дух препятствует ему и многого не позволяет открыть священнику.

Священник, Премонстратензерский монах, возвратился 12 января 1621 г. в свой монастырь Всех Святых и предложил это дело на обсуждение старших. Ему дали в помощники трех монахов, и он снова отправился в дом, где Гумберт возобновил свои требования, потому что ни одно из них не было выполнено. Здесь были уже очень многие из соседей. Хозяин дома сказал Гумберту, чтобы он ударил три раза в стену. Он сделал три очень тихих удара. Хозяин снова обратился к нему и сказал: «Возьми камень и ударь сильнее». Он медленно взял камень и ударил им три раза очень сильно. Хозяин сказал очень тихо, — чтобы он ударил семь раз; Гумберт исполнил. Священникам дух выказывал особенное уважение и отвечал им не так дерзко, как мирянам; когда спросили его о причине этого, он отвечал: «Они имеют при себе Св. Дары». Они намеревались совершать литургию и Св. Дары действительно были при них. На другой день совершили три литургии, как требовал дух, и отправились ко св. местам, чего он в последнем разговоре особенно желал, и обещали на следующий же день раздать милостыню. После этого Гумберт более не являлся.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XIV

Явления духов, которые отпечатлевали свои руки на одежде и на дереве

Тот же Премонстратензерский монах рассказывает: 9-го Сент. 1625, в месте, называемом Алтейм, в Диоцезе Констанцском, умер известный Иоанн Штейлин. Через несколько дней явился он ночью одному портному, по имени Симону Баугу, окруженный темным пламенем и фосфорическим светом. Он входил и выходил из дома, не говоря ни слова. Бауг, которого эта игра начинала уже беспокоить, решился наконец спросить, что ему нужно. Случай этому он выбрал 17 ноября того же 1625 г. Как только он лег в свою постель, спустя немного после одиннадцати часов, привидение, окруженное фосфорическим светом, вошло в комнату, входило и выходило из нее, отворяло и закрывало окна. Портной спросил, что ему нужно; дух отвечал грубым, прерывающимся голосом: «Ты можешь, если только захочешь, оказать мне великую услугу, но — прибавил дух— обещай мне, если ты решишься выполнить свое обещание». — «Я готов выполнить твою просьбу, отвечал портной, если только это не будет превышать моих сил». — «Я желаю, начал дух, чтобы ты отслужил одну литургию в капелле Пресвятой Девы; при жизни моей, я обещал это, но не выполнил обета. Потом ты должен отслужить две Божест. Литургии, одну заупокойную, другую в честь Пресвятой Девы. Я не верно платил моим слугам, поэтому желал бы, чтобы ты раздал милостыню бедным». Симон обещал выполнить его желание. При этом дух протянул к нему руку, как бы требуя этим ручательства в верности обещанию. Но Симон, из опасения, вместо руки придвинул к нему скамейку; дух, схвативши ее, отпечатлел на ней свою руку с пятью пальцами и ладонью, так что на скамейке остались очень глубокие следы его руки, как бы выжженные огнем.

Следующая история тем более должна казаться вероятной, что передает ее, как действительно бывшую, Филипп Меланхтон, известный поклонник и друг Лютера[1]. Сестра его матери, находясь в беременном состоянии, овдовела; когда приближалось время родов, вошли однажды в ее комнату двое мужчин, из которых в одном она узнала своего умершего мужа, другой был Францисканец. Сначала она сильно испугалась, но муж начал утешать ее и говорил, что он намерен открыть ей нечто очень важное. Потом он попросил Францисканца оставить их наедине. Когда Францисканец удалился, он, подошедши к постели, просил ее отслужить несколько заупокой-

---

[1] Philipp. Melancth. Theolog. T. I., oper. fol. 326, 327.

ных месс и при этом подал ей руку, как бы прося ее согласия; в страхе она не решалась подать ему свою руку, но он начал уверять, что ей совершенно нечего опасаться. Она наконец подала ему руку и, действительно, не ощущала никакой боли; но потом рука ее сделалась совершенно черной. После этого он позвал Францисканца и оба они тотчас исчезли.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XV

Замечания о явлении душ умерших людей, об отношении их к живым

Еще Ямвлих писал[1]: явления героев сопровождались мраком; начальники, занимавшие в этом мире высокие места, являлись по смерти окруженные светом; а начальники, занимавшие низкие должности, являлись во мраке. Вообще же являвшиеся души похожи были на тень. Явления героев приводят человека в ужас; души начальников, являясь живым, производят в них болезненное впечатление, явления душ обыкновенных менее неприятны, чем явления героев.

Подобным образом рассуждали очень многие, особенно неоплатоники. Вообще язычники думали, что души умерших являлись на гробах, или в пещерах, или на горах и т. п. В настоящее время относительно очень немного таких, которые бы поверили, что Ямвлих и другие язычники, так убедительно писавшие о явлениях душ, видели их на самом деле. Всякий мыслящий скажет, что это жалкое состояние воображения создало те сказки о духах, которыми наполнены сочинения неоплатоников.

Ужели, скажут, все рассказы эти выдуманные, ложные, придуманные для обмана суеверных, неразвитых? Ужели они не имеют никакой реальной почвы? Нет, есть сказания истинные, но большая часть рассказов — произведения одного воображения, а также обман зрения или слуха, суеверия и предрассудков; некоторые из них обман шарлатанов и шалунов или волокит; некоторые даже просто результат органического, или, чаще, желудочного расстройства.

Человеку больному (болезнь часто незаметна или неизвестна), у которого расстроено воображение, представляются такие явления, которых никто другой не может видеть. Видения Лютера объясняются его болезненным расстройством, раздражением нервов, воображения, иллюзиями, бессонными ночами, одиночеством и т. п. Часто и очень даже кошмары и сонные грезы принимаемы были, как несомненно истинные, так были живы ощущения мучимых ими лиц. Один аптекарь из Оверни был убежден, что ему являются привидения и мучают. Однажды ночью он поднял страшный крик, который разбудил всех в доме. На вопрос: что с ним? он объяснил, что ему явилось привидение и мучило его. Это привидение описано им до мельчайших подробностей. Усердное лечение избавило мученика от подобных грез[2].

---

[1] Jamblic., Lib. II, cap. 3 & 4.
[2] Schoencklius, Obs. 253.

Один очень серьезный человек воображал, что ночью ему является одна знакомая дама, плюет ему в лицо, через что делает его неподвижным, и мучает его до тех пор, пока не послышатся чьи-нибудь шаги, и тогда она уходит в окно или в дверь. Этот несчастный страдал кошмаром.

Кошмар иногда действует эпидемически, повально. В подтверждение его мы могли бы привести очень много примеров. Мы приведем один из них. — Первый батальон латур-довернского полка, в котором доктор Парап[1], оставивший нам этот рассказ, был батальонным врачом, после суточного перехода остановился на ночлег в развалинах древнего аббатства, в котором, как носилась молва, обитал домовой. Солдаты с вечера смеялись над предостережениями крестьян соседней деревни и легли спать под полуразрушившимися сводами. Но каково же было общее удивление и ужас, когда в самую глубокую полночь более сотни солдат, выбежавших на двор из-под развалин, уверяли, что видели домового, который бегал по ним в виде черной собаки. Ничто не могло разубедить их, что это грезы, настроенное с вечера воображение, солдаты стояли на своем. В следующую ночь все офицеры расположились дежурить во время ночи, чтобы убедить солдат в их ошибке; вчерашняя, однако ж, сцена повторилась; все ветераны видели в одно и то же мгновение домового в виде черной собаки, тогда как офицеры ничего не видели и никакая собака не забегала во временную казарму. Спор солдат, решившихся лучше ночевать под открытым небом, с офицерами, уверявшими, что никакой собаки и никакого домового не было, кончился тем, что на третий день батальон оставил старое аббатство, и ничего подобного никогда не повторялось[2].

Положим, солдаты с вечера смеялись над предостережениями крестьян; но это нисколько им не мешало настроить свое воображение, с детства еще зараженное суевериями, так, чтобы увидеть ночью привидение. Что же касается до того, что они увидели привидение в виде черной собаки, то, во-первых, в то время большая часть думали, что домовые являются в виде черной собаки; во-вторых, очень может быть, что крестьяне, предостерегая солдат, сказали, что здесь домовой является в виде черной собаки. В первую ночь крик нескольких более суеверных и слабонервных разбудил других, которые в испуге повыскочили, сами не зная, может быть, почему, и приняли на веру рассказ о домовом, с испугу, со сна не опомнившись. Что в следующую ночь многие увидели привидение в одно и то же мгновение, то тут нет ничего странного, если только верно, что они увидели в одно и то же мгновение; солдаты, целый день трактуя об этом, до того все настроились, что ночью малейший шорох или визг взволновал всех, у которых было сильно возбуждено воображение предшествующими событиями дня и ночи. Напротив, те, кто пораз-

---

[1] Jason, De morbis cerebri, XXVI.

[2] Grand dictionnaire des sciences medicales, XXXIV.

витее, у кого воображение не было омрачено суевериями, — те, говорим, ничего не видели; офицеры ведь и некоторые из солдат, что поумнее, не видели никакого привидения.

Из этого видно, как сильно может расстраивать человека одно воображение, кошмар, ночные грезы; но еще сильнее его видения, еще страшнее явления, если кроме воображения принимают деятельное участие и другие восприемники впечатлении: глаз и ухо. В таком случае созданный воображением призрак получает какой-то особенно реальный характер. В несомненную истинность его реальности верят как создавшие его, так и воспринявшие его. Сюда относится привидение в лесу Фонтенеблском и явление двух каноников, рассказывавших об этом самому г. Кальмету.

Обманы чувств, вызванные ненормальным состоянием воображения, суеверно настроенного, возбужденного испугом, часто получали чисто реальный характер; они считались действительным явлением отшедших душ. Когда был еще в училище я, между моими товарищами и высшими и низшими по классам учениками было до невероятных размеров развито суеверие и предрассудки. Вкорененное с детства суеверие в училище не уменьшалось, а увеличивалось. Собранные с различных концов губернии, мы передавали друг другу в часы досуга самые разнообразные сказки про домовых и леших, о посещениях мертвыми живых и т. п. Самое здание, в котором нас поместили, построенное иезуитами, которых мы считали едва ли не ближайшими сообщниками и друзьями нечистых сил, очень долго необитаемое, угрюмое снаружи и мрачное внутри, наводило на нас какой-то панический страх, по крайней мере на первых порах. Сильный ветер по ночам, свистевший сквозь разбитые окна, производил в коридорах сильный шум, который мы считали произведением нечистой силы, путешествовавшей по огромным коридорам. Об умиравших товарищах мы думали, что они по ночам являются в спальни и беспокоят нас. Один из таких фактов мы расскажем и объясним. Один из моих товарищей, считавшийся довольно состоятельным между бедными оборвышами, скончался нечаянно, три дня пролежал в назначенной для умерших комнате со свежим, румяным лицом и потом с таким же лицом похоронен. Мы тогда же решили, что дело сделано не ладно, но тем и кончили, что пожалели о товарище, не ожидая ничего особенного. Наше, однако ж, ожидание не оправдалось. Ночью несколько человек услышали тяжелые вздохи и стон подле той кровати, на которой за несколько дней спал погребенный уже товарищ; потом заметили в темноте облокотившегося на кровать мертвеца, который стонал и рылся в сундуке. Один смельчак, ободряемый втихомолку другими, прочитал: «Да воскреснет Бог и расточатся врази» и т. д., и мертвец умчался сквозь окно, рамы которого сильно задрожали. Утром, видевшие мертвеца ночью рассказали не видевшим, и молва о посетителе-мертвеце разнеслась по всему училищу, тем более, что в подтверждение рассказа один из

спавших у дверей сказал, что мертвец, вошедший в спальню, хотел было стащить с него шубу. Спавший и пробужденный проделками мертвеца ученик послал мертвеца к черту, предполагая, что имеет дело с живым (с этого ученика некоторые стаскивали шубу, отправляясь зачем-нибудь ночью из спальни, конечно, зимой); мертвец, не вступая в объяснения с противником, стащил шубу и бросил на пол; ученик ударил мертвеца в грудь, от чего последний застонал.

Этот факт несколько похож на рассказ о Гумберте и о духе, история которого записана в биографии Епископа Майнского. В чем же дело? Ужели действительно мертвец посещал спальню с тем, чтобы хоть посмотреть да пожалеть о своем имуществе, которое, по обыкновению, назначалось в экономскую кладовую?

Через год дело объяснилось. Дело было так: один из учеников хотел взять шубу, как единственную в целой спальне, и отправился за своей надобностью. Здоровый ученик, спавший у двери, так сильно толкнул тащившего шубу в грудь, что тот от удара упал на рядом стоявшую постель, принадлежавшую за четыре до этого дня умершему, и от боли застонал и разбудил этим некоторых учеников, которые спросонья вообразили, что видят мертвеца. Упавший на постель вовсе не шарил в сундуке, а только несколько раз толкнул нечаянно сундук, желая подняться с постели мертвеца и лечь на свою, которая с постелью мертвеца образовала угол. Улегшись в постель, он услышал звуки: пришел покойник. Испугавшись покойника, он начал закутываться в одеяло, один конец которого вовсе не повиновался, потому что задет был за ножку кровати покойника, которую он несколько приподнял во время падения и во время возни случайно всунул под ножку конец одеяла, сброшенного на пол еще в то время, как он подымался с своей постели; он вообразил, что одеяло держит мертвец. И потому, естественно, ученик этот подтвердил рассказ других тем, чти сам слышал стоны, и что мертвец тащил с него одеяло; может быть, он и догадывался, что его стоны приняты за стоны мертвеца; но ему не хотелось говорить, потому что был в ссоре с учеником, у которого хотел стащить шубу. Все же убежден был, что мертвец приходил. Рамы, окна задрожали от приливших волн ветра, сильно бушевавшего потому, что рамы были ветхи и неплотно запирались.

Таким образом, суеверные, неразвитые часто принимают самые обыкновенные вещи за действия мертвецов.

Некоторые по злобе или просто из шалости надевают черные или белые покрывала, чтобы пугать других, показываются на могилах, улицах или в домах и производят шум и стук и т. п., а суеверные воображают, что это души умерших беспокоят живых. Иногда такими душами считаются воры или любовники, которые прикрываются таким образом. Оставшимся вдовам или наследникам являются иногда умершие их отцы или мужья и требуют изменения завещания, большей частью, впрочем, в пользу духовидцев.

Подобных фактов было очень и очень много. Мы приведем один факт такого рода, нам хорошо известный. Этот факт будет продолжением рассказанного нами факта выше — из училищной жизни.

Когда узнали ученики, что мертвец посещал одну из спален, то по крайней мере очень многие решили, что он посетит непременно и другие. Почему они думали, что он посетит, понятно только им одним. Как бы то ни было, ученики двух ближайших спален не на шутку струсили и ученики одной из этих спален решили изыскать средства, которые бы воспрепятствовали мертвецу посетить спальню. Положено было на митинге, из 15-ти человек составившемся, читать вызвавшимся смельчакам, по крайней мере до заутрени, Евангелие и Жития святых. Решение исполнено и мертвец не осмелился посетить спальни. Другая спальня была несчастливее, потому что ученики, спавшие в ней, не думали предпринимать никаких средств и все спокойно уснули; только двое из всех, несмотря на старания, не могли уснуть; их мучила какая-то тоска. Днем они все школьные тонкости истощили для того, чтобы доказать, что мертвец посетит не их спальню. Тоска, мучившая их, предвещала недоброе. В глубокую полночь распахнулась настежь дверь спальни, в которую быстро вошла высокая фигура, покрытая белым, как снег, саваном и прямо направилась к кроватям неспавших. Один из них, похрабрее, спрятался под кровать; другой так испугался, что остался неподвижным; казалось, кровь замерла в его жилах. К нему-то фигура и приблизилась и, положив два пальца на открытый его лоб, держала их около получасу, и потом с шумом удалилась. Пациент от испуга опасно заболел. От пальцев на лбу остались два глубоких следа — два черных пятна. Несчастный, заболевший от испуга, на другой день отправился в больницу и пролежал в ней около пяти месяцев. Здоровье его поколебалось сильно. Через год узнали мы, что он отправился ad patres. Через год же мы узнали, что являвшаяся фигура вовсе не был мертвец, а один из учеников той спальни, в которой читали Евангелие. Долго думал он о том, как бы испугать споривших с ним, что мертвец не посетит их спальни, и наконец, взяв чистую простыню под полу так, чтобы другие не заметили, вышел из спальни, направился к соседней спальне, набросил на себя простыню, толкнул в дверь, которая не запиралась за неимением ключа, вошел в спальню, прямо направился к хорошо известным ему кроватям и положить пальцы на открытый лоб и т. д., как мы передавали. Читатель может спросить: если в училище господствовали предрассудки и суеверия, что это за смельчак, который решился разыграть роль духа? Прежде всего заметим, что в училище не были все одинаково суеверны. Некоторые просто не сознавали того, какой опасности они могут подвергнуться, исполняя эту роль, при всем убеждении, что мертвецы посещают живых. Более развитые, верившие в явления духов, не рискнули бы на тот фокус, который мы рассказали, из опасности преследования со стороны мертвеца, который

или в коридоре или в спальне, на месте преступления, мог отмстить шалуну. Но такие шалуны, как указанный нами, всегда, или большей частью, рассуждают о поступке после поступка; тут только они осмысливают всю его опасность, безрассудность и т. п. По крайней мере, так рассуждал ученик, совершивший фокус. Будучи уволен из училища, он сознался некоторым, что он был отчасти виновником трагически кончившейся истории. «Я просто хотел только напугать их, сказал он, и особенно спрятавшегося под кроватью; но если бы я начал тащить его из-под кровати, то он узнал бы меня, и потому я решился испугать хоть того, который оставался на кровати. Утром я думал рассказать всем о своей проделке; но узнав, что Мигаев опасно заболел, испуганный ночью мертвецом, доказательством посещения которого служили глубокие следы от пальцев, я боялся говорить об этом кому бы то ни было потому, что мне этого не простили бы». А если бы в это время явился мертвец и начал душить, сказали ему. «Я закричал бы и меня спасли бы; да я об этом тогда и не думал».

Некоторые, которым он передал этот факт, пересказали другим некоторым и т. д. Словом, через два, три дня все ученики узнали о проделке, посмеялись, порассказали многое о таких проделках в деревнях. Тут же мы узнали и виновника истории в первую ночь явления мертвеца стонавшего, и тем кончилось дело.

Только что рассказанный факт имеет много сходства с рассказами о духах, отпечатлевающих свои руки на теле. И если подобные рассказы не суеверие, не сказки, не произведения праздного воображения, то все они похожи на приведенный нами факт из училищной жизни, и мы бы без труда объяснили их, если бы нам более известны были подробности рассказов. В подобных случаях очень необходимы подробности рассказа. Черные или, вернее, синие, багровые пятна весьма возможны от прилива и остановки крови и от испуга, подобно тому, как от сильного удара являются на теле багровые или черные пятна. Рассказы о духах, отпечатлевших руки на дереве — пустая выдумка, потому что в то время, к которому относятся эти рассказы, еще не знал искусства и составов, посредством которых можно производить отпечатки на дереве.

Кроме указанных причин, вызвавших веру в явления духов, есть еще другие, более частные, зависящие от индивидуального состояния данного лица. Указанные нами выше причины могут быть названы общими; они могут вызывать веру в явления духов не у одного только, но у многих. Воспитанное в суеверии воображение и возбужденное каким-нибудь внешним впечатлением, представляет такие явления, рисует такие предметы, которых в действительности никогда не было. Но воспитанных в суеверии, в предрассудках, необразованных, неразвитых очень много и потому, очень естественно, вера в явления духов развивается повально, если можно так

выразиться, эпидемически, если из таких суеверов необразованных составлено общество.

В училище, обществе суеверных мальчиков, вера в явления духов была очень развита и распространялась эпидемически. Точно так же и в средние века суеверные, зараженные предрассудками, вера в явления духов развивалась эпидемически и часто подтверждалась фактами. Какой-нибудь шум, стук, шорох, призрак и т п., производимые естественными причинами, считались признаками присутствия духа, потому что верившие в явления духов не знали, да и не могли исследовать причин так называемых явлений духов. После этого неосновательно предлагать такой вопрос: каким же образом можно объяснить то, что в средние века явилась страсть видеть везде явления духов? Это объясняется тем. что тогда все были заражены суеверием, предрассудками и поверьями, которые с течением времени, с развитием, уменьшились и почти совсем исчезли.

Другие причины суеверной наклонности все объяснять явлениями духов находились в состояния личности. В этом случае органическое расстройство вообще и чаще желудочное развивают веру в явления духов, привидений и т. п.

Один отставной офицер вскакивал по ночам и кричал как безумный, уверяя, когда его спрашивали, что с ним, что четыре человека, которых он узнал в лицо и называл по имени, влезли в окно и хотели его убить, но что он защищался отчаянно, и убийцы, услышав шаги бежавших к нему на помощь, скрылись в окно. Лица, обвиняемые им в покушении на его жизнь, находились за сотни верст; притом же один из них давно умер, другой лежал в параличе. Эта история повторялась каждую ночь. Когда исследовали дело, то причиной таких явлений был задержанный геморрой.

Кашко в 1600 г., в Кенигсберге, человек очень умный и образованный, страдал от различных призраков; то чудовище с совиною головою открывало занавесы его постели, то змеи обвивались вокруг него, когда он сидел за бумагами, то негр являлся в его кабинет и тому подобное.

Таких примеров можно указать очень много. Медицина объясняет их органическим расстройством, и часто с успехом излечивает несчастных, подверженных органическим расстройствам.

Одной госпоже N. В течение целых двух (1830-1831) лет являлось до десяти привидений: то являлся ей муж ее, который ушел гулять на два часа, то она видит родственника, который в это время на целые тысячи верст от нее, то слышит дыхание рядом будто лежащего с ней мужа, тогда как он в это время в гостях на вечере и т. п. Однажды этой госпоже послышался стук колес. Она пошла к окошку и увидела въезжающую на двор карету, начала приготовляться к принятию гостей, потом решилась полюбопытствовать, кто приехал. Но каков же ее был ужас, когда она увидела, что как кучер, так особы, сидевшие в карете, стоявшей у самого окна, были скелеты, одетые в

нарядное платье. Окаменев от ужаса, она пробыла в этом состоянии несколько минут, пока не явился муж, при входе которого она вскрикнула и указала на окно, но в это время ни кареты, ни скелетов уже не было.

Как в этом, так и в других случаях г-жа N… за несколько часов до явления привидения чувствовала в глазах какое-то особенное ощущение, достигающее высшего развития во время явления привидения и вместе с ним исчезающее.

Исследование доктора показало, что все эти привидения не что иное, как произведения расстройства воображения, причиненного желудочной болезнью, не замеченной прежде. Если такое расстройство зависит от принятия ядовитого вещества, то оно сильно отражается на сетчатой плеве и процесс зрения значительно видоизменяется. В самом деле, принявшие внутрь дурман, белену, как помешанные, принимали собственные произведения расстроенного воображения за действительные, реальные явления или считали данный предмет не тем, что он есть на самом деле, лошадей считали людьми; дом огородом и т. п.

Как бы то ни было, все приведенные нами рассказы основываются на указанных нами причинах. Эти так называемые видения духов и душ отшедших людей могут быть подведены под следующие категории: 1) видения, воспроизводимые памятью, нарисованные воображением и переданные от мозга сетчатой плеве глаза посредством нервного волокна, которое в это время не может воспринимать действительных предметов внешнего мира. Напр. представление человека, которого когда-нибудь видели; 2) видения, как чисто созданные воображением и переданные от мозга глазу. Напр. созданный воображением дух с известными свойствами, в известном виде. Это создание воображения, переданное сетчатой плеве глаза, представляется как бы действительно существующим, закрывающим действительные предметы потому, что нервное волокно, занятое образом воображаемого существа, не может воспринимать и передавать мозгу действительных предметов; 3) видения, зависящие от расстройства органического или чаще желудочного. Известно, что три главные системы организма: нервная, мускульная и желудочная тесно связаны между собой; нормальная и совокупная их деятельность предполагает здоровье в организме, ненормальная предполагает болезнь. Даже в здоровом организме усиление одной из этих систем влечет за собой расстройство или, правильнее, ослабление других. В большинстве случаев, у атлетов желудок тощий и ум недалекий, у обжор — мускулы, несмотря на свою массивность, и умственные способности — слабы и вялы; у людей ученых — желудок и мускулы истощены и слабы. Но еще яснее сказывается это усиление в расстроенном организме. У кого сильно расстроен желудок, у кого желудочная система сильно ослабела, так что почти отказывается от деятельности, желудок истощен, тому иногда представ-

ляются самые дикие картины, явления, видения от того, что у него напряженно действует нервная или мозговая система и от напряжения, усиленного за счет других систем, расстраивается, лишается нормальной деятельности и воспроизводит дикие явления или видения, потеряв нормальное отношение к действительному миру через расстройство восприемников — нервных волокон и т. п. Это нужно сказать о голодных, не употреблявших вовсе пищи в течение нескольких дней. Чем слабее расстройство желудка, тем менее ненормальна напряженность мозга. Этим объясняются все так называемые видения, зависящие от расстройства организма и желудка; 4) видения, зависящие от обмана чувств. Недостаточно рассмотренный или нехорошо расслышанный предмет или звук принимаются совсем за другие. Обман чувств зависит или от слабости, повреждения, расстройства чувств или даже от предзанятой мысли, но являющей нормальную деятельность и восприятие чувств, или просто от условий, окружающих наблюдателя и предмет наблюдаемый, и наконец от неразвитости наблюдателя.

С этой категорией имеют связь все представления древних о явлениях теней на гробах умерших людей. В чем состояли эти явления, о которых часто говорили древние? Мы приведем мнения ученых об этом. Давид Вандербег утверждает, что кровь и соки животных заключают в себе, так сказать, в возможности их образы, и приводит опыт г. Борелли, который уверяет, что теплая человеческая кровь наполнена этим жизненным серным веществом. При этом он говорит, что если кровь, пролитая на церковном дворе или на поле сражения, будет приведена жаром в движение, то из нее могут образоваться образы умерших лиц, которые видны ночью и даже днем, когда нет слишком сильного света, не позволяющего видеть звезды.

Это замечание напоминает о рассказе, помещенном в сочинении под заглавием Archiv fur den thierischen Magnetismus. Этот рассказ передан сыном зятя известного баснописца Пфеффеля, г. Ерманом из Страсбурга. Духовидец, о котором идет дело, был восемнадцатилетний кандидат Богословия, некто Биллинг. Он был в высшей степени чувствительный человек, так что никогда не мог проходить спокойно вблизи человеческого трупа: какой-то ужас обнимал его, и он дрожал всем телом. Пфеффель, который, как известно, был слеп, пригласил однажды молодого человека идти вместе с ним в сад подышать свежим воздухом. Поэт замечал, что в одном месте рука молодого человека. которую он держал в своей, задрожала будто от электрического удара. На вопрос Пфеффеля, что с ним? Биллинг отвечал: «ничего». Но всякий раз, как только они приходили на то место, дрожание повторялось. Пфеффель принудил наконец его объяснить ему причину этого страха, и молодой человек отвечал, что какое-то особенное тревожное чувство наполняет его, как только он бывает вблизи трупа, и что, вероятно, на этом месте похоронено человеческое тело. В этот же день вечером Пфеффель снова от-

правился с Биллингом в сад, и дело объяснилось. Было уже темно. Всякий раз, как только они, прохаживаясь по саду, подходили к тому месту, Биллинг видел там слабый свет и никак не осмеливался подойти близко. Он видел на том месте прозрачную женскую фигуру, которая стояла на воздухе на дюйм от земли. По его описанию, эта женская фигура ростом была около пяти футов, правая рука у нее лежала на груди, левая же просто висела. Когда Пфеффель подошел к тому месту, где видна была эта фигура, Биллинг, указывая ему положение фигуры, говорил то вправо, то влево, то сзади. Пфеффель начал палкой бить по воздуху, и при этом Биллингу казалось, будто палка проходила сквозь явившийся светлый образ, и рассекала свет, который потом снова соединялся. В следующий вечер, когда тут были многие родственники Пфеффеля, явилась та же самая фигура, но никто ничего не видел, кроме Биллинга. Через несколько дней Пфеффель велел взрыть землю, и довольно глубоко под слоем извести нашли человеческий остов, который вынули и яму тщательно зарыли землею. Биллингу ничего об этом не говорили. Спустя три дня Пфеффель, в сопровождении Биллинга, отправился снова в сад; но молодой человек проходил теперь мимо того места без всякого особенного ощущения.

Только в новейшее время нашли объяснение этого таинственного явления. Открытия барона фон Рейхенбаха дают для этого достаточные основания. Между открытиями г. фон Рейхенбаха важен в этом отношении тот факт, что люди очень нервичные могут видеть силу ода — испарения в виде слабого света, носящиеся в воздухе. Эти люди в темноте видят выходящий свет из полюсов магнита и кристалла. Рейхенбах находит, что сила ода везде распространена, хотя источники ее различны. Между причинами, от которых она возбуждается, важную роль играет химическое разложение. Рейхенбах, встретивши случайно упомянутый нами рассказ Пфеффеля, предполагает, что виденный Биллингом свет был свет ода. Желая проверить свое предположение, он отправился однажды с одной нервичной девицей Рейхель на кладбище в Вене, где ежедневно погребали множество умерших, — могил были тысячи. Результаты вполне оправдали предположения Рейхенбаха. Девица Рейхель, куда ни смотрела, везде видела массы пламени. Особенно много таких огней видела она на новых могилах; на очень давних ничего не было видно. Огонь этот не был жарким пламенем, но что-то среднее между дымом или густым туманом и пламенем. В некоторых местах пламя это поднималось до четырех футов над землею. Когда девица Рейхель протягивала свои руки к тому месту, где виден был свет, казалось, что руки ее были в каких-то огненных облаках; когда же становилась на то место, пламя обхватывало ее до шеи. Явления эти нисколько не беспокоили ее, потому что и прежде она имела подобные опыты.

Таким образом, так называемые тени суть испарения от трупов, и если дикие народы думали, что души отшедших странствуют в болотах, лесах, на горах и тому п., то в этом нет ничего странного потому, что трупов всякой падали везде очень много, особенно в болотах. Эта вера в тени встречается и у Греков и других народов потому, что и в Греции и в других странах видны были на болотах испарения. По мнению фетишистов, души умерших особенно являются тем, которые боятся и думать об умерших. Очевидно, что это нервичные люди, похожие на Биллинга и девицу Рейхель, на которых раздражительно действуют испарения трупов. Неразвитые же суеверные, не зная, в чем дело, предполагают, что это тени или души умерших людей являются на могилах.

Δ Δ Δ

ГЛАВА XVI

Традиции язычников и народные поверья о загробной жизни. Видения

С языческими мнениями и народными поверьями о душах людей умерших и их явлениях стоят в близкой связи все рассказы о состоянии людей за гробовой доской, которые передаются ожившими и как бы пришедшими с другого мира.

Ожившие язычники и некоторые из христиан подробно рассказывали, что видели и слышали за гробом.

Ерос из Памфилии[1], раненый в сражении, чрез 10 дней скончался и принесен мертвый в дом. Через 2 дня хотели положить его на костер и сжечь, как вдруг он ожил и рассказал, как судят людей после смерти: «Добрых награждают, а злых осуждают». Он сказал потом, что душа его, отделившись от тела, находилась в обществе многих других в хорошем месте, похожем на дом, в котором были две двери; в одну из них входили пришедшие с земли, другая вела на небо. Он видел здесь двух судей, которые оценивали все дела пришедших с этого мира, и добрых посылали — направо вверх, а грешников — налево вниз; каждый на спине носил надпись, из которой видно было, что хорошего или дурного сделал он. Следовательно, видна была причина осуждения или оправдания.

Когда очередь дошла до Ероса, судьи сказали, чти он должен возвратиться на землю и рассказать людям, что делается в другом мире, и потому он должен заметить все это хорошо, чтобы верно передать дело живым. Он был очевидцем несчастного состояния злых, которое должно продолжаться 1000 лет, и радостного состояния добрых. Он говорил, что добрые и злые за свои добрые или худые дела получали награду и подвергались наказанию, которые превышали в 10 раз меру добродетелей или грехов.

Он слышал, между прочим, как на вопрос судом: «Где Андей из Памфилий — страшный преступник и тиран»? — слуги отвечали: он лишился жизни Потом, как увидел Ерос, с большим усилием явился Андей у большой двери и брошен был в бездну вместе с другими ему подобными, которые осуждены на тысячелетнее мучение, и тем более и глубже погрязали туда, чем более старались высвободиться оттуда.

Далее он видел трех Парок, дочерей необходимости или судьбы: Лахезис, Клоту и Антропу. Лахезис рассказывала прошедшее, Клота — настоящее, Антропа предсказывала будущее. Души должны были являться к этим трем богиням. Лахезис бросала жребий вверх

---

[1] Plato. Lib. X de Republ., p. 614.

и каждая душа хватала тот, который могла достать; кроме этого, каждая могла избирать еще род жизни, согласной с правдою и разумом.

Кроме этого, он видел души, которые желали перейти в животных. Душа Орфея из ненависти к женскому полу, который способствовал его смерти, превратилась в лебедя; Тамприс — в соловья; Аякс, сын Теламона, перешел во льва из ненависти к несправедливости Греков, отказавших ему воспользоваться оружием Гектора, которое следовало ему по смерти Троянского героя. Агамемнон, наскучив превратностями жизни, превратился в орла; Аталан сделался атлетом из любви к славе, которой пользуются атлеты: Терзит, — безобразнейший из смертных, принял вид обезьяны; Улисс, испытавший много в жизни, сделался частным человеком. С трудом нашел он жребий для такого рода жизни; он случайно увидел его лежащим незаметно на земле и с радостью схватил его.

Ерос видел также, что души животных переходили в тела людей, и что души злых людей переходят в тела животных диких и свирепых, а души праведных в тела домашних и кротких животных.

После этих переходов душ, Лахезис назначила каждому стража или хранителя, который руководил его и охранял его жизнь. После этого Ерос приведен к реке забвения, которая погашала все воспоминания о чем бы то ни было, но ему запретили пить из нее воду; в заключение всего Ерос сказал, что он не знает, как возвратился опять в этот мир.

Платон, рассказав эту басню, как он называет ее, заключает, что душа бессмертна, — и мы для достижения счастливой жизни должны жить по закону, который прямо указывает нам на небо, где мы будем блаженствовать целые тысячи лет.

Отсюда открывается: 1) что человек может долго жить без всяких признаков жизни, без дыхания и без пищи; 2) что Греки верили в переселение душ, блаженство праведных и тысячелетнее мучение грешников: 3) что предопределение не препятствует человеку делать добро или зло; 4) что каждый человек имеет гения или духа-хранителя, который охраняет и руководит его. Они верили в суд за гробом и в то, что души праведных блаженствуют в так называемых елисейских полях.

Греки верили также, что люди умирают по определению богов. Так, Лукиан[1] говорит: когда Евкрат был представлен в подземное царство Плутона, последний рассердился на того, кто представил Евкрата и сказал: «Евкрат еще не совершил своего пути, ему еще не пришла пора — отозвать Демилия, которого дни жизни уже сочтены». Так Евкрат опять возвратился в мир и сказал, что Демилий скоро умрет. Между тем, прежде чем Евкрат ожил, Демилий слег в постель от незначительной болезни, — и едва Евкрат упомянул о Де-

[1] Lucian in Philopseudo., p. 838.

милии, как послышалось рыдание оплакивающих смерть Демилия. Лукиан издевается над этим рассказом и замечает, что в его время это было общим убеждением. Здесь же он упоминает о человеке, ожившем по истечении двадцати дней.

Плутарх в своем сочинении «О душе» передает подобный факт об Енархе[1]. Енарх умер, потом ожил и рассказывал, что демонов, похитивших его душу, весьма упрекал верховный их владыка. Тут они спохватились, что не Енарха, а Никандра они должны представить. Владыка послал их к Никандру, который заболел лихорадкой и в тот же день умер. Плутарх слышал этот рассказ из уст самого Енарха, который, в подтверждение своих слов, сказал: «Ты непременно скоро выздоровеешь от болезни, которой страдаешь».

Все традиции о загробной жизни, сохранившиеся у Гомера, Виргилия и других писателей Латинских и Греческих, без сомнения заимствованы первоначально у Египтян, от которых Греки получили и религию.

То, что Греки называли адом, геенной или царством Плутона, Египтяне обозначали словом: Аментес, т. е. получающий и отдающий; они думали, что Аментес принимал души умерших людей и выпускал их опять, когда возвращались они в мир; душа умершего переходила сперва в земное, потом водяное животное, после этого в птицу, далее она оживляла все роды животных; наконец, по истечении 3000 лет, возвращалась в тело человека.

От Египтян Орфей, Гомер и другие Греки заимствовали взгляд на бессмертие души, а также идею о пещере Нимф, описанной Гомером; поэт говорит, что пещера имеет две двери — одну на север, через которую входили в пещеру, — другую на юг, через которую выходили из пещеры.

Теспезий из Солоса, что в Сицилии, очень хорошо знакомый Плутарху[2], большую часть жизни провел в невоздержности и сладострастии и до того истощился, что для продолжения жизни прибегал к самым дурным средствам; он опять приобрел себе способность, но при этом потерял все благородные чувства. Амфилохийский оракул, к которому он обратился за советом, сказал, что его обстоятельства улучшатся после его смерти. Спустя несколько времени он упал с кровли дома, сломал шею и умер. Через три дня его хотели похоронить, как вдруг он ожил и так изменил свой образ жизни, что его никто не узнавал более, и в Сицилии не было ни одного человека столько благочестивого, справедливого и доброго, как Теспезий.

Когда его спрашивали о причине перемены жизни, он отвечал, что, когда умер, то чувствовал себя так же, как чувствует себя лоцман, брошенный с корабельного борта в море, потом его душа поднялась к звездам, чрезвычайная величина которых и поразительный блеск крайне удивляли его; здесь он видел. что души, оставив-

[1] Plutarch., De Anima; Apud. Euseb. de praepar Euang., Lib. II, c. 18.
[2] Plutarch., De his qui fero a numine punintur.

шие тело, подымались в воздух и заключались в ядро или огненный вихрь; одни из них подымались с неимоверною быстротою вверх, другие вертелись в воздухе, — то подымались быстро вверх, то опускались вниз с такой же скоростью. Ему представилось, что большинство душ выброшено из ядра и послышались стоны и страшные рыдания выброшенных, а меньшинство поднялось вверх и очень радовалось. Наконец он заметил, что Адрастея, дочь Юпитера и Ананки, т. е. необходимость, не оставляла никого ненагражденным или ненаказанным. Все это он рассказал очень ясно и упомянул о некоторых наказаниях, которым подвергались грешники.

Далее, с ним встретился его знакомый и сказал ему: ты не умер, но душа твоя, по воле Божией, оставив тело, пришла в это место. Наконец, она возвратилась в тело.

В этом рассказе два понятия: о душе, которая оставила свое тело на три дня, потом возвратилась в него и продолжала свою деятельность и 2) о верности слов оракула, который обещал Теспезию лучшую жизнь после его смерти.

В Сицилийской войне[1] между Цезарем и Помпеем взят в плен Габиен, начальник Флота Цезарева, и по приказанию Помпея обезглавлен. Оп пролежал целый день на берегу моря; его голова была почти отделена от туловища; к вечеру он ожил и просил Помпея прийти к нему или прислать кого-нибудь из близких к нему, потому что он пришел из подземного мира и хочет сообщить Помпею нечто очень важное. Помпей послал своих друзей, которым Габиен объявил, что дело Помпея приятно богам подземного мира, что война кончится в пользу Помпея, и что он пришел уведомить Помпея по воле богов, и в доказательство истины сказанного заметил, что он сейчас умрет, как и случилось. Между тем известно, что дело Помпея не имело счастливого исхода: Помпей поражен, а Цезарь возвратился победителем с поля сражения.

Приведенные рассказы доказывают, что вера в бессмертие души, в ее загробное существование была развита и у язычников. Язычники верили, что за гробовой доской оканчивается только жизнь и деятельность тела, которое по своей материальности возвращается в землю, превращается в вещество, превращаясь в первоначальные элементы, из которых оно составлено; а для души за гробовой доской настает новая жизнь и, пожалуй, деятельность. Отделившись от тела, душа должна была явиться на суд богов и, выслушав приговор, отправиться туда, куда богам угодно. Души добрые, вместе с телом проводившие в этом мире жизнь честно и добродетельно, награждались в загробном мире; они подымались вверх — в жилище богов и там радовались и блаженствовали. Каждая добрая душа избирала тот жребий, которого желала; оттого одни превращались в животных, другие становились атлетами и т. п.

---

[1] Plin., Hist. natur. VII, 52.

Напротив, души злые, т. е. такие, который вместе с телами в здешнем мире запятнали свою жизнь пороками, нечестием, такие души являлись на суд богов, осуждались ими и низвергались вниз, в бездну, ад, аментес или дуцак, где эти души мучились целые тысячи лет и оплакивали прошедшую жизнь.

Эта вера была присуща религии Персов, Египтян, Индийцев, Греков и Римлян. Ее разделяли и лучшие мыслители язычества — философы. После этого неудивительно, что Платон, рассказав басню об Еросе и не доказав ее достоверности, подлинности, спешит прямо к заключению, что душа бессмертна, и что нужно жить по закону для того, чтобы наследовать блаженство и жить вместе с богами. Так же относится к делу и Плутарх. Лукиан прямо говорит, что вера в бессмертие души, в суд богов была общим убеждением тогдашнего времени.

Что же сказать теперь об этих рассказах? Платон свой рассказ об Еросе прямо называет басней и потому эту басню можно принимать и не принимать за истину. Платон привел ее только с тем, чтобы перейти к заключению о бессмертии души. Для цели, которой задался Платон, было все равно, Ерос ли ожил и рассказывал о состоянии загробной жизни, или кто-нибудь другой; Платон указал на лицо (может быть, выдуманное или умершее, но не оживавшее) потому только, что такой метод для передачи фактов гораздо удобнее или, может быть, этот рассказ быль в ходу и Платон воспользовался им для своей цели. Лукиан рассказал басню и тут же осмеял ее, как нелепость, которой верила толпа, масса народная. Плутарх искренне верит переданному им рассказу.

Рассказы об оживавших и говоривших о разных состояниях души за гробом встречаются и в истории из эры христианской. Мы приведем несколько таких рассказов.

В деревне Туллии, лежащей неподалеку от Иппоны, Курм-куриал (т. е. квартальный) заболел и впал в бесчувственность, продолжавшуюся несколько дней, по истечении которых он открыл глаза и спросил: что случилось с Курмом-кузнецом из этой же деревни? Ему отвечали, что кузнец Курм скончался в то самое время, как он проснулся от бесчувственного состояния.

Тут проснувшийся рассказал все виденное им и слышанное. «В то самое время, сказал он, как я возвращался в эту жизнь, я слышал приказание, по которому не Курма-куриала, а Курма-кузнеца нужно отозвать от здешнего мира в другой мир. Я видел там очень многих знакомых и незнакомых. Одни из виденных мною знакомых давно уже умерли, другие и теперь еще в живых; я видел также многих знакомых и незнакомых духовных, которые советовали мне отправиться в г. Иппону и принять там Святое крещение от тамошнего Епископа Августина. Я отправился в Иппону, принял крещение от Августина и потом явился в рай, в котором не позволили долго оставаться; мне сказали, что если я хочу быть в раю, то для этого пред-

варительно должен креститься. Я крайне удивился и сказал: “Да я же принял крещение”; но мне на это заметили, что я крестился только в видении (in der Vision), тогда как нужно на самом деле, а не в видени идти в Иппону и там принять крещение». Оправившись от болезни, он пошел в Иппону и в числе других оглашенных принял крещение.

Августин узнал случайно об этом через два года, пригласил к себе Курма, выслушал от него рассказ и записал[1].

Когда Сильвий, Епископ Альбский[2], впал в бесчувственность вследствие болезни, его сочли мертвым, омыли, облачили, положили на носилки и целую о нем ночь провели в молитве; на следующее утро он проснулся как бы от глубокого сна; открыв глаза, Сильвий поднял руку к небу и, вздохнув, сказал: «О, Господи, зачем Ты возвратил меня в эту плачевную юдоль?» — и больше ничего не сказал.

Через несколько дней он сказал, что два Ангела проводили его на небо, где он видел блаженство рая, из которого его удалили против его воли с тем, чтобы он еще пожил. Григорий Турский клянется Богом, что он слышал этот рассказ из уст самого Сильвия.

В Рейхенау (Reichenau) монах Фетин (живший еще в 824 году) заболел и, лежа в постели, закрыл глаза. Он не успел еще уснуть, как увидел страшного демона, который показывал ему различные виды и орудия мучений и угрожал подвергнуть Фетина этим мучениям. Тут же заметил он множество других злых духов с различными орудиями, приготовлявших ему гроб.

Далее ему казалось, что в его келью явились строгие лица в орденской одежде и прогнали демонов. Тут-то Фетин заметил у своей постели светоносного Ангела, который взял его за руку и проводил его по очень приятному пути между чрезвычайно высокими горами, у подошвы которых стремительно протекала огромная река, наполненная множеством мучившихся грешников. Здесь он видел многих знакомых и между прочими прелатов и невоздержных священников, которые были привязаны к столбу и поджигаемы пламенем; жены, соучастницы их грехов, испытывали то же мучение насупротив их.

Он увидел далее монаха-скрягу, который осужден был на страдание в свинцовом гробе до судного дня. Он заметил потом аббатов, Епископов и между ними Карла Великого, которые осуждены были страдать, в продолжение известного числа лет, в огне. Наконец, он видел блаженство святых на небе. После всего Ангел Господень пояснил ему, как гнусны бывшие тогда обыкновенными, но в глазах Божих ненавистными, грехи, между которыми упомянул о Содомском грехе, как самом преступном.

По оффиции Аббат ночью посетил больного, который рассказал ему все виденное подробно. Аббат записал рассказ. Предсказав, что

---

[1] Lib. de Cura pro Mortuis, c. 12, p. 524.
[2] Gregor Turon., Lib. VII, c. 1.

его смерть настанет через три дня (что и случилось), Фетин поручил себя молитве собратий, приобщился Св. Тайн и почил в мире 31 октября 824 года.

Знаменитый Гинкмар[1], Архиепископ Реймский, в своих окружных посланиях к подведомым ему епископам и благоверным своего диоцеза, передает подобный рассказанному факт. Его знакомый Бертольд, заболев, приобщился Св. Тайн и в течение 4-х дней не принимал вовсе пищи; на четвертый день он до того ослабел, что не обнаруживал никаких признаков жизни. Около полуночи он позвал жену и просил ее поскорее пригласить духовника. Священник приближался только к дому, как Бертольд сказал жене: «Приготовь стул, священник идет уже». Когда вошедший священник прочитал молитву, Бертольд отвечал на молитву и рассказал виденное им:

«Оставив мир, я видел сорок одного епископа и между другими Еббо, Леопарделия и Енея; все они, одетые в грязные одежды, то горели в огне, то зябли от стужи невыносимой. Еббо сказал мне: “Иди к моим друзьям и скажи им, чтобы они принесли за нас бескровную жертву”. Я повиновался. Возвращаясь назад, я видел их исполненными радости. Далее видел короля Карла (вероятно, Лысого, умершего в 875 году), снедаемого червями. Карл просил меня сказать Гинкмару, что Гинкмар может помочь ему в горе, Гинкмар принес бескровную жертву, и Карл почувствовал облегчение. Я заметил потом Епископа Орлеанского и четырех демонов, которые сперва окунули его в кипящей смоле, а потом бросили его в леденящую жидкость. О нем просили, и он получил облегчение. Потом видел я графа Отер, точно так же страдавшего. Я просил жену графа, друзей и вассалов молиться о графе, — и он освободился от мучений. Бертольд приобщился после этого Св. Тайн и почувствовал себя лучше — с надеждою прожить еще четырнадцать лет, как сказал ему руководитель, показавший ему все рассказанное.

Следующий факт случился с реформатом в 1689 г.[2] Йоркский чиновник Генрих Батц (Batz) умер от удара в 15-е августа и положен во гроб в 17-е августа с тем, чтобы похоронить его, так как никто не подозревал в нем ни малейших признаков жизни. Между тем, к удивлению всех и к ужасу некоторых, когда его хотели опустить в яму, он поднял такой крик, что испугал всех участвовавших в погребальной процессии, и его тотчас освободили из гроба. Опомнившись, он рассказал много поразительных случаев, которые открыты были ему в двадцатичетырехчасовом экстазе.

Подобных примеров можно было бы привести очень много, но для нашей цели и этого достаточно.

Теперь спрашивается, что за счастливцы, которые умирали для того только, чтобы ожить и насказать столько чудесного, виденного ими в загробной жизни? Действительно ли они умирали, и действи-

---

[1] Hincmar, Lib. II, p. 805.

[2] Larrey, Hist. de Louis XIV an. 1698, p. 68.

тельно ли они видели за гробом то, что передавали? Вот вопросы, которые необходимо здесь решить. Наука признала за несомненную истину тот факт, что действительно умерший человек ни в каком случае, по естественным законам, не может ожить, или воскреснуть. Если же так, если действительная смерть не может возвратить человека к действительной жизни, как признала наука, то каким образом эти индивидуумы оживали и действительно ли они оживали? Из истории, из различных хроник, из записей и летописей и даже из судебных актов известно, что многие лица умирали, потом через несколько времени оживали. После долгих исследований и наблюдений наука решила, что те лица, которые умирали и оживали, были не действительно умершие, а только обмершие и в доказательство представила весьма много теоретических соображений, основанных на фактических данных.

Так как причины обмирания и его виды подробно рассмотрены нами в трактате «О вампиризме», то мы упомянем здесь только о некоторых видах обмирания. Часто простой несмертельный обморок, которому часто подвергаются беременные женщины, экстаз, истерика и летаргия признаются за действительную смерть. Можно было бы привести очень много примеров впавших в обморок, в бесчувственость беременных женщин и погребенных: но мы считаем лишним, потому что факты такого рода очень известны, да и изложены в отделе о вампирах. Не только впрочем женщины, но и мужчины впадали в обморок и были принимаемы за умерших. Для обморока женщин большей частью находилась всем понятная причина, напр. беременность; но причина обморока мужчин часто оставалась неизвестной и потому мужчин, впавших в обморок, чаще считали действительно умершими, чем женщин. Впадавшие в экстаз мужчины и женщины оставались в нем иногда очень долго, не обнаруживая при этом никаких признаков жизни. Аскет Таулер говорит, что экстаз может продолжался непрерывно неделю, месяц и даже год. Одна аббатиса в экстазе лишилась естественных функций и в этом состоянии оставалась тридцать дней кряду без принятия пищи и без малейших признаков жизни. Иероним Кардан, по его уверению[1], ничего не чувствовал в исступлении, — ни наносимых ран, ни толчков, ни крику. То же нужно сказать и об истерическом состоянии. В этом состоянии многие женщины лишались чувств и языка; сердцебиение прекращалось. Гален упоминает об одной женщине, которая оставалась в истерике в течение шести дней[2], а некоторые — в течение десяти дней оставались без движения и чувств, без дыхания и без всякой пищи. Но особенно часто летаргическое состояние принимают за действительную смерть, потому что летаргический сон по своей продолжительности и по своему характеру во многом похо-

[1] Hieron. Cardanus, Lib. VIII de Varietate Verum, c. 34.

[2] Traite de l’insertitude des signes de la mort, T. 2, p. 404, 470 *et seq*.

дит на действительную смерть. Рассказывают, что Виллиам Фокелей[1] спал четырнадцать дней. Говорят, что во время Григория II-го, один ученик в Любеке спал семь лет. По словам Лилия Гиральда[2], один крестьянин спал целую зиму и весну. При настоящем состоянии науки нельзя объяснить причин такого продолжительного сна, но что он возможен, — это несомненно.

Кроме этого, к числу действительно умерших относят также обмерших от сильного волнения крови, которое иногда случается от горячек, от принятия яда, от эпидемических болезней и т. п., а также умерших насильственно, задушенных, ушибленных и задохшихся в воде, тогда как эти обмершие или мнимо умершие иногда оживают или при помощи медицинских операций или без всякой помощи.

Из этих замечаний видно, что часто только обмерших принимают за действительно умерших, и что очень могло статься, что Ерос, Теспезий и Кутрат и им подобные, которые ожили, были не действительно умершие, а только обмершие. Ерос, как мы видели, был ранен, пролежал больной десять дней и наконец умер, но против всякого ожидания через два дня ожил, когда его положили на костер, что очень важно при решении вопроса. Основательное решение вопроса: почему Ерос скончался от раны через 10, а ожил чрез два дня — вполне принадлежит специалистам по части медицины. С своей стороны мы выскажем только свое практическое наблюдение. Мы думаем, что Ерос впал в бесчувственность от сильного истечения крови, от ослабления мускульной и желудочной системы и, пожалуй, от неподвижности. В течение двух бездеятельных дней эти системы так окрепли, устоялись, сердце прекратило биение от истощения крови, все не повредилось; от сильных пинков во время несения к костру деятельность указанных систем несколько возбудилась, а при возложении на костер совершенно пробудилась. Наше объяснение слишком поверхностное и может быть легко опровергнуто; но мы его и не отстаиваем, потому что для нас важно только то, что Ерос был недействительно умерший и потом ожил. О Кутрате и Енархе нам известно только, что они умерли, но предшествующие обстоятельства смерти нам совсем неизвестны и потому мы никакого суждения об их смерти произнести не можем. Теспезий умер от ушиба и потому неудивительно, что он мог ожить. Ушибленные могут оставаться живыми очень долгое время, не действуя вовсе чувствами. Один матрос, упав с мачты, лежал очень долгое время без обнаружения признаков жизни, которую обличало только едва заметное дыхание. Когда осмотрели его, то оказалась на голове вогнутая от ушиба часть черепа, и как только привели ее в нормальное положение, в человеке обнаружились признаки жизни. Дело в том, что эта вогнутость останавливала движение больших полушарий мозга;

---

[1] Larrey, dans Henri VIII, roi d'angleterre, p. 536.
[2] Lilius Giraldus, Hist. Poet. Dialog. 8.

обмерших таким образом чаще всего принимают за действительно умерших, тогда как их легко можно оживить[1]. К категории обмерших таким образом относятся Габиен и Батц. О Курме, Сильвие и Бертольде положительно известно потому, что прямо сказано, что они впали только в бесчувственность от сильного истощения. Очевидно, что они не были действительно умершими, а только были без памяти, как обыкновенно говорят, без чувств и т. д.

Если же так, если все они и им подобные были не действительно умершие, а только обмершие, то откуда же они взяли эти рассказы, которыми они угощали всех и каждого, когда ожили, ужели эти рассказы выдуманы ими с недоброй целью? Обмана нельзя предполагать уже потому, что каждый такой индивидуум, ожив, начинает вести жизнь гораздо лучше прежней. Итак, что же это, если они не были в другом мире и, конечно, ничего не видели? Прежде всего обратим внимание на характер самих рассказов. Ерос, если только Платон передает действительный факт, и Теспезий, знакомец Плутарха, видели блаженство рая и мучения ада именно так, как думали об этом Греки. В этих рассказах Ероса и Теспезия вполне высказались особенности убеждений и понятий об аде и рае, которые созданы Греками и только им одним принадлежат. Ерос видел, что злые наказываются, а добрые награждаются, то же видел и Теспезий. Ерос видел, что судьи не оставляют никого ненагражденным или ненаказанным; то же делала и Адрастея, по словам Теспезия. Как Ерос, так и Теспезий видели, что добрые души подымались вверх и радовались, а злые опускались вниз, визжали и плакали. Во всем этом сходятся Ерос и Теспезий с очень малыми различиями, которые условливались теми убеждениями и понятиями, которые были общими в то время, когда жили Ерос и Теспезий. Ерос, кроме сказанного, видел превращения людей в животных и пр. Все это не что иное, как те религиозные понятия, которых держались Греки прежде, во время и после Платона.

Курм и Сильвий, Фетин, Бертольд и Батц видели блаженство рая и последние три подробно рассказывали о блаженстве рая и о различных мучениях адских. Если всмотреться в подробности этих рассказов, то сразу можно заметить, что в них прямо высказываются убеждения католиков того времени, поверья народные об аде и рае, о мучениях и блаженстве, чистилище и молитвах за усопших, и вдобавок личные воззрения каждого.

Фетин, закрыв глаза, увидел демонов и потом строгие лица в орденской одежде; далее он проходит между горами, потом реку, в которой мучаются грешники ему знакомые и т. п. Все это — верования, которых не чужды были в то время и монахи, и которых не признает и не утверждает ни Св. Писание, ни учение христианской церкви. То же самое нужно сказать и о Бертольде, который расска-

[1] Льюис, «Физиолог. обыд. жизни», Ч. 2.

зывал о состоянии душ в чистилище и об освобождении их оттуда по молитвам знакомых и друзей. Ерос точно так же слышал и видел, как ввели в суд Андея, его земляка, которого он считал злодеем и преступником и которого так назвали судьи. Кутрат, Епарх и Курм говорили, что не им следовало умереть, а тем, которые были в соседстве, так что можно было даже слышать рыдания оплакивающих. Очевидно, в этих рассказах выразилась вера в суд, в мучения и блаженство тех лиц, которые обмирали.

Что же, спрашивается, это за видения? Мы уже прежде сказали, что при ослаблении желудочной и мышечной системы действует одна нервная или мозговая система, действует память и воображение и, конечно, действуют ненормально, как мы прежде объясняли. В этом состоянии память и воображение воспроизводят часто то, что соответствует настоящему состоянию. В этом состоянии часто сознание не оставляет больного, только оно не может выразить своей деятельности во сне. Некоторые, словно мертвые, не обнаруживали признаков жизни, тогда как все слышали и понимали, что говорили другие, и употребляли все усилия заговорить, но органы им не повиновались[1]. Такие, конечно, лица не видят никаких видений, потому что их слух и сознание заняты действительными предметами. Когда же сознание, воображение теряет нормальное отношение к миру действительному через расстройство восприемников нервных волокон, когда деятельность сознания слабеет, тогда воображение, не подчиненное сознанию и отделенное от мира действительного, создает, при содействии памяти, самые дикие картины, или превращает старые представления в образы, в картины и т. п., соответствующие настоящему состоянию. Ерос, у которого весь организм был расстроен, постоянно мог думать о смерти, о состоянии за гробом, о мучениях и блаженстве, — и вот, когда он ослабел, впал в обморок, воображение нарисовало ему в образах те представления, которые занимали его до обморока, и которые были общими убеждениями Греков. То же нужно сказать о Теспезии, Сильвии, Бертольде, Фетине и Батце. Замечательно, что Фетин даже не уснул, а только закрыл глаза и увидел то, что уже рассказано. Габиен или Плиний, как мы видели, соврал. Значит, о нем и говорить нечего. Курм видел духовных, которые советовали ему принять крещение в Иппоне. Из жизни Курма нам известен один только эпизод, и потому мы можем только строить предположения о видении его. Очень может быть, что Курм прежде и во время болезни думал о крещении, может быть, даже советовался с христианскими священниками, которые предлагали ему отправиться в Иппону и там креститься у Епископа Августина, — и вот эти представления, желания и т. п. теперь воспроизведены памятью и нарисованы в картинах воображением. Далее Курм слышал, что не его, а другого Курма, Кутрат слышал, что не

[1] Insertitude des signes de la mort, T. 2, p. 504-506, 514, 515.

его, а Демилия. Епарх слышал, что не его, а Никандра нужно отозвать от здешнего мира. Очень может быть, что в то время, или в тот самый момент, как Демилий, Никандр и Курм оканчивали жизнь, Кутрат, Епарх и Курм обнаружили некоторые признаки жизни. Очень легко могло случиться, что родные оживавших, обрадованные, решили, что не таких, а других богам угодно отозвать от здешнего мира. А оживавшим представилось, что слышат решение богов. Конечно, это только наше предположение, а не положительное мнение, потому что мы не знаем всех обстоятельств, при которых они ожили, и тех условий, в которых они находились во время обморока.

ΔΔΔ

III.

О магии и волшебстве, о колдунах и ведьмах. Мнения язычников и народные поверья.

«Внутреннее влечение человека», говорит Бэкон, «к таинственному к чудесному породило магию и другие тайные науки».

«Убеждение в возможности повелевать миром духов и, помощию этих деятелей, скрытыми силами природы, было главным источником чернокнижия и волшебства», Сильвестр замечает.

«Страсти, преимущественно властолюбие и любостяжание, породили волшебников, астрологов, знахарей, колдунов и ведьм», говорит г. Хотинский.

«Ни одна наука в древности», говорит Плиний, «не пользовалась таким уважением и не была так прилежно изучаема, как магия».

ГЛАВА XVII

О магии и волшебстве

Языческая древность, все древние поэты, историки и ораторы говорили и рассуждали о магии, магах, магических действиях и суеверных магических книгах; особенно много и часто об этом говорили языческие поэты. Одни из писавших о магии и ее чудесах считали эти чудеса несомненно истинными, другие отрицали; третьи осмеивали их; четвертые недоумевали, что сказать о чудесах магии. Самые разноречивые ответы давали на вопрос: что такое магия и магики? Одни считали их людьми, имеющими дружеские сношения с духами подземного мира; другие смотрели на них, как на шарлатанов, обманщиков, которые, при помощи искусства и хитрости, заставляли невежественную толпу считать совершенно естественные явления или фокусничество за чудеса, за сверхъестественные явления. Вообще же с именем магии и колдовства соединяли понятие о ненавистном искусстве производить в природе явления неестественные, необыкновенные, совершать чудеса, причинять зло людям, гадать о будущем и т. п.

Мы укажем здесь на некоторых древних писателей, которые если не сами верили тому, что писали о магии, то, по крайней мере, верно передавали взгляд толпы на магию.

В древности очень многие были убеждены, говорит Тибулл, что магики могли сводить луну с небесной высоты, и что причина лунных затмений — в магическом искусстве некоторых лиц[1].

Тибулл свидетельствует также, что он сам видел, как одна колдунья околдовала на небе звезды и остановила молнию, которая должна была разразиться над землей. Далее Тибулл говорит, что по приказанию этой же колдуньи разверзалась земля и мертвые подымались[2].

Овидий приписывает магикам силу заклинать подземные силы, грозы, бурю и возвращать хорошую погоду[3].

Магикам и колдунам приписывали силу превращать людей в животных посредством известных им одним снадобий[4].

---

[1] Tibull., Lib. I, Eleg. 9, v. 21.

[2] Tibull., Lib. I, Eleg.. 9: «Iam tenet infernas magico stridore catervas, / Iam iubet adspersas lacte referre pedem. / Cum libet, haec tristi depellit nubila caelo, / Cum libet, aestivo convocat orbe nives. / Sola tenere malas Medeae dicitur herbas, / Sola feros Hecates perdomuisse canes».

[3] Ovid., Metamorph. 14: «Obscurum verborum ambage novorum / Ter novies carmen magico demurmurat ore» etc.

[4] Metamorph. IV: «Nais an ut cantu nimiumque potentibus herbis / verterit in tacitos iuvenalia corpora pisces».

По словам Виргилия, магики усыпляли и заклинали змей[1].

Аппион, как говорит Плиний[2], заклял душу Гомера с целью узнать от него о своем происхождении и своем отечестве. Аполлоний Тианский, по словам Филострата[3], пришел однажды на могилу Ахиллеса, заклял его душу и просил, чтобы явилась тень героя. Могила поколебалась и он увидел удивительного юношу, ростом в пять локтей, который пред его же глазами вырос до двенадцати локтей. Аполлоний стал предлагать ему вопросы; но, заметив, что юноша позволяет себе неприличные шутки, заключил, что он одержим демоном, и исцелил его, изгнав из него демона. Апулей говорит, что Аполлоний Тианский возвратил жизнь девушке, которую хотели погребать. Асклепиад, следовавший за погребальной процессией, воскресил умершего, которого положили уже на костер. Уверяют, что Эскулап оживил Ипполита, сына Тесеева, Главка, сына Миносова, Капанея, умерщвленного во время осады, и Адмета, царя Ферского, что в Фессалии. Элиан говорит[4], что Эскулап обезглавленной женщиуе возвратил жизнь и голову.

Ираклий[5] утверждает, что Насамоны (в Африке) проводили ночи на могилах своих родственников, чтобы узнать от них будущее. Галлы или Кельты, по свидетельству Никандра, ходили с той же целью на гробницы своих великих мужей.

Лукан говорит[6], издеваясь, впрочем, над взглядом массы, что магики, колдуны и волшебники, при помощи своего искусства, производили на небе гром, без ведома Юпитера; что они нарушали правильное течение луны по ее орбите и притягивали ее к земле, удлиняли ночи, укорачивали дни; что вся вселенная подчинялась их велению, и мир цепенел, когда они начинали говорить или давали приказания.

Очевидно, что все эти рассказы о силе магического искусства, о могуществе и власти магиков и колдунов — не более как поэтические вымыслы. Поэты даже соревновались друг с другом в наполнении подобным вздором своих произведений, хотя и не были убеждены в истинности того, о чем говорили; большей частью они же первые и осмеивали то, о чем писали, и в этом случае сходились с дельнейшими людьми своего времени. И потому все эти или почти все рассказы не заслуживают никакого доверия, а доказывают только, как велики были в то время предрассудки, суеверия и заблуждения большинства. Но ни государи, ни жрецы не думали разочаровывать народ в этих предрассудках. Языческая религия терпела и оправды-

---

[1] Virgil, Aeneid., Lib. VII: «Vipereo generis et graviter spirantibus hydris / Spargere qui somnos cantuque manuque solebat».
[2] Plin., Lib. III, c. 2.
[3] Philostr., Vit. Apollon.
[4] Aelian, De anima, Lib. IX, c. 77.
[5] Vide apud Tertull., De anima, c. 57.
[6] Lucan, Pharsal., Lib. VI, 450 et seq.

вала это суеверие, — и лучшая часть культа основывалась на этом суеверии.

Несмотря однако ж на несостоятельность, неосновательность и нелепость этих убеждений, все относились к магикам с уважением; масса благоговела перед магиками, как такими людьми, которые имеют власть над судьбою человека и повелевают вселенной. Лучшие и образованнейшие люди язычества уважали магиков за серьезное изучение предмета, которому они посвятили себя. Это благоговение массы, это уважение образованных было причиной, что магики не только изучали все наследованное от предков, но и старались усовершенствовать, дополнить свои познания новыми наблюдениями, опытами и исследованиями; к этому побуждали магиков как пытливость ума человеческого, так и стремление духа приобресть как можно более сведений, необходимых и пригодных в жизни. В самом деле, каждый желает знать причины и законы явлений, совершающихся кругом, внутреннее состояние предметов и их отношение к человеку. Меж тем магия владела секретом, впрочем, в большей мере, открывать то, чем интересовался каждый и что имело значение для каждого.

После этих замечаний становятся ясными слова Плиния: «Ни одна наука в древности не пользовалась таким уважением, и не была так прилежно изучаема, как магия»[1]

В одном сочинении, напечатанном в. Вюрцбурге в 1837 году, автор[2] говорит: Плиний за 18 веков до нас писал: «Магия в продолжение многих веков во всем мире пользуется большим авторитетом; влияние ее очень велико... она поднялась на такую высоту, что даже еще до сих пор господствует в большей части народов»[3].

То же самое говорит и Вольтер; он, впрочем, не придает никакого веса этой вере: «Все верили в магию... Учение о духах и магии распространено по всей земле»[4].

Писатель нашего времени, представлявший относительно этого предмета свои исследования, говорит о нем таким образом: «На какую бы часть земли, на какой бы народ мы ни посмотрели, нам везде и в древности и в новые времена как у дикарей, так и у образованных наций, везде существуют колдуны, занимающееся магией... Книги Индийцев, Китайцев и Греков говорят о людях, которые видят будущее, заклинают духов, совершают тысячи других чудес посредством своих сверхъестественных знаний, которые они приобретают через сношения с духами»[5].

---

[1] «Summam litterarum claritatem gloriamque ex ea scientia antiquitus et pene semper petitam»..

[2] Die religion mit hilfe der neuern Gelehrsamkeit und Wissenschaft in ihrer Algemeinheit nachtgewiesen. Würzburg, 1837. II Bde., s. 214.

[3] Hist. naturalis, Lib. III, c. 1.

[4] Philosophie de l’histoire et dictionnaire philosophique, Art. Genie.

[5] Ferdinand Denis, Tableau historique, anlitique et critique des sciences occultes, introd.

И да не подумают, продолжает далее автор названного выше сочинения о религии, что вера в чудеса, в магию была распространена только в одном простом народе, — нет, и в Европе, и в Африке и в Азии она господствовала даже между философами и учеными. Только с полтора столетия назад, как в Европе появились люди, без всяких дальнейших исследований отвергающие всякие неестественные явления духов; только с этого времени сделалось условием хорошего тона смеяться над всеми старыми учениями, даже в том случае, если их при этом не знают. Мы говорим правду. Не доверяющий нашим словам может удостовериться в истинности сказанного, прочитав первое и лучшее под руку попавшее сочинение какого-нибудь ученого.

Автор сочинения о религии между прочим приводит, относительно нашего предмета, такое мнение философа Бейля: «История всех времен и народов рассказывает нам относительно снов и магии столько изумительных вещей, что те, которые стали бы упрямо отрицать их действительность, навлекли бы на себя подозрение, что у них недостает или искренности или понимания для того, чтобы увидеть неоспоримые доказательства в пользу магии и необыкновенных снов.... Я верю, что бывают сны, которых никак нельзя объяснить, если не признать их за выражение высшего внушения или откровения»[1].

Из приведенных отзывов о магии и колдовстве видно, что не только в древности, но и в средние века и наше время все рассказы о чудесах магии и бредни народные некоторые считают несомненно истинными. В настоящее время в простонародье очень распространена вера в колдовство, в его могущество и силу, в его чудеса и злодейства, и в его сношения с злыми духами. Даже некоторые так называемые образованные не вооружаются против веры массы в колдовство, потому что сами не чужды веры в рассказы о колдунах, чародеях, ведьмах и волшебницах.

Что же истинного в этих рассказах поэтов о магиках и колдунах? Что разумного и верного в убеждениях народа о чародеях? Все ли рассказы верны, или чистейший вздор? Все ли рассказываемое поэтами и все ли, во что верует народ, несомненно истинно, или несомненно ложно? Можно ли хоть малую частицу из рассказываемого признать действительной? Можно ли магию и колдовство считать нелепостью? На чем чисто реальном и утверждаются то и другое, если их признать действительными хоть в некоторой мере? — Вот вопросы, на которые нам нужно отвечать в исследовании о магии и колдовстве. Мы приведем целый ряд фактов с тем, чтобы показать, что истинно, действительно и несомненно и что совершенно ложно, вымысел, нелепость в рассказах о магии и в вере народа в колдовство, чародейство и т. д.

---

[1] Dictionnaire historique et critique, art. Magus, note D.

Чтобы отдать должную справедливость магии, мы должны сделать распределение в понятии о магии и колдовстве, т. е., что в них истинно и ложно.

С давних времен разделяют магию на белую и черную. С понятием белой магии соединялось всегда хорошее представление. Задача белого магика — это изучение всех известных наук. Магик изучал Геометрию, Математику, Физику, Химию, Астрономию, Географию, Медицину и даже Философию; он изучал законы природы и явлений, совершающихся кругом, и их причины и свойства; старался уяснить себе их влияние, отношение к человеку, изучал законы жизни своего организма, его слабости и недостатки и вредное влияние некоторых предметов на организм, а также целебные свойства других предметов. Некоторые магики проводили всю свою жизнь в наблюдении над природой; другие посвятили себя изучению законов организма человеческого; третьи изучали законы небесных явлений и т. д. Магики положили начало всем естественным наукам, — и за это мы должны уважать магиков, как уважали их в древности лучшие люди. Под именем черной магии разумелось все вредное, опасное, страшное для человека. Черный магик обладал и повелевал вселенной, управлял судьбами человека, влиял на воздух, погоду; он имел сношение с темными, недоступными для обыкновенного смертного, силами, дружил с духами подземного мира и повелевал ими. Колдун, чародей, волшебник, ведьма — все эти понятия относятся к категории черной магии. К категории белой магии может примкнуть фокусничество, магнетизерство или сомнамбулизм и т. п.

Белую магию создали пытливый дух человека, стремление и любовь к истине, к познанию природы и труд, — и белая магия, как продукт действительных, реальных причин, существовала действительно и оставила действительные доказательства своего существования.

Черная магия создана суеверием массы, народным невежеством и предрассудками и теми отношениями, в каких стояли магики к массе. В чем состояли отношения магиков к массе, мы раскроем ниже, а теперь скажем только, что черная магия, созданная суеверным воображением и, значит, утвержденная на таком непрочном основании, существовала только в воображении и с постепенным развитием массы падала постепенно. Теперь уже многие мыслящие простолюдины (к сожалению, мыслящих здраво о магии и колдовстве немного) смеются над колдовством. И колдуны не могут вредить тогда, как другие страждут от колдунов, — и мы уверены, что настанет время, когда только очень немногие станут верить силе и чарам колдовства.

ГЛАВА XVIII

Начатки магии на первых ступенях развития человечества

В языческих религиях, как только является на сцену жрец со своим посредничеством между человеком и божеством, появляются слабые отблески той магии и того колдовства, которые с постепенным развитием человечества достигли таких огромных размеров.

И в лишенном света откровения человеке всегда есть потребность искания божества и его помощи, которому он старается удовлетворять, как знает. С дальнейшим развитием в дикаре является более требовательности, он не удовлетворяется собственным представлением о божестве и поклонении ему, — он ищет поверки и подтверждения своего верования, своего представления, своего убеждения. Между тем в обществе всегда есть люди, которым доверяют и которых уважают за их ум и опытность. К ним дикарь и обращается в своих недоумениях о божестве — но не более.

Значить, здесь главную роль играют ум и опытность. С течением времени эти люди делаются посредствующими между Богом и человеком, т. е. жрецами. Будучи созданы обществом, его религиозной потребностью, жрецы нередко брали верх над религиозной потребностью человечества и вместо того, чтобы служить ей, они злоупотребляли ею из-за личных видов. Из людей сведущих, опытпых, жрецы дикого общества стараются составить особое сословие, к которому нелегко открывается доступ. К этому ведет целый ряд испытаний и очищений, которые постепенно приближают человека к божеству; сюда относятся пост, истязания, долговременное приготовление и пр.[1]. Не сознавая нравственной силы своего звания, жрецы на этой ступени развития смотрят на свое звание, как на ремесло, дающее жрецу средства к жизни и вызывающее в среде, его окружающей, любовь и уважение к нему. Желая закрепить за собою право посредничества между божеством и человеком, жрецы всегда старались возвысить в глазах массы свое звание, — и для достижения этой цели прибегали к различным средствам. Мы уже сказали, что для поступления в жреческое сословие, нужны были особенные приготовления. Описывать их мы не будем, потому что они не относятся к нашему вопросу; мы заметим здесь только, что для поступления напр. в шаманы требовались особенные признаки, которые составляют исключительную особенность некоторых. Шаманы говорят, что человек для поступления в их сословие должен

---

[1] Lafiteau, Moeurs des Sauvages I, 330.

иметь внутреннее к тому призвание и особенное душевное настроение, т. е. частые обмороки, дичание, исступление и вообще характер задумчивый, нелюдимый и мрачный. Кроме этого, требовалась еще известного рода ловкость[1]. Понятно, что здоровый физически и нравственно человек не имел прав на поступление в жрецы. Дело в том, что болезненное настроение духа необходимо было для жреческих операций. Из практических расчетов жрецы доказывали массе, что для общения с божеством и для посредничества между ним и человеком необходимо таинственное ведение, знание воли божества и искусство умолять его. Жрец призывал божество при посредстве таинственных заклинаний и слов, которые никому, кроме жреца, не были известны. Жрец, по его словам, мог заставить божество исполнить известную просьбу, потому что он имеет власть над божеством[2]. Далее жрец удовлетворял и другим потребностям дикаря; последний обращался к жрецу за объяснением причин различных разрушительных действий природы, просил объяснять смысл знаменательных снов, разгадать будущее, — и жрец не отказывался удовлетворять желанию просителя, потому что он за эти услуги пользовался приношениями просителей. Как он удовлетворял просьбе просителя — это вопрос другой. Причины разрушительных действий природы он, конечно, не мог знать по своему невежеству, и если объяснял разрушительные действия, то причину их находил в божестве — фетише, т. е. камне или деревяшке. Сны также объяснял по усмотрению, как и угадывал будущее. Чтобы придать более значения своим объяснениям и гаданиям, жрец ссылался на авторитет божества, которое открыло ему эти тайны вследствие заклинаний. Неисполнение предсказаний нисколько не смущало жреца; вследствие заклинаний божества он находил благовидные причины неисполнения предсказанного.

Корыстное чувство заставляло часто жреца выставлять свои обязанности и труды тяжелыми и опасными; обязанности эти часто сопровождались страшными обрядами, исступлением и конвульсиями жреца при приближении, по его словам, божества и проч.[3]

Из этих кратких замечаний видно, что с появлением жреца явилась и магия, выражающаяся в заклинаниях, в таинственных словах, в ведении воли божества, в толковании снов, в гадании о будущем и т. п. В этих начатках магии видны только грубость, невежество и обман легковерной массы со стороны жрецов, недобросовестность, шарлатанство и обман которых извиняются только их совершенной неразвитостью, грубостью и невежеством.

С течением времени магия принимает гораздо более широкие размеры. В это время магик повелевает и управляет духами, совершает чудеса, исцеляет от болезни и т. п.

---

[1] Нил, Архиеписк. Ярославский. Буддизм. СПб., 1858 г., с. 241.
[2] Cauche, Rel. de l'ile Madagascar.
[3] Leveque, Excurs. sur le schamanisme, 298.

По преданиям и легендам буддийским, древние шаманы представляются глубокими знатоками черной и белой магии. Шаманы умели, посредством магии, изгонять злых духов из домов. Бук или домовой, поселившись в юрте, не давал покоя живущим в юрте ни днем, ни ночью. Один только шаман может изгнать из жилища Бука. Онгоны злые, или души злых людей, наносят поветрия, причиняют тяжкие болезни, губят людей, изнуряют скот: словом, они бич того племени, в котором они водворились. Шаман может посредством магии изгонять и онгонов не только из человека, но и из жилища. Добрых духов шаманы через магию же умеют умилостивлять. Таким образом, шаманы посредством магии властвуют над духами. Этого мало. Они могут творить чудеса. Мы укажем на некоторые из этих чудес: они могут исцелять всех родов болезни и недостатки. Могут производить белое тяжеловесное семечко (пылден), обладающее притягательной силой. Они умеют производить зелено-желтые изумительных свойств пилюли. Пилюли эти, равно как и пылден, считаются даром неба и по его благословению они зарождаются то в волосах у пустынножителей, то в священных книгах, а иногда падают с неба; чаще же добываются руками праведников из той пещеры, в которой дни невинности проводил *Шара бичли бакши*. Пылден и пилюли влагаются в уста умирающему, чтобы избавить его от влияния демонов и открыть путь к счастливой будущности. Они могли, т. е. шаманы, резать тело у себя и у других без малейших вредных последствий. Шаманы могли летать по поднебесью. Знали тайну становиться невидимыми, когда только захотят. Они имели доступ и проходили все места и на земле и под землей. Они могли все видеть, предвидеть. Несомненно, что они имели власть и над животными. Итак, шаманы при посредстве магии заправляли чуть ли не всем миром. Если верить всем легендам буддийскпм о магии шаманов, то невольно необходимо удивиться их могучей силе, почти безграничной власти и тому дару ведения, которым они наделены были вследствие знания магии.

Странным представляется здесь один очень замечательный факт, на который нельзя не обратить внимания. По естественным законам мышления, могущество и ведение шаманов, добытые посредством магии, должны развиваться все более и более; а между тем факт говорит противное. С течением времени магическое могущество шаманов начало падать и наконец совершенно поражено Шигемунием.

Из легенд буддийских видно, что Шигемуни, явившись на пиршество, на котором все лучшие места были заняты шаманами, взглянул гневно на шаманов, — и последние поколебались, как былинки, и мгновенно очутились за дальнейшими рядами, будучи отброшены туда невидимой силой. Этот скандал, совершившийся с шестьюстами человек, всех, исключая шаманов, изумил. Привыкши с детства к оргиям, шаманы думали, что Шигемуни произвел не более,

как потешный фокус, — и потому, желая занять прежние места, они ринулись сквозь ряды. Но напрасно. Жалкие ратоборцы принуждены были уступить победу Шигемуни. Далее, когда шаманы хотели умыть, по обычаю, руки, вода окаменела. Во время самого пиршества, подносимые им блюда так быстро улетали, что им не удавалось даже и прикоснуться к блюдам. Эти мистификации заставили шаманов бежать. Шаманы решились вступить в борьбу или, по крайней мере, вступить в спор с Шигемунием. Правда, что Шигемуни сначала бегал от шаманов, но наконец покончил с шаманами дело в несколько часов. Не удостоив шаманов, которые явились для диалектического спора, ни словом, ни взглядом, Шигемуни решил участь шаманов одним мановением руки. Как только он коснулся своего седалища, оно потряслось и вместе с тем раздался дикий голос, похожий на рев слона: вышел из земли огонь, и явились гении, которые в виде грозных богатырей ринулись на шаманов и стали поражать их. Несчастные искали спасения в бегстве; но река преградила им путь, — и они почти все погибли[1].

Кто сколько-нибудь мыслящий поверит, что все эти легенды истинны, а не вымысел буддистов? Борьба шаманов с буддистами несомненно была и буддизм наконец одержал верх. Но верить легенде о борьбе Шигемуния с шаманами совершенно нелепо. Буддийские книги, как и мифология Греков, переполнены такими чудесами, которым нет никакой ни возможности, ни надобности верить. О браминах, факирах индийских, подвизающихся в настоящее время, рассказывают тоже очень много чудесного, но кто же станет верить этой болтовне рассказчиков.

Магию фетишей мы постараемся объяснить естественным образом. Средоточие фетишского культа составляет, как мы видели, *волшебство*. Фетишист, желая владычествовать над явлениями природы и действиями злых духов, враждебных его желаниям и целям, старается достигнуть этого владычества волхвованиями и заклинаниями. Заклинания бывают нескольких родов: заклинания природы, заклинания божества, заклинания злых духов и заклинания отшедших душ. В первом случае волшебник или магик стремится испытать магическую силу воли над силами природы и, конечно, никогда не достигает своей цели, потому что погода напр., или ветры никогда не изменяли своего естественного, совершающегося по законам природы, течения вследствие заклинания волшебников. Сами магики убедились потом в этом, перестали рассчитывать на магическую силу воли, а начали присматриваться к явлениям природы, изучать их законы и причины и таким образом положили начало белой магии. В последних трех случаях магик старается подчинить своему желанию и поставить от себя в зависимость божество. Если магики хоть сколько-нибудь понимали, что подчинить себе

---

[1] Эти сведения о шаманах и их борьбе с Шигемунием заимствованы нами из соч. «Буддизм» Нила, Архиепископа Ярославского.

божество — вещь немыслимая, — а это с течением времени они поняли, то это было в высшей степени низко с их стороны потому, что они обманывали массу и оскорбляли уважаемое ими божество. Далее магик старался разрушить враждебную силу злых духов силой воли, доведенной до высшего напряжения и энергии и господствовать над этими воображаемыми силами. Как злые духи, так души усопших, по мнению фетишистов, скитаются ночью по разным местам и обитают во внутренности земли, в расселинах, безднах, горах, рощах, в солнце, звездах и проч., — и стараются причинить вред человеку. И потому из опасения вредных действий от душ усопших и злых духов (напр., Онгонов и Бука шаманы заклинали и изгоняли), то молились им, то заклинали и изгоняли их.

Волшебство или заклинание производилось или просто выражением воли заклинателя, как делают напр. заклинатели ветров и погоды, встречающиеся во всех естественных религиях, или употреблением особенных внешних средств при помощи магических приемов и орудий. Из этой формы естественной религии вышли предзнаменования (во сне), предсказания, ворожба, рассказы о чудесах магиков (напр. низведение луны с неба) и удержались и на высших ступенях естественной религии. Очевидно, что стремления волшебников владычествовать над духами и душами усопших не что иное, как жалкая борьба человека с пустыми призраками собственного воображения. С течением времени магики вступили в дружеские сношения с злыми духами, но эти сношения такая же пустая мечта, как и борьба.

Что такое, в самом деле, заклинания? Божеству не было расчета сообщать жрецам эти таинственные заклинания, потому что жрецы старались подчинить себе божество. Да и мог ли бог-фетиш сообщить что-нибудь? Волшебники заклинали злых духов, и поэтому уже духи не сообщили бы из собственных расчетов. Очевидно, что заклинание — собственное изобретение колдунов. Итак, можно ли им дать какое-нибудь значение? Очевидно, нельзя. Что же это были бы за духи и божества, которые, по самому понятию о них, должны быть выше человека, но которые подчиняются ему из-за нескольких слов? Каким путем дошли волшебники до такого таинственного ведения? И чего мог добиться человек от такого божества, которое было камень или дерево? Духов и усопших душ волшебник тем более не мог заклинать. Понятно, что заклинания посредством таинственных слов — очевидная нелепость. И если волшебники действительно употребляли какие-нибудь таинственные слова при так называемых заклинаниях, то это не более как жалкое самообольщение волшебников. Если же этих слов вовсе не было, а только волшебники обманывали народ, в таком случае они были самыми низкими людьми, тем более, что им народ слишком доверял. Еще несостоятельнее был заклинание и волхование при посредстве внешних орудий, конечно, магических, или приемов. Это самое жалкое состоя-

ние волшебника. Волшебники или жрецы отличались от толпы одеждой, барабаном, палкой и т. п. На кудеснической одежде по обоим плечам. на спине между плечами и на рукавах снизу под локтями пришиваемы были замшевые или суконные привески. Эти привески исцеляли будто бы от болезней[1].

Одежда шаманов описана в «Буддизме» Нила, Архиепископа ярославского. Барабан был особенно устроен; но, к сожалению, мы не знаем этого устройства.

Посредством насильственного потрясения нервов, одуряющих напитков и чада, музыки и пляски, изнурительного поста и т. п., волшебник производит в себе то напряженное состояние духа, которое часто переходит в судороги, помешательство, падучую болезнь, и которое, как думают, наиболее благоприятствует целям колдовства. Не жалкое ли это состояние? Через пользование упомянутыми средствами ничего не в состоянии заколдовать: но что он с каждым разом слабеет физически, тупеет умственно и растлевается нравственно, в этом нет никакого сомнения. Фетишизм с его представителями-кудесниками существует еще и теперь у многих языческих народов. В некоторых странах волшебство весьма развито. Там, где масса нисколько не развита, суеверна, заражена предрассудками, — там, говорим, волшебников очень много и они пользуются большим почетом и значением. Напротив, где народ начинает развиваться, там кудесники постепенно падают.

∆ ∆ ∆

[1] Это было у Самоедов. Смотр. «Памятник трудов правосл. благовестников русских с 1793 до 1853 г.». М., 1857 г. Стр. 72.

ГЛАВА XIX

Магия в связи с Астрологией у Сабеистов и Персов

На дальнейших ступенях развития человечества понятие о магии, волшебстве и их характере совершенно изменяется; магия получает другое направление. Понятие о черной магии и ее чудесах, о волшебстве и заклинаниях злых духов и отшедших душ остается на долю толпы. Жрецы же, т. е. специалисты по магии, совершенно иначе относятся к магии. Вместо дурацких, ни к чему не ведущих заклинаний и бессмысленного, убийственного для жреца колдовства, каста жрецов стала изучать астрономию, физику, механику, химию и т. п., и на этом новом поприще оказала блестящие успехи. Труды на этом новом поприще, — на поприще белой или естественной магии, насколько они дошли до нас, останутся незабвенными для науки. Правда, что на первых порах было много таинственного в магии через примесь астрологии, но с течением времени эта таинственность весьма много ослабела. Этот, впрочем, недостаток бледнеет перед теми открытиями, какие сделаны магиками в этот период. Одно только в магиках ни чем не может быть оправдано, — это отношение жрецов или магиков к массе, от которой они тщательио скрывали все свои познания.

Мы видели значение жреца и его отношение к обществу — в доисторическом состоянии общества. Совсем в другое отношение к обществу становится он при дальнейшем развитии общества, когда вместо фетишизма выступает на сцену религиозных убеждений боготворенис светил и сил природы. Теперь божество нельзя, так сказать, иметь под рукою, как фетиша. Нужно особенное знание и искусство отгадывать волю божества в течении светил и знамениях сил природы. Для этого нужна целая наука, особая школа. И вот является класс людей с преимущественным, почти исключительным назначением служить посредником между божеством и людьми. Это посредничество взяло на себя сословие жрецов, занимавшееся наблюдением светил и их отношения к судьбам людей, изучением сил природы и гаданием о значении и смысле их знамений. И жрецы, как мы сказали, много успели на этом поприще. Даже Индийцы, которые на свою религию и науки смотрели, как на совершеннейшие, считали Египтян самыми искусными волшебниками[1].

Сабеисты переносят свое божество от земли на небо, предполагают божество в звездах, как самых блестящих явлениях природы, видят в них особые самостоятельные божественные существа и приписывают им особенное магическое влияние на жизнь земли и ее

[1] «Тысяча и одна ночь», ночь 507.

обитателей. Эти новые божества не то, что фетиши; они гораздо выше, дальше и недоступнее для человека: здесь выступает на сцену звездная сила, явления которой, по сознанию Сабеистов, стоят в необходимой связи с целой жизнью природы и в виде неизменного закона, или рока, господствуют над самим человеком.

Все творение Сабеисты разделяли на круги, состоящие под особенным влиянием звезд и каждому небесному телу приписывали особенную силу действия; так, солнцу приписывали сухость и теплоту, луне — влажность, Меркурию — смешение тех и других свойств, Сатурну — холод и засуху, Юпитеру — умеренную теплоту, Марсу — жар, Венере — теплоту и влагу, и утверждали, что эти силы в частных кругах жизни самым правильным образом производят известные явления и изменения жизни. По этим же свойствам солнце, луна и земля считались благодетельными божествами, а Сатурн и Марс зловредными, и т. п. Халдеи думали, что заклинаниями можно вызывать души усопших и заставить их открывать живым будущую их судьбу. Аравитяне думали, что душа во сне приносит наблюдения из другого мира.

Сознание зависимости от высших сил выражалось у Сабеистов грубым фатализмом, или верованием в слепую необходимость рока; с другой стороны — при пробуждении в человеке хотя неясного чувства собственной свободы, сознание зависимости перешло в стремление до некоторой степени покорять себе природу и владычествовать над необходимостью, но не безотчетным колдовством, а некоторого рода знанием. Далее, желая вступить в живую личную связь с божеством, Халдеи измыслили для этой цели особую науку.

Таким образом, у Халдеев образовалась наука *магия*, как выражение стремления покорять себе природу; *астрология*, как выражение стремления вступить в личную связь со звездами; снотолкование и заклинание душ усопших как выражение стремления угадать будущее.

Иерархическим средоточием всего астрологического звездопоклонения был Вавилон, где Халдеи, как каста жрецов, занимались звездочетством при храме Бела (солнца). С течением времени в Ассирийско-вавилонском царстве Халдеи составили отдельный, самостоятельный элемент народа и были хранителями астральной религии, которая от грубого волшебства шаманов возвысилась до астрологической системы.

Как уважали в Персии магию, видно из слов Порфирия[1], по свидетельству которого царь Персидский Дарий имел такое высокое понятие о магии, что на монументе своего отца Гистаспа приказал надписать: «Он был главою и наставником Персидских магов».

Действительно, стремление Халдеев покорить себе природу в известной степени было удовлетворено, вследствие их познаний и опыт-

[1] Porphyr., De abstinent., Lib. IV, § 16. Vid. et Ammian Marcell. Lib. XXIII.

ности. Чудеса магического их искусства показывают, что они знакомы были с физикой, химией, механикой и математикой и долго наблюдали над природой. Мы приведем и, хоть приблизительно, объясним два-три чуда из магических действий Халдеев.

Известно, что Дарий Гистасп, вступив на престол Персидский, потребовал себе божеского поклонения. Подданные изумились от этого требования, потому что никто не видел ничего божественного в своем венценосце. Но скоро суеверный ужас обуял Персов. В первый раз, как только они явились во храм, чтобы исполнить требование повелителя, последний доказал, что он человек необыкновенный, восседая на золотом троне и отвечая на жертвоприношения поклонников громом и молнией. Успех был самый поразительный. Невежественная масса признавала своего повелителя за его чудеса не простым человеком, а божеством, но для магов или жрецов фокусы Гистаспа не были чудесами и потому они не считали его божеством. Подобные чудеса на театральных сценах очень нередки, хотя актеры — не божества. Мы, правда, не имеем точных сведений о том, как именно Гистасп производил гром или молнию, но мы легко можем представить себе это, если припомним, что подобные же явления молнии производятся в театре при употреблении плаунного семени (ликоподия); для произведения грома нужно только известное устройство сводов и стен, при искусном устройстве которых можно не только видоизменять, но и усиливать звуки, похожие на гром, град и пр. — с изумительной точностью. Нужно знать, как устроен был золотой трон Гистаспа, как устроены были своды и стены храма, и была ли какая-нибудь связь между троном и стенами, чтобы определить в точности, как именно производил Гистасп гром. В каждом физическом кабинете можно производить сильные выстрелы и яркие искры электрической машиной. Очень может быть, что и в храме Персидском было что-нибудь похожее.

Страбон рассказывает, что в Каппадокии жрецы Дианы в известные праздники ходили босыми ногами по раскаленным плитам. Кто незнаком с секретом этого хождения, для того рассказанный факт покажется или выдумкой Страбона, или совершенным при помощи магии, или колдовства. Чтобы удивить неопытных, мы приведем еще более поразительный факт из истории Персидской магии.

В начале 4-го века нашей эры, религия огнепоклонников, прежде столь славная, начала видимо клониться к падению. Царствовавший в это время в Персии Сапор, ревностный поклонник и благоговейный почитатель Зороастрова учения, призвал ученейших магов или жрецов и приказал им изыскать средство для поддержания господствующей религии. Жрецы очень хорошо понимали, какого рода средства для поддержания религии нужно представить суеверному большинству. Один жрец, Абурабаг-Мабрасфанд, с согласия своих товарищей, собрал народ и объявил, что он готов при всех присутствующих броситься в огонь в доказательство того, что их ре-

лигия, их учение истинны. Это испытание заключалось в том, что на тело жреца нужно было вылить полпуда расплавленной меди. Столь страшное испытание было предложено так решительно, что немногие нашлись, которые отнеслись к делу скептически. Чтобы удивить большинство и убедить меньшинство, жрец бестрепетно и безвредно выдержал огненное испытание[1].

Каково? Ведь для незнающего, в чем дело, представляется, что это — или вымысел, или обман чувств, или содействие духов, или наконец чудо, совершенное богом огня. Ничего однако ж подобного не бывало. Многие философы и историки смеялись над этим и подобными рассказами, как над вымыслом, потому что не знали законов химии. Более суеверные думали, что это волшебство, магия. Но так могли и могут рассуждать только суеверные. Такие чудеса творили люди, никогда не слышавшие, а еще более никогда не знавшие секретов Персидской магии; чудеса такого рода совершали работники на чугунно-плавильных и железоделательных заводах.

Из донесения ученого Перрея парижской академии наук видно, что работник из железоделательного завода за два франка согласился ступить обнаженной ногой на раскаленную плиту. Работник подошел к чугунной плите, только что отвердевшей и еще накаленной почти добела, тщательно смел с нее все нечистоты, бывшие на ее поверхности, разулся, обтер ногу и быстро ударил по раскаленной плите обнаженной ногой, потом вскочил на нее и несколько раз прыгнул на ней. Другой работник, никогда не делавший этого опыта, счастливо повторил опыт первого. Наконец сам Перрей слегка ударил трижды по раскаленной плите обнаженной ногой, но ступить не решился, хотя и уверен был в безопасности. Таким образом, два работника и Перрей были подражателями, правда слабыми, ученым магикам древности.

Другой работник, по словам Бекмана, черпал рукой расплавленную медь. Дело было в Ауэштедте в сентябре 1765 г. Подержав несколько минут кисть одной руки под мышкой другой, работник окунул ее в расплавленную медь, зачерпнул немного этой жидкости и бросил на стену, где медь рассыпалась каплями, остывшими уже на полу. Рука работника от этой забавы нисколько не повредилась.

Французский физик Бутиньи в начале 1849 года узнал, что работники одного железоделательного завода ступают голыми ногами на раскаленное добела железо, а также опускают руку в расплавленный чугун. Бутиньи сам потом видел эти фокусы, и наконец в апреле того же года безнаказанно сам повторял эти фокусы: он рассекал обнаженной рукой расплавленный чугун толщиной до полутора вершков, а также опускал руку, конечно голую, в расплавленный чугун.

[1] Dictionnaire histor., critiq. et bibliogr., XXVII, 417.

Удивленный читатель, незнакомый с такими фокусами, непременно скажет: или все это вздор, или обман, или это фокусники настоящие, как есть колдуны. Эти забавы объясняемы были различно: одни объясняли их колдовством, магией, конечно, черной, другие считали вздором, третьи объясняли чисто физически и объясняли различно. Варрон думал, что люди, ходившие, для потехи богов, по раскаленным металлам, для предохранения себя намазывали подошвы ног особенным составом, который они хранили в великом секрете. Бекман думал, что работники так безнаказанно забавляются с расплавленным металлом вследствие нечувствительности, чрезвычайной огрубелости кожи, покрывающей руки работников. Но как Варрон, так и Бекман ошиблись, по крайней мере в отношении к работникам железоделательных заводов. Как мы видели, они не натирались никакими мазями; огрубелость совершенно недостаточна для того, чтобы тело не подверглось ожогу. Итак, каким же средством как персидский маг, так работники спастись от ожога — ужели чудесным? Ничуть не бывало, а самым простым и естественным образом. Для достижения цели необходимы два главных условия. Прежде всего и важнее всего — это решимость, самоуверенность в безвредной потехе. Это — чисто психологическое условие, без которого немыслимо выполнение опыта. Напротив, трусость никогда не решится почти ни на какой серьезный опыт, — и если бы человечество состояло из трусов, то оно никогда бы не развилось так широко и глубоко, если можно так сказать; науки не добились бы до тех результатов, до которых они дошли усидчивостью, терпением, трудом и особенно решимостью многих отдельных индивидуумов Перрей и Бетиньи решились и убедились на опыте, что шалить с расплавленными металлами безнаказанно — позволительно смертным всем и каждому, исключая трусов. Это первое, чисто психологическое, внутреннее, субъективное, зависящее от характера личности, условие, — самое необходимое для опыта. Второе условие, которым обладает и трус, чисто физиологическое и по отношению к первому внешнее условие, на которое указал Бекман, хотя сам не обратил на него внимания. Физиологическое условие — это пот, которым покрыто было тело у людей, купавшихся в расплавленной меди, или черпавших руками чугун, или прогуливавшихся по накаленному добела железу. «Подержав несколько времени ладонь и пальцы правой руки, говорит Бекман, под мышкой левой, работник зачерпнул правой рукой» и т. д. Решимостью и потом спас свое тело от сгораемости персидский маг; таким образом спасли себя и работники. Жар персидский известен читателю, если только он знаком с географией, а после этого неудивительно, что тело мага постоянно покрыто было потом и притом обильным, который условливался еще и одеждой мага. Далее, перед горнами и плавильными печами, вследствие сильного жара, сильная испарина очень естественна и необходима на теле работников.

Недавно г. Бутиньи открыл, что если какая-нибудь жидкость будет брошена на сильно раскаленное тело, то она принимает вид сплюснутых капель, быстро вертящихся на своей оси и весьма медленно испаряющихся. В этом может убедиться каждый, если плюнет на раскаленную плиту, на самовар, на дверцу печи, утюг и т. п. Это свойство жидких тел Бутиньи назвал сфероидальным состоянием. В упомянутых опытах существует очевидная, явная связь, зависимость между явлениями несгораемости человеческого тела и сфероидальным состоянием жидкостей или, проще, пота. Как только рука или другая часть тела, напр. нога, погружается в расплавленный металл, то пот, покрывающий тело, касаясь металла, принимает сфероидальное состояние и предохраняет руку от опасной жидкости металла. На это могут сказать, что пот может предохранить только частицу тела и притом от случайного, нечаянного прикосновения к раскаленному железу. Но дело в том, что рука вовсе не прикасается к металлу, будете ли вы производить опыт над несколькими золотниками или над несколькими пудами расплавленного металла. Впечатление, производимое жаром, будет одинаково в обоих случаях. Все дело в том, что раскаленные поверхности отталкивают от себя прикасающиеся к ним жидкости или положительно сопротивляются им. В этом случае мы укажем читателю на удивительные опыты Тиндаля, описанные им в его сочинении «О теплоте». В этом сочинении он самым наглядным образом доказал сфероидальность жидких тел и отталкивающую силу раскаленных поверхностей в соприкосновении их с жидкими поверхностями. Читатель скажет: а лучеиспускание разве не имеет здесь значения? На это заметим, что жидкости в сфероидальном состоянии, как давно доказано, способны отражать от себя теплород так, что никогда не нагреваются до точки собственного кипения. Напр. вода, кипящая обыкновенно при 100° по Цельсию, не доходит в сфероидальном состоянии до температуры, превышающей 96°. Пока влага не испарится, до тех пор она отражает теплород, опасный для тела, погруженного в металл. Значит, можно держать руку в металле, пока не испарится влага; а после этого времени можно повредить руку, если держать ее в металле долее. Мы привели поразительнейшие фокусы магов, пред которыми все другие бледнеют, и объяснили естественным образом. А после легко также объяснить и другие, если бы только стоило объяснять. Если читателю встретится в таком роде факт, то прежде всего он должен обратиться к физике и в ней поискать объяснения или по крайней мере возможности подобных фактов, потом обратить внимание на те факты и условия, при которых совершился подобный факт и т. д. Многого, конечно, нельзя объяснить удовлетворительно при настоящем состоянии науки, но с течением времени все фокусы, основанные на законах естественных наук, будут объяснены вполне.

Что же касается до рассказов о вызывании теней мертвых, о низведенин луны на землю и т. п., то все это чистейшие сказки, осно-

ванные на суеверии народном, над которыми смеялись впоследствии и сами жрецы, и если не разубеждали народ в его суеверии, то потому только, чтобы народ боялся и почитал их, благоговел и повиновался пм. Как средство возвысить себя пред народом, изучать как природу вселенной вообще, так и человека в частности, и извлекать из этого изучения естественную и необходимую пользу, жрецы всех народов изучали магию. Была она, как мы видели, в доисторическом состоянии человечества, существовала, как мы видели, у Шаманов и Персов. Встречаем ее также и у других восточных народов: Китайцев и Индийцев. Веды и законы Ману подтверждают это. Она была также у Хананов и других. Но особенно она процветала у Персов, о которых мы сейчас говорили, и Египтян, которых Индийцы считали самыми искусными волшебниками.

С течением времени, с развитием в человечестве новых идей, с развитием и распространением христианства, с политическим ослаблением народов древних восточных, пала и магия, которая, как наука, отжила свой век для восточных народов, у которых теперь нет почти и следов той великой науки магии, над которой столько истратило сил, средств и времени древнее жречество древних предков современных восточных народов. На долю современных восточных народов осталось только суеверие. По свидетельству путешественников, на востоке суеверие, стремление к магии и чародейству и по настоящее время весьма развиты, а особенно в той стране, в которой некогда процветала особенно магия — в Персин как между огнепоклонниками, происшедшими от древних Халдеев, так и между Персами, последователями Магомета.

Еще и в настоящее время близ Баку, на полуострове Апшерон, у Каспийского моря, горят пары горного масла, просачивающегося на поверхность земли и близ этих вечных огней живут огнепоклонники — жалкие остатки древних магов, прославивших некогда учение Зороастра («Рассказы о темных предметах» М. С. Хотинского, стр. 416).

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XX

Магия у Индийцев и Китайцев

Для народов, обожающих силы природы, говорит Крейцср в своей символике, физические явления служат знаками, в которых природа сама говорит с людьми; но этот язык могут понимать только люди сведущие[1]. В Индии, как и в Персии, такими сведущими людьми считались жрецы. В Индии одни жрецы занимались науками, и одни они взялись истолковывать народу все непонятное. «Одни из них (жрецов), облеченные в белую хлопчатобумажную одежду, говорит Вебер, и сопровождаемые учениками, обходят города и торговые рынки и вопрошающим дают советы и наставления, другие управляют государственными делами и служат царям советниками; в новый год они собираются в царский дворец для сообщения гаданий и наблюдений об урожайности года и других общеполезных делах (очевидно, дело идет об определении календаря браминами и о занятиях их астрономией и гаданием по звездам; иные посвящают себя медицине; иные прорицатели и волшебники, нищенствуя, ходят по городам и селам и, как знатоки похоронных формальностей и обрядов, отправляют похороны и жертвоприношения по усопшим. Все брамины в высоком почтении у народа и царей»[2]. Такое отношение общества к браминам, естественно, возвышало их; и брамины умели воспользоваться этим уважением общества своей пользы. Отделившись от общества и присвоив себе одним религию и знание, брамины запретили прочим индийцам всякое и умственное и нравственное развитие и поставили в безвыходную от себя зависимость. Брамин заботился только о своей касте и постоянно старался об ее выгодах и возвышении. И возвыситься брамину было нетрудно, потому что на его стороне было весьма много оснований, говоривших в его пользу. Священные книги Индийцев — Веды ставили касту браминов выше всех других сословий, для которых истолкователями Вед были брамины. Их дело распространять и толковать слово Брамы, потому что чтение Вед принадлежало только жрецам; другие же не имели права читать их, и за ослушание подвергались жестокому наказанию: им вливали в рот кипящее масло[3]. Только к брамину было близко божество, — и только жрецы-брамины могли изучать волю божества и сообщать ее людям: другие лишены этого. Таким образом, жрец, захватив в свои руки истолкование религии, сделался тайновидцем, которому одному

[1] Creuts., Symbol., p. 4.
[2] Вебер, «Всемирн. история», перев. Игнатовича и Зуева, кн. I, СПб., 1860, стр. 391-192.
[3] Praef. du Bhag.-Gita, p. 5.

открыта воля божества. Но как скоро жрецы успели приобресть это драгоценное право, то им легко было приписать воле божества все, что только могло придумать их изобретательное своекорыстие. И жрецы, основываясь на этой привилегии, захватили в свои руки все, что только способствовало к их возвышению и пользе. Толкуя религию по своему усмотрению, сословие жрецов занималось наблюдением светил небесных и их отношения к судьбам людей, изучением сил природы и гаданием о значении и смысле их явлений. Они занимались астрономией, медициной, физикой, и эти науки изучали для своих целей, называя свое знание сообщением свыше, сообщением божества, которое открывает свои повеления и желания, свои наставления и вещания людям через жрецов и только через них за их святость и добродетели, за их тяжелые подвиги и благочестие — за такие качества[1], перед которыми все изумлялись и, естественно, принимали все изречения и все действия жрецов за волю и наставления божества. Мы уже сказали, что читать священные книги было строжайше запрещено Индийцам; одна только каста жреческая посвящена была в таинственное ведение Вед. Пользуясь этой привилегией, жрецы все свои познания по медицине, физике и астрономии изложили в особых книгах и последние присоединили к Ведам, чтобы скрыть эти познания от других. Четыре *Упаведы* (прибавления к Ведам), в которых говорится о медицине, механике и проч.; шесть *Анг* или *Веданг* (т. е. 6 членов Вед), в которых между другими знаниями излагаются сведения по астрономии — все эти книги считались священными и подобно настоящим Ведам считались для других неприкосновенными. И действительно, по свидетельству истории, Индийцы имели правильное понятие о движениях солнца и тел небесных, о вращении земли около оси, о солнечных и лунных затмениях. Это показывает, что, судя по тому времени, о котором мы говорим (в 6 в. по Р. Х. Индийцы особенно познакомились с упомянутыми знаниями от сношений с Греками, Китайцами и Халдеями), Индийцы достаточно были знакомы с астрономией. По медицинским наукам они хорошо знали анатомию, хирургию, физиологию и проч. Сами Греки удивлялись искусству Индийских врачей в вылечивании от укушения змей[2]. Но особенно у браминов было развито знакомство с механикой и физикой. Устройство Индийских храмов и истуканов богов ясно говорит о развитии архитектуры и скульптуры. Появление богов в блестящей одежде с лучезарными венцами среди мрачного святилища, указывает на знакомство жрецов с оптикой, посредством которой (конечно, брамины не зна-

[1] Пусть читатель припомнит подвиги факиров, которые висели на спине, пробитой железным крюком, подвиги браминов-отшельников, сидящих под жгучим солнечным лучом или под проливным дождем, носящих мокрое платье в холодное время года, строго постящихся и жестоко бичующих себя, и читателю будет понятно, что брамины считались людьми святыми, которым, по мнению Индийцев, Брама открывает свою волю.
[2] «Ист. всем.» Вебера, I, стр. 396-197.

комы были с оптикой в такой степени, в какой она известна в настоящее время) они производили и другие фокусы, которые толпе невежественной казались чудесами, сверхъестественными явлениями, явлением богов, у подножия которых приносились жертвы и воскурялся фимиам. Из биографии Аполлония известно, что когда Индийские жрецы ввели его во храм, земля поколебалась под ногами Грека, как волнующееся море. Между тем это колебание земли и другие подобные землетрясения жрецы производили не посредством сношения с подземными силами, а при помощи механики, которая известна была жрецам Индийским. Посредством механики объясняется и другое явление, виденное Аполлонием в том же самом святилище, в котором поколебалась земля. Говоря это, мы имеем в виду самопроизвольное движение жертвенников, на которых сжигались жертвы и курился фимиам[1]. Все такие действия невежественная толпа принимала за чудеса, за содействие и пособие сил подземных и богов, за магию, тогда как на самом деле, здесь — в этих фокусах — ничего не было чудодейственного, сверхъестественного. Итак, в познаниях астрономических, которые толпе казались сообщением богов, в познаниях медицинских, которые масса считала волхованием, и сведениях механических, принимаемых народом за действия сил подземных и богов, не было ничего ни магического, ни сверхъестественного. В этом убеждены были и жрецы и для своих целей тщательно скрывали это от массы, невежество которой было весьма полезно для их своекорыстия.

Но господство над природой, над стихиями выражалось не в упомянутых познаниях, а, по убеждению самих браминов, в особенных подвигах (йогистических) отшельников. Известный немецкий демонолог, доктор Георг-Конрад Хорст[2], говорит, что в Ведах заключается целая наука волшебства. А «в законодательстве Ману перечисляются все формулы магических заклинаний, позволенных или запрещенных для брамина. В Индии верили, что с помощью постов и других лишений можно приобрести таинственную силу и власть над стихиями, силами природы и даже над невидимым миром духов. В бесчисленных легендах Индийской мифологии мы беспрестанно встречаем отшельников, которые, приобретя чародейскую силу, владычествуют даже над богами»[3].

Основание для волшебства, магии, чародейства заключается в самом религиозном воззрении Индийцев, по мнению которых великие подвижники (напр. *Атри*, *Ангира*, *Васишта*, *Бригу* и другие) приобретали такую магическую силу, что даже небесные существа не могли противиться им. По мнению Индийцев, последняя цель всякого земного стремления, спасение и блаженство, к которому стремится

---

[1] Philostr., Vit. Apoll.

[2] Д-р Хорст, издатель и редактор сборника: Zauber-Bibliothek, oder von Zuberei, Theurgie und Mantik, Zauberern, Hexen und Hexen-Processen, Dämonen etc.

[3] «Рассказы о темных предметах» М. Хотинского, стр. 436.

всякая тварь, есть исчезновение индивидуума в Браме, «слитие капли с океаном». Но этого исчезновения, этого погружения в Браму можно достигнуть только совершенным освобождением от всего нечистого, вещественного, чувственного. Только тот приобретает божественную силу, силу, равную силе Брамы, кто погружает себя глубоко в божественное и его *я* вовсе исчезает в первобытном Браме, соединяясь в совершенном самоуничтожении с сущностью божества. Чтобы достигнуть этого, Индиец должен расторгнуть все связи, приковывающие его к земле и как бы стать выше земли. Только посредством умерщвления плоти и удаления от мира можно подавить страсти и удалить от себя рассеянность. «Коль скоро старый брамин, говорится в Ману, увидел детей от сыновей своих, он должен один, или в сопровождении жены своей, удалиться в лесную пустынь со священным огнем, чтобы строгой жизнью приготовить себя к погружению в Браме». Отшельник, живущий на голой скале и возвышающийся над поверхностью земли, лишающийся всех приятностей здешней жизни, отказывающий себе в самых необходимых потребностях и подвергающий себя самым жестоким подвигам покаяния — такой человек может достигнуть чудодейственной силы. «Кающийся должен валяться по земле, говорится в Ману, или весь день стоять на пальцах, или попеременно то вставать, то опять садиться. В знойное время года он должен сидеть в жару четырех огней, под жгучим солнечным лучом, в дождь мокнуть нагим под облачными потоками, в холодное время года носить мокрое платье. От постоянно усиливаемой жестокости истязаний да истощится его смертное вещество. И когда слабость овладеет им, он должен отправиться в путь и идти в прямом направлении на северо-восток, питаясь водой и воздухом, пока его смертное тело не разрушится, а душа не соединится с Брамой», пока он не приобретет той чудодейственной силы, которой подчинено все. То же говорится о подвижнике и в Рамайяне. «Подвижник, сказано в Сакунтале, да покрывает тело свое кучами муравьев, колкие растения да обвивают и уязвляют его шею и птицы свивают гнезда свои вокруг плечей».

Это — чисто внешние истязания, чувственные испытания, которые, ослабляя тело, укрепляли дух. Но для полного усовершения, для полной свободы духа необходимы испытания чисто внутренние, духовные.

Для свободы духа, для достижения магической силы, отшельник должен непременно пройти четыре ступени духовного развития, усовершения, освобождения. Первая ступень есть *познание* не внешнее, приобретаемое посредством опыта или наблюдения, но непосредственное, духовное, внутреннее познание самого себя, убеждение, что наше *я* не есть индивидуальная самость, как самостоятельная, но есть часть бескачественного, первобытного Брамы, есть действительное истечение из этого «мирового зародыша», как истечение «капли из океана»; что, далее, природа со всеми своими явлениями

есть только призрак, обман (maya). Вторая ступень есть *успокоение, тишина чувств и страстей*; мудрец, достигши духовного ведения, должен оставаться спокойным и равнодушным ко всем явлениям чувственной природы. «Он, подобно слепому, сказано в Упанишадах, не видит, не слышит, подобно глухому и, подобно дереву, не чувствует и не движется». Его не должны тревожить ни надежды, ни страх, ни счастие, ни несчастие, ни радость, ни печаль. «В дремоте внутреннего созерцания» он должен размышлять только о Браме. Третья ступень — *добродетель* внутренняя, нравственная, а не обрядовая, состоящая в исполнении предписанных Ведами обрядов. В силу этой добродетели отшельник не должен обращать внимания на следствия своих действий, потому что в мире все есть дело самого Брамы, а человек есть только орудие божества. Кто достиг этой добродетели, тот в самом действии уже не действует и это бездействие есть верх деятельности. Это дремота духа в непрерывном созерцании Брамы, это сон духа, добытый силой воли в бодрственном состоянии. Этому умерщвлению плоти, этому погружению своего *я* в первобытного Браму брамины придавали такую важность, что на отшельников смотрели, как на святых, которые получали долю от силы и естества Брамы, или почитались выше древних богов и своими святыми делами достигали *необыкновенной, магической, чудодейственной силы вибути* (vibbouti) — перерождения ясновидения. В этом состоянии всякий предмет, на который обращена мысль, становится для духа отшельника ясным. Самые мысли других для них ясны. Пред ним открываются самые сокровенные помыслы, самые таинственные изгибы сердца. Дух созерцателя видит даже внутреннее устройство своего тела. Обладая этой необыкновенной силой, дух может выходить из своего тела и возвращаться в него, вступать в другие тела и действовать в них, как в собственном теле. Углубив свою мысль в жизненный дух, душа отшельника может, подобно легкому дереву, плавать по воде, ходить по волнам, углубившись в эфир, может подыматься в воздухе и летать; углубившись в тончайшие элементы, душа, подобно солнечному лучу, может подняться до луны или до солнца. Такие отшельники приобретали магическую силу в такой степени, что самые боги не могли противиться им, потому что сила их равнялась божественной силе Брамы. В народных легендах многие отшельники и святые представляются обладающими такой необыкновенной силой. Впрочем, не одни отшельники только отличались этим даром: он усвоился и многим жертвенным жрецам, потому что жертвы, правильно выполненные, имеют на богов понудительное действие, которому противостоять они не в силах, как думали Индийцы; боги должны оказывать готовность, помогать и быть признательными. «Кто исполнит *асва меда* (asva-medha)[1], тот стяжает все миры, победит смерть, изгладит

[1] Эта жертва состоит в приношении 609 животных разных пород, которые распределяются жрецом в 21 группу по числу отделений ада.

свои грехи и преступления», говорится в Ведах. И ныне большей частью случается, что отшельник по целым годам лежит на постели с острыми иглами, или качается в воздухе на железном крючке, пробитом сквозь его спину. И ныне Индия считается страной волшебства: и ныне в ней считаются очень многие обладающими волшебной силой; особенно многие искусно заговаривают от укушений змей.

Что же это за чудодейственная, магическая сила, которой достигали такими жестокими подвигами? В этой силе нет ничего чудесного. Прежде всего нужно обратить внимание на то, что собственно духу отшельника принадлежит магическая сила, что дух может возноситься до луны, переходить воды и пр. Это явление может быть отчасти объяснено чисто физиологическим состоянием организма с одной стороны; с другой, психологическим настроением, или, правильнее выражаясь, психической болезнью. Известно, что нормальная, здоровая деятельность организма условливается нормальной, взаимной деятельностью трех главных систем организма: желудочной, мускульной и мозговой. Ненормальная деятельность зависит от преобладания одной системы над другой. Опытом дознано, что атлеты, у которых развиты мускулы, большей частью тупоумны и с тощими желудками; обжоры тупоумны и слабы, ученые люди большей частью тощи и слабы. И чем слабее желудочная и мускульная деятельность, тем напряженнее мозговая. При сильном истощении желудка, при совершенном ослаблении мускулов, при совершенном почти бездействии того и других, напряжение мозга бывает так сильно, что в нем совершаются самые ненормальные явления; фантазия, вследствие мозгового расстройства, рисует самые неестественные, самые странные картины. В этом состоянии возможны галлюцинации, кошмар и т. п. У Индийских отшельников, которые питаются очень редко, желудок совершенно истощен, мускулы также ослаблены оттого, что не подкрепляются пищей. Деятельность остается на долю фантазии, представления которой направлены чисто на Индийский лад. Отшельник стремится к самоуглублению. Вследствие этого, при ненормальном состоянии мозга, фантазия представляет то, к чему стремился отшельник. Он хотел самопознания, познания своих помыслов и помыслов других, он хотел носиться по воздуху, ходить по волнам, и фантазия в этом случае его покорная слуга. Отшельник (подобно сумасшедшему, воображавшему, что управляет царством, что он понимает речь собак, что он видит скважины своего сердца и т. п.) представляет под влиянием фантазии, что он достиг той магической силы, о которой мы говорили выше. С другой стороны, эта магическая, чудодейственная сила, или внутреннее просветление, способ достижения которого описывается в Ведах, есть не что иное, как явления животного магнетизма[1]. Вибути

[1] Животный магнетизм или месмеризм, по имени доктора Месмера, открывшего силу животного магнетизма, есть жизненная сила, присущая, в более или менее сильной степени,

есть то же, что *ясновидение сомнамбулов*. Наш взгляд подтверждается исследованием Виндишмана, который в своем сочинении «Die Philosophia im Fortgang der Weltgeschichte» — доказал, что явления животного магнетизма были весьма известны в Индии, особенно в касте браминов. Приводить подлинные слова г. Виндишмана мы не считаем нужным как потому, что его исследование заняло бы слишком много места: об одних степенях, посредством которых достигается вибути, у него 45 страниц, от 1546 до 1491 стр.[1], так и потому, что мы в кратких, но точных словах изложили то же, что он излагает на нескольких десятках страниц.

Таким образом, замкнувшись в самом себе, йогист или отшельник в этом состоянии создает для себя особый мистический мир и думает, что восторжествовал над природой, тогда как на самом деле он наслаждается только собственным самообольщением. Явления животного магнетизма несомненно истинны, но они возможны только в болезненном состоянии; между тем, йогисты принимают эти явления за сверхъестественное и вместе за самое нормальное состояние души, самоуглубленной в самое себя для победы над действительной природой: разрушительное влияние физической силы на человека, подверженного припадкам сомнамбулизма, они принимали за необыкновенную, чудодейственную силу, посредством которой душа по своему желанию распоряжается всей природой; обманчивые видения напряженной фантазии приняты за действительное внутреннее озарение; мистическое исступление и совершенная бессознательность считаются высочайшим блаженством.

Несмотря на неосновательность этого учения о степенях для достижения магической или чудодейственной силы (vibbouti)[2], оно принято новейшими сектами Буддистов: Йогачарьями и мистиками или *тантристами* (волхвами).

Буддийский мистицизм состоит в стремлении разума в те высшие и отвлеченные идеи, которые он создал о высших мирах. В этом состоянии, по мнению мистиков, в духе рождаются новые силы и способности, более и более возвышающие его в пределы очищения. Силы духа никогда не обладают таким могуществом, как в то время, когда они сосредоточиваются на одном пункте. Это сосредоточение, это углубление есть погружение в *Самади*, которое имеет две степени, *Дьяны* или созерцания (чувственного) и *Самапатти* или само-

---

каждому человеку, обнаруживающаяся при действии или влиянии на животный состав другого человека, без вещественных средств, но силой духа. Деятель в этом случае называется магнетизером, а пациент – сомнамбулой ясновидящей.

[1] Philos. im Fort. Weltgesch., I, Th. 4 abt. Bonn, 1834.

[2] Четыре степени достижения магической или чудодейственной силы (vibbouti) – вибути или ясновидения, изложены в Санкия Сесвара Патанджали, о котором в пуранах говорится, что он тотчас после рождения знал прошедшее, настоящее и будущее и что строгостью аскетической жизни он приобрел необыкновенную чудодейственную силу (vibbouti), которую обещал и ученикам своим (Hist. Gener. de l'Inde par Marles, Lib. II, p. 382).

погружения (духовного); каждая из них разделяется на четыре степени или вида, соответственно известным сферам высших миров, так что существа, находясь на этих степенях, еще в чувственном мире, постепенно как бы утончают свою природу до образа высших небесных существ и, проявив в себе самую высшую степень утончения Сансары, они свободно могут перейти уже в мир Нирваны. Созерцающий Дьян во всех видах испытывает блаженство, анализирует ли его ум созерцаемое, или сосредоточивается на одном пункте, или же равнодушно относится к радости и не испытывает никаких ощущений. Самопогруженный Самапатти чужд всех представлений чувственных, обладает безграничным знанием, в котором сливается прошедшее, настоящее и будущее. Погруженный в Самади производит удивительные вещи, нет ничего недоступного для его произведений посредством такого сосредоточенного духа; он (погруженный в Самади) может освещать все миры и отражать их в самом себе и т. п. Он может делаться невидимым и делать невидимыми других и пр. Кто уяснит себе идеи до того, что сливается с ними, пред тем вдруг раскрываются сокровенные таинства и силы. А это и составляет вступление *на путь прозрения*. Состояние Самади достигается не только выполнением известных умственных и нравственных условий, но и есть плод изучения известных приемов и искусства; так, наприм., один из низших приемов заключается в счете дыханий и выдыханий.

Эти средства для достижения необыкновенной силы *ясновидения* и возникающая отсюда сила *ясновидения* или высшие чудотворные качества, наприм. способность летать, знать чужие земли и проч., известны были, как сознавались Буддисты, и Тиртикам, т. е. иноверцам, или еретикам буддийским. т. е. Йогачарьям.

Таким образом, учение о Йогах повторилось и в буддийском мистицизме. Браманский отшельник считал природу небытием, призраком; новый Буддизм *пустотой*, а потому как тот, так и другой отвергли реальность мира чувственного и удовлетворялись только внутренним, духовным знанием. Как Йогисты, так Йогачарии признавали реально существующей только душу. Как в Санкия Сесвара, так и, по мнению Йогачариев, душа должна освободиться, для достижения ясновидения, от мира чувственного. Как в Санкия Сесвара, так и в Буддийском мистицизме главное занятие духа есть сосредоточенное в самом себе созерцание или самоуглубление. Как там, так и здесь человек должен пройти известные степени для достижения ясновидения. Как Йогисты, так и мистики буддийские равно признают чудодейственную силу и притом признают за ней одни и те же действия.

Понятно после этого, что как сила ясновидения вибути браманских отшельников, так и сила ясновидения буддийских одно и то же и происходят из одних и тех же причин. И потому, объяснив, в чем

состоит ясновидение браманских отшельников, мы не считаем нужным повторять здесь вышеприведенные объяснения.

Говоря о буддийском мистицизме, мы считаем нужным сказать несколько слов о *Дарани*, или о мистических формулах и выражениях, посредством которых, думают мистики, можно производить все. Посредством этих формул может быть выражено всякое понятие и всякое существо, и кто усвоил эти формулы неоднократным повторением или даже созерцанием букв, из которых состоят эти формулы, тот приобретает огромную власть над всеми. Этими формулами можно вызывать самих Будд и покорять духов и самих богов и проч. Занимающийся чарами должен быть чист, чтобы чрез это быть способным к восприятию тайн сосудом. Человек, которого дух занят постоянно созерцанием Будды, а язык постоянным повторением заклинаний, приобретает верховную *Сидди*, или ту сверхъестественную силу, которая даруется чарами. Сидди состоит из трех степеней: низшая степень Сидди заклинаниями и лекарствами доставляет владычество над богами, драконами и якшами, власть над их наваждениями, над ядами и ядовитыми животными; средняя степень — богатство, долгоденствие, знатность и почтение; верховная Сидди, или высшая ее степень, доставляет прозрение, невидимость, способность принимать различные видоизменения, покоряет демонов, светила, богов и пр. Словом, Сидди, по мнению мистиков, становится божеством и потому приобретает такое могущество. Очевидно, что это жалкое самообольщение, обязанное своим происхождением несчастному состоянию ясновидения или животного магнетизма.

Вследствие гонения со стороны Браманства с одной стороны и вследствие уступчивости и пассивности своей, а также индифферентного отношения к другим религиям с другой стороны, Буддизм распространился во многих соседних странах: в Монголии, Китае, Тибете, на острове Цейлоне, Японии и других местах.

Но особенно легко было Буддизму в Китае ужиться подле государственной религии и быть терпимым, при недостатке воодушевлеиия и энергии, при равнодушии ко всему идеальному Китайцев. Только некоторые восприимчивые натуры, имевшие высшие понятия о жизни, приняли Буддийское учение и вместе с ним заблуждения о чарах; другие Китайцы остались равнодушными к новому учению. Как бы то ни было, волшебство или, правильно выражаясь, убеждение в возможности волшебства распространилось и в Китае, через Буддизм.

Впрочем, чародейство и волшебство было известно в Китае гораздо прежде Буддизма. Оно возникло в Китае из религиозного учения, основанного *Лао-це*, одним из старейших современников Конфуция. Лао-це, подобно индийским браминам, жил в уединении, и потому он учит, по словам Wuttke[1], что «мудрец заключается в самого

[1] Geschuichte des Heidenthums. 2 T. Geistleben der chinesen.

себя, погружается взором в глубину мысли пустого первобытия, не хочет иметь никакого дела с миром, не заботится о государстве и об истории мира, спокойно живет в уединении, равнодушный к радости и печали; настоящие мудрецы живут как пустынники в лесах и пещерах, или как нищие, и отрекаются от мира. Через такое отчуждение от мира, лжи и наружного блеска и обращение к вечному единству, мудрец приобретает себе долгую жизнь на этой земле, т. е. живет или без смерти в не стареющем никогда теле, или в виде переселения душ, пока не возвратится к первобытию, из которого он произошел». Через это человек делается господином всего в природе и даже приобретает власть над смертью. С помощью «напитка бессмертия» святой может сокрушить даже силу смерти. Это мистическое учение со временем породило весьма распространившуюся веру в чары и волшебство, и содействовало к тому, что прорицание, чародейство и заклинание духов развились до чрезвычайных размеров (особенно в шаманстве народов Алтая). Согласно с этим учением, шаманы имеют власть и силу заклинать духов, укрощать стихии, наделять здоровьем и болезнью, счастьем и несчастьем, вообще освобождать людей из оков сил природы и противодействовать злым духам. Прорицательство и толкование знамений с древних времен играют важную роль в Китае, а также объяснения хороших и худых дней и т. п.

———

Таким образом, как в Индии, так и в Китае верили, что с помощью постов и других подвигов можно приобретать таинственную власть над стихиями, силами природы, над невидимым миром духов и даже над самими богами.

Когда мы излагали учение Браманских отшельников, то мы в то же время старались показать несостоятельность этого учения. Йогисты думали, что теми подвигами, которым они подвергали свое тело, они достигали высокой степени нравственного совершенства, результатом которого была необыкновенная магическая сила (vibbouti) *ясновидения*. Мы с своей стороны показали, что это не более, как жалкое самообольщение, что это соединенное с совершенным органическим расстройством болезненное состояние души, что это не что иное, как явления животного магнетизма, а совсем не то озарение со стороны Брамы, достижение которого Йогисты полагали в своих подвигах. Как сам Брама есть продукт религиозной фантазии и, следовательно, не может удовлетворить религиозной потребности, так и самое озарение свыше невозможно, потому что Йогисту не от кого получить реально это озарение.

Мнение Китайцев о возможности чародейства, заклинания духов, господства над стихиями и проч. мы не опровергали в настоящей главе, потому что неосновательность и шаткость такого мнения, выродившегося из незнакомства с законами природы и явлениями ее, выходящими из обыкновенного ряда вещей, мы показали в предыдущих главах — особенно, когда говорили о заблуждениях шаманов, секта которых была и в Китае.

Что же касается до ученых сведений Индийских браминов, которые для народа казались магией, сообщением свыше, сообщением Брамы, или господством над подземными силами, то мы показали что в этих сведениях не было ничего чудесного, волшебного или магического, что в этом случае жрецы пользовались невежеством народа, вполне им преданного[1].

∆ ∆ ∆

[1] Об Индии и Китае подробное изложение на русском языке в «Религии и философии Востока», соч. Новицкого и «Всемирной истории» Вебера.

ГЛАВА XXI

Магия у Египтян

Магия, говорит Плиний, в течение многих столетий во всем мире пользовалась большим почетом. Она до того распространилась, что и ныне еще господствует у большей части азиатских народов[1]. Но особенным уважением она пользовалась в Египте. Путешественник Марсгам (Marsham) доказывает, что самая древняя школа в Египте — магическая, что из Египта магия распространилась между Халдеями, Вавилонянами, Греками и Персами. Но совершенно нельзя доказать, что магия получила свое начало именно в Египте, и оттуда уже распространилась между другими народами. Возможность самостоятельного развития магии у каждого народа мы доказали, когда говорили о магии у фетишистов, — и наш взгляд подтверждается тем фактом, что магия была и у тех народов, которые не могли заимствовать ее из Египта ни непосредственно, ни посредственно. Когда Индийцы познакомились с Греками, то последние удивлялись их искусству лечить от укушения змей. Мы говорили также, как Индийские жрецы приняли в храме Аполлония. И если Индийцы заимствовали у Греков многие сведения по астрономии, то из этого еще нельзя заключать, что Индийцы заимствовали и магию у Греков. Индийцы, по свидетельству Вед, гораздо раньше знакомства с Греками знали *вибути* или ясновидение. Еще менее могли заимствовать магию у Греков или у Египтян Китайцы, которые ни с кем не хотели знакомиться, а особенно заимствовать ученые сведения у кого бы то ни было. А между тем и им известна была магия, достигаемая посредством постов. О народах доисторического состояния, знакомых с магией, и говорить нечего. Они совсем не могли научиться магии у Египтян. И потому, если Диодор Сицилийский[2], говоря о Египтянах, замечает, что Халдеи, жившие в Вавилоне, заимствовали у Египтян астрологию и через нее так прославились, то мы вправе думать, что Халдеи, при содействии Египтян, только усовершенствовали магию. Само религиозное учение Сабеисстов о солнце и звездах, как жилищах богов и потому имеющих влияние на судьбу вселенной и человека, естественно породило астрологию, как мы это показали, когда говорили об астрологии Сабеистов и Персов.

Как бы то, впрочем, ни было, магия в Египте весьма была развита. Говоря это, мы имеем в виду белую магию, основанную на законах естественных наук. Слишком раннее знакомство с магией и ее раз-

---

[1] Plin. Histor, natur., Lib. III, cap. 1.
[2] Diodor. Sicul., Lib. I, pag. 5.

витие объясняется характером страны Египетской и религиозных воззрений Египтян. «Так как весь быт Египтян, говорит Вебер[1], обусловливался свойствами их страны, то и духовная их жизнь находилась в теснейшей связи с природой. В длинном оазисе Нильской долины жизнь и смерть соприкасались так близко, что все мысли народа были устремлены на эти необъяснимые в далеких причинах своих явления, и важнейшее желание и задача Египтян состояла в том, чтобы ослабить могущество смерти и укрепить и возвеличить животворные силы природы. Так как по этой причине и в быту гражданском главнейшая деятельность Египтян устремлена была на борьбу с губительным влиянием степей, их удушливыми жарами и песчаными ураганами, и так как они постоянно силились исторгнуть мертвые тела у сокрушающего могущества послесмертного тления, то и богослужение их было почти исключительно обращено к той силе природы, которая в своем постоянном круговращении даровала египетской земле жизнь и плодородие — к солнцу». Культ солнца в Египте — самый древнейший; другие местные культы были второстепенные и зависели от культа солнца. Все другие боги были подчинены солнцу. С поклонением солнцу тесно соединено было и изучение его законов. Наблюдение составляло религиозную обязанность жрецов; потребность наблюдения, кроме того, что вызываема была естественными законами природы, окружавшей Египет, вытекала из религиозных принципов Египтян.

По учению египетских жрецов, из первобожества, заключающего в себе все составные части будущей вселенной, мир *произошел* через внутреннее *развитие*. Мир не относится к первобожеству, как творение к творцу: напротив, мир и божество суть одной и той же сущности, с тем только различием, что первобожество есть совокупность безвидных, и потому непостижимых, во мраке сокрытых, не произошедших богов, а мир есть совокупность божеств образовавшихся и сделавшихся видимыми, Hori. Мир имеет вид шара. Солнце с пятью планетами и луна вращаются около земли, и потому все боги, в них обитающие, не только надземные, но и подземные. Все боги участвуют в различных должностях мироправления и господства над живыми существами, а в *аментесе* (преисподней) произносят суд над умершими. Даже общественные учреждения не суть человеческие изобретения, но, подобно природе, произошли от богов. Вселенная, с земным шаром в ее средоточии, существует как бы в лоне первосущества и находится под постоянным и непосредственным влиянием его; со всех сторон шарообразного небесного свода оно направляет свое влияние на землю — последнюю цель его деятельности. Земля есть *страдательная*, приемлющая часть вселенной, между тем как небесный свод со звездами и великие небесные тела — как бы *посредствующие существа*, через которых первобо-

[1] «Истор. Всеобщ.» кн. I, 164 стр. (пер. Игнатовича).

жество управляет землей. Движения и явления небесных тел и зависящая от того смена дней и ночей, месяцев и времен года, производит прежде всего изменения в физических состояниях и произведениях земли; но как звезды суть божественные духи и демоны и великие небесные тела суть великие божества, то все движения и явления неба суть непосредственные действия богов, суть выражение божественного мироправления. Наблюдение неба, таким образом, было нравственной потребностью, религиозным долгом[1]. Поэтому Египтяне, естественно, должны были обратить благоговейное внимание на светила небесные, чтобы открывать взаимные отношения между явлениями земной жизни и движениями небесных светил. С другой стороны, наблюдение за течением светил необходимо было для земледелия, для определения разнородных занятий и празднеств и вообще всего, что относится до календаря. Таким образом, астрономические занятия Египетских жрецов столько же были связаны с их религиозной созерцательностью, сколько удовлетворяли и потребности человеческой жизни, потому что, наблюдая течение солнца, луны и планет для измерения времени, для исчисления и определения года в его различных явлениях, они вместе с тем старались проникнуть и в тайны божественного мироправления, так что наблюдение неба составляло часть их теологии.

Когда же Египтяне заметили, что таинственная сила природы, обнаружившаяся в правильном обращении физической жизни, стояла в тесной связи с солнцем и звездами, то это взаимное отношение, эта тесная связь земных и небесных явлений, влияние неба на жизнь природы, естественно, могли вызвать в Египтянах предчувствие и пробудить веру в подобное же влияние звезд на судьбы человеческой жизни, переход, таким образом, от астрономии к предрассудкам гадания по звездам и *астрологии* — весьма естественный, понятный и незначительный, при окружающей Египтян природе, при религиозной их настроенности и при младенческом развитии астрономии. Когда Египетская образованность достигла высокой степени развития, тогда наблюдение над небом, изучение его законов сделалось исключительным занятие особого класса жрецов и гороскопов. Они определяли перемены времени, определяли и распределяли ежегодно занятия, обязанности, торжества, предопределяли и предсказывали человеческую судьбу. Астрология у Египтян имела весьма важное влияние на действительную жизнь. Не только все общественные предприятия, но и все частные важнейшие дела начинались по звездам. Родившемуся дитяти тотчас составляем был гороскоп, с предсказанием его судьбы, времени и образа его смерти, его характера, несчастных и счастливых случаев в его жизни и т. п. Жрецы тщательно замечали движения, время обращения и точки стояния планет, равно как их целительные и вредные действия. Диодор го-

---

[1] «Религия и фил. Древн. Востока» Новицкого, Киев, 1860. Стр. 129, 130, 131.

ворит: «Часто они очень верно предсказывали людям их будущую участь»[1]. Выражение «часто» показывает, что почти всегда гадатели судьбы ошибались; если же и предсказывали верно, то это было простой случайностью, стечением случайных обстоятельств, а совершенно не следствием предсказания гороскопов, которые никогда не должны бы были ошибаться, если бы только расположение и течение звезд действительно имели влияние на судьбу человека. Но жрецы предсказывали верно только иногда, и этим самым подрывали доверие к астрологии, неверность и неразумность которой осознана только в позднейшее время.

Несмотря однако ж на неверность и неосновательность астрологии, как науки, как гадания о судьбах человека, стремление египетских жрецов расширить круг ее сведений имело благодетельное влияние на развитие астрономии, как науки. Свидетельства древних и современные исследования доказывают, что сведения Египтян по астрономии были весьма обширны, что астрономия Египтян имела научный характер. «Египетские жрецы, говорит Диодор Сицилийский[2], имели астрономические таблицы с незапамятных времен и занятие этой наукой было у них наследственно. Они изучали влияние планет и определяли добро и зло, которое они возвещали людям». «Если где-либо у какого народа делались точные наблюдения над положениями и движением светил небесных, то это было у Египтян». «У них есть каталоги всех отдельных наблюдений за невероятное число лет, потому что они с самых древних времен трудились над этим с особенным усердием». «В пособие для предсказаний звездогадатели имели с точностью составленные таблицы констелляций на все часы года»[3]. Эти таблицы имели весьма важное значение; при помощи их Египтяне составили постоянный календарь и верно вычислили времена года, который жрецы старались определить с особенной точностью, и этим самым Египтяне опередили в астрономии все другие народы. Египтяне первые разделили год по звездам на 12 времен, как уверяет, по крайней мере, Геродот. Для точнейшего определения они производили постоянные наблюдения и исследования; строили дорогие здания, которые были видимыми изображениями известных астрономических кругов и вместе с тем служили средством к сохранению сведений. По объяснению Гаттерера, знаменитый лабиринт с его 12 дворцами был не что иное, как символическое изображение годичного солнечного пути через 12 знаков Зодиака и назначен собственно для астрономических наблюдений. Во дворце Рамзеса II Миамуна, по свидетельству Диодора Сицилийского[4], при входе наверх, на памятнике, находится золотой круг, имеющий 365 локтей в окружности и 1 локоть в

---

[1] «Истор. Всеобщ.» I кн, стр. 206.

[2] Diodor. Sicul., Lib. II, 23.

[3] «Всем. Ист.» Вебера, I кн., стр. 206. (пер. Игнатовича).

[4] Diodor. Sicul., I, 47.

толщину. На протяжении каждого локтя, на которые разделен круг, написаны дни года; тут же означено естественное восхождение и захождение звезд, а также значение и влияние этих явлений по Египетской астрологии. Понятно, что Египтяне не вдруг узнали солнечный год, состоящий из 365 дней, равно как не вдруг заметили они, что через каждые четыре года в году один лишний день, из-за которого гражданский год не совпадал с действительным, и религиозные празднества мало-помалу стали несовпадать с временами года. Но, заметив ошибку, звездочеты установили тоже, что теперь у нас три года в 365 дней, а четвертый в 366 дней — год високосный. Польза такого строгого вычисления времени для хронологии, истории и проч. понятна для всякого. А между тем эти строго научные исследования, эти наблюдения неба, изучение течения звезд и их законов вызваны и порождены стремлением звездогадателей, к которым обращались все без исключения, определить по звездам судьбу человека и состояние физической природы, окружающей Египтян. Словом, астрология дала сильный толчок развитию в Египте астрономии; иначе и быть не могло. Мы сказали: наблюдение неба было религиозной обязанностью, с другой стороны вызываемо было потребностями жизни и условиями страны, населяемой Египтянами, — которые объяснялись таким или другим влиянием неба на страну. Мы сказали, что астрономия обязана своим происхождением астрологии, но последней первая обязана своим развитием, своей определенностью, своей точностью.

Мы уже объяснили переход от астрономии к астрологии, а теперь укажем, как астрология способствовала развитию астрономии. По мнению Египтян, все мироправление имеет двоякий характер: частью есть свободно действующий промысел, частью неизменная необходимость. Промысел, завися от доброго духа (Амуна-кнефа), объемлющего мир, действует по разумным целям; необходимость, выражающаяся в природе вещей, зависит от хранительницы (Пагит) неизменного порядка.

Изучение необходимости, наблюдение над неизменным порядком, изучение его законов, чтобы по состоянию законов и течению явлений природы, подлежащих неизменному порядку, заключать о течении явлений в будущем — предугадывать чисто астрологически— это, говорим, наблюдение над неизменным порядком и есть подготовка к астрономии. Неизменный порядок состоит, по мнению Египтян, в нормальном, неизменном течении по небесной тверди слуг и орудий, хранительниц неизменного порядка, звезд — жилищ божеств и великих небесных тел. Земные божества и великие небесные тела имеют различные свойства, частью благодетельные, частью зловредные: от них-то зависит в мире физическом холод, теплота, засуха, влажность и состояние растительности. Этого мало. От них зависели и все события человеческой жизни от рождения до смерти, которые можно предугадывать, судя по тому, в каком знаке

Зодиака находятся солнце и луна во время рождения человека, какие планеты видимы на небе, какие звезды в это время восходят или заходят, и особенно, какого духа-хранителя получает душа под влиянием звезд. Понятно после этого, что изучение неба было в высшей степени необходимо для Египтян. Чтобы верно определить будущую судьбу человека по местостоянию звезд, солнца и луны, чтобы определить с точностью состояние воздуха в будущем, необходимо было хорошо изучить законы движения планет небесных; нужно было внимательно следить за каждым движением, за каждым изменением местостояния небесных планет; нужно было постоянно следить и наблюдать за всеми явлениями на небесном горизонте. Чего стоило наблюдать за небесными явлениями, видно и из того, что многие, составившие особый класс жрецов и гороскопов, посвящали всю жизнь только этому специальному занятию, и что прошли целые столетия, пока Египтяне добились до определенных и более или менее точных сведений по астрономии.

Что цель звездочетов, имевших в виду астрологические наблюдения, не достигла желаемых результатов, виновно не то благородное научное стремление, которое имелось в виду при астрономических наблюдениях, а виновна сама задача. Предположив узнать в течении звезд будущие судьбы человека, астрологи нисколько не успели в этом, потому что сама задача была неверна. Зато их благородное научное стремление увенчалось успехом в том, что, наблюдая небесные явления, они хорошо познакомились с астрономией и развили ее, как науку, хотя имели в виду совершенно другое, — предсказание судеб человека — астрологию.

В связи с астрологией стояла *медицина*. Дело в том, что, по мнению Египтян, судьба человека зависит, как мы сказали, от такого или другого течения звезд. Не весь, однако ж, человек принадлежал данной звезде, напр. Сатурну, Юпитеру. Но каждая часть человеческого организма имела своего особенного астрологического бога, ему была посвящена и от него зависела. По числу деканов Зодиака (каждый из 12-ти знаков Зодиака заключал под собою по 3 декана, всего 36 деканов), тело человека разделяется на 36 частей; каждая часть тела находится, как мы сказали, под влиянием известной планеты, или звезды; напр. левое ухо и почка находятся под влиянием Сатурна; правое ухо и печень — под влиянием Юпитера; правый глаз, дыхание и голова — под влиянием солнца. Здоровье и болезнь каждой из этих частей зависят от звезды, управляющей этой частью. После этого лечение данной части от известной болезни зависит от астрологического бога, или от звезды, заведующей этой частью. В силу этого астрологического закона, этого разделения частей человеческого тела, для каждой части и ее болезни назначен был особенный врач. Под покровительством известного бога, он только и занимался лечением известной части; с Диэтетикой и болезнями других частей он был незнаком и не должен был лечить других частей. После

этого неудивительно, что в Египте было очень много врачей, так как для каждого человека нужно было тридцать шесть врачей. «Вся страна (Египет) наполнена, говорит Геродот, врачами, потому что каждая болезнь и каждая часть тела человеческого имеют своих особых врачей». «В походах, по свидетельству Диодора, особые военные врачи следовали за войском». Медицина Египтян состояла более в Диэтетике. Чистота тела, пища и образ жизни известного рода были главными чертами во внешнем характере Египетских жрецов. Геродот говорит, что они более всего заботились о чистом белье; они брили себе волосы и купались по два раза в день. Для простого народа был также предписан образ жизни — пища, питье, средства очищения, что требовало многих местных сведений. Диэтетика Египтян вполне соответствовала климату, свойствам и особенностям страны. По свидетельству Геродота, Египтяне были самым здоровым народом после Ливийцев. А это и показывает, что Египетские жрецы хорошо знакомы были с местными условиями страны, — изучили климат и все изменения температуры, изучили потребности здорового организма. Это знакомство Египетских жрецов с условиями страны и потребностями организма тем замечательнее, что они, особенно во врачебном искусстве, привязаны были к старине, на всякое нововведение смотрели недоверчиво. Диодор уверяет, что врачи обязывались при лечении в точности соблюдать предписанные правила. Ежели они следуют законам священных книг, то не считаются виновными и ограждены от всякого упрека, хотя бы и не спасли больнаго. Если же они врачуют против правил, то их можно обвинить и в жизни и в смерти. Ибо законодатель думал, что никто не может знать более целебных лекарств, как опыт, основанный на многолетних наблюдениях и утвержденный первейшими знатоками искусства. Кажется после этого, что Египетские врачи должны быть самыми плохими врачами, так как их медицина нисколько не подвигалась вперед, а руководилась старыми сведениями. На деле, однако ж, видим противное. Мы уже сказали, что Египтяне были самым здоровым народом. Далее, Египетские жрецы славились своим врачебным искусством во всей древности до тех пор, пока их не вытеснили Греки.

Кроме астрологии, астрономии и медицины, тесно связанных между собой, были в Египте и другие науки, которые хотя и не считались магическими, зато знакомство с этими науками так же, как и с вышеупомянутыми, было недоступно для народа. Говоря это, мы имеем в виду геометрию, законоведение и историю. *Геометрия* была дочерью земледелия, которое жрецы издревле считали основанием политического образования, и первым правилом их политики было содействовать успехам земледелия, как это видно во всех их учреждениях, в их религии и мифологии. Напр., Озирис (бог солнца) есть образ Нила, выступающего из берегов и оплодотворяющего почву и т. п. При земледелии Египтян геометрия была необходима.

При ежегодных наводнениях постоянно изменялось распределение участков земли; каждый год возникали тяжбы по распределению участков, разбираемые жрецами, и потому каждый год, для прекращения тяжб, необходимы были новые измерения, которые производимы были жрецами посредством геометрии. *Юриспруденция* была изучаема почти всеми жрецами, как потому, что они было высшим и привилегированным дворянством, если можно так выразиться, так и потому, что они занимали все высшие государственные должности и все судебные места. Напр., жрецы были непосредственными, прямыми советниками царя во всех политических предприятиях, решали тяжбы и т. п. Египтяне изучали также *историю*, которая тесно связана была с памятниками, которые были главными источниками и сделались впоследствии главными основаниями истории Египтян. Известно, что жрецы Египетские только по памятникам могли рассказывать Геродоту историю своего отечества; при этом они ничего не могли сказать о тех царях, которые не оставили по себе памятников. Как пособие для истории была у Египтян география, которая причислена даже к священным книгам Египтян.

Египетские памятники: дворцы, колонны, обелиски и т. п. доказывают, что Египетские жрецы, чертежами наставлениями которых руководились работники при постройках, хорошо знакомые с геометрией, успели хорошо изучить и некоторые законы физики и механики, как это мы постараемся доказать некоторыми фактами, тем более важными, что они подтверждены свидетельствами многих писателей. Колоссальные здания удивительной крепости и прочности, поражающие не столько изящностью формы и искусством отделки, сколько громадностью и трудностью выполнения, воздвигнуты по таким точным архитектурным законам, опираются на такие крепкие фундаменты и построены по таким верным планам, что заставляют предполагать не только долговременную опытность и механическую сноровку, но и знакомство с геометрическими отношениями, которыми могло обладать только жреческое сословие. Жрецы, без сомнения, чертили планы, руководили исполнением и наблюдали за работами. Говоря о египетских зданиях, мы имеем в виду *пирамиды*, громадные четвероугольные здания, кверху постепенно суживающиеся, а оканчивающиеся площадкой, назначаемые для погребения царей; *обелиски* (колонны, кверху заостренные и высеченные из цельного гранита, воздвигаемые в память царей и других знатных покойников), *дворцы*, *храмы*, *статуи* и *сфинксы* (каменные изваяния львов с человеческими головами).

Это те памятники, которые испещрены различными надписями, которые, как мы заметили выше, служат главными основаниями для истории Египта. Пирамиды созидались царями в течение всего их царствования. «Если бы с течением времени, говори Лепсиус, не осталось других определительных указаний, то по слоям пирамид можно было бы, как по древесной коре, считать годы правления царей,

строивших эти пирамиды». Как пирамиды, так и обелиски доказывают, что Египетские жрецы хорошо знакомы были с механикой и располагали значительными механическими пособиями, хотя механические орудия и машины были в то время тщательно скрываемы от взоров толпы, которую этим самым заставляли веровать во всемогущество жрецов. Если колоссальные пирамиды и обелиски свидетельствуют о знакомстве жрецов с механикой и геометрией, то храмы и дворцы, статуи и сфинксы доказывают, что жрецы знакомы были и с законами физики, акустики и оптики, живописи и ваяния. Говоря о храмах, Шназе замечает: «Все носит выражение торжественной важности, благоговейного приближения к жреческим таинствам, сперва приготовляя и возбуждая ожидание, потом вселяя почтительное уважение, потом все более и более углубляя в мистический мрак, и наконец вводя к самому таинственному месту освящения и богопочтения». «Цари за царями и поколения за поколениями трудились над украшением высокоуважаемых святынь новыми и блистательными постройками, поэтому они возросли на огромном пространстве громадностью до поражающих размеров». Развалины храмов еще и теперь возбуждают чувство неожиданного изумления в путешественниках. «Невозможно, говорит Бельцони, вообразить себе картину, открывающуюся здесь, не видав ее. Самые высокие идеи, какие только возможно было бы составить себе по великолепнейшим памятникам нашей архитектуры, дали бы одно только легкое понятие об этих развалинах, потому что различие весьма значительно не только в величине, но и в форме, размерах и конструкции и даже кисть в состоянии нарисовать только слабую идею целого. Мне показалось, что я вошел в город гигантов, которые погибли все вместе после долгой войны и оставили эти развалины храмов, как исполинские памятники своей давно минувшей жизни». «Вокруг святилищ богов, говорит Вебер, коих изображения украшают внутреннее пространство, находятся бесчисленные покои, залы и гостиные удивительной величины и красоты... Стены с богатыми барельефами и надписями возвещают велики подвиги царей и их строгую, богобоязненную жизнь: гигантские статуи, воспоминания и обелиски присоединяются к ним, как дополнение. Высокие башнеобразные пилоны, восходящие пирамидально, и ворота, усеченные сверху широкой площадью, уже издали указывают величественный вход. Ряды лежащих животных-сфинксов, в чудных формах, украшают священный путь, ведущий к входу. Во внутренности двора находятся преддверия, к сторонам которых приклонены человеческие изображения. Барельефы на поверхностях внутренних пространств, символического или исторического содержания, изобилуют повсюду пестрыми красками, которые и теперь еще отчасти блестят живостью[1]. Из статуй особенно известна статуя Мемнона, сына Авроры,

---

[1] «Всемир. Истор.», кн. I, стр. 108 (пер. Игнатовича).

приветствовавшая каждое утро восходящее солнце. История этой статуи весьма неопределенна и запутана. Она лежала погребенная несколько столетий в египетских песках. Страбон и Вебер утверждают, что статуя упала вследствие землетрясения, бывшего в 27-м году до Р. Х., что после разрушения статуи обнаружилось весьма нередкое явление природы скачущих и звучащих камней, и что вследствис этого произошел миф о звучащей статуе Мемнона. Напротив, Схолиаст и Ювенал, на которых ссылается Кассемус в своей диссертации «О говорящих камнях», приписывают низвержение статуи Мемнона Камбизу. С мнением Ювенала и Схолиаста скорее можно согласиться, чем с мнением Страбона и Вебера, потому что в Египте не было землетрясений. Что же, спрашивается, издавала эта статуя, т. е. простое ли это эхо, или звуки, и если звуки, то какие? Статуя, как свидетельствуют греческие и римские писатели, издавала звуки рано утром, когда горячие лучи солнца падали на твердый памятник, увлаженный холодною росою ночи. Филострат говорит, что статуя Мемнона была обращена лицом к востоку и начинала говорить, как только лучи солнца касались ее губ. Павзаний, наблюдавший статую после уже низвержения ее, утверждает, что то был истукан солнца, известный у Египтян под именем Фаменозиса, а не Мемнона, и что ежедневно, при солнечном восходе, он издавал звуки, которые можно сравнить со звуками лопающихся лирных струн. Страбон упоминает об одном только звуке; Ювенал же, долго в Египте живший, утверждает, что статуя издавала различные звуки: «Dimidio magicae resonant ubi Memnone chordae»[1] . Таким образом, «многочисленные свидетельства греческих и римских посетителей, особенно тех, которым удалось слышать этот утренний звук, начались только со времени Нерона и простираются до времен Септимия Севера, когда началось восстановление статуи. Вследствие переделки верхней части, в отдельных камнях этот звук если не совершенно исчез, то по крайней мере начал проявляться очень редко и слабо»[2]. Как же объяснить эти звуки? Вебер называет рассказ об этих звуках мифом[3], но неосновательно уже потому, что их происхождение объясняется законами физики. Лепсиус и Партей хотят, кажется, объяснить эти звуки свойством камней: «Удивительно, как еще многие из отколовшихся и новейших обломков, говорит Лепсиус, производят чистый металлический звук, когда по ним ударяют, между тем как прочие издают совершенно глухой звук». «Кто бы рано утром, при восходе солнца, в египетских храмах, говорит путешественник Партей, тот знает этот нежный звук, пробегающий по стенам, когда их верхняя часть согревается солнцем». Из слов Партея видно, что даже стены египетских храмов издавали звуки. Не отвергая как свидетельства Партея, так Лепсиуса, мы заметим здесь, что издаваемые

[1] «Где звучит волшебными струнами Мемнонова половина».
[2] Вебер, I кн., стр. 116.
[3] Ibidem.

звуки зависели не от свойства самых камней, а от их расположения и от устройства всей статуи. По исследованию новейших ученых, эта статуя издавала звуки вследствие своего устройства. Смит, подробно осматривавший статую Мемнона, сам слышал издаваемые звуки и думает, что они происходят от струи воздуха, вырывающейся из пустой внутренности статуи. Воздух, наполнявший внутреннюю пустоту статуи, согреваясь посредством каменной оболочки, накаленной солнечными лучами, расширялся и вырывался наружу сквозь скрытые щели и открытые отверстия, производя те знаменитые звуки, о которых столько было говорено и древними и новыми писателями. Этот взгляд подтверждается исследованием знаменитого естествоиспытателя нашего времени Гумбольдта, который видел на берегах Ориноко скалы, которые издавали, от действия солнечных лучей, странные звуки, которые принимаемы были туземцами за голос злых духов. Исследование доказало, что внутри этих скал существуют обширные пустоты, из которых, через скрытые щели, вырывается нагретый солнечными лучами воздух и производит странные звуки.

В это же время, как Гумбольдт был на берегах Ориноко, Жомар, Девилье и Жаллуа среди знаменитых развалин Египетской деревни Карнака, которая некогда была «гигантским, возбуждающим удивление», храмовым городом[1], открыли гранитный памятник, который издавал звук при солнечном восходе, похожий на звук лопнувшей струны. Понятно, что причина звуков как в скалах, исследуемых Гумбольдтом, и в гранитном памятнике Карнака, так и в статуе Мемноновой одна и та же. Могут при этом спросить некоторые: почему Мемнонова статуя издавала звуки только при восходе солнца, а не среди дневного жара, когда статуя накалялась сильнее, чем рано утром? Гранитный памятник села Карнака издавал такие же звуки, как и статуя Мемнона и притом при солнечном восходе. Для объяснения этого явления достаточно припомнить сильные африканские жары, которые в Египте и по утрам очень сильны, так что палящие лучи восходящего солнца до того накаляют камни, что к ним опасно прикасаться. Сильно нагретый воздух стенками статуи, поры которых наполняются жаром солнечных лучей, слишком расширяется, стремится высвободиться из тесной темницы и, прорываясь в скрытые щели и открытые отверстия, с визгом и свистом, которые образуют различные звуки, до того разрежается, что в статуе его остается слишком мало в полдень; и потому он или остается в статуе, или выходит сквозь щели без напряжения и вследствие этого не производит тех звуков, которые издают статуи по утрам. Ночью роса и воздух холодный, и потому сжатый, наполняют ста-

[1] Храм в Карнаке был так велик, что собственно город Карнак занимал только часть пространства, занимаемого храмом. Первоначально незначительное святилище Амуна мало-помалу расширялось пристройкой новых храмов, залов, дворов с колоннами, сооружением статуй и обелисков, пока не достигло громадной величины, от которой Карнак и называется «храмовым городом».

тую и, вследствие этого, утром повторяется та же история, о которой мы сейчас говорили.

После нашего объяснения, статуя Мемнона не представляет собой ничего чудесного; она говорит только об искусстве жрецов, знакомых с законами физики. Сами звуки, издаваемые статуей, не что иное, как дрожание, свист и визг расширенного воздуха. Может быть, эти дрожания воздуха образовывали какие-нибудь более или менее определенные звуки, но совершенно нельзя доказать, что эти звуки составляли определенное сочетание слов, заключающих в себе определенный смысл. После этого совершенно ложно свидетельствует Греческая надпись, на левой ноге статуи находящаяся, будто статуя, подобно оракулам, изрекала предсказания, и притом предсказания не простые, а состоящие из семистиший. Очевидно, что семистишные изречения статуи не что иное, как проделка жрецов, которые, для большей достоверности, сделали греческую надпись, не сообразив даже того, что очень редкие оракулы изрекали свои предсказания посредством стихов и особенно в Греции, в которой только первая Дельфийская пифия Фемомоное для своих предсказаний должна была изобрести гекзаметр. Предсказания других оракулов, изрекаемые без всякой связи, объясняли или жрецы, или присутствующие.

Если и стены Египетских храмов были внутри пусты и со щелями, то свидетельство Партея, приведенное нами выше, вполне справедливо, а нежные звуки, пробегающие по стенам, объясняются так же, как и звуки статуи Мемноновой.

Если мы здесь припомним рассказы о языческих богах или, правильнее выражаясь, об идолах, которые не только издавали звуки, но и произносили слова, предсказывали и приказывали, то звуки статуи Мемнона нисколько не будут казаться чудесными. А между тем устройство этих истуканов самое нехитрое. Статуи эти делались пустыми внутри и притом столь великими, что в них мог свободно помещаться человек, и произносить предсказания или приказания, которые невежественная толпа принимала за действительные изречения богов; так устроялись одни статуи; у других были проведены трубочки от рта до стены, к которой они были прислонены: трубочки проходили через стену в соседний покой или скрытое помещение, где спрятавшийся жрец через одну трубочку выслушивал вопросы, а через другую давал ответы, причем звук голоса выходил из отверстия рта истукана, рта, иногда даже открывавшегося. Подобные фокусы Египетских жрецов подтверждены историей. Вот что говорит Феодорит в своей церковной истории об Епископе Александрийском Теофиле: «Он-то освободил, говорит Феодорит, город Александрию (в Египте) от идольского заблуждения: ибо не только разрушил до основания идольские капища, но и открыл обольщенным хитрости обольщавших жрецов. Устраивая из меди или из дерева пустые места внутри статуи и прилаживая их спины к стенам, они делали в стенах тайные ходы. Потом через недоступные места,

проникая туда и скрываясь внутри статуи, приказывали через них все, что хотели, и слушавшие, вдаваясь в обман, исполняли приказания. Мудрейший Архиерей, при разрушении капищ, открыл это обольщенному народу. Вошедши в храм Сераписа, — а это был, по словам некоторых, самый огромный и прекрасный храм на всей земле, — (Теофил) увидел статую чрезвычайной величины, которая своей величиной пугала жителей. Да и кроме величины, ходила ложная молва, будто кто приблизится к этой статуе, — тотчас потрясется земля и все подвергнется совершенной гибели. Но почитая такие рассказы бреднями.... и презирая огромность статуи, как бездушного тела, Теофил приказал одному, державшему в руках топор, живо рубить Сераписа. Когда тот ударил, все завопили, испугавшись известной каждому молвы. А Серапис, приняв удар, и боли не почувствовал, потому что был деревянный, и даже не испустил голоса, как тело бездушное. Как скоро потом отсечена была ему и голова, изнутри его выбежала целая стая мышей; значит, бог Египтян был жилищем этих животных. Наконец, рассекли его на малые части, предали их огню, а голову влачили по всему городу. Поклонники Сераписа смотрели на это и смеялись над слабостью того, кому прежде поклонялись»[1].

После сделанных нами замечаний не может быть сомнения в том, что статуя Мемнона не была изобретением черной магии, как некоторые думали, а еще более не изрекала изречений семистишных. Ювеналу, думавшему, что Мемнонова статуя звучит волшебными струнами, может быть прощена его ошибка только как поэтическая вольность. В статуе Мемноновой, при нашем объяснении, ничего волшебного не могло быть потому уже, что волшебство, не говоря о его недействительности, в звуках статуи совершенно было неуместно. В звуках подобного рода действует или природа одна, без всяких посторонних участий, или при содействии искусства.

В первом случае, звуки зависят от случайного расположения частей отдельных, образовавших целое: напр., расположение камней, образовавших скалы на берегах Ориноко (в Америке); во втором случае звуки зависят от намеренного сопоставления частей данного тела, созданного искусством, которое для своих целей с умением воспользовалось знанием законов природы, напр. в статуе Мемнона и в Карнакском гранитном памятнике, а также в упомянутых истуканах языческих богов.

Кроме храмов и статуй, у Египтян были и другие достопримечательности, которые доказывали, что Египетские жрецы хорошо знакомы были с законами архитектуры и физики. Об этом знакомстве жрецов особенно свидетельствует устройство знаменитейшего из дворцов Египетских, *«Лабиринта»*.

---

[1] Церков. Истор. Феодорита, Епископа Кирского. СПб., 1852. Гл. 22, стр. 349-350.

Можно было бы указать на многие дворцы, которые вполне достойны удивления, но для нашей цели достаточно сказать здесь несколько слов о лабиринте, в устройстве которого жрецы высказались, как отличные знатоки своего дела. Лабиринт, по описанию очевидцев, греческих и римских писателей, есть самое замечательное произведение искусства. «Все это, говорит о лабиринте Геродот, я видел сам и нахожу выше всякого описания. Если бы кто-нибудь собрал все произведения Эллинов по каменной работе и строительному искусству, тот бы сознался, что они в труде и издержках далеко уступают лабиринту, а храмы в Ефесе и Самосе все-таки достойны замечания. Было уже много прекрасных пирамид выше всякого описания, из коих каждая равнялась множеству наибольших греческих произведений, но лабиринт превосходит даже и все эти пирамиды». Лабиринт состоял из 12 дворцов, по числу прежних *номов* (округов), как замечает Страбон[1]. «Ворота дворов, говорит Геродот, находятся одни против других: шесть дворцов к северу, шесть к югу один подле другого. Их окружает одна общая стена. Покоев числом три тысячи, они двух родов: одни из них подземные, другие надземные, того и другого рода по тысяче пятисот. Верхние покои я сам видел и сам ходил по ним; следовательно, говорю, как очевидец; о находящихся же под землею я говорю только по слухам. Египтяне, смотрители лабиринта, не хотели мне ни за что показать их, потому что, как они говорили, в них находились могилы царей, современников основания лабиринта, и священных крокодилов. Верхние покои, которые я видел, мне кажутся сверхчеловеческими произведениями, потому что бесчисленные выходы через ряды комнат и змееобразные ходы через дворы представляют тысячи чудес». «Перед входами в дворы или галереи, говорит Страбон (cap. VI), находится много длинных запутанных ходов, которые до того между собою запутаны, что без путеводителя ни один посетитель не может найти входа во дворец или выхода из него. Потолки каждого покоя состоят из одного цельного камня, нигде не было употреблено дерева или другого какого-нибудь материала, кроме камня». «Кроме покоев в лабиринте, по словам Плиния[2], находятся храмы всех богов Египта и заключается более пятнадцати тысяч переносных часовен. В нем находились также картины, статуи богов, портреты царей и изображения разных чудовищ». «В углу лабиринта, говорит Геродот, стоит пирамида в 280 ф., на которой высечены большие изображения животных». «В отношении к скульптурной работе и прочим украшениям, говорит Диодор[3], нельзя было ожидать от позднейших художников ничего лучшего». Всего этого мало. В известных местах этого лабиринта своды и стены были так искусно и с таким

[1] Strabo, cap. VI.
[2] Plin., Hist. natur. XXXVI, 13.
[3] Diodor. Sicul., I, 66.

пониманием законов природы устроены, что даже самые слабые звуки раздавались внутри покоев страшным гулом, громоподобным грохотом. Во время Плиния, как видно из его естественной истории, нельзя было отворить некоторых дверей покоев без того, чтобы внутри их не раздались перекаты грома. «Некоторые покои расположены так, говорит он, что тот, кто отворит дверь, вызывает тем как бы раскат грома»[1]. Как производились эти раскаты грома в лабиринте, об этом писатели-очевидцы не оставили никаких сведений. Несомненно, однако ж, то, что в этих раскатах грома не было ничего чудесного или волшебного. При искусном устройстве сводов нетрудно усиливать и видоизменять звуки для подражания громовым раскатам. В лабиринте, кроме искусного устройства сводов, которые в каждом покое состояли из цельного камня, расположение покоев, галерей и ходов также могло благоприятствовать громоподобному грохоту. «Со двора входят в покои, из покоев в галереи, из них опять в те же покои и в те же ряды комнат; бесчисленные выходы через ряды комнат и змееобразные ходы чрез дворы», — говорит Геродот. То же подтверждает и Страбон (с. 17). Несомненно, что такое расположение покоев, галерей и ходов вполне благоприятствовало сильному грохоту, который еще более усиливался от того, что лабиринт не был жилищем живых, движущихся существ, которые могли бы своим шумом, говором и движением ослаблять грохот в лабиринте. Пусть читатель припомнит, какой грохот раздается в большом нежилом здании с длинными коридорами, если только ему приходилось быть в таком здании. По крайней мере мне очень памятен грохот, гул, раздававшийся по длинным коридорам огромного, в течение тридцати лет необитаемого, после изгнания из России иезуитов, здания, в которое переведено было училище. В первые три дня нельзя было сделать по коридору двух шагов без того, чтобы от этого слабого стука сапогов не раздавался по всем углам смежных коридоров сильный гул. Скрип туго затворенной и отворяемой двери производил в самой комнате какой-то визг, а в огромной — звон, смешанный с шумом. Все это в высшей степени неприятно действовало на барабанную перепонку непривычного уха. Этот шум происходил от длины соединенных коридоров и от аркообразных сводов, а также от необитаемости. Конечно, гул в здании иезуитов, которые не имели в виду фокусов лабиринта при устройстве корпуса, далеко был не то, что грохот лабиринта, но ведь самое здание в сравнении с лабиринтом было ничтожно. Говоря, впрочем, это, мы вовсе не имеем в виду сказать, что мы решили вопрос о грохоте лабиринта. Для верного решения вопроса необходимо иметь более точные сведения об устройстве лабиринта, чем какие дошли до нас.

---

[1] Histor. natur. XXXVI, 13.

Из сделанных нами замечаний о науках и искусствах Египта видно, что Египетские жрецы обладали многими сведениями по астрономии, физике, механике, медицине, архитектуре, живописи, скульптуре, что они серьезно, внимательно изучали природу и хорошо знакомы были с ее законами, и что они с умением прилагали к практике свои познания.

Чтобы их познаниями и изобретениями не воспользовался народ, который оставлять в неведении для жрецов было выгодно, жрецы прибегли к самым хитрым средствам. Все свои сведения по естественным наукам они отнесли к знаниям божественным и включили эти сведения в священные книги. Эти священные книги, в которых заключалась мудрость жрецов, назывались *герметическими*, потому что они приписывались *Гермесу* или *'Таате*, который, по уверению Египтян (которых убедили в этом жрецы), написал их еще до появления рода человеческого. Книг этих было 42: они разделялись на *шесть* отделов: *первый* отдел, состоящий из десяти книг, собственно так называемых *иератических*, заключал в себе юриспруденцию и учение о богах, или теологию; *второй* отдел — из десяти книг, содержал законы о богослужении; *третий* — опять десять книг, содержал в себе круг наук, каковы: геометрия, астрономия, география, космография и иероглифика; *четвертый* — из четырех книг, содержал в себе низшую часть астрономии, календарную науку и астрологию; *пятый* — две книги молитв богослужебных; *шестой* отдел, состоящий из шести книг, содержал в себе медицину.

Таким образом, чисто естественные и гражданские науки поставлены были наряду с богослужебными и священными (напр., юриспруденция и теология) и так искусно перемешаны (наприм., второй отдел — законы о богослужении, третий — естественные науки, в четвертом — астрономия, а в пятом — богослужебные молитвы), что неопытный читатель не знал, чему отдать предпочтение: юриспруденции или законам о богослужении, астрономии или богослужебным молитвам. Заподозревать в таком распределении книг уловку жрецов Египтяне не могли, потому что, по уверению жрецов, такое распределение принадлежит автору.

Заключив свои познания по наукам естественным в священные книги, жрецы запретили народу читать священные книги, запретив в то же время народу учиться читать, по свидетельству Диодора[1]. Это одно средство, которое преграждало народу все пути, посредством которых народ мог выведать тайны жрецов. Другое средство для целей жреческих — еще более изобретательное. «Различные виды языка и письмен, говорит Геродот[2], берегли тайны жречества в Египте». Говоря это, Геродот имеет в виду иероглифы. В чем состояли эти иероглифы? Климент Александрийский так говорит о письменах Египетских: «Воспитывающиеся у Египтян учатся прежде все-

---

[1] Diodor. Sicul., I.

[2] Herod., II, 36.

го письму, которое называется эпистолографическим; во-вторых, иератическому, которое употребляют священные писатели, а наконец иероглифическому». Эпистолографическое письмо, называемое еще энхорическим и демотическим, введено в позднейшее время для скорого письма для употребления народа (вероятно, для воинов и царей и для повседневной жизни). Оно носило характер простонародного письма. Думают, что оно принято как попытка заменить иероглифы буквенным письмом с звуковыми знаками. Понятно, что не демотическим письмом, которое изобретено поздно, писаны священные книги. Иератическое письмо, употребляемое, по словам Климента, священными писателями, возникло из сокращения и замены образов более легкими знаками. Оно гораздо древнее демотического и употреблялось вместе с письмом иероглифическим. «Иероглифическое письмо, по словам Климента, есть или кириологическое посредством *первых элементов* (per prima elementa), или символическое. Символическое или посредством подражания, или посредством тропов, или посредством загадочных аллегорий. Если они хотят, например, изобразить солнце посредством подражания, то делают круг тропически, то переменяют, заменяют, или совершенно преобразуют; так, если они хотят воздать похвалу своим царям, то пишут ее такими анаглифами. А третьего письма посредством загадок, вот пример: кривое течение звезд изображают они змеею, а течение солнца жуком».

Под prima elementa, без сомнения, разумеются первые буквы имен, или фонетические (от φωνή) знаки. Напр., букву *а* изображали орлом (ахем, achem) или тростниковым листом (ак) и т. п. Плутарх говорпт: «Гермес (Ἑρμῆς), говорят, изобрел сначала письмо в Египте. Потому Египтяне делают первой буквой ибиса, как ему принадлежащего».

Понятно, что иероглифы, по своей запутанности, неопределенности, неясности, не могли быть понятными для народа, которому запрещено было чтение священных книг, содержащих, между прочим, иероглифику. Впрочем, иероглифы известны, кажется, были людям образованным; зато анаглифы были тайным письмом, которое известно было только жрецам.

Понятно, что обставленная такими условиями мудрость жрецов никак не могла быть доступной народу, который, естественно, принимал мудрость жрецов за магию, за откровение свыше, за близость к богам (напр. Апису) и общение с ними. На самом же деле в этой мудрости жрецов, кроме полезных знаний по естественным наукам и астрологических гаданий, ничего магического, волшебного не было.

Кроме астрологических гаданий, которые были жалким заблуждением Египетских жрецов, вводивших в обман простых смертных, которые обращались к жрецам за советом, было у жрецов еще одно заблуждение, которое свойственно было младенческому уму древних народов, еще мало знакомому с естественными явлениями приро-

ды. Мы говорим о заблуждении Египтян относительно теургии, или таинственного знания, которое заклинаниями может вызывать духов-хранителей или другие божественные существа и души умерших и заставлять их отвечать на предлагаемые вопросы, а также отгадывать будущее или вообще неизвестное. Сомнительно, чтобы сами жрецы убеждены были в действительности этого знания. По всей вероятности, они пользовались только доверием невежественной толпы. Рано или поздно они должны были убедиться в нелепости этого знания. Как бы то впрочем ни было, Египетские жрецы считались самыми искусными волшебниками даже в самой Индии[1].

До сих пор мы говорили о магии у народов Востока, у которых жрецы захватили в свои руки все, что может быть дорогого для человека. Жрецы захватили в свои руки умственное и нравственное развитие, религию и богослужение, а на долю общества оставили безмолвное выслушивание и беспрекословное повиновение и исполнение их предписаний. Взяв на себя истолкование религии, жрецы объяснили ее по-своему. Главный предмет религии — божество, именем которого они господствовали над обществом — они применили к своим целям. Божество, понятное только жрецу, приняв страшную, чудовищную форму, стояло неизмеримо высоко над обществом, которое должно было приходить в трепет при виде божества, напр. индийской богини Кали[2]. Обществу запрещено было жрецами приближаться к божеству, грозному и ужасному: только жрецы осмеливались приближаться к божеству, приносить ему жертвы, выслушивать его веления и толковать их народу. К Серапису или его истукану запрещено было в Египте приближаться, под угрозой погибели всего мира[3]. Приносить жертвы и заправлять ими никто не имел права, кроме жреца. Приносивший жертву в Египте без ведома и участия жреца наказывался смертью[4]. А между тем жертва имела благодетельное влияние и вместе понудительное действие на самих богов. Жертва, по мнению Индийцев, придает богам бодрость и энергию: она увеличивает их силы, помогает богам «расти». Жертва и дары имеют на богов понудительное действие, и потому жрецы, приносившие жертву, имели, по понятию народа, власть над небожителями[5]. Только брамины-жрецы могли выслушивать волю божества и толковать ее народу. Понятно, что божество после этого могло быть употреблено жрецами, как орудие, как средство, для их возвышения. Жрецы это понимали и с умением воспользовались этим. Прежде всего, жрецы раскассировали общество на касты и, запретив всякий вход другим кастам в касту жречества, возвысили ее в глазах общества и этому возвышению, равно как и распреде-

[1] «Тысяча и одна ночь», ночь 507.
[2] Stuhr, Die Religions-Systeme der heidnischen Volker des Orients, I Th.
[3] Церковн. Ист. Феодорита, гл. 22, стр. 349.
[4] Schmidt, De sacrif. et sac.Aegypt, p. 82.
[5] «Всемир. Истор.» Вебера, кн. I, стр. 265 (пер. Игнатовича).

лению каст, усвоили характер божественного определения. «Брама, видя землю ненаселенной, создал из своих уст сына и назвал его Брамином, который сделался родоначальником касты браминов. Брамин должен был толковать и передавать другим слово Брамы, заключенное в Ведах. Кшатрия — воин, обязанный быть защитником Брамы, создан из правой руки. Он был праотцом воинов. После воина создан из правой голени Брамы Вайсия, обязанный обрабатывать землю для пропитания браминов и кшатриев. Наконец, для самых низких работ создан из правой ступни Брамы Судра»[1]. Таким образом, на свое злоупотребление брамины положили печать божественного определения священных Вед. Прибегнуть к такому средству было естественно, потому что другие касты не согласились бы поддаться жрецу, который, по божественному определению, должен занять первое место в обществе. Такое разделение общества было не только в Индии, но и в Персии и Египте. Несомненно, что жрецы возвышались постепенно, мало-помалу захватывая в свои руки толкование воли богов. Этого возвышения жречества общество не могло не заметить и, конечно, долго отстаивало свои права. Темные предания древних народов говорят, что каста жреческая слишком дорого купила право первенства. В Персии существовал праздник избиения магов, стремление к первенству которых было замечено обществом[2]. В Индии борьба кшатриев с браминами составляет эпизод Магобараты, где брамины торжествуют кровавую победу и жестоко наказывают восстание[3]. В глубокой древности Египта, во время царствования богов, каста воинов восстала против касты жрецов[4]. Вероятно, эта борьба за права заставила жрецов ссылаться на божественность распределения каст, которая придумана самими же жрецами. Восторжествовав над врагами, жрецы постарались закрепить за собой все основания, благоприятствующие их возвышению. Жестокая казнь ожидала ослушников жрецов в загробной жизни. «Когда браминов ученик, сказано в законах Ману, порицает своего учителя, то, хотя бы он был и прав, возродится ослом; собакой, ежели он клевещет; маленьким червем, если употребит его вещь без позволения; большим насекомым, если завидует его заслуге.» «Лисица ест падаль; обезьяна спрашивает ее: за что она, будучи прежде человеком, сделалась низшим животным? Лисица отвечает, что, будучи человеком, она обещала дары брамину и забыла исполнить свое обещание»[5]. Таким образом, на стороне брамина и вообще жреца было сами божество, пред участием и проклятием которого преклонялся всякий.

---

[1] Polier, Mythologie des Indous.
[2] Herodot., VII, 194.
[3] Polier, Mythologie des Indous.
[4] Herod., II, 141.
[5] Montesquieu, Esprit des Louis XXIV, 14.

Сделавшись владыками мира, жрецы, как мы сказали, взялись истолковывать народу волю божества. Но для этого необходимо было вложить в уста божества такие веления, которые бы благоприятствовали жрецам, потому что божество, как изваяние или статуя, не могло изрекать само от себя ничего. И жрецы придумали средства заставить божество говорить. Поселившись внутрь статуи бога или посредством трубок (об этом мы говорили выше), жрецы изрекали устами божества такие веления, которые вполне возвышали жрецов над обществом, которое не могло уличить жрецов в обмане, потому что божество, служившее орудием жрецов, всегда грозное и ужасное, сокрыто было в мрачном и таинственном святилище (в какомнибудь алькове), к которому никому не позволялось приближаться, кроме жрецов. Этого мало. Божество, под влиянием изобретательного жречества, стало появляться, в мрачном святилище, в блестящей одежде и с лучезарными венцами, освещать ослепительным светом весь храм и тем самым поражать изумлением невежественную толпу; оно стало производить громоподобные раскаты, разливавшиеся по всем углам храма, и приводило в трепет благоговейных поклонников; наконец, оно производило землетрясение во храме, так что поклонники в трепете невольно падали ниц на землю. Но все это могло быть вызвано многочисленными жертвами, часто кровавыми, на жертвенниках самозагорающихся и самопроизвольно движущихся, и после долгих воскурений фимиама. Под влиянием дыма фимиамного, при виде кровавых жертв, при виде горящих жертвенников, религиозная фантазия благоговейной толпы, естественно, возбуждалась с особенным напряжением, которое усиливалось по мере явлений новых и новых чудес, производимых божеством. Опомнившись от сильных потрясений фантазии и чувств, вследствие стольких разнообразных чудес, народ уходил из капища с полным убеждением в божественности истукана и в божественном могуществе его. Как же не исполнять после всего этого его велений, которые он произносил во время грома и молнии, которые приводили в трепет толпу? Но в то же время народ убежден был, что виновниками этих чудес были жрецы, хотя, как невежественный, не понимал, каким образом жрецы побуждали богов к совершению чудес. Он рассуждал очень просто. «Жертвы и молитвы жрецов, угодивших божеству своей жизнью, заставляют божество являть свое могущество грешному человечеству. Понятно, что после этого жрецов необходимо было уважать, как людей святых и близких к божеству, которое легко могло наказать непокорных жрецам». На самом же деле жертвы нисколько не могли побудить статую производить рассказанных нами чудес: все они производились жрецами, изобретавшими самые разнообразные средства для своего возвышения.

Таким образом, религия в руках жрецов приняла желаемую ими форму. Подчиняя себе общество, жрецы в тоже время подчинили

себе и божество, принявшее в их руках особенный характер. Божество близко только к жрецу и грозно к остальному люду, между которым и божеством неизмеримая бездна расстояния. Так далеко поставить божество от общества было необходимо для жрецов, которые имели в виду при этом господство над обществом. Понятно, что такая религия, где действует не святая любовь и утешение, а своекорыстие и властолюбие людей, не могла приносить отрады человеку. Руководясь личными, самолюбивыми и своекорыстными целями и подчинив себе божество, жрецы торговали религией, которая была тяжелым бременем, гнетущим человека.

Как бы то впрочем ни было, жрецы, для достижения своих властолюбивых замыслов, из религии сделали для себя науку, вполне пригодную для жрецов и положительно вредную для народа.

Сдав на руки жрецов религию, народы язычества передавали им и науку, которая, как и религия, сделалась промыслом для жрецов. Для диких и потом несколько оцивилизовавшихся народов были непонятны явления природы, их окружавшей. Во всех естественных явлениях они видели сверхъестественное, чудесное. Жрецы взяли на себя труд объяснять это непонятное народу, и этим самым опять возвышались над народом. Результатом стремлений жрецов объяснять для народа непонятные явления природы были те научные сведения по естественным наукам, о которых мы говорили и которые для невежественной массы казались магией, волшебством, сообщением божества, господством над подземными духами, силами природы и стихиями. Таким образом, жрецы для науки сделали очень много, но более всего сделали пользы для себя; напротив, для народа, который призвал их быть служителями божеству и посредниками между божеством и народом, и избрал их своими наставниками, они принесли положительный вред. Они торговали самым дорогим для человека, — его религиозным чувством и, пользуясь дарами, приносимыми им народом, держали намеренно его в невежестве.

∆ ∆ ∆

О КОЛДОВСТВЕ

Слово *ведовство*, *ведство*, происшедшее от *ведать* и означающее знание, опытность в чем-нибудь, в средние века (да и теперь в простонародье) было синонимом колдовства и волшебства. Искусники, прославившиеся в ведстве, назывались ведунами, *знахарями*, — женщины — *ведьмами*, *знахарками*, как будто всякое знание и мудрость, все непонятное для необразованных, должно было происходить от диавола! Ведьм и колдунов везде было очень много. К нам перешли они со времен идолопоклонства и язычества, когда предки наши в числе своих божеств считали *Бессмертного Кощея*, *Болотного волхва*, *Перуна* и *Бабу-Ягу* — эту прародительницу всех ведьм, которая едет на ступе, по воздуху метлой погоняет, помелом след заметает. Заметьте это — *ступу*, *метлу*, *помело* — необходимые принадлежности простой деревенской жизни, и это заметание следа в воздухе, как будто бы на песке — какое топорное изобретение, какой грубый знак невежества! Верили, как в древности, так и в средние века, что ведьмы, намазавшись известными им мазями и перекувырнувшись через 12 ножей, оборачиваются во всяких зверей и птиц, могут посредством отравы оборачивать людей в волков, свиней, птиц и т. п. Верили, что ведьмы и колдуны повелевают ветрами, производят ветры, бури, молнию, дождь и град, что они заколдовывают поля и скот, так что первые лишаются плодородия (в Белоруссии *завитки* или *завивки* лишают поля плодородия и пр.), а последний сохнет и издыхает; что они посредством чар могут лишить человека жизни и проч. и проч. и проч. Словом все, что есть злого в мире, — все это могут совершать колдуны, знахари, ведьмы, знахарки.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XXII

О шабашах

Нигде так наглядно и ясно не выражалось могущество нечистой силы, как в рассказах о шабашах, на которых будто бы сам сатана принимает клятвенные заверения от всех, которые предались ему духом и телом, т. е. всем существом своим. На шабашах, по словам колдунов и ведьм, демон является во всем своем величии и силе; он является с гордым, презрительным видом, со страшным и мрачным лицом, в странном наряде, всегда является с печальной и мрачной церемонией, и притом всегда является в отдаленных, уединенных местах — лесах, пустынях и т. п. Князь тьмы принимает поклоненья от преданных ему с гордостью и презрением. На обеде кушанья всегда безвкусны и совершенно непитательны; пляска происходила без всякого порядка, искусства и приличия.

Описанием шабаша хотят подтвердить действительность того, что существовало только в расстроенном воображении колдунов и ведьм, которые воображали, будто они верхом на метле или коле свободно переносились по воздуху туда, где предназначалось празднование шабаша.

На шабаш обыкновенно собирались в какие-нибудь отдаленные или уединенные места — в отдаленный лес, или в пустыню, или в болота — всегда ночью с среды на четверг или с четверга на пятницу. Самым торжественным праздником считался шабаш накануне праздника: Рождество Иоанна Предтечи (24 июня): к этому времени каждый колдун и каждая ведьма должны натереться непременно жиром, если хотят присутствовать на торжестве. На этот праздник должны были являться все колдуны и ведьмы; неявившийся получал выговор, или даже наказание. Что касается частных собраний, то демон был снисходителен к тем, которые не являлись на них по достаточным причинам.

Иоанн Бапт. Порта и Иоанн Вириус[1] говорят, что они знают, как приготовляется жир, которым натирались колдуны. Жир этот, говорят они, есть смешение многих наркотических веществ, употребление которых повергает человека в состояние обморока, во время которого он воображает, что будто он вылетает из комнаты через трубу, что будто в конце трубы встречает его черный человек с рогами, который переносит его куда угодно, и потом опять через трубу приносит домой. Рассказы о шабашах людей, подвергавшихся этому

---

[1] Ioan. Vier., Lib. II, c. 7.

состоянию, отличаются неопределенностью и отсутствием взаимного согласия.

Демон является на шабашах или в виде козла, или в виде большой черной собаки, или в виде вороны необыкновенной величины, обыкновенно сидит на возвышенном троне и принимает от присутствующих уверения в преданности.

Можно бы подумать, что на шабаши привлекает людей надежда на временное счастье, на получение богатства, — и демон действительно постоянно дает им блестящие обещания, — так говорят, по крайней мере, сами колдуны, конечно, обманутые своим собственным воображением. Но опыт доказывает, что люди, будто странствующие на шабаши, всегда бывали презренные и несчастные бедняки, и всегда оканчивали жизнь самым печальным и позорным образом.

В первый раз явившихся на этот шабаш демон вносил в свой список и заставлял их подписываться в этом списке, потом заставлял их отвергнуть миропомазание и крещение и отречься от И. Христа и Его Церкви. Потом, чтобы отметить своих приверженцев, демон запечатлевает на какой-нибудь части тела их ногтем своего мизинца особенный знак, от которого то место, на котором он делал этот знак, делалось нечувствительным Утверждают даже, что демон запечатлевает этот знак на трех различных частях тела, и не в одно и то же время, а в три раза. Впрочем, он делает это не иначе, как с теми, которым не менее двадцати пяти лет.

Все это, конечно, не заслуживает ни малейшей веры. И у мужчин и у женщин какие-нибудь части тела могут быть и бывают нечувствительными или вследствие болезни, или вследствие употребления каких-нибудь ядовитых лекарств, или даже от природы, — совершенно независимо от участия демона. Некоторых обвиняли в колдовстве, но на теле их, при самом тщательном осмотре, не находили нечувствительных мест и никакого клейма. Другие из уличаемых в колдовстве уверяли, что демон не делает никаких знаков на их теле. Королевский врач Андре во втором своем письме[1] очень подробно говорит обо всем, что рассказывается об этих демонских знаках.

Название «шабаш» в том смысле, какой оно имеет в приведенных рассказах, — у древних не встречается. Ни у Евреев, ни у Египтян, ни у Греков, ни у Римлян оно не было известно, хотя древние писатели часто упоминали о чародеях и колдунах, как таких людях, которые, вследствие своей связи с демоном, имели особенное влияние на животных, на воздух, на жизнь и судьбу людей.

Гораций[2] ночные собрания колдунов называет словом Coticia (котиция), которое происходит от слова Cotys (котис) или Cotto (котто) — названия богини блуда, — богини тех ночных собраний, на которых вакханки предавались всевозможным бесстыдствам. Это, впрочем, совершенно не то, что шабаш колдунов.

---

[1] M. de S. Andre, Lettre II au sujet de la magie, e&c.

[2] Horat., Epod. XVII, 10.

Некоторые производят название шабаша от Sabbatius (саббатиус) — одного из эпитетов бога Бахуса, в честь которого совершались ночные безнравственные пиршества. Арповий и Юлий Фирмик Мотериус говорят, что на пиршествах этих клали посвященным за пазуху золотых змей, и потом опять вынимали их оттуда. Но эти этимологические объяснения слишком далеки от того, как дело произошло на самом деле. Народ просто заимствовал название «шабаш» от Иудейских собраний и религиозных занятий в синагогах по субботам и в насмешку приложил к сборищам колдунов.

Древний памятник, в котором весьма ясно упоминается о ночных собраниях колдунов, представляют капитулярии (собрания законов)[1]. Здесь говорится, что какие-то женщины, под влиянием производимого в них демоном помрачения, воображали, будто они путешествовали с богиней Дианой и множеством других женщин по воздуху на различных животных, будто они в немногие часы, повинуясь Диане, как своей царице, пролетали огромные пространства. Значит, они чтили богиню Диану, а не Люцифера.

Знаменитый Агобард[2], Архиепископ Лионский, современник Людовика Благочестивого, написал сочинение против известного суеверия своего времени, будто колдуны производили бурю, град и грозу; колдуны эти назывались поэтому производящими непогоду (Wettermacher) — Tempestarii. Необыкновенные дожди, которые, по мнению суеверов, производились этими колдунами, назывались avra levatitia (авра леватиция). Этом названием хотели выразить ту мысль, что будто эти дожди производились в высших слоях воздуха волшебной силой. Еще и по настоящее время простой народ в этой стране проливные дожди называет alvace (альваце). Некоторые были так тверды в этом суеверии, что уверяли, будто они лично знали этих производящих непогоду колдунов, которые будто бы могли как производить непогоду везде, где им было угодно, так и прекращать ее. Агобард многих расспрашивал относительно этого предмета, и все сознавались, что сами никогда не бывали очевидцами таких случаев, когда бы колдуны производили непогоду.

Агобард утверждает, что подобные вещи, как производить непогоду, может совершать один только Бог или же святые при Его помощи; демоны же и колдуны не могут совершать ничего подобного. Он говорит, что в простонародье есть такие суеверы, которые очень исправно уплачивают так называемый canonicum (каноникум), своего рода подать, производящим непогоду колдунам, чтобы эти последние не делали им никакого вреда; между тем как не дают деся-

---

[1] Baluz. Capitular, frag., c. 13., Capitul. Herardi, Ep. Turon: «Quaedam sceleratae mulieres Daemonum illusionibus et phantasmatibus seductae, credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana Paganorum dea et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias et multa terrarum spalia intempestae noctis silentio pertransire ejusque jussinibus veluti dominae obedire».

[2] Agobard, De Grandine.

тин священникам, не помогают вдовам, сиротам и другим действительно нуждающимся в помощи. Агобард рассказывает также, что незадолго до его времени некоторые рассказывали, что будто Гримоальд, герцог Беневентский, посылал во Францию людей с каким-то особенным порошком, который они рассыпали по полям, лугам, горам и источникам, отчего погибло в этой стране очень много скота; что будто многие из этих людей были схвачены, и при допросе сознались, что они действительно принесли с собой такой порошок, и даже тогда, когда увидели, что им предстоит наказание, все-таки не отказывались от своих слов.

Другие, по свидетельству Ангобарда, уверяли, что будто существует страна под названием Мангония, где есть такие корабли, на которых колдуны плавают по воздуху и привозят на них плоды, которые, по их воле, падают с дерев в их корабли. При этом Агобард рассказывает, что к нему однажды привели трех мужчин и одну женщину, которые будто бы упали с этих воздушных кораблей; что эти люди были несколько дней продержаны в оковах, и что когда с ними поставлены были в очную ставку их обвинители, эти последние, после долгих прений, должны были наконец сознаться, что они не знают никаких доказательств на то, что обвиненные действительно путешествовали по воздуху и упали с воздушных кораблей.

Карл Великий[1], согласно с писателями его времени, говорит также в своих Капитуляриях о производящих перемены в погоде волшебниках и требует, чтобы эти волшебники были строго преследуемы и наказываемы.

Папа Григорий IX[2] в своем послании к Архиепископу Майнскому, Епископу Гильденгеймскому и доктору Конраду (1234 г.) следующим образом изображает гнусные обычаи, в которых обвиняемы были еретики Штадингеры: «Когда они привлекают кого-нибудь в свою секту, и когда новичок в первый раз является в их сборище, он прежде всего видит здесь лягушку необыкновенной величины, — величиной с гуся или даже больше. Они целуют эту лягушку, — один в рот, другие в заднюю часть. Потом представляют новичка какому-то бледному изможденному человеку, до того худому, что он кажется состоящим из одних костей да кожи: новичок целует этого человека, чувствуя при этом, что он холоден, как лед. После этого поцелуя новичком овладевает забвение о православной вере. После этого сообща совершается празднество, причем позади статуи, которая обыкновенно находится в месте еретических собраний, — ложится какая-то черная кошка. Новичок сначала целует эту кошку, потом председателя собрания и наконец всех других, кто признан достойным этого. Несовершенные получают поцелуй только от одного начальника собрания; засим новичок дает торжественно обет послушания. После этого тушатся свечи и еретики предаются всем возмож-

---

[1] Vide Baluzii notas in Agobard, pp. 68, 69.
[2] Fleuris, Hist. Eccles., Tom. XVII, p. 53, ann. 1234.

ным видам разврата. Ежегодно на праздник Пасхи они принимают тело Христово, приносят его во рту домой и выбрасывают в отхожие места. — Они веруют в Люцифера и говорят, что Бог низвергнул его в ад несправедливо, посредством коварной хитрости. Они верят, что Люцифер есть творец небесного мира, что некогда он победит своего противника, получит достойную его славу и доставит им вечное блаженство».

Δ Δ Δ

ГЛАВА XXIII

Колдуны и колдуньи, которые рассказывали о себе, будто бы они неестественным образом переносились на так называемые шабаши

Все, что рассказывается о колдунах и колдуньях, переносившихся на шабаши, признается за вымысел; и действительно, известно много случаев, которые доказывают, что эти колдуны и колдуньи в то время, когда они воображали, что присутствуют на шабашах, на самом деле оставались у себя дома, в своих спальнях, в своих постелях. Они натирали себя известной мазью, которая усыпляла их и делала их бесчувственными, и в этом-то состоянии обморока они и воображали, что уносятся на шабаши и видят и слышат все, что там происходит.

В сочинении под названием «Malleus Maleficarum» («Молот против колдунов») читаем, что одна женщина, арестованная инквизиторами, созналась, что она действительно может телесным образом переноситься всюду, куда только захочет, как бы ее ни задерживали и как бы далеко ни были те места, куда бы она захотела перенестись. Инквизиторы велели ей перенестись в известное место, говорить там с известными лицами и потом дать им отчет в своем путешествии; она согласилась. Ее отвели в одну комнату; здесь она вдруг упала, как мертвая; стали ее трясти, она оставалась совершенно без всякого движения, без всяких чувств; стали жечь ей ногу зажженной свечой, она не почувствовала и этого. Спустя короткое время, она пришла в себя и стала давать отчет относительно своего похождения, причем она заметила, что с большим трудом совершила путь. Инквизиторы спросили ее, не чувствует ли она чего на своей ноге; она отвечала, что со времени возвращения чувствует на ней сильную боль, но не знает, от чего она. Тогда инквизиторы объявили ей, в чем дело, сказали ей, что она вовсе не оставляла своего места, что боль, которую она чувствует на ноге, от того, что во время ее мнимого отсутствия ей жгли свечой ногу. Когда таким образом ее заблуждение было доказано в ее собственных глазах, она признала обман, просила о прощении и публично обещала вперед не подвергаться преступному самообольщению.

Некоторые другие историки[1] рассказывают, что будто силой известной мази, которой натирали себя колдуньи, они действительно могли переноситься на шабаши. Торквемада со слов Павла Грилледа рассказывает, что один человек, подозревая свою жену в колдовстве, захотел узнать, действительно ли она переносится на шаба-

---

[1] Alphons. à Castro ex Petro Grilland, Tract. de Haeresib.

ши и каким образом она это делает. Он стал за ней внимательно следить и однажды увидел, что она, натершись какой-то мазью, вдруг приняла вид птицы, улетела и не возвращалась до самого утра, когда она опять вдруг очутилась подле него. Он обратился к ней с расспросами, на которые она не хотела отвечать; наконец он сказал ей, что он сам видел все, что она делала, и палкой заставил ее открыть ему свою тайну и допустить его самого на шабаши. Пришедши на шабаш, он вместе с другими сел за стол; так как все, что подавалось на столь, было несолоно, он потребовать соли; долго соли не приносили; наконец, когда он получил солонку, он сказал: слава Богу, что я вижу наконец соль, — в ту же минуту он услышал сильный шум, и все собрание исчезло. Он очутился один в поле, между горами, донага раздетым. Он увидел, что он на 33 часа расстояния от своего дома. Кой-как добрел он домой и рассказал обо всем случившемся инквизиторам: инквизиторы арестовали его жену вместе с другими соучастниками, и виновные были наказаны по заслуге.

Тот же автор рассказывает, что одна женщина, несенная утром по воздуху злым духом с шабаша, вдруг услышала ангельский голос, и тотчас демон ее бросил и она упала в терновый куст на берегу реки; она была нагая, растрепанные волосы разбрасывались по плечам и груди. Тут она увидела мальчика, который, после долгих с ее стороны просьб, отвел ее в близлежащее село, где был ее дом. После долгих отказов, она наконец открыла мальчику свою тайну, попросила его не разглашать того, что он слышал. Несмотря на то, тайна ее разгласилась.

Если верить всем подобным рассказам, которых бесчисленное множество, в таком случае, конечно, нужно бы признать, что колдуны и колдуньи действительно переносились на шабаши; но, приняв во внимание другие факты, которые очевидно доказывают, что они странствовали только в своей собственной голове, в своем воображении, — нужно положительно сказать, что все, что рассказывают об этих путешествиях, было не более, как действием развращенного воображения, что эти колдуны и колдуньи только воображали, что они странствуют, тогда как на самом деле они оставались на одном и том же месте. Так как это самообольщение производится их воображением, то по его же влиянию эти лица так упорно стоят в своем заблуждении и склоняют к заблуждению других. Магия и волшебство всегда суть не что иное, как произведения развращенного воображения. Люди, занимающиеся ими, всегда бывают заражены безбожием, развратом, страстью воровства и всеми другими пороками человеконенавидения.

Некоторые думали, что в виде колдунов и колдуний, странствующих на шабаши, являюсь сами демоны для того, чтобы таким образом вовлечь в обман тех, кому они являлись, между тем как те лица, в виде которых они являлись, преспокойно спали у себя дома.

Но это объяснение дела представляет такие же или даже еще большие трудности для понимания, чем то мнение, против которого оно направлено. Слишком непонятно, как и зачем демон принимает вид колдунов и колдуний, пьет, ест, и все это только для того, чтобы убедить некоторых невежд в действительном существовании колдунов и колдуний. Какая для него выгода порождать и поддерживать в людях это заблуждение?

Рассказывают между прочим[1], что Герман, Епископ Авксерийский, проезжая через одну деревню своего диоцеза и принявши здесь собранную для него подать, между прочим заметил, что в том месте, где он остановился, готовится большой ужин. Когда он спросил, не ожидается ли здесь общество, ему отвечали, что ужин готовится для добрых женщин, совершающих ночные путешествия. Св. Герман понял, в чем дело, и решился изобличить проказы. Спустя несколько времени, он увидел множество демонов, явившихся в виде мужчин и женщин, которые в присутствии его посадились за стол. Герман спросил домашних, знают ли они этих людей; ему отвечали, что это такие-то и такие-то из соседей; пойдите, сказал им святитель, в их дома и посмотрите, не там ли они. Пошли и увидели, что все эти люди спят у себя дома. Герман произнес заклятия на демонов и заставил их открыто сознаться, что они обманывают людей, что они сами являются в виде переносящихся на шабаши колдунов и колдуний, стараясь таким образом убедить людей в действительном существовании этих последних. Демоны повиновались и исчезли посрамленные.

Это событие записано в древних манускриптах, рассказывается у Иакова de Voragine, у Петра Наталиса, у Св. Антонина, в древних как печатных, так и рукописных требниках Авксерийских. Я не согласен признать этот рассказ справедливым, я нахожу его вымышленным. Но он доказывает, что те, которые его записали и списали, были того убеждения, что ночные путешествия колдуний по шабашам суть не более, как один обман со стороны демона. В самом деле, все, что рассказывается об этих путешествиях, — не может быть объяснено независимо от участия демона; к этому присоединяется еще расстроенное воображение, развращенность и предрассудочность самих людей и наконец, пожалуй, какая-нибудь мазь или порох, которые раздражали мозг и возбуждали бред, соответствовавший действительному расположению тех лиц, которые ему подвергались. — У Иоанна Баптисты Порты[2], у Кардана и других можно видеть, как приготовлялась эта мазь, которой натирались колдуны для того, чтобы переноситься на шабаши; она не производит никакого другого действия, кроме того, что усыпляет человека, расстраивает

[1] Bolland, 5 Jul., p. 287. Причислен к лику святых католической, а не православной церковью.

[2] Johan. Bapt. Porta, Lib. II Magia Nauralis; Hieronym Cardan., Ioan. Vierus, De Lamiis, Lib. 3, c. XVII.

его воображение, заставляет его воображать, будто он совершает длинные путешествия, тогда как на самом деле он в это время находится в глубоком сне.

Отцы Парижского собора, бывшего в 829 г.[1], говорят, что волшебники и все подобные люди суть служители и орудия демона в выполнении его адских замыслов, — что они посредством известных напитков возбуждают в людях нечистую любовь, что существует убеждение, будто они могут портить воздух, производить бури и грозу, предсказывать будущее, портить плоды и пр. Отцы собора определили, что относительно этих людей должны быть со всей строгостью выполняемы те законы, какие постановлены против них правительствами; должны быть выполняемы тем с большей строгостью, что эти люди очевидно отдают себя на служение демону: *manifestius ausu nefando et temerario servire Diabolo non metuunt*.

Спрангер рассказывает в упомянутом уже сочинении «Malleus Maleficarum»: в Швабии один крестьянин со своей восьмилетней девочкой был в поле и, жалуясь на засуху и жар, сказал: ах, когда уж это Бог пошлет дождя! Девочка тотчас сказала на это, что она сама может, если ему угодно, произвесть дождь. Кто же тебя научил этому секрету? спросил отец. Меня научила этому моя мать, отвечала она, только она велела, чтобы я никому об этом не сказывала. — Как же она научила тебя этому? — Она водила меня к одному человеку, который теперь является ко мне всегда, когда только я его позову. — И ты видела этого человека? — Да, сказала девочка, я часто видела у моей матери много мужчин, и одному-то из них она меня и поручила. — Как же ты можешь сделать, чтобы дождь шел только на одном нашем поле? — Я потребую только немного воды. После этого они пошли к ближайшему ручью; и как только девочка во имя того, кому поручила ее мать, потребовала воды, тотчас полился сильный дождь на поле этого крестьянина. — Узнавши таким образом, что его жена колдунья, крестьянин объявил об этом инквизиторам, и она была приговорена к сожжению; а девочка была перекрещена и освящена, и с этих пор потеряла способность производить дождь. Конечно, рассказ о дожде так же нелеп, как и рассказ о шабашах.

[1] Council. VI. Paris, anno 829, C. 2.

ГЛАВА XXIV

Рассказ о Людовике Гофреди и Магдалине фон Палюд, которые сами сознались в колдовстве[1]

Здесь представляется рассказ об одном мужчине и одной женщине, которые сами объявили себя виновными в колдовстве. Людовик Гофреди, марсельский священник, в начале 1611 г. был обвинен в магическом волшебстве и арестован. По собственному его признанию, он от своего дяди вместе с другими вещами получил магическую книгу, на которую он сначала не обратил никакого внимания, а потом, однажды, вздумал испытать силу ее слов, и вот к нему явился демон, высказал свои требования относительно связи с ним и заключил с ним договор такого рода: за троякую преданность ему со стороны священника, за преданность ему душой, телом и жизнью, — демон обещал ему со своей стороны троякое вознаграждение, именно: во-первых, сделать его ученейшим из всех священников провинции; во-вторых, в продолжение 54 лет освобождать его от болезней и других несчастий; наконец, в-третьих, во всех женщинах, на которых только дохнет священник, возбуждать страстную любовь к нему. Гофреди приходит в Марсель и действительно делается здесь священником; слава о его святости распространяется по всей стране; все женщины спешат к его исповедному налою; и он постоянно приводит в дело волшебную силу своего дыхания и с радостью видит, что все вокруг него пламенеет любовью к нему. Жена одного мужа, по имени Перрина, пленена была им до такой степени, что ее сердце каждый раз за год предвозвещало ей своим биением о встрече с ним. Другие две, Бухета и Пинтада, тоже постепенно сделались жертвами его сладострастия. Но особенным предметом его страсти были три дочери одного дворянина, по имени Мандаля де ля Палюд, знакомство с которым доставила ему его слава, — и преимущественно одна из этих девушек, по имени Магдалина, которой в начале ее знакомства с ним было еще только 10 лет. Так как эта девочка избрала его своим духовным отцом, то уже это одно дало ему возможность непосредственно и беспрепятственно влиять на нее, и он воспользовался этой возможностью. Общение с ним на первых порах развило в ней меланхолическое настроение. Она часто жила на даче близ города и часто гуляла там наедине. Сна-

[1] Causes Célèbres, Tom VXI, p. 374; Die chritlische Mystik von Görres, IV Bd., IX Buch, § 304-307; Les histoires tragiques de nostre temps composées par F. de Rosset, Lyon, 1653, pag. 29-37; Confessiones et Depositiones Ludovici magi qua fecit et deposuit a Sabbato sancto 2 April…, p. 702; Histoire admirable de la possession et conversion d’une pénitente, séduite par un magicien, conduite à la Ste Baume pour y estre exorcizée l’an 1610, soubs l’autorité de R. P. F. Sebastien Michaelis, Paris, 1613.

чала он действовал силой своего дыхания на мать девушки для того, чтобы она, увлекшись им сама, отдала бы ему и дочь. Между тем и на саму дочь он так часто действовал этой силой и так сильно повеял на нее разными другими волшебными средствами, что она, наконец, пришедши между тем в возраст, всецело отдалась ему.

Однажды он застал ее на даче одну и пригласил ее идти с ним в одну пещеру, которая была недалеко от дачи, обещая ей показать там много чудесного. Пришедши в пещеру, они нашли здесь много мужчин и женщин, которые танцевали вокруг козла. Магдалина сначала почувствовала сильный страх, но Гофреди ободрил ее: «Это мои друзья, сказал он ей, собрались здесь, к обществу их и ты должна теперь принадлежать». Затем он сказал ей, что ради ее он призвал все демонские силы, и что так как она отдалась уже ему, — он хочет соединить ее брачным союзом с самим князем демонов для того, чтобы таким образом сделать крепче и надежнее их собственную связь. Наученная уже прежде, что духовные отцы имеют право по произволу распоряжаться своими духовными детьми, она согласилась на этот союз. Союз был утвержден собранием. Девушка была погружена в серу, смешанную с солью и мочой, — затем всем сердцем, всеми силами своей души отреклась она от Бога и религии и написала свое отреченье своею собственной кровью из урезанного мизинца правой руки. Было сделано шесть или семь копий с этого отречения для того, чтобы тем больше закрепить союз. Она, кроме того, была заклеймена на голове, на груди и на других частях тела, и потом все присутствовавшие общим торжественным хором начали танцевать, величая новопосвященную царицей своего собрания. И с этих пор Магдалина стала уже регулярно посещать это общество. Гофреди принадлежал уж к этому обществу с самого времени своих связей с демоном, его даже здесь сделали князем шабашей французских, испанских, английских, германских, турецких, значит, князем шабашей всей Европы и части Азии; и он в качестве князя посещал все эти собрания и председательствовал на них. Его господин — диавол прислал и Магдалине демона-асмодея для того, чтобы он служил ей, хранил ее в союзе с ним, поддерживал и усиливал в ней любовь к нему. Дело шло таким образом долго; но вот у Магдалины рождается мысль поступить в монастырь св. Урсулы. Гофреди всеми силами старается помешать исполнению этого намерения; но так как он не мог сделать по-своему в этом случае, он грозит обрушить на этот монастырь все силы ада. Три года жила Магдалина спокойно при этом монастыре, только по средам и пятницам, в эти роковые дни, когда обыкновенно бывали шабаши, ею овладевала мрачная тоска, которая делала для нее несносной саму жизнь и тяжелым Божий свет. Со времени поступления в монастырь ее осаждали целых пять демонов; и в спокойном до того времени монастыре теперь происходил такой шум, что настоятельницами монастыря овладел ужас. Арестованная инквизицией и порученная для расспро-

сов Якобинскому монаху Михаэлису, Магдалина открыла многое из рассказанного выше и, кроме того, много еще других вещей. Она отвечала свободно по-французски на все вопросы, которые предлагались ей на латинском языке, рассказала много относительно порядков в обществе демонов, относительно падения Люцифера с соучастниками и назвала двадцать четыре злых духа, которые владели ею.

Рассказы Магдалины обратили внимание Прованского парламента на Гофреди; его арестовали, и в 1611 г. 19-21 ч. февраля совершен был над ним судебный процесс. Особенное внимание было обращено на показания Магдалины, которая подробно передала о колдовстве Гофреди и о всех совершенных им над ней злодеяниях. В продолжение целых 14 лет он был колдуном и начальником колдунов; и если бы правосудие не овладело им, диавол навсегда овладел бы всем его существом.

Гофреди беспрекословно отдался под арест. При первом допросе он отказался от всего, в чем его обвиняли, говорил, что он ни в чем не виноват. Но сделанные относительно его расследования доказали, что он человек в высшей степени безнравственный, что он развратил Магдалину фон Палюд и других женщин. которым он был духовным отцом. 21 февраля Магдалине был сделан официальный допрос, и она рассказала всю историю своего развращения, передала о колдовстве Гофреди и о шабашах, на которые он ее несколько раз водил. Но когда, спустя несколько времени, между ею и им была сделана очная ставка, она начала говорить, что он человек хороший, что все слухи, какие о нем ходят, вымышлены; теперь она отвергала все то, что сама передала. Гофреди со своей стороны сознался, что он был с Магдалиной в коротких связях, а от всего остального, в чем его обвиняли, отказывался, — утверждал, что ею владел злой дух, который и внушил ей рассказать все то, что она передала. Потом он сознался, что когда он решился раскаяться, к нему являлся Люцифер и угрожал ему множеством страданий, что он уже и действительно кой-что потерпел. Он подробно рассказал о шабашах, передал, между прочим, что при шабашах находится обыкновенно колокол во сто фунтов весу, в четыре локтя ширины, с железным языком, который издает глухой, печальный звук; сообщил много кой-чего о тех нечестивых, безбожных вещах, какие совершаются на шабашах. Сознался также и в том, что он получил от Люцифера записку, которой он (Люцифер) обязался привораживать к нему всех женщин, какие только ему понравятся. По рассмотрении дела, Генерал-Прокурор положил следующее решение: так как Гофреди в различных частях своего тела имеет клейма, в которых (частях тела), если их колоть, он не чувствует никакой боли, и из которых не выходит никакой крови, так как он, Гофреди, имел часто сношения с Магдалиной де ля Палюд как дома, так и в церкви, и днем, и ночью имел с ней плотские сообщения и заставил

ее отречься от Церкви и Бога; так как Магдалина имеет также на своем теле различные дьявольские клейма, так как он сам сознался в колдовстве, в том, что он пользовался магической книгой для заклинания злого духа, в том, что он с упомянутой Магдалиной бывал на шабашах и совершал там множество нечестивых, беззаконных, безбожных дел, каково напр. поклонение Люциферу, то, на основании всего этого, Генерал-Прокурор требует, чтобы поименованный выше Гофреди, который сам признал себя виновным во всех указанных преступлениях, в наказание за эти преступления и для заглаждения их, предварительно был лишен священнического сана и потом, в следующий присутственный день, с обнаженной головой и босой, с петлей на шее и с горящим факелом в руке, публично просил о помиловании Бога, князя и правосудие; затем, чтобы палач провел его по всем площадям и всем перекрестным улицам города Aix'а и потом жег по всему его телу раскаленными щипцами; наконец, чтобы он, Гофреди, был сожжен живым на Якобинской площади и чтобы пепел его был рассеян ветром; но еще прежде совершения над ним этого наказания, Гофреди должен быть подвергнут самым жестоким пыткам, какие только могут быть придуманы для того, чтобы таким образом принудить его открыть своих соучастников. Приговор состоялся 29 апреля 1611 года. Подверженный обыкновенным и необыкновенным пыткам, Гофреди сказал, что он на шабашах никого не видал из своих знакомых, кроме Магдалины Палюд, что он видел там также некоторых монахов, имен которых он не знает, что диавол колдунам намазывает чем-то головы, отчего у них все исчезает из памяти.

Замечательно, что девушку Магдалину парламент не приговорил ни к какому наказанию. Таково было общее правило у инквизиторов: тем, — которые допустили себя другим обесчестить и развратить, не полагалось уже никакого другого наказания, кроме того позора, которому они сами себя подвергли. Это, впрочем, правило впоследствии изменено. Священник Гофреди был приговорен к сожжению, как говорилось в доносе о решении относительно его, который представлен парламентом канцлеру, за то, что он был обвинен не только в колдовстве, но и в *духовном* еще блуде с его духовной дочерью, девицей Магдалиной фон Палюд.

Со своей стороны заметим, что как Гофреди, так и Палюд были жалкими жертвами обмана собственного расстроенного воображения — подобно тем колдунам, о которых шла речь в двух предыдущих главах.

ГЛАВА XXV

Народные поверья во времена язычества о заклинаниях к смерти

Древние Греки и Римляне приписывали магии силу не только заклинать тени умерших, но и умерщвлять живых людей посредством заклинаний, соединенных с известными обрядами. Делали обыкновенное восковое изображение, по возможности похожее на лицо, приговоренное к смерти, далее заклинали его посредством волшебства, наконец плавили, — и в той мере, как расплавливалось изображение (так по крайней мере думали, не более), мало-помалу слабела и наконец совершенно угасала жизнь заклятого лица. Гораций[1] рассказывает о двух колдуньях, заклинавших души умерших с целью узнать будущее. Прежде всего они разрывали зубами молодого ягненка, и его кровь вливали в могилу, заклиная при этом души усопших, от которых желали узнать будущее, потом ставили подле себя два изображения: одно из воска, другое из овечьей шерсти, последнее было больше, и как бы властвовало над первым; восковое стояло перед последним на коленях, как бы осужденное на смерть. После различных чародейских церемоний восковое изображение нагревалось и расплавлялось в огне[2].

Нет сомнения, что это суеверие было в большом ходу в древности, что многие были убеждены в этом и боялись последствий его.

Лукиан рассказывает[3] о действиях колдуна Гиперборейца, который сделал из глины купидона и, вдохнув в него жизнь, вызвал чрез него девушку Хризею, к которой какой-то юноша питал страстную любовь. Маленький купидон принес ее. Лукиан справедливо нападает на подобные рассказы и замечает, что колдуны, славящиеся могучей силой, имеют влияние только на людей ничтожных и сами ничтожны.

Подобные примеры проклятий и смертных заклинаний богов-хранителей городов при помощи волшебства мы находим и в истории. Древние всегда скрывали собственные имена городов[4] с тем, чтобы враги, во время нападений на города, не могли произносить их имени в своих заклинаниях; по мнению древних, заклинания вовсе не имели силы, если не упоминались в них собственные имена городов. Обыкновенные имена Рима, Тира и Карфагена — не тайные и

---

[1] Horat., Lib. I, Satyr. VIII, 30, 43, 44.

[2] Lanea et effigies erat, altera cerea major / Lanea, quae poenis compesceret inferiorem. / Cerea suppliciter stabat, servilibus ut quae / Jam peritura modis.... / …Et imagine cerea. / Largior arserit ignis etc.

[3] Lucian in Philos.

[4] Plin. III, c. 5 et I, 28.

не собственные их имена. Рим назывался, напр., Валенцией — именем, известным только некоторым Римлянам, весьма немногим, — и Валерий Соран, как известно, был строго наказан за открытие собственного имени Рима.

Макробиус оставил нам формулу торжественного заклинания к смерти города и чародейских церемоний, совершаемых во время предавания города вредному и опасному демону[1]. У языческих поэтов упоминается о многих заклинаниях и магических смертных проклятиях (Todesweihungen), которыми пользовались с намерением причинить опасные страдания или болезни. Замечательно, что и в христианстве находили себе место эти суеверные и отвратительные обычаи, и были страшны даже для тех, которые, кажется, должны бы были знать бесполезность и ничтожность этих предрассудков.

∆ ∆ ∆

---

[1] Macrobius, Lib. III, c. 2, 9.

ГЛАВА XXVI

Поверья народные о заклинаниях к смерти (Todesweihungen) у христиан

Гектор Боэций (Boëthius)[1] в своей истории Шотландии, повествуя о короле Дюффе, приводит замечательный факт, который мы приведем здесь. Дюфф однажды подвергся опасной болезни, неизвестной докторам; он изнуряем был продолжительной лихорадкой, проводил ночи без сна, все более и более худел, каждую ночь подвергался сильной испарине и наконец до того ослабел и так крепко заснул, что близок был к смерти, самый пульс прекратил биение. Употреблены были всевозможные старания к излечению, — и все было напрасно. Отчаявшись в выздоровлении короля, решили, что причина болезни — злодеяние. Жители Мурро (Murrah), Шотландской провинции, убежденные в том, что болезнь скоро низведет короля в могилу, возмутились.

В это же время разнесся слух, что короля посвятили смерти (begaubert) колдуньи, жившие в Форре (Farre), городке в северной Шотлапдии. Отправлен был отряд войска арестовать волшебниц, — который и захватил их врасплох — на месте преступления в их жилище, где одна из них держала на огне восковое изображение короля Дюффа. Это делала она по чародейской формуле, по которой, по мере того, как изображение расплавлялось. король должен был терять силы, — и наконец умереть, как только изображение совершенно расплавится. Колдуньи на допросе показали, что они подкуплены на такое злодеяние жителями провинции Мурро, которые, желая поднять бунт, только и ждали смерти короля.

Колдуньи сожжены, а король, почувствовав себя лучше, через несколько дней совершенно выздоровел.

То же самое передает в своей истории Шотландии и Буканан, замечая при этом, что этот факт передан ему старожилами, Voreltern[2]. Он относит время царствования короля Дюффа к 960 году; дополнявший эту историю примечаниями замечает: «Подобный обычай посвящения к смерти известен был и Римлянам, как видно из сочинений Виргилия и Овидия», на которых мы уже указывали. Но дело не в том, кому известен был этот обычай, а в том, что все рассказы о нем весьма подозрительны не потому, чтобы не было волшебников или волшебниц, которые подобными средствами ста-

[1] Hector Boëthius, Hist. Scot., Lib. XI, cap. 218, 219.

[2] Рассказ о болезни Дюффа и особенно ее причине нельзя считать верным потому, что он, как такой, может быть оправдан законами ума. Что же касается авторитета предков (Voreltern), то он еще более возбуждает подозрение, потому что такой авторитет весьма способен верить нелепостям.

рались лишить жизни известных лиц, и успех в этом случае приписывали диаволу, но потому, что они нисколько не заслуживают доверия, так как от этих заклинаний не было никаких последствий. Имели ли эти чародеи возможность посвящать всех, кого хотели, и был ли кто-нибудь в безопасности от них? Если они могли предавать смерти медленным огнем, то могли ли они прекращать жизнь вдруг, и если могли, то почему не прекращали вдруг, когда бросали в огонь восковое изображение? Кто мог дать эту силу диаволу?

Г. де Ст. Андре (Andre), королевский врач, в своих письмах «О колдовстве», признав истинными успехи смертного заклинания, старался объяснить их истечением жизненных духов. Эти духи, по его мнению, исходя от волшебников или волшебниц и соединяясь с частицами воска и атомами огня, переходят на лицо, подвергшееся злодеянию, и производят в нем тяжелые ощущения воспаления или боли, — более или менее, смотря по силе действительного жара, от которого расплавляется изображение. Взгляд этого ученого, по моему мнению, неоснователен; лучше отвергать успех этих злодеяний, ибо если бы они были возможны, то они непонятны были бы для «физики» и могли бы быть приписаны только демону.

В истории Архиепископов Трирских находим странный рассказ о смерти Архиепископа Ебергарда, из рода Пфальцграфов Рейнских, скончавшегося в 1067 году, — вскоре после того, как он угрожал изгнать из города Иудеев, если они в назначенный срок не примут христианства. Почти в отчаянии от такого несчастия, Иудеи обратились за советом к одному клирику, который за золото сделал им восковое изображение Ебергарда. Положив его на светильне, Евреи начали нагревать в то именно время, когда Прелат начал торжественно совершать Св. Крещение. Во время этого Св. таинства восковая статуя расплавилась в половину — и Ебергард почувствовал себя чрезвычайно слабым; поспешил в ризницу, и в ней предал дух свой Богу.

Папа Иоанн XXII, в окружных посланиях в 1317 году, жаловался на то, что безбожники несколько раз покушались на его жизнь подобными средствами, — и был убежден, что только особенное покровительство Божие предохранило его от этих посягательств на его жизнь. «Мы, писал он, извещаем вас, что против Нас и некоторых Наших братий, кардиналов, возмущаются некоторые изменники, приготовляют напитки и изображения с намерением лишить Нас жизни, на которую часто покушались; но Бог Нас хранит». Дано 17 июля.

17 февраля Папа поручил некоторым доверенным лицам вести процесс против этих отравителей. По этому случаю он писал послание к Варфоломею, Епископу Фрейскому, своему преемнику по кафедре папской и Петру Тессьеру, доктору декреталий и, впоследствии, кардиналу. В послании было сказано: « До нашего сведения дошло, что Иоанн Лиможский, Яков Крабансон, Иоанн д'Адаман (d'Adamant) и

многие другие из постыдного любопытства предались некромантии и другим искусствам чародейства, о которых имеют под руками книги: употребляют магические зеркала и освященные по-ихнему изображения; а также, вращаясь на круге, часто вызывают злых духов, с целью силою чародейства посвящать смерти людей и причинять болезни, сокращающие их жизнь. Иногда они в зеркале, круге, или кольце заклинают демонов, чтобы они отвечали им на вопросы не только о прошедшем, но и будущем. Они утверждают, что они производили в этом отношении много опытов и, не колеблясь, уверяют, что они могут сокращать, удлинять или совершенно отнимать жизнь, а также причинять различные болезни не только посредством известного напитка и пищи, но и простыми словами»

22 апреля 1317 года Папа поручил исследовать затеянное против его и его кардиналов колдовство Епископу Рьецскому (в Провансе во Франции), Петру Тессьеру, Петру Деспре (Desprès) и двум другим. Поручая это дело, он сказал: «Отравители приготовили напиток, и хотели отравить им Нас и некоторых кардиналов; когда же им не удалось угостить Нас этим напитком, то они сделали восковые изображения под Нашими именами, и эти изображения заклинали чародейской формулой с тем, чтобы посвятить нас смерти, но Бог сохранил Нас, и эти три изображения в Наших руках».

Описание подобного злодеяния находим и в письме Вильгельма де Годин, кардинала, Епископа Сабинского, писанном инквизитору Каркассонскому спустя три года. В этом письме говорится: «Папа поручает тебе произвесть следствие над теми, которые: 1) приносят жертву диаволам, поклоняются им и вполне верны им потому, что дают им во свидетельство верности написанную бумагу, или что-ни будь другое; 2) и заключают с диаволами тесную дружескую связь, получают от них изображение или что-нибудь другое для заклинания диаволов, или для совершения злодеяния через вызов диавола; 3) злоупотребляя таинством крещения, изображения из воска или другого вещества крестят во время вызова диавола, или злоупотребляют священной гостией для совершения своих злодеяний. Ты поступи с ними, как с еретиками: Папа дает тебе на это полное право». Дано в Авиньоне 22 августа 1320 г.

Во время процесса против Енгеррарда (Enguerrand) де Мариньи (de Marigny), пойман был колдун врасплох в то время, как изготовлял восковые изображения Людовика и Карла Валуа: он сознался, что намерен был проколоть или расплавить эти изображения, чтобы посвятить смерти упомянутых лиц.

О графе Ругиери из Флоренцин, великом безбожнике и явном чародее, рассказывают, что в его доме была секретная комната, в которой он однажды заперся и проколол булавкой восковое изображение короля, — и, в надежде, что государь этот непременно лишится жизни вследствие совершенного расслабления, — проклял его и страшной чародейской формулой посвятил смерти.

Имели ли успех или нет эти заклинания, восковые изображения и чародейские слова, — во всяком случае, они доказывали веру в них, злое желание колдунов и боязнь, что эти заклинания могут иметь успех: в самом деле, достаточно было одного опыта открытого, чтобы колдуна все боялись.

Невежество в естествознании признавало тогда многие естественные явления природы за сверхъестественные, — и приписывали колдовству то, что может быть объяснено естественным образом.

Но если строже исследовать дело, то вместо чародейства останутся только простые отравления ядом, соединенные с суеверием и обманом. Все, что мы говорили о чародеях и чародейских формулах, о смертных посвящениях или, правильнее, заклинаниях и о волшебных изображениях — все эти рассказы не что иное, как произведения невежества и суеверия. Отъявленных негодяев, которые по злобе к соседям отравляли их самих или их домашний скот посредством ядовитых составов, невежество и суеверие считало колдунами, которые будто посредством чертовских чар могут вредить и вредят своим недругам. Если же мнимые колдуны и делали что-нибудь похожее на восковые изображения, то они так же жалко обманывались, как и те суеверы, которые боялись этих волшебных изображений, которые, как такие, не приносили никому вреда, кроме напрасной потери со стороны тех, которые занимались изделием их, и пустой тревоги со стороны суеверных и невежественных трусов.

Некоторые шарлатаны самым недобросовестным образом пользовались доверием суеверных невежд. Известно из сочинения Олая Магнуса, что Финляндцы, будучи еще в язычестве, продавали матросам ветры, т. е. дело состояло в том, что они давали им канаты с тремя узлами, уверяя, что если развяжут первый узел, то произойдет легкий ветер, благоприятный; если второй, произойдет ветер более сильный; если третий, подымется опасная буря. Таких обманов было очень много. К таким обманщикам, которые говорили, что имеют общения с нечистой силой, относится мнимый магик Гокке, которого историю мы сейчас расскажем.

Δ Δ Δ

ГЛАВА XXVII

О магике Гокке

Ле-Брюн рассказывает замечательную историю о магике Гокке, который 2 сентября 1687 тода Насским судом был приговорен к ссылке в каторгу за то, что он производил магические операции над животными и очень много умертвил их в Шампаньи. Гокке умер скоропостижно и жалким образом с отчаяния, так как он в нетрезвом виде открыл о своем таинственном искусстве морить скот одному лицу, по имени Беатрикссу: он был уверен, что демон сам умертвил бы его со злобы за то, что он рассказал об этом магическом искусстве.

Некоторые из соучастников этого несчастного впоследствии также приговорены были к ссылке в каторгу, другие из них повешены или сожжены. Все это совершалось по судебному приговору, состоявшемуся 20 октября 1691 года, который был утвержден парламентом Парижским 18 Декабря 1691 года. Из всего этого следует, что Парижский парламент признает необходимым строго наказывать колдунов, как людей вредных.

Г. Андре, придворный врач, в 6-м своем письме[1] против магии утверждает, что в упомянутой истории Гокке не было никакого ни колдовства, ни участия демона, что ядовитые снадобья, которые Гокке клал в скотские стойла и которыми он умерщвлял скот, были не что иное, как естественный ядовитый состав, который своим запахом, своими невидимыми испарениями отравлял и умерщвлял животных, а стоило только выбросить эти снадобья из стойла, или выгнать оттуда самый скот для того, чтобы предохранить от смерти этот последний. Но трудно было открыть место, где клались эти снадобья; пастухи, главные виновники зла, с величайшей предосторожностью скрывали их как можно поискуснее, потому что они знали, что открытие их стоило бы для них собственной жизни.

Кроме этого, г. Андре замечает, что эти снадобья по истечении некоторого времени теряли всю свою силу и не могли производить на скот никакого дурного действия, поэтому нужно было или заменять их новыми, или же намачивать их для того, чтобы снова приводить их в брожение. Если эти снадобья оказывали отравляющее действие вследствие участия демона, то они постоянно бы сохраняли свою силу и не было бы необходимости подновлять их и освежать, чтобы восстановлять в них прежнюю ядовитую силу.

При всех этих соображениях Андре предполагает уже несомненным, что если бы демон мог лишать животных жизни, то он делал

[1] M. de S. Andre, Lettre 6 au sujet de la Magie, etc.

бы это без всякого посредства; между тем Гокке составляет специи ядовитые и ими отравляет животных. Эти специи совсем не сверхъестественного изобретения; в них нет ничего такого, что нужно бы приписать демону, разве, в самом деле, нельзя допустить, что Гокке самому пришло в голову заняться приготовлением ядовитых специй. Приготовлять же эти специи Гокке мог придумать сам или же мог научить его этому кто-нибудь другой из негодяев, ему подобных.

Г. Андре говорит далее, что в смерти Гокке тоже же не было ничего такого, что можно было приписать демону. Его смерть, говорит он, была делом совершенно естественным: единственной причиной ее были ядовитые испарения, отделившиеся от приготовляемых специй. Замечании Андре мы считаем вполне разумными и потому ничего не прибавляем от себя.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XXVIII

Замечания о магии и волшебстве

Исчезла магия, и белая, натуральная, пользующаяся обыкновенными силами природы, и черная, сверхъестественная, духами повелевающая и celestialis et ceremonialis (небесная и волшебная) Агриппы и mundus subterraneus (подземный мир) Кирхера (изобретателя волшебного фонаря), оживлявшего золу сожженной розы пред глазами суеверных людей Шведского двора в 1657 году. Вы можете найти всю эту магию, поясненную, истолкованную и написанную не какими-нибудь каракулями, а просто Немецкими или, если вам более нравится, Французскими буквами: читайте различные Manuels de Physique amusante или, еще лучше, г-на Guyot Recreations physiques et mathematiques, эту необходимую ручную книгу всех магиков и волшебников, или целый том знаменитого Dictionnaire Encyclopedique, под заглавием Amusements des Sciences.

Мы намекнем только, что многие из приведенных и им подобных рассказов делаются необъяснимыми или по недостатку сделанных наблюдений, или по неопытности и незнанию самих наблюдателей. Если многие почтенные люди видят колдовство и влияние сверхъестественных сил в простых фокусах, делаемых в освещенных залах, при тысяче зрителей, как же не впасть им в заблуждение при каком-нибудь нечаянном явлении в тишине, ночью, в безлюдии темного леса или пустого дома, при всех обстоятельствах, умножающих и страх, и сомнение, и веру в привидения? Мы заметим в заключение, что человек всегда называет понятным и простым все, что объяснимо его рассудком, и предполагает всегда колдовство, чародейство и влияние сверхъестественного во всем, что ему неясно и непонятно. Мера его знания является в противоположности большего или меньшего распространения слова «чудо» на естественные явления. Вера в колдовство делается наконец достоянием одних посредственных умов, или бедным наследием ошибочного воспитания, тогда как светлый и образованный ум находит новые, неисчерпаемые источники в чудесах природы и науки.

Все многочисленные описания знаменитых процессов и суда над ведьмами и колдунами служат гораздо более доказательством их несуществования, ошибок века, невежества, пристрастия и фанатизма судей, чем точной опоры для суеверия. Из книги Бордосского инквизитора Деланкра (1619 года) видно, что действию диавола приписывали тогда все непонятное. Жестокие преследования, ужасные пытки и казни волшебников, развившиеся до чрезвычайной силы во времена, предшествовавшие реформации и потом, в особенности со времени знаменитой буллы Папы Иннокентия VIII и распростра-

нения мнения о близости пришествия антихриста, когда Римское духовенство причисляло к семейству диавола всех религиозных нововводителей, гнало Вальденцев, преследовало Альбигойцев и жгло так называемых протестантских колдунов (в Женеве вдруг 500) — все это, или хроника всего этого может только служить историческим доказательством несбыточности рассказов о существовании чародеев, и оправдывает разве только то мнение, что все душевные болезни, зависящие от воображения, умножаются в той мере, как усиливается внимание к рассказам о них. Вследствие этого прежние кровавые законы против волшебства заменены во всех Европейских государствах простыми полицейскими мерами, и со времени принятия этого правила начали исчезать ведьмы, колдуны, кликушки и весь сбор тех шарлатанов, которые иногда так неприязненно вмешивались в семейные отношения.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XXIX

Общие замечания

Многочисленные случаи, рассказанные автором в предыдущих главах, заимствованные большей частью из истории и засвидетельствованные иногда людьми, заслуживающими полного доверия, на первый взгляд могут показаться убедительнейшим доказательством действительного существования всех этих явлений. Сам автор, приведя такую громаду исторических фактов, рассказывая столько интересных страхов вследствие явлений разных духов, домовых, привидений и душ, по местам с большим недоверием относится к этим сказкам. Иногда он прямо говорит, что все это фантасмагории, вымыслы, обманы и т. под.; иногда же ставит рядом такие рассказы, которые противоречат совершенно один другому и набрасывают таким образом тень сомнения один на другой. К сожалению, у автора все это перемешано, перебито цитатами хроник, народных легенд, так что трудно уловить его определенный взгляд на эти рассказы: — то он сомневается, то положительно отвергает, то принимает на веру рассказы об одном и том же предмете. Напр., приводя рассказы о домовых и привидениях, одни из этих рассказов он считает несомненно истинными или, по крайней мере, не осмеливается высказывать критической оценки о них; другие рассказы в таком точно роде и характере он отвергает. Такая неопределенность со стороны автора вызвала нас сделать от себя в заключение несколько замечаний и соображений относительно всех его рассказов.

Этим замечаниям и посвящаем мы настоящую главу.

Мы не думаем вдаваться в подробный критический разбор всех по одиночке фактов и рассказов, приведенных автором, хотя это и было бы вернейшим средством пролить настоящий свет на эту темную область чудесного и сверхъестественного. Но это была бы скучная и безынтересная материя, потому что нам постоянно бы пришлось встречаться с рассказами, очень похожими друг на друга. Все эти рассказы, — не больше, не меньше, как разные вариации на одну и ту же тему. И потому при объяснении их нам естественно пришлось бы употреблять одни и те же приемы, повторять одни и те же общие естественные причины. Мы считаем совершенно достаточным коснуться только общих причин, породивших это бесчисленное множество сказаний о явлениях духов, привидений, мертвецов, в глухую полночь покидающих свои сырые могильные постели и отправляющихся путешествовать к своим родным и знакомым.

Прежде всего, является вопрос: все многочисленные явления не проделки ли ловких плутов, пользовавшихся ими для своих целей?

Не обманы ли это искусных фокусников, которые изучили хорошо некоторые особенные явления природы и придавали, в темные времена невежества, этим естественным явлениям чудесный смысл, возбуждая в умах зрителей столько суеверного ужаса, сколько в наше время какой-нибудь Пинетти или Брокко вызывали удивления к своей ловкости и своему уменью?

В этих вопросах есть доля правды. По крайней мере положительно известно, что в глубокой древности языческие храмы с их чудесными явлениями богов, подземелья с их прорицателями были полны лжи и обмана: языческие жрецы, люди образованные, обладая довольно большими знаниями по химии и физике, производили явления, известные теперь под именем простых физических опытов или, пожалуй, фокусов, и выдавали их легковерной толпе за явления силы божественной, — за чудеса. Человек смотрел на эти чудеса и, не умея объяснить их, младенчески веровал в их сверхъестественное происхождение. Здесь человек был жертвой глубоко обдуманного и ловко рассчитанного обмана, а потому неудивительно, что самые скептические люди того времени не могли устоять против него, не могли не поддаться ему. Покажут, например, при помощи простых вогнутых зеркал какую-нибудь фигуру или образ, но покажут это необыкновенным образом, когда бы человек мог только удивиться сначала, а потом мог хладнокровно подумать о причинах такого явления, или покажут это после долгих молитвенных возгласов, после сожжения бесчисленных жертв и разнообразных курений, когда экзальтированному зрителю и без того уже в этих облаках дыма, раздражающего нервы, видятся видения, слышатся какие-то особенные звуки, зависящие впрочем более от устройства храмов, чем от внутреннего настроения жалкого пациента обмана. После этого, когда явится определенная фигура, толпа падет перед нею, пораженная благоговейным страхом. Экзальтация доведена здесь до высшей степени, никакой скептический вопрос здесь не будет иметь силы. Нельзя не порадоваться, что языческое жречество не знало тех могучих сил природы, которые открыты новыми естествоиспытателями сил электричества, гальванизма и других. Сколько бы бед сделало недобросовестное жречество для тогдашнего человечества, легковерного и невежественного!

История жреческих обманов, в измененной только форме, повторилась в средние века, — в эту эпоху глубокой младенческой веры во все таинственное, сверхъестественное. В это мрачное время явился целый класс людей, известных под именем колдунов, ведьм, ворожей и прорицателей. Это были люди большей частью невежественные, но обладавшие большим запасом ловкости и изворотливости. А между тем при помощи этих драгоценных для них качеств, прикрытых самой наглой самоуверенностью, они морочили простаков с величайшим успехом. Впрочем, по причине своего совершенного невежества, эти шарлатаны не пользовались доверием людей

более или менее образованных. Зато, по временам, являлись люди, которые, обладая в совершенстве такою же ловкостью и изворотливостью, соединяли с этими качествами ум и обширные знания, особенно по наукам естественным. Такие люди приобретали громадную известность. Они пользовались именами — вызывателей теней мертвых, заклинателей темных духов. Ими даже нередко пользовалась полиция для раскрытия преступлений, в которых, нужно заметить, они были большей частью сами непосредственными участниками. В Западной Европе, особенно во Франции, в уголовных судах, в качестве сыщика нередко можно было встречать колдуна. Подобные случаи записаны в судебных протоколах, относящихся к началу XVIII века. В начале же XVI до половины XVII, колдунов тоже можно было встречать в палатах уголовных судов, только уже не в качестве сыщиков, а в качестве подсудимых, обреченных на костер или виселицу.

Если образованные люди тогдашнего общества, представители его, обращали такое серьезное внимание вообще на колунов и верили в возможность сношения их с нечистой силой, то что же сказать о необразованном большинстве? Как доверчиво оно смотрело и слушало их, и сколько под влиянием подобных людей сложилось народных легенд о заколдованных местах, о проклятых замках, где являются привидения, духи домов, мертвецы и т. под. К числу людей, усердно служивших распространению суеверий и предрассудков, можно отнести и знаменитых средневековых ученых, алхимиков и астрологов. Нельзя сказать, чтобы люди эти все без исключения обманывали из каких-либо корыстных целей, — всех их нельзя назвать недобросовестными лжецами, потому что большая часть из них слишком глубоко и искренне веровали в силу своих астрологических выкладок. Это были люди самообманутые. Они шли к истине, искали ее везде, но их слабый, еще детский ум плохо справлялся с теми тайнами, которые на каждом шагу этого поприща обильно подставляла ему природа. Средневековый ученый пугался и сбивался в области этих неразрешимых тайн: тела небесные были для него царями мира. которые правили судьбами людей, — его реторты казались ему источниками, из которых можно почерпать чудесные эликсиры, сохраняющие вечно жизнь и здоровье, претворяющие всякий металл в золото. Таинственность, какой прикрывался образ жизни этих ученых и уединенные кабинеты, загроможденные плавильными горнами, редкими растениями, засушенными чучелами, с атмосферой, пропитанной едкими испарениями от алхимических опытов, их таинственные книги, понятные только избранным, — все это распространяло в массах суеверное почтение и боязнь перед этими учеными. Да и сам ученый с его выцветшей физиономией, впалыми глазами, беспорядочной одышкой, казался для простолюдина чем-то выше обыкновенного человека, каким-то выходцем из другого мира. Досужее воображение пользовалось вся-

ким поводом, чтобы создать какой-нибудь фантастический рассказ о посещении этого ученого темной нечистой силой, о чудесах, происходивших в его одиноком, таинственном кабинете. А о смерти этих ученых всегда ходили рассказы более или менее трагического характера; здесь непременно происходила осязательная борьба между духами за душу ученого.

Таким образом, глубокая языческая древность и средние века представляют обильный источник рассказов о явлениях духов, привидений и других чудесах. Большая часть рассказов, приведенных автором в предыдущих главах, относятся именно к этой эпохе, — эпохе, богатой всякого рода чудесами, большая часть которых обязана своим происхождением совершенному невежеству с одной стороны и намеренному или ненамеренному обману — с другой. Это, можно сказать, первая и самая обыкновенная причина существования разных поверий о явлениях духов, привидений, домовых и т. под. Некоторые могут заметить: ужели все образованные люди древности — философы, ораторы и др. не могли понять обмана чувств, нелепости рассказов о духах? В том-то и дело, что ученые мужи языческой древности, ответим мы, проповедовали сами иногда чистейший вздор. Знаменитейшие мужи древности — герои, философы, поэты, законодатели, художники, несмотря на то, что в них нередко горел огонь гениальных вдохновений, находились постоянно под влиянием странных предубеждений, под гнетом мнимых таинственных деятелей. Самые выспренние порывы их ума, самый широкий размах крыльев их гения ощущали противодействие железной сети закоренелых умственных заблуждений, неразрывно скованных с их языческой религией, образом жизни, нравами и обычаями. Читайте Геродота, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Тита Ливия, Элиана, Светония и многих других, и вы найдете у этих авторов кучу рассказов о далеких странах, где живут люди с собачьими и оленьими головами, без глаз и с одной ногой, на которой скачут, а когда захотят бежать, то становятся по двое вместе и, схватившись руками, бегут, передвигая общую пару ног. По мнению тех же авторов, есть страны, где живут люди совершенно безголовые. У них же вы прочтете, что лев боится пения петуха, что рысь может видеть сквозь стену и другие непрозрачный тела, что крот совершенно слеп, что вороны, олени и попугаи живут по несколько сот и даже тысяч лет, что крокодил, для приманки добычи, подражает детскому крику, что пеликан раздирает себе грудь и кормит своих птенцов своей собственною кровью, что страус, преследуемый неприятелем, прячет голову в песок и полагает, что скрылся из виду неприятеля, потому что сам его не видит. От листочка петрушки лопается стекло, Аннибал пролагает себе путь сквозь Альпы, растворяя горы уксусом. У пастухов существовало поверье, что овца никогда не подойдет близко к тому месту, где лежит какая-либо частица волчьего трупа и что, заиграв на скрипке, струны которой сделаны из волчьих

внутренностей, можно разогнать какое угодно стадо. Мы смеемся над Демокритом, полагавшим. что люди были первоначально под формой червей и, увеличиваясь мало-помалу, совершенствовались и приняли настоящую форму. Анаксимандр производил нас из скорлупы, похожей на скорлупку каштана, которая, раскрывшись от действия теплоты, произвела на свет мужчину и женщину, распространивших род человеческий. По словам Плиния, одна знакомая ему римскас дама родила стона, потому что во время беременности часто с вниманием смотрела на этих колоссальных животных. Другая римлянка, любившая глядеть на львов, родила львенка. В позднейшее время Малье утверждал, будто бы существуют действительно морские люди, тритоны и сирены, и что эти морские дива — мужчины и женщины, не успевшие еще сбросить рыбьих хвостов. После этих замечаний нечего удивляться, что и образованные люди древности и средних веков склонны были верить всякой галиматье и иногда мололи страшную чепуху.

Впрочем, объяснять все подобные явления с этой точки зрения нельзя. Бесспорно то, что в каждом из них человек бывает обманут; но дело в том, что в первом случае он бывает жертвой обмана другого человека, и этого рода обман не может быть продолжителен, — в других же случаях он может быть обманут своими собственными чувствами, и в этом случае обман бывает слишком глубок и продолжителен; чтобы отрешиться от него, необходимо иметь большой запас умственной трезвости и твердости и научных знаний.

Относительно явлений духов, домовых, привидений и мертвецов часто приходится встречаться с такого рода доказательствами: «Я сам это собственными глазами видел, или собственными ушами слышал!», и притом часто приходится слышать это от людей почтенных, честных, не имеющих в виду никаких посторонних целей. Повидимому, против такого рода аргументации и возражать нет никакой возможности. Это особенно нужно сказать о первом доказательстве, т. е. когда человек свидетельствует, что он сам видел известное явление. Ни одно внешнее чувство не пользуется с нашей стороны таким полным доверием, как чувство зрения, и ни один внешний орган, кроме глаза, не имеет такого широкого значения в нашей внутренней жизни, в образовании наших мыслей, суждений, представлений. Значение других внешних чувств в этом процессе ограничено и сила ощущений, передаваемых ими нашему уму, значительно слабее ощущений глаза. Попадается ли, например, в темноте под руку какой-нибудь неизвестный предмет, слышатся ли уху какие-нибудь странные звуки, ощущает ли нос какой-нибудь особенный запах; но если глаз не видит этого предмета, издающего эти странные звуки и тот особенный запах, наш ум не испытывает в это время определенного впечатления. Наше ощущение в эту минуту, приятно ли оно или неприятно, во всяком случае оно есть более результат воображения, нежели действия наших внешних чувств. Ког-

да же предмет известный является нашему глазу, и является в ясных и определенных чертах, то для нас нет лучшего доказательства действительности его существования. Мы никак не можем усомниться в истинности бытия того предмета, который мы видим нашими глазами. Если наша мысль не в состоянии объяснить естественными причинами явления этого предмета, то мы скорее готовы признать здесь участие непонятной для нас или даже сверъхестественной причины, чем признать этот предмет недействительным. «Хорошо, обыкновенно говорят, толковать тому, кто ничего не видел. Как убедите меня, что я не видал того, что видел»? и т. п. Здесь, естественно, возникает вопрос: всегда ли наши глаза представляют нам вещи в их настоящем свете? Пользуясь с нашей стороны таким неограниченным доверием, не употребляют ли они во зло нашей доверенности, не обманывают ли нас?

Для решения этих вопросов необходимо поговорить об оптических обманах, обманах зрения, как одной из главных причин, поддерживающих веру в возможность чудесных явлений, в существование домовых, привидений и других неземных существ, посещающих смертный люд. И в наш скептический век нередко приходится слышать рассказы очевидцев о подобных чудесных явлениях, только теперь эти рассказы не производят уже того глубокого впечатления, какое производили они в темные времена отдаленной старины. Теперь они легко и скоро объясняются причинами и законами природы, при помощи тех важных открытий по естественным наукам, каких так много сделано в наше время. Но все-таки подобные случаи имеют важное значение. Люди, подвергающиеся оптическим обманам, в силу ли частных особенностей их зрительных органов или же по причинам, вне их находящимся, надолго сохраняют впечатление, произведенное этими обманами. Если люди, подвергавшиеся таким обманам, люди простые, неспособные силой размышления и знания разъяснять эти обманы, то их ум всегда будет находиться под гнетом суеверия, предрассудков. Да и самые образованные люди испытывают от этих обманов часто очень печальные следствия. Обманы зрения иногда могут сопровождаться расстройством умственных сил, а непременно всегда глубоким нервным потрясением. Мы нарочно сказали несколько слов об общем характере обманов зрения, чтобы показать, в какой мере они могут влиять на нашу психическую жизнь и каким богатым источником они могут служить для всякого рода суеверий.

Теперь мы займемся объяснением происхождения самых процессов оптических обманов.

Всякому известно, что большая часть духов, домовых, привидений является непременно ночью и притом не в совершенной темноте, а в полусвете, когда наш глаз может еще различать предметы только неясно, неопределенно. Пугала эти большей частью являются белыми. Местами их явлений бывают обыкновенно: кладбище,

лес, сад или вообще какое-нибудь уединенное место, огуменники, овины, задние дворы и другие нелюдные места. Таким образом, время и место слишком много благоприятствуют всякого рода оптическим иллюзиям, и если в самом человеке есть благоприятствующие условия, если, например, человек суеверен, или в болезненном состоянии, то ему никак не избежать в этом случае обмана. В таких уединенных местах мы обыкновенно не знаем хорошо расположения предметов, а наш глаз в таком полусвете не может определенно различать их, и потому с первого же взгляда предметы эти нам покажутся какими-то незнакомыми, странными. При большем усилии рассмотреть эти предметы, зрачок нашего глаза необыкновенно расширяется, чтобы собрать как можно более света, а при таком напряженном состоянии естественно, что зрительные нервы приходят в раздраженное состояние, в глазе чувствуется боль и сотрясение. От этих сотрясений в глазном нерве нам представляются все окружающие предметы тоже в каком-то неспокойном состоянии, — они колеблются, движут своими частями. Это движение предметов еще более усиливается от того обстоятельства, что в полутемноте наш глаз может хорошо различать только один цвет, цвет белый; от этого все освещенные места и черты в предметах мы видим хорошо, а черты темные, неосвещенные попеременно то являются, то исчезают для нашего глаза. Здесь заключается также и причина того, что все предметы при таком освещении нам кажутся большей частью белыми.

Представьте же себе человека суеверного, робкого, слышавшего в детстве множество рассказов о разного рода диковинках и чудесах; представьте, что этот человек поставлен в такое уединенное место, в среду таких незнакомых ему предметов. Вдруг предметы эти под белыми покровами начинают двигаться, кружиться. Воображение в эти минуты работает особенно сильно, оно дорисовывает картину: неясным чертам оно сообщает определенный образ, образ иногда в высшей степени фантастический. Испуганному зрителю, вместо могильных крестов, вместо развесистых деревьев, представятся целые сонмы живых существ, странных до уродливости, в разных положениях и одеждах, и все это снует взад и вперед, движется без цели, и постоянно меняет свои очертания, свой образ. Поневоле суеверу придет на ум, что он попал на проклятое место, где потешается нечистая сила. После того он с глубокою уверенностью и искренностью расскажет этот случай на поучение своим детям и внукам, и пойдет из рода в род предание об этом проклятом месте, предание, постоянно разрастающееся, под влиянием которого и неробкого десятка человек струсит на этом месте и ему почудятся какие-нибудь звуки, покажутся какие-нибудь чертовские чары.

Между другими особенностями нашего глаза есть одна очень замечательная, которая тоже может служить источником разного рода оптических иллюзий, особенно при болезненном состоянии орга-

низма. Особенность эта называется фосфоричностью зрительного нерва. Наблюдать обнаружение этой особенности легко при такого рода обстоятельствах: когда, например, сильно сжать глазное яблоко, или нам придется каким-нибудь нечаянным образом сильно ушибить голову, то при этом мы заметим, что от глаза отделяется свет, иногда в виде разноцветных кругов, а иногда просто в виде синеватых искр. Чтобы убедиться в том, что подобные явления, явления света, имеют причиной единственно наш глаз, и не имеют ничего соответствующего себе в действительности, для этого достаточно повторить опыт сжатия глазного яблока в совершенной темноте. Тогда мы заметим, что чем темнее комната, тем более будет блестящ круг около нашего глаза. Если такие явления бывают заметны хорошо в здоровом состоянии, то в болезненном они принимают слишком большие размеры. В горячке, например, или при болезнях желудка, кровь, устремляясь к голове, давит между прочим на сетчатую плеву глаза, т. е. на зрительный нерв, вследствие чего перед глазами больного являются большие массы света в виде разноцветных кругов. Эти круги будут постоянно двигаться и изменяться, а больное воображение составит из них самые разнообразные, самые странные картины. В минуту успокоения больной припомнит эти картины, и если он суеверен и незнаком с законами природы, то он убедительнейшим образом будет указывать, что его комната за минуту была полна духами и привидениями. Такие случаи, впрочем, могут быть и при незначительном расстройстве организма, например при совершенно легком расстройстве желудка, при случайном несварении пищи. Здесь оптические иллюзии тем опаснее, что человек чувствует себя совершенно здоровым, а между тем перед его глазами совершаются такие диковинные вещи.

Говоря об обманах зрения, нельзя упустить из виду очень важного явления, замечаемого в нашем глазе. Всякому, конечно, случалось наблюдать, что когда переходить из темной комнаты в другую, ярко освещенную, то глаза наши, пораженные внезапно большим приливом света, невольно закрываются, но и при этом перед нашими глазами продолжают мелькать те вещи, которые мы видели несколько секунд назад. Только эти вещи представляются нам не в том цвете, в каком мы их видели, а в другом. Если, например, входя из темной передней в ярко освещенный зал, ваши глаза встретили группу женщин в красноватых платьях, то, закрыв глаза, вы увидите эту группу в зеленых; голубые, например, обои зала увидите оранжевыми. Такого рода явления называются явлениями глазных спектров; те цвета, в которых нам представляются предметы по закрытии глаз, называются спектрами случайными, дополнительными. Не место здесь говорить о причинах такой особенности наших зрительных органов. Цель наша показать, как эта особенность может быть источником оптических обманов, и в какие заблуждения может впасть человек, не подозревающий в своем глазе этой предатель-

ской особенности. Общий закон этой особенности нашего глаза таков: чем более блестящ предмет, внезапно поражающий наш глаз, тем долее в глазе сохраняется спектр его. Самый близкий и самый убедительный пример у нас под руками: если посмотреть на солнце, или хоть на отражение его в воде, зеркале, то перед нашими глазами долго будет являться образ этого светила. Время, сколько может продолжаться этот обман, не для всех одинаково: для одних он может продолжаться несколько минут, для других гораздо более, а для некоторых он может повторяться целые годы. Так, например, знаменитый естествоиспытатель Бойль, посмотревши сряду несколько раз на солнце, в течение многих лет видел перед своими глазами солнечный круг. Эта разность совершенно зависит от индивидуальных особенностей человека. Как бы то ни было, с каждым из нас может повториться такого рода обстоятельство: увидавши какой-нибудь ярко освещенный предмет, например, человека, зверя, или что-либо другое, мы через несколько времени, даже ночью, в совершенной темноте, можем увидеть в нашем глазе спектр этого предмета. В этот раз предмет может явиться в другом совершенно свете, в дополнительном, так что очень трудно бывает узнать настоящую причину такого явления.

Можно было бы привести множество случаев таких, где человек был жертвой обмана, обмана своего собственного глаза, но подобными примерами и без того богаты предыдущие главы. Если бы мы имели возможность исследовать пообстоятельнее все помещенные там рассказы о разных домовых, мертвецах и привидениях, то мы бы скоро заметили, что большая часть из них имеют своей причиной иллюзии зрения, с одной стороны, и совершенное незнакомство с особенностями нашего глаза, с другой.

Мы заканчиваем наши замечания об оптических обманах, как источнике суеверных убеждений в возможности явлений привидений, домовых и других существ из отряда нечистой силы правдивым мнением естествоиспытателя Брюстера: «Наш глаз есть самое обманчивое орудие из всех внешних чувств». Повторяем, что обманы этого орудия — самые опасные обманы. Разубеждать людей, обманутых подобным образом, и притом если люди эти с ограниченными сведениями о законах природы, дело не легкое.

Объяснять, однако ж, всякого рода явления привидений одними обманами зрения, конечно, недостаточно. Но мы и не имели этого в виду. Напротив, мы думаем, что здесь на помощь обманывающему нас глазу приходят и другие наши чувства. Лучшим же помощником глазу в этом случае бывает наше ухо. Кто бывал в хорошо устроенных театрах, кто слышал искусных чревовещателей и других фокусников, тот знает, что наше ухо очень способно вдаваться в обманы самые очевидные. Обманывается оно не относительно звука, а относительно причины его. Искусно представленный на сцене гром, вой бури, плеск морских волн, так кажутся естественными, что не

видавший таких диковинок подумает, пожалуй, что перед ним на самом деле разгулялись эти буйные стихии. Подобные обманы слуха, при другой обстановке и в других размерах, так же легко могут повториться и наполнить нашу душу ужасом, как в театре они вызывали у нас удивление. Завыл ветер в трубе в темный осенний вечер, а робкому, покинутому одному в комнате ребенку кажется, что воют и свистят на чердаке тысячи тех домовых, о которых натвердила ему рассказчица-бабушка. Свистит ветер в дуло ружья, зашуршали ветви о сумку патронташа, а заблудившемуся охотнику в лесу ночью грезится, что это зеленый леший потешается, обходя ему дорогу. Шумит мельничное колесо, бурлит вода из-под ставок, а суеверному мельнику в ночной тишине слышатся какие-то особенные звуки, и думает он, что это дедушка водяной хозяйничает вокруг его мельницы. Заметим, что одни и те же звуки ночью слышатся в наших ушах совершенно иначе, нежели днем; один и тот же стук часов, скрип дверей звучит иначе в пустых комнатах, нежели в жилых. В первом случае это объясняется особенным раздражением нервов в ночное время и внутренним психическим настроением; а во втором особенным отражением звуков, зависящим от совершенной прозрачности и равномерной плотности воздуха в ночное время, по объяснению Гумбольдта. Теперь припомним, когда и где являются обыкновенно привидения, духи и проч. Ночное время — обычный час явлений домовых и привидений; нежилые дома, где жили когда-то злые господа, мельницы, где творили свои нечестивые дела колдуны-мельники — вот любимые места собраний мертвецов-вампиров. Сообразивши все это, легко понять, что все эти чудесные явления — плоды обмана наших же собственных чувств, которому слишком хорошо благоприятствуют ночное время, пустынность места, а особенно те фантастические, чудесные сказки, которые мы с такой охотой слушали во время нашего детства.

Есть места, особенно благоприятствующие обманам слуха. На море, например, на поразительном расстоянии наше ухо может различать звуки колокола, протяжного пения или музыки, так что мы будем совершенно не в состоянии определить причины этих звуков. В былые времена, при незнании законов акустики (науки о звуках), подобные явления наводили смертельный страх и тоску на суеверных моряков. Зазвонят на корабле в колокол, на другом корабле, удаленном от первого иногда за несколько десятков миль, отчетливо услышат матросы эти звуки и начнут приготовлять свои запасные белые сорочки, и тоскливо со дня на день ждут страшного урагана, повальной болезни или штиля и голодной смерти. Теперь разъяснены такие явления, а все-таки матросу жутко слышать колокольный, например, звон в открытом море, где, в минуту затишья, както особенно заунывно разносятся эти звуки.

На очень высоких горах, где воздух разрежен, происходит явление, совершенно противоположное сейчас рассказанному. Там сло-

ва людей, находящихся друг подле друга, бывают едва различаемы, звук ружейного выстрела на расстоянии каких-нибудь десяти саженей слышится не сильнее звука от разрыва бумажного мешка, надутого воздухом. Отражение звуков, обыкновенно называемое эхом, тоже не во всех местах происходит одинаково. В обыкновенной комнате без сводов оно бывает совершенно не слышно; в лесу же или между скал, где неровность поверхностей благоприятствует разнообразным отражениям звуков, эхо делается до того сложным, что в нем нельзя узнать его первоначального звука. В длинных узких коридорах самый слабый звук слышится на огромном пространстве. Все эти явления очень убедительно доказывают, как наше ухо может ошибаться насчет первоначальной причины звука, и как непонятность происхождения этих звуков может служить к образованию разнообразных нелепых представлений о говорящих привидениях, поющих мертвецах и т. п.

Наше ухо не знает покоя. При глубоком сне, покое всех органов, ухо может принимать возбуждения, под влиянием которых составляются иногда разнообразные сновидения. Причина этого находится в самом положении нашего уха. Все другие наши органы мы можем удобно изолировать от внешних возбуждений — закроем глаза, удалим предметы, действующие на наше чувство осязания, обоняния, вкуса, это все легко и удобно; но удалить звуки, действующие на наши слуховые органы, мы почти не в состоянии, на это у нас недостанет средств. Такая постоянная напряженность наших слуховых нервов бывает часто причиной того, что при внезапном переходе от большого шума к совершенной тишине нам положительно без всякой посторонней причины слышатся разные звуки, звон или что-либо другое.

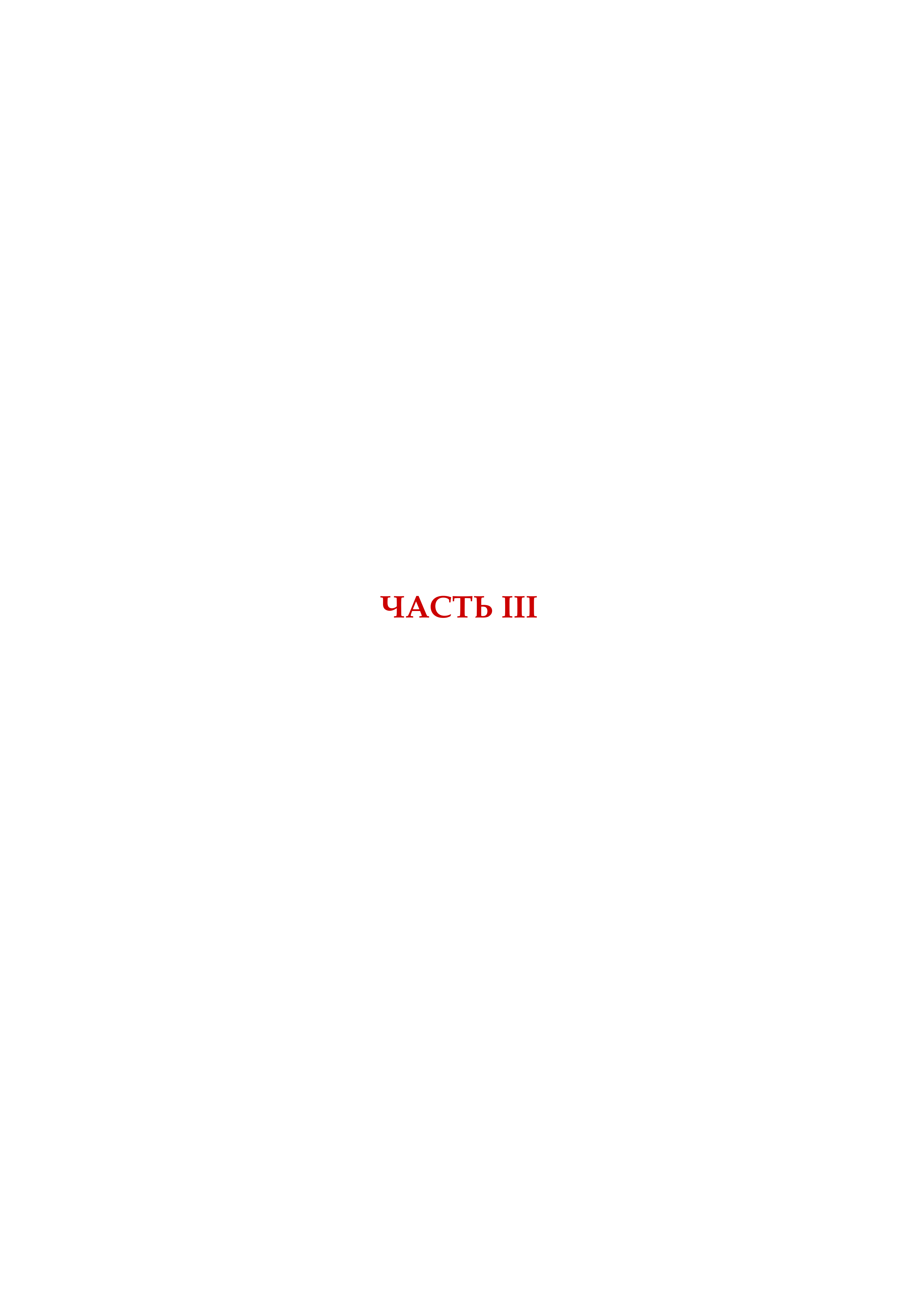
При обманах слуха, поверхностное исследование о причинах происхождения известных звуков не только не может принести пользы, разъяснить дело, но может совершенно сбить с толку и запутать исследователя. Нужен для него большой запас твердости и убеждения в том, что вокруг его не происходит ничего сверхъестественного. Часто настоящая причина звуков бывает так далека, что при одном опыте и при спокойном состоянии мысли ее совершенно найти нельзя. Мысль ищет причины и, не находя ее, все более и более поддается влиянию мечты и фантазии, создающих свои причины, творящих разные дива. При таком взволнованном состоянии самый здравомыслящий человек удобно поддается разным страхам, разным суеверным представлениям. Присоединится к этому иллюзия зрения, и готов рассказ о привидении, издающем странные нечеловеческие звуки и этим еще более наводящем ужас. При расследовании этих явлений необходимо самое невозмутимое хладнокровие, знание дела, а главное — твердое желание отыскать и исследовать причину явления. Только при таком ходе исследований можно ждать хороших результатов. Когда человек дойдет до такой степени развития,

тогда исчезнут скорее, чем от пения петуха, все эти привидения, блуждающие мертвецы, домовые и вся эта нечистая сила, смущающая робкую душу простолюдина.

Оканчивая наши замечания о разнообразных обманах внешних чувств, доставляющих человеку столько напрасной тревоги и беспокойства, считаем нужным коснуться причин другого рода, еще более поддерживающих в человеке суеверное настроение. Говоря об обманах наших внешних чувств, зрения и слуха, мы видели, что обманы эти имеют свою полную силу при обстановке известного только рода. Так, например, в театре постоянно обманывают наш слух или наше зрение, однако мы не чувствуем никакого ужаса; фокусник — какие чудеса творит перед нами, однако мы смотрим на него совершенно спокойно, с полным убеждением, что перед нами ничего не совершается сверхъестественного. Но бывают состояния, когда ни время, ни место не спасают человека от иллюзий. В жилой комнате, среди многолюдного общества, видит человек или людей давно умерших, или далеко отсутствующих, или наконец видит каких-нибудь существ совершенно фантастических. Подобные случаи не редки и притом они могут быть с людьми, не страдающими ни белой горячкой, ни помешательством ума. Это особая болезнь, известная под именем наклонности к галлюцинациям. Что эта болезнь возможна и у людей очень сильных, у натур богатых, но истощенных или слишком большими лишениями, или наоборот, истощены совершенной неумеренностью в жизни, пьянством, сладострастием. У таких субъектов подобное состояние продолжается недолго. Они обыкновенно скоро кончают жизнь или самоубийством, или в белой горячке. Гораздо продолжительнее, иногда целые годы, выносят эту болезнь люди от природы слабые, нежные, нервные, ведущие жизнь совершенно праздную. Положение таких людей в высшей степени печально. Вечно они находятся в обществе каких-то чудесных существ, нашептывающих им какие-то таинственные речи. Темнота их пугает невыразимо, малейший шорох, звук заставляет болезненно вздрагивать. Они обыкновенно скучны, молчаливы, рассеяны, потому что их внимание постоянно двоится между миром вещей действительных и существами, созданными их больным воображением, и имеющими для них все качества и свойства предметов действительных. Хорошо, если это человек образованный, который или сам поймет или поверит умному медику, что состояние его болезненное, что причины всех его видений находятся в нем самом, в раздражении его нервной системы, в ненормальном отправлении его мозга. Он может избавиться от своих идеальных друзей простыми вареньями медицинской кухни. Если же этот человек упорный суевер, объясняющий все эти явления проделками над ним нечистой силы, то это такое положение, хуже которого и представить себе невозможно. Подобная пытка бывает до того невыносима, особенно если она продолжается много лет, что люди эти, несмотря

на совершенное отсутствие в них всякого характера и решительности, часто оканчивают жизнь свою самоубийством. Впрочем, при таком состоянии трудно и ожидать более благоприятного исхода. Здесь совершенно изменяется порядок всей нашей жизнедеятельности. В ряду с действительными предметами, на которые мы смотрим, являются другие предметы и картины из далекого прошлого, сохраненные и воспроизведенные памятью, а с этим вместе являются и такие образы, которых мы положительно никогда не видели и которые созданы нашим больным воображением. Сила внутренних представлений в этих случаях бывает так велика, что человек бывает совершенно не в состоянии различать, что перед его глазами есть действительного, и что воображаемого: то и другое имеет для него положительно одинаковое значение.

Склонность к галлюцинациям, как и всякая другая болезнь, имеет свои степени. Степень, о которой мы сейчас говорили, есть самая высшая степень развития этой болезни. Низшие степени обнаружения этой болезни мы имеем возможность наблюдать постоянно. Люди, боящиеся оставаться одни в комнате, представляют самую низшую и самую обыкновенную степень этой болезни. Кроме того, болезнь эта может иметь чисто временный, случайный характер. Прием внутрь какого-нибудь сильного наркотического вещества, белены, например, опия, или наконец большой прием обыкновенной водки, производит в человеческом организме явление очень сходное с обнаружениями болезни, склонности к галлюцинациям. После таких приемов долгое время человеку действительные вещи представляются не теми, каковы они на самом деле; а его собственные представления принимаются им за действительные вещи. Люди, привыкшие к курению опиума, к употреблению водки, всегда почти живут в мире своих собственных грез, постоянно окружены существами, созданными их собственным расстроенным воображением. Весь этот призрачный мир для них кажется так осязателен, что они совершенно не в состоянии высвободиться из-под влияния его, тем более потому, что сила мысли у таких людей слабеет обыкновенно до последней степени.

ЧАСТЬ III

О ВАМПИРАХ

СОБРАНИЕ

анекдотов, рассказов, поверий и суеверий о вампирах венгерских, моравских и богемских, и о бруколаках

> Совсем непонятные или дурно понятые явления природы были источником бесчисленных суеверий и предрассудков.
>
> *Кант*

Вампиризм был результатом расстроенного воображения суеверных, которые воображали, что некоторые люди после смерти подымались из своих могил, беспокоили целые деревни, сосали кровь у своих родных и умерщвляли их. Этих — мнимых, беспокойных, ночных бродяг прокалывали насквозь, рубили и жгли, не сознавая бесчеловечности таких отношений к лицам, которые большей частью были обмершие, никогда и не думавшие беспокоить живых, поднявшись из могил, как потому, что не в состоянии были подняться из могил, так и потому, что в безотрадном состоянии обморока они ничего не думали.

Вампиры венгерские, главный предмет нашего исследования, были более или менее давно умершие люди, которые выходили из своих гробов и беспокоили живых: являлись им, высасывали у них кровь, производили в доме шум и даже причиняли смерть. Их назвали «вампирами», что по-славянски означает кровопийцу. Освобождались от сих страшных посетителей тем, что выкапывали их из земли, отсекали им головы, пробивали в сердце колом или копьем, а остатки трупа сжигали.

Много было попыток объяснить возвращение и явление вампиров. Некоторые отвергали их как фантастические бредни и объясняли все невежеством и суеверием народов тех стран, в которых они являлись.

Другие полагали, что люди эти были не действительно умершие, а погребенные заживо, а потому возвращение и явление их представляли вполне естественным. — Иные же считали их просто чудом и успокаивались.

Со своей стороны мы постараемся сперва представить читателям, что было сказано и писано об этом предмете, далее выведем отсюда некоторые следствия и укажем основания для суждения об этом предмете.

ГЛАВА I

Оживление мнимо умерших. Предание об Аристее Проконезском

Оживление некоторых лиц, которых считали умершими, тогда как на самом деле они находились только в состоянии летаргического сна; далее, пробуждение некоторых, которые опивались до такой степени, что их считали мертвыми, и которые различными медицинскими средствами, заботливостью и искусством врачей выводимы были из этого состояния, — все подобные примеры оживления не суть факты истинного оживления: лица эти не были действительно умершие, а только казались такими.

Мы приведем здесь несколько таких примеров, когда мертвые оживали спустя несколько месяцев или даже лет после их погребения, которые, если бы даже они похоронены были и живыми, в продолжение такого времени неизбежно должны были задохнуться в своих гробах и у которых, несмотря на это, находили все признаки жизни: жидкую кровь, неистлевшее тело, свежий и приятный цвет лица, гибкие и удобоподвижные члены. Эти существа днем или ночью выходили из своих гробов и беспокоили живых: высасывали у них кровь, нередко даже умерщвляли; являясь в дома своих родственников, садились за стол, делали тысячи подобных вещей и наконец снова возвращались в свои гроба, но никто не видел, как они входили туда.

Если эти ожившие были недействительно умершие, то необъяснимым в таком случае оставалось бы только то, каким образом и при каких счастливых обстоятельствах выходили они из своих гробов? Пробуждались ли они от летаргического сна или дух жизни возвращался к ним, как это бывает с теми, которые впадают вдруг в обморок, но через несколько времени, как скоро кровь и жизненная сила опять начнут свое нормальное отправление, естественным образом приходят в себя?

Но каким образом они выходят и снова входят в свои могилы, не разрывая земли и ни для кого не видимо? Возможно ли, чтобы состояние летаргии или обморока продолжалось целые годы?

Несмотря, однако ж, на это, рассказов подобного рода существовало и существует очень много. Так, например, Ориген в своей книге против Цельса[1] приводит следующий рассказ: Аристей, один из замечательнейших граждан Проконезских, пришедший однажды в дом одного ремесленника, скоропостижно умер здесь. Ремесленник, заперев дом, отправился тотчас к родственникам умершего из-

[1] Orig., Contra Celsum, Lib. I, pag. 23 et seq.

вестить их о его смерти. Молва об этом случае скоро разнеслась по всему городу. Тут случился человек из Кизика; он уверял всех, что по дороге из Кизика он только что встретился с Аристеем и говорил с ним и, следовательно, быть не может, чтобы тот умер. Родственники со знаками достоинства умершего, как это было в обычае, отправились в дом ремесленника, чтобы забрать тело покойника. Но, пришедши, в доме ни мертвого, ни живого Аристея не нашли. Через семь лет видели его в городе, потом он опять исчез. Спустя триста сорок лет явился Аристей в городе Метапонте в Сицилии и требовал от жителей устроить в городе храм Аполлону и при нем статую в честь Аристея Проконезского и при этом прибавил, что они единственные из всех народов Италии, которых Аполлон удостаивает своим присутствием и что он, который говорит теперь с ними, сам сопровождал этого бога в виде ворона. Сказав это, он исчез. Жители Метапонта, по поводу этого явления, обратились за советом к Дельфийскому оракулу и тот отвечал, что они должны следовать совету Аристея, потому что это послужит им в великую пользу. Действительно, они поставили на городской площади две статуи, Аполлону и Аристею, и обсадили их лавровыми деревьями. Статуи эти сохранились до времен Геродота[1].

ΔΔΔ

[1] Herod., Lib. IV.

ГЛАВА II

Явление одной девушки спустя семь месяцев после ее погребения. Рассказ об одной женщине, которая была вырыта живою из могилы

Флегон, вольноотпущенный Кесаря Адриана[1], в своей книге о чудесном рассказывает следующее. В Tralles'е, в Азии, известный в городе трактирщик Махатес находился в связи с одной девушкой, по имени Филиннией, дочерью Демонстрата и Харитины. В продолжение шести месяцев после ее смерти девушка эта посещала своего любовника. Кормилица этой девушки узнала ее однажды, когда она сидела в комнате Махатеса; тотчас известила об этом мать девушки, но та медлила отправиться в гостиницу. Когда же пришла туда, было уже поздно, все спали и она ничего не могла узнать. Махатес на следующее утро рассказал матери, что Филинния посещала его с известного времени каждую ночь и в доказательство справедливости показанного им представил ей золотое кольцо, полученное им от Филиннии прошедшей ночью, и ленту, которая при погребении положена была ей на грудь. Харитина, не сомневаясь более в справедливости рассказанного ей, подняла страшный вопль, но ее успокоили тем, что обещали известить, как только в следующую ночь Филинния опять явится. Когда, по обыкновению, вечером Филинния пришла, Махатес тотчас же известил об этом ее родителей, потому что он и сам уже начинал сомневаться, не была ли это какая-нибудь другая девушка, похитившая из гроба одежду его возлюбленной с целью обманывать его. Демонстрат и Харитина скоро явились и, узнавши свою дочь, бросились к ней с объятиями. Но она вскричала: «Родители! Зачем вы завидуете моему счастию и отнимаете его у меня? Три дня оставалось мне приходить в этот дом, да и вреда я никому не причиняю. Ваше любопытство дорого будет стоить вам». С этими словами она мертвою упала на постель.

Флегон, имевший в городе некоторую власть, успел успокоить сбежавшийся по этому поводу народ. Но на следующий день жители города, собравшись в театре, решили осмотреть склеп, в котором за полгода перед сим была похоронена Филинния. Осмотрев, нашли всех погребенных там из ее фамилии, но трупа девушки не оказалось; нашли же только кольцо, полученное ею от Махатеса, и позолоченный кубок, который она получила также от Махатеса вместе с кольцом. Народ отсюда обратился снова к дому Махатеса, где лежал труп. Обратились за советом к предсказателю. Тот отвечал, что труп должен быть похоронен вне города, в честь усопших должен быть

[1] Phleg., De Mirabil., T. 84 Gronov., Antiq. Graec., p. 2694.

устроен праздник, Марсу, Юпитеру и Меркурию должна быть принесена жертва и пр. Флегон в своем письме, обращаясь к тому лицу, которому писал об этом происшествии, говорит: «Если ты найдешь нужным известить об этом кесаря, уведоми о том меня, чтобы я мог прислать к тебе некоторых из тех людей, которые были очевидцами происшествия».

Вот один из самых замечательных фактов, который имеет за собой все необходимое, чтобы быть признанным за истину! Между тем, как много представляет он трудностей для понимания! Была ли эта девушка действительно умершая или ее сочли мертвой, когда она находилась в состоянии летаргии или просто сна? По-видимому, нельзя сомневаться, что она являлась в собственном теле: все обстоятельства Флегонова рассказа подтверждают это. Если признать, что она не умирала и, следовательно, все это было с ее стороны только обманом, направленным к тому, чтобы удовлетворить свою страсть к Махатесу, в таком случае рассказ не представляет ничего невероятного. Известно, на что способна сильная любовь и к чему она может побудить человека.

Тот же Флегон рассказывает, что один Сирийский солдат из войска Антиоха, убитый в сражении при Фермопилах, днем являлся в Римском стане и говорил со многими лицами.

Августин[1] рассказывает следующее: в бытность его в Милане один молодой человек постоянно был преследуем своим заимодавцем. Долг, который тот требовал от него, был, собственно, долг его отца, в это время уже умершего, и уплачен был им еще при жизни, но сын не имел об этом никакого письменного документа. Дух отца явился сыну и указал место, где лежала квитанция, из-за которой перенес он так много беспокойства.

Приведенные здесь и многие другие рассказы об умерших, возвращавшихся на некоторое время к жизни, могли бы послужить объяснением тому, каким образом вампиры венгерские, спустя довольно долгое время после их смерти, выходили из своих гробов и потом снова возвращались в них. Но при всем том остается трудным решить: 1) верен ли передаваемый рассказ; 2) могут ли эти умершие возвращаться к жизни сами собой; 3) были ли они действительно умершие, или же погребены были просто в состоянии летаргии или сна, и как бы ни объясняли их, они все-таки остаются невероятными и невозможными.

В одном из новейших сочинений рассказывается история, которая имеет много сходного с приведенным нами рассказом Флегона. — Один парижский купец обещал руку своей дочери одному из друзей, также купцу. Но в это же время другой, очень богатый чиновник, предложил свою руку этой девушке, и его действительно предпочли купцу. Брак состоялся. Но скоро молодая жена заболела, и в одном

[1] Aug., De Cura pro Mortuis.

из припадков болезни ее сочли умершей и похоронили. Первый ее жених, полагая, что она похоронена была просто в состоянии летаргии или обморока, ночью откопал тело мнимо умершей. Она действительно оказалась живой, он взял ее в свой дом и женился на ней. Потом они уехали в Англию и жили там спокойно несколько лет. Спустя десять лет они возвратились в Париж, и здесь однажды, во время прогулки, первый муж узнал свою мнимо умершую жену и начал требовать судебным путем, чтобы она возвратилась к нему. Это подало повод к большому судебному процессу. Женщина и второй ее муж говорили, что смерть уничтожила права первого брака, и обвиняли первого мужа за то, что он поспешил с ее погребением. Но видя, что дело клонится не в их пользу, они оставили родину и удалились в чужие земли, где и жили до смерти. — Эта история так необыкновенна, что с трудом верится ей. Со своей стороны, мы передаем только чужой рассказ, предоставляя читателю самому судить о его достоверности. Нельзя ли думать, что и Филинния, о которой рассказывает Флегон, погребена была живою?

ΔΔΔ

ГЛАВА III

Рассказы о вампирах моравских и венгерских

Г фон Фассимонт, советник графа Фан-Бар, рассказывал мне следующую историю. В то время, когда он по делу принца Карла, епископа Ольмюцкого и Оснабрюкского, послан был герцогом Лотарингским Леопольдом I в Моравию, там везде носился слух, будто в этой стране очень часто видели, что люди, умершие назад тому несколько времени, входили в собрание и молча садились за стол; если же они кивали головой кому из присутствующих, тот через несколько дней непременно умирал. За достоверность этого ручались ему многие лица и между прочим один старый священник, который, как сам он говорил, не раз на своем веку был свидетелем подобных происшествий. Епископы и священники этой страны обратились за советом по сему делу в Рим. Но оттуда не отвечали, считая все это пустыми бреднями и произведением фантазии. Наконец пришли к мысли выкапывать трупы тех людей, которые являлись, сжигать их и пр. Этим средством освободились от ужасных привидений, которые с сего времени появлялись уже гораздо реже. Все это передавал священник.

По поводу подобных явлений написано было одно небольшое сочинение под заглавием: «Magia posthuma», напечатанное в Ольмюце в 1706 году. Сочинение это написано Карлом Фердинандом фон Шерц и посвящено Карлу Лотарингскому, епископу Ольмюцкому и Оснабрюкскому. Автор книги приводит, между прочим, такой факт: в некоторой деревне умерла одна женщина. По совершении над ней известного церковного обряда ее, обыкновенно, похоронили. Спустя четыре дня после ее погребения жители деревни слышали большой шум и многие видели привидение, которое являлось то в образе человека, то в виде собаки и мучило людей, душило их за горло и давило в живот. Мучения были ужасные, так что испытавшие их видимо худели и обессиливали. Привидение нападало даже на животных и почти умерщвляло их, иногда связывало их друг с другом хвостами. Страшный рев, который при этом производили животные, ясно давал знать, какую боль оно причинило им. Лошади худели, как бешеные катались на спине и наконец с пеною у рта, как бы после долгой и скорой езды, пропадали. Эти бедствия для деревни продолжались несколько месяцев. Наконец жители, говорит далее автор, пришли к мысли, что эти бедствия происходят от упомянутой женщины и, выкопавши, сожгли ее, как это делали они с трупами всех умерших, которые возвращались. Автор названной книги приводит много подобных примеров и рассказывает при этом о бедствиях, какие от сего происходили.

Так напр., он рассказывает историю одного пастуха из деревни Блов в Богемии, лежащей близ города Кадама. Пастух этот после своей смерти являлся в деревне и при этом называл некоторых лиц, которые после сего непременно умирали. Жители деревни выкопали его труп и, проткнув его колом, опять зарыли. Чудовище при этом, издеваясь над своими мучителями, говорило, что оно им очень благодарно, что дали ему палку, которая будет служить ему для защиты от собак. В следующую же ночь он опять явился, перепугал многих и мучил теперь еще более, чем прежде.

После сего труп выдали палачу и тот сжег его за деревней. Мертвец ревел, как бешеный, махал руками и ногами и издал страшный крик, когда его в другой раз проткнули колом, причем из него полилось множество красной крови. Наконец труп сожгли и привидение более не являлось.

Подобным же образом поступали с умершими, которые возвращались, и в других странах. Когда выкапывали их, цвет их тела находили всегда живым и свежим, члены мягкими и удобоподвижными и никакой порчи в теле, но из гробов их выходил отвратительный запах. Автор упомянутой книги ссылается на некоторых других писателей, которые подтверждают сказанное им об этом предмете. Привидения, говорит он, особенно часто являлись в горах Шлезвигских и Моравских. Видели их днем и ночью, замечали, как принадлежащие им вещи передвигались с места на место, хотя никто их не касался. Единственное средство против этих привидений состояло в том, что отсекали им головы.

Дело при этом ведется юридически: представляют доказательства, исследуют вырытый труп, не найдутся ли в нем признаки, по которым можно бы было сказать, что это есть именно тот являвшийся и мучивший людей вампир. Признаки эти были: подвижность членов, жидкая кровь, отсутствие порчи в теле. Если все эти признаки находили, труп немедленно выдавали палачу для сожжения. Иногда, спустя три или четыре дня после таких операций над трупом, привидение снова являлось. На этом основании погребение подозрительных лиц откладывали на срок от шести до семи недель. Если они не сгнивали и члены их оставались мягкими и подвижными, как у живых, в таком случае их сжигали. Уверяют, что члены их двигались, хотя никто не касался их, а недалеко от Ольмюца, утверждает автор, видели привидение, которое бросало камнями и сильно беспокоило жителей.

ГЛАВА IV

Мертвецы венгерские, высасывавшие кровь у живых

До графа Кабрера, начальника полка Аландетти, дошел однажды очень странный слух, который однако был распространен в целом полку. Слух этот распущен был, как донесли графу, одним линейным солдатом. Солдат этот, призванный к графу, рассказывал ему следующее: однажды сидел он с хозяином за столом, вдруг вошел в комнату незнакомый человек и сел подле них за стол. Хозяин этим так был испуган, что на следующий же день умер. Но после объяснилось, что незнакомец был умерший десять лет тому назад отец хозяина и это было предвестием и причиною его смерти. Граф Кабрера решился исследовать дело и отправился с офицерами, аудитором и полковым врачом на место совершения факта. Допрашивали семейство умершего, и так как и другие жители деревни показывали то же самое, граф велел вырыть гроб и умершего нашли в таком состоянии, как будто он только что умер — с лицом свежим, как у живого. Ему отрубили голову и потом сожгли. Другой, умерший уже тридцать лет тому назад, о котором носилась молва, что он днем являлся три раза в свой дом и умертвил, высасывая кровь, в первый раз своего брата, потом сына и, наконец, слугу, — найден был в подобном же состоянии. Этому забили в виски гвозди и снова зарыли. Третьего, умершего за шесть лет перед сим, который по показанию жителей умертвил двух сыновей своих, Кабрера велел сжечь. О своих распоряжениях Кабрера сообщил главному предводителю войска, который перенес дело ко Двору. Король назначил комиссию из офицеров, аудиторов, врачей и ученых, чтобы основательнее исследовать этот редкий и необыкновенный случай.

Передавший нам этот рассказ слышал его от самого графа Кабрера во Фрейбуре в Брейсгау в 1730 г. Следующий рассказ мы берем из «Иудейских писем»: новое изд. 1738 г., письмо 137-е.

История эта засвидетельствована двумя чиновниками из Белградского суда, которым поручено было исследование дела, и одним офицером королевской армии: эти лица были очевидцами. Дело происходило в Венгрии. В начале сентября, в деревне Кизилове, отстоящей от Градиша на три дня пути, умер шестидесятидвухлетний старик. Через три дня после погребения явился он своему сыну, и попросил у него есть. Сын исполнил желание отца и он исчез. На другой же день сын рассказал соседям об этом случае. В эту ночь отец не явился, но в следующую он опять явился и потребовать есть. Неизвестно, исполнил ли сын его желание или нет, — только на другой день нашли его мертвым. В тот же день заболело пять или шесть человек из деревни и все один за другим через несколько дней умерли.

Начальник деревни послал об этом известие в Белградский суд, откуда отправлены были в деревню два чиновника для исследования дела. Королевский офицер, который и сообщил известие об этом, отправился туда же, любопытствуя фактом, о котором ему так часто приходилось слышать. Вскрыли гроба всех, которые умерли за шесть недель перед сим и доходят до гроба того старика. Открыли гроб и нашли: глаза открыты, цвет лица свежий, естественное дыхание, но неподвижен, как мертвый. Из этого заключили, что он вампир. Судья велел приткнуть его в сердце колом, потом, разложивши костер, труп сожгли. Никаких признаков вампиризма ни на трупе сына, ни в других трупах не нашли.

Мы, слава Богу, нисколько не легковерны и сознаемся, что никакое знание не может найти объяснения для этого явления. При всем том, мы не можем отвергать такой факт, который исследован и подтвержден людьми нарочито для сего отправленными и исследован юридически.

Теперь мы намерены привести один случай из 1732 г., опубликованный в 18 номере журнала «Glaneur».

В известной стране Венгерской, которая на латыни называется Oppida Heidonum, лежащей по ту сторону Тиссы, то есть между этой рекою, орошающей благословенный Токайербецирк, и Зибенбюргеном, живет народ, известный под именем Гайдуков. Народ этот верит, что известные умершие, которых называют там вампирами, высасывают кровь у живых людей, от чего эти видимо худеют, между тем как трупы этих кровопийц до того наполняются кровью, что она просачивается из тела их. Это мнение в непродолжительном времени подтверждено многими фактами, в истинности которых, по-видимому, нельзя сомневаться, если принять во внимание характер лиц, которые передают их. Мы намерены привести из этих фактов только самые замечательные. Почти за пять лет пред сим, гайдук Арнод Паол из деревни Медрегуа в Сербии, о котором говорили, что при жизни его сильно мучил вампир, умер, сломав себе шею, и через двадцать или тридцать дней после сего умертвил 4-х человек, которые были свидетелями его несчастной смерти. Через 40 дней после погребения труп его выкопали и признали за вампира, так как нашли, что тление нисколько не коснулось его тела; изо рта, глаз и носа текла совершенно свежая кровь, так что вся одежда его была окровавлена, а на теле и ногтях образовался целый слой крови. По обыкновению, его проткнули через сердце колом, причем он издал очень явственный стон и кровь сильно полилась через сделанное отверстие; потом труп сожгли. Признаки вампиризма нашли также в трупах тех четырех человек, которые были умерщвлены им, потому что все те, которые были мучимы и умерщвлены вампиром, сами делались вампирами. Арнод Паол нападал не только на людей, но и на скот, и так как люди ели мясо этих животных, то делались и сами они вампирами, так что в продолжение трех меся-

цев умерло семнадцать человек. Между ними умерла и известная Станьоска, дочь Гайдука Йотуйцо. Девушка эта ушла спать совершенно здоровой, но в полночь проснулась со страшным криком и жаловалась, что умерший за четыре пред сим недели сын Гайдука, Милло, душит ее за горло; после этого она почувствовала сильную боль в груди и через восемь дней умерла. Отправились на кладбище и между тринадцатью вырытыми трупами десять нашли в вампиризме и только три трупа умерших, кажется, от другой болезни, сгнившими. Между вампирами были Станьоска и Милло, сделавший ее вампиром. На шее девушки под правым ухом, местом, за которое, по ее словам, душил ее Милло, действительно нашли кровяное синее пятно длиною в палец. При вскрытии гроба из носа у нее полилась кровь и Флекингер, полковой хирург, при анатомировании трупа обнаружил у сердца и в грудной полости, по его выражению, очень бальзамическую кровь. Одежда на ней нисколько не сгнила; кожа и ногти совершенно свежие. Всем, которых признали вампирами, по обычаю страны, отрублены были головы и трупы сожжены. Все приведенные нами исследования над вампирами производились по всем юридическим формам и засвидетельствованы многими офицерами, находившимися при этих случаях, полковым хирургом и лучшими людьми из местных жителей. Протокол, составленный об этом деле, в конце января был отослан в королевский военный совет, откуда наряжена была военная комиссия для исследования всех этих фактов.

Подписали: Айднити (судья), Барриар, старшие из представителей Гайдуков, Баттуер, Обер-Лейтенант полка Александра Вюртембергского, Кликстенгер, хирург полка Фюрстенбургского, и три других хирурга.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА V

Мнение о вампирах автора «Иудейских писем»

Есть два средства против нелепых бредней о так называемых вампирах. Первое состоит в том, чтобы физическими причинами объяснить все чудеса вампиризма, второе — отвергнуть действительность всех историй подобного рода, и это последнее есть, без сомнения, средство вернейшее и разумнейшее. Но так как есть люди, для которых свидетельство какого-нибудь авторитетного лица может служить достаточным основанием принять за истину самый нелепый рассказ, посему необходимо прежде всего показать, как мало можно полагаться на свидетельство даже авторитетных лиц, когда дело требует научного исследования. Мы согласны, что люди действительно умирали от так называемого вампиризма. В осснование нашего мнения мы полагаем: очень возможно, чтобы в телах, погребенных даже несколько дней тому назад, была жидкая кровь. Далее — очень возможно, что вампиры, сосавшие кровь у известных людей, были только в их воображении и что страх, произведенный воображением, мог произвести настолько сильное напряжение и потрясение во всем их организме, что они умирали. Мнимые вампиры целый день овладевали их мыслями и воображением; во время сна воображение, естественно, могло произвести образ этих чудовищ и причинить такой испуг, что они или тотчас, или немного спустя умирали. Кому не случалось видеть или, по крайней мере, слышать о людях, которые умирали в минуты сильного испуга? Самая сильная радость не влечет ли за собою столь печальных последствий?

В «Лейпцигской газете»[1] случилось нам прочитать краткое содержание одной небольшой книги под заглавием: «Philosophicae & Christianae cogitationes de Vampiriis, a Joanne Christophoro Herenbergio» («Философские и Христианские рассуждения о вампирах. Соч. И. Эренберга»), где упоминается многих других сочинениях по этому предмету. Автор утверждает, что вампиры не умерщвляют людей и все рассказы об этом должны быть приписаны только больному и расстроенному воображению. Многими примерами он доказывает, что воображение может произвести очень сильные потрясения в организме. Потом он говорит о том, как в Славонии убийцам протыкали кол через сердце; такое наказание прилагали и к вампирам в том предположении, что они были виновниками смерти тех, у которых высасывали кровь. Он приводит несколько примеров этих казней в 1337 и 1347 г. Далее автор излагает мнение тех, которые

[1] Supplementum ad a. erudit., Lips., an. 1738, T. 2, p. 89. .

верили, что мертвые в своих гробах едят. Древность этого мнения он доказывает из Тертуллиана, из прибавлений к его сочинению о воскресении и из сочин. Августина De Civitat., L. VIII, c. 27 et Serm. XV De Sanctis.

Вот довольно краткое содержание сочинения Эренберга о вампирах. Приведенное им место из Тертуллиана ясно свидетельствует, что язычники ставили своим умершим пищу, и даже тем, тела которых они сжигали. Они верили, что пища служит им для подкрепления: Defunctis parentant & quidem impensissimo studio, pro moribus eorum, pro temporibus esculentorum, ut quos sentire quicquam negant, escam desiderare praesumant.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА VI

Мнение о вампирах журнала «Glaneur»

При исследовании рассказов о смерти мнимых мучеников вампиризма открываются все симптомы эпидемического фанатизма, а также и то, что впечатление, произведенное на них страхом, является главной причиной их смерти. Станьоска, дочь Гайдука Йотуйцо, легла в постель совершенно здоровая, пробудилась ночью с отчаянным воплем и жаловалась, что Милло, умерший сын Гайдука, душил ее за горло; после этого она почувствовала сильную боль в груди и на восьмой день скончалась.

Здравомыслящий легко может видеть, что в этом случае мнимый вампиризм представляет собой лишь выдумки расстроенной фантазии.

Здесь дело идет о девушке, которая пробудилась ночью и жаловалась, что ее душил вампир, но не объясняла, как ее крик мог помешать вампиру продолжать операцию. Есть основание думать, что вампир не повторял своих операций потому, что в следующие за этим ночи не отходили от ее постели и потому, что ее крики, если бы вампир вздумал мучить ее, дали бы знать об этом ухаживавшим за нею. На восьмой, однако ж, день она умерла. Ее печаль и страх, ее уныние и мучения ясно доказывали, как сильно было расстроено ее воображение.

Жители городов, страдавшие от моровой язвы, знают по опыту, что испуг многим стоит жизни. Как скоро человек почувствует самую ничтожную боль, он думает, что поражен эпидемией; это так сильно действует на него, что он серьезно может заболеть.

Если мы исследуем другой рассказ о смерти замученного вампиром, то откроются очевиднейшие доказательства того, что в этом случае главную роль играли страх и предрассудок. Умерший, через три дня после погребения, явился ночью сыну своему, потребовал ужин, поел и исчез. На другой день сын рассказал ночной факт соседям. В следующую за этим ночь отец не являлся; но на следующее утро сын найден в постели мертвым. В этом рассказе суеверие и страх очевидны. Первый раз подействовав на воображение больного, тоска не произвела надлежащего действия, но предрасположила его дух к более сильному впечатлению, что и случилось после. Замечательно, что вампир не являлся в ту ночь, накануне которой сын рассказал свой сон соседям, потому что, как по всему видно, соседи ночью находились при нем и, значит, мешали ему испугаться.

Теперь я перехожу к исследованию тех трупов, у которых кровь была жидка, борода, волосы и ногти вырастали. Из этих чудес можно выбросить три четверти и быть очень снисходительным, если ос-

тавить частицу. Всякому очень хорошо известно, что народ и даже историки, часто очень известные, преувеличивают факты, хоть сколько-нибудь выходящие из уровня обыкновенных, тогда как очень легко чисто физически объяснять причину этих фактов.

По опыту известно, что в некоторых частях земли тело может сохраняться во всей своей свежести. Это явление объясняют весьма удовлетворительно, и потому не лишним будет привести здесь один из таких фактов. В Тулузе, под монастырской церковью, в пещере сохранились тела умерших до того невредимыми, что их легко принять за тела живых, тогда как эти умершие оставили жизнь за двести до этого лет. Эти тела в костюмах своего ордена прислонены к стене стоймя. Но разительнее всего в этом случае тот факт, что тела, поставленные на другой стороне этой же пещеры, становятся добычей червей через два или три дня.

Часто приходится замечать, что у мертвых вырастают волосы, борода и ногти. Причина этого явления понятна: так как в теле остается еще немного мокрот, то нисколько не удивительно, что в безжизненных частях может некоторое время продолжаться растительность.

Жидкая кровь представляет больше трудностей для объяснения, но и для ее присутствия в теле умершего можно указать естественные основания. Если солнечный луч нагревает селитренные и серные части в почве, способной сохранять тело, то эти части, смешиваясь со свежепогребенным трупом, приводят в брожение сгустившуюся кровь и разжижают ее. Возможность такого явления доказывается опытом. Если в глиняном или стеклянном сосуде нагревать хил[1] или молоко с двумя частями дистиллированного виннокаменного масла, то белая жидкость превращается в красную потому, что соль винного камня, разжижая маслянистую часть молока, совершенно разжижает и превращает ее в род крови. Кровь, образовавшаяся в сосудах тела, менее красна и не гуще. Итак, очень естественно, что жар, возбуждая волнение в погребенном теле, производит точно такое действие, какое происходит и в вышеприведенном эксперименте, потому что соки тела и кости весьма похожи на хил, а жир и мозг суть маслянистые части этого хила. Все эти части от волнения должны принять вид крови на основании упомянутого эксперимента. После этого так называемые вампиры могут испускать из себя эту жидкость, состоящую из растворенных жирных частей, принимаемую за кровь.

---

[1] Хил или млечный сок – часть желудочной кашицы, назначенной для соединения с кровью. *Прим. переводч.*

ГЛАВА VII

Рассказ о вампирах из «Меркурия» за 1693 и 1694 годы. Предположения Голландского журнала «Glaneur» за 1733 г. № IX. Два письма о вампирах

В 1693 и 1694 годах публично объявляли, что в Польше и особенно в Польской Руси являлись днем вампиры и сосали у людей и животных кровь, которая потом во гробе текла по их губам, носу и особенно ушам, так что они плавали в крови во гробе, как часто находили их[1]. Вампиры не удовлетворялись одним лицом в доме, но мало-помалу истребляли всех, если только их не останавливали, — не отсекали у них голову или не пробивали им колом сердце. Некоторые, для охранения себя от вампиров, смешивали хлебную муку с кровью вампиров, и питавшихся хлебом, приготовленным из этой муки, вампиры не беспокоили.

Голландский «Glaneur», мало кому веривший, принимает эти факты за несомненные и истинные, потому что не имеет достаточных оснований оспаривать их. Впрочем, он утверждает, что народы, у которых являются вампиры, слишком невежественны и легковерны, так что явления, о которых идет речь, не более, как продукт их уродливой фантазии; их грубая пища — главная причина этого: питаются они большей частью только хлебом, приготовленным из овса, корней и древесной коры, и такая пища может производить только густую и испорченную кровь и вызывать в воображении мрачные представления.

Эту болезнь он сравнивает с укушением бешеной собаки, которая переает свой яд укушенному. Точно таким же образом, говорит он, и зараженные вампиризмом передают этот опасный яд тем, которые их посещают. Этим именно объясняется причина беспокойных ночей, тяжелых снов и так называемых явлений вампиров.

Если вампиры издают крик, когда в их сердце вонзают кол, то в этом нет ничего неестественного. Заключенный в сердце воздух, быстро выдавленный, необходимо производит этот звук, когда проходит через горло. Это часто бывает с трупами даже и тогда, когда до них никто не дотрагивается. Он заключает, что только помраченная унынием и суеверием фантазия может представлять, что болезнь, о которой столько было говорено, происходит через вампиров, которые будто приходили с тем, чтобы высасывать у больных последние капли крови.

Перед этим он говорит, что в 1732 г. еще известны были вампиры в Венгрии, Моравии и Турецкой Сербии; что этот феномен

---

[1] Mercury sous lè mot Styges.

очень известный, так что сомневаться в нем нечего; что многие Немецкие физики написали о нем целые томы на латинском и немецком языках; что Академии и Университеты в Германии еще и доныне рассуждают об Арноде Паоле, Станьоске, дочери Гайдука Йотуйцо, и Гайдуке Милло, которые все были пресловутыми вампирами деревн Медрегуа, в Сербии.

Далее я приведу письмо, в котором мой друг сообщает мне сведения о вампирах венгерских. Автор письма совершенно расходится во взгляде на вампиров с Голландским «Glaneur».

«Чтобы удовлетворить желанию высокопочтеннейшего Аббата Кальмета относительно вампиров, нижеподписавшийся имеет честь уверить, что ничего нет вернее, как все те рассказы судебные, которые печатаются публично в газетах и известны всей Европе. Но из всех актов г. Кальмету лучше всего обратиться, для удостоверения в действительности явлений вампиров, к актам Белградской депутации, учрежденной Е. В. Карлом VI и окончившей свое дело при Е. В. Герцоге Карле Александре Вюртембергском. Жать только, что в настоящую пору я не могу указать вам ни года, ни месяца, ни дня, потому что не имею под руками своих бумаг.

Этот Принц позволил Белградской депутации, состоявшей из офицеров и чиновников, поселиться с Генеральным аудитором Королевства в той деревне, в которой умерший вампир в течение многих лет производил ужасные опустошения между своими родственниками. Заметьте, г. Аббат, что эти кровопийцы стараются истреблять людей только в своей фамилии. Эта депутация состояла из лиц, ученость и безукоризненная нравственность которых всем известна. Все они были приведены к присяге Лейтенантом Регента Принца Александра Вюртембергского и отправились в сопровождении 24-х гренадеров.

Все знатнейшие Белградцы и сам Герцог пристали к депутации, желая быть очевидцами исследования.

Прибыв на место, узнали, что вампир, дядя 5-ти племянников и племянниц, в течение 50 дней потребовал в другую жизнь трех из них и одного из своих братьев. Он в последний раз посещал свою пятую племянницу, молодую и красивую девицу, и два раза уже сосал у нее кровь, как положили конец этим кровавым сценам.

В начале ночи депутаты отправились к могиле вампира. Рассказчик происшествия не мог определенно указать ни особенных обстоятельств, ни времени, при которых и в которое высасывалась кровь у лиц уже умерших. Молодое лицо после такого истощения было в самом жалком изнеможении, так тяжело было это мучение. Приблизившись к могиле умершего за три до этого года, увидели свет, как от лампады, впрочем не столько ясный. Когда открыли гроб, мертвец оказался как живой, глаза были полуоткрытые и блестели, сердце билось. Когда подняли тело из гроба, оно оказалось совершенно неповрежденным, хотя и не было мягкое, подвижное и гиб-

кое. Когда сердце было пробито, то из него полилась беловатая, смешанная с кровью материя, более, впрочем, крови, чем материи, без малейшего запаха; подобная же жидкость полилась, когда отрубили голову. Когда его опять положили во гроб с большим количеством извести, молодой племяннице, у которой он два раза сосал кровь, с этого часа сделалось лучше. Вампиры не избирают одного определенного места, они являются то здесь, то там, но где они поселяются, там показывается часто синеватый огонек.

Это известный факт, доказанный достоверными актами, случившийся более чем со 100 лицами, заслуживающими доверия.

Чтобы еще более удовлетворить желанию ученого Аббата Кальмета, я опишу еще обстоятельнее все, что видел собственными глазами и эти подлинные рассказы отправлю через курьера св. Урбана; я рад всякому случаю, который позволяет мне доказать г. Кальмету, что никто столько не уважает его глубокой учености, как преданнейший слуга Л. фон Белец, прежде капитан во время регенства Принца Александра Вюртембергского, а потом начальник гренадеров в регенство Барона фон Тренка».

Чтобы ничего не опустить, что может еще более пролить света на этот предмет, я приведу здесь еще одно письмо достопочтенного и благонадежного мужа о вампирах.

«Ты просишь, дорогой мой племянник, сообщить тебе верные сведения об известных мертвецах венгерских, которые отнимали у многих жизнь. Я могу сообщить тебе об этом основательные известия, потому что я много лет провел в этих странах и от природы любознателен. В жизни своей я слышал очень много рассказов о духах и привидениях, но из тысячи едва ли и одному я мог поверить; нужно быть очень осторожным, чтоб не поддаться обману. Между тем этот факт так очевиден, что я принужден ему верить. О вампирах венгерских я приведу следующий факт.

Многие, заболевшие вследствие посещения вампиров, думали, что видят белое привидение, везде следовавшее за ними. Больные теряли аппетит, худели или умирали спустя 8, 10 или 15 дней, не испытывая при этом ни лихорадочной дрожи, ни других симптомов, кроме исхудалости и истощения. Когда мы квартировали в Аннанте Темешвара Валахийского, умерли два кавалериста из компании, к которой я принадлежал. Болели многие и были бы непременно похищены смертью, если бы не воспользовались принятым здесь лекарством; именно: заставили мальчика ехать по могилам кладбища на неоседланном, весьма молодом черном жеребце и открыть могилу, в которой потом найден вампир жирный и как бы спокойно спящий. Этому мертвому перерезали горло, из которого полилась очень красная, свежая кровь. Окончив операцию, решили, что болезнь кончилась, что все больные со временем выздоровеют, как и случилось со многими из наших кавалеристов, страдавших болезнью. В это время я был комендантом компании; моего начальника и лей-

тенанта не было. Меня весьма рассердило, что корпорал воспользовался описанным обычаем без моего согласия и ведома. Я более всего хотел бы присутствовать при этой операции, между тем, должен был удовлетворяться рассказами».

Родственник этого офицера письмом от 17 октября 1746 г. уведомил меня, что его брат, в течение 20-летней службы в Венгрии строго исследовавший все рассказы о тамошних вампирах, нашел, что Венгерцы суевернее других наций, и что они приписывают чародейству все болезни, от которых страждут. Как только заподозрят умершего, что он причиняет им болезни, то, с позволения властей, вырывают мертвеца, отсекают у него топором голову, и если при этом появляется хоть капля крови, заключают, что это кровь, высосанная у больных. Написавший мне эти строки, кажется, не сочувствует этим верованиям[1].

∆ ∆ ∆

[1] Рассказы о явлениях вампиров и привидений не более как продукт невежественной фантазии народной, как доказывает сам г. Кальмет в заключении исследования. *Прим. переводч.*

ГЛАВА VIII

Саги об умерших в северных странах: Англии и Лапландии

Томас Бартолин[1] говорит: древние северные народы были убеждены, будто умершие в молодости часто являлись, облекаясь в свои тела, и приводит много примеров такого рода. К этому он прибавляет, что некоторые сражались с привидениями, которые беспокоили и оскорбляли людей, и около своих могил сажали деревья. Так, Греттеру, являвшемуся после смерти, отрубили голову; в тела других умерших вонзали колья и потом зарывали в землю[2].

Часто вырывали умерших из гробов и сжигали их. Так поступили, напр. с привидением Гардусом, которого сочли виновником всех несчастий, случившихся во время бури.

По словам Вильгельма Мальмесбюри[3], Англичане думали, что злые после смерти возвращаются в свои тела при посредстве демона, который сообщает им необходимые движения[4].

Вильгельм Нейбрижский, живший во 2-й половине 12-го века, говорил: человек, погребенный в Бервике, каждую ночь подымался из могилы и причинял большие беспокойства целому околодку. Говорят, будто он хвалился, что будет беспокоить живых до тех пор, пока не сожгут его. Для этой операции выбрали 10-ть смелых, сильных, молодых людей, которые вырыли его, изрубили на куски и сожгли на костре. Как только мертвеца вырыли, один из совершавших операцию сказал: мертвеца нельзя сжечь до тех пор, пока не будет исторгнуто у него сердце. Его предложение было принято, и мертвец, брошенный в костер, превратился в золу и не являлся более.

Впрочем, вообще древние язычники думали, что тела умерших лишены покоя и не защищены от заклинаний до тех пор, пока они не будут пожраны пламенем или не изгниют в земле[5].

Лапландцы рассказывают о многих привидениях, которые являлись тамошним народам и против их воли заставляли их говорить и есть с собою. Когда Лапландцы убеждались, что это души родственников умерших беспокоят их, то они сжигали тела умерших, думая, что только этим они могут избавиться от беспокойных. Лапландцы вообще держались того мнения, что души усопших опасны для живых до тех пор, пока они не перейдут в другие тела. Демонам и

---

[1] Bartholin, De causis, Lib. 2, cap. 2.
[2] «Nam ferro secui mox caput eius, Perfodique nocens stipite corpus».
[3] Guillaume Malmesburi, Lib. II, c. 4.
[4] «Nequam hominis cadaver post mortem Daemone agente discurrere».
[5] «Tali tua membra sepulchro / Talinus exuram Stygio cum carmine Sylvis / Ut nullos cantata magos exaudiat umbra», говорит у Лукиана колдунья к душе, которую она заклинает.

блуждающим привидениям, как думали Лапландцы, около гор, скал, озер и рек в Лапландии воздаваемо было такое же почтение, как Римляне воздавали Фавнам, лесным богам, Нимфам и Тритонам.

Таким образом, мы находим указания на умерших, которые после погребения опять возвращались к жизни, еще перед двенадцатым веком и в других странах, особенно северных[1] . Впрочем, все эти саги слишком далеки, по своему характеру, от нашего предмета; вампиры, о которых у нас идет дело, почти не имеют ничего общего со всем этим.

∆ ∆ ∆

[1] В некотором, впрочем очень далеком, отношении к вампирам стояли в язычеcкой древности Лямии и Стрижи. Лямии, по мнению древних, чудовища, похожие с виду на женщин с ослиными ногами. Они пожирал детей или сосали у них кровь. Гораций (Ars poetica 340) говорит: «Neu pransae Lamiae vivum puerum extrahat alvo». Стрижей Овидий называет страшными птицами, которые летают ночью и ищут детей с намерением умертвить их, или по крайней мере высосать у них кровь: «Carpere ddicuntur lactentia viscera rostris; / Et plenum poto sanguine guttur habent. / Est illis strigibus nomen». Замечателен в позднейшее время закон Карла Великого, относящийся отчасти к этому предмету: «Если кто, сказано в Капитулляриях Карла Великого, обольщенный диаволом, по примеру древних (язычников) убежден, что мужчина или женщина ест людей и сожигает их, употребляет в пищу сам и другим дает для этого, тот подлежит смерти» (Capitull. Caroli Magui pro partibus Saxoniae I, 6).

ГЛАВА IX

Народные поверья о пораженных громом и так называемых бруколаках. Рассказ о бруколаке на острове Мико

Некоторые полагали, что пораженные громом не истлевают. Это взгляд Закхия (Zacchias); Паре (Paré) и Комин (Comines), верившие так же в нетление пораженных громом, думали, что причина нетления пораженных громом в том, что их охватывала и проникала насквозь сера молнии и заменяла собою соль в организме.

В 1727 году, в яме, около госпиталя в Квебеке, были открыты неповрежденные тела умерших 5-20 лет до этого монахинь, у которых, несмотря на то, что они покрыты были известью, текла кровь из открытых мест.

Довольно распространено было мнение, что умершие под клятвою отца или матери часто являлись живым днем и ночью, говорили с ними, звали и беспокоили их. Лев Алляциус рассказывает много подобного рода фактов. По поводу этих явлений он, между прочим, замечает, что жители острова Хиоса, услышав в первый раз зовущий их голос, не отвечают из страха, что это дух или привидение. Если зов повторится, думают они, то это не бруколак, т. е. не привидение на их языке; если же отвечали на первый и второй зов, то привидение исчезало, но отвечавший непременно умирал.

Чтобы избавиться от злых гениев, принято было за правило: выкопать труп являвшегося или явившегося лица и по совершении известных обрядов сжечь его. После этого, думали они, явление привидения не повторится. Думали также, что умершие преступники и злодеи оставляли свои гроба, что явление их смертоносно для видевших или отвечавших им, и что демон служит их телам с тем, чтобы при их посредстве пугать живых и лишать их жизни.

Для избежания этих опасных явлений, обыкновенно сжигают или раздробляют труп преступника, или вынимают из него только сердце, или перед погребением его способствуют разложению трупа, или же отсекают голову, или наконец сквозь виски вбивают в голову большой гвоздь.

Кроме этого, Греки думают, что эти умершие ночью гуляют, приготовляют себе пищу и едят. Г. Рико в своей истории «О современном состоянии Греческой церкви» говорит о многих трупах, здоровых и красных, в жилах которых спустя сорок дней после смерти кровь была такая же свежая, как у молодых людей с сангвиническим темпераментом. Это так общеизвестно, что каждый может рассказать много подобных фактов со всеми подробностями. Г. фон Турнефор (Tournefort) приводит даже обряд выкапывания так назы-

ваемого бруколака на острове Мико (в Греческом Архипелаге), на котором был он 1-го января 1701 года. Вот его слова:

«Я был очевидцем на острове Мико ужасного поступка, совершенного над одним из тех умерших, которые, по мнению островитян, являются после погребения. Человек, о котором идет речь, островитянин, от природы угрюмый и сварливый. Он найден на поле убитым неизвестно кем и каким образом. Спустя два дня после того, как он похоронен был в городской церкви, разнесся слух, что умерший бегает ночью, входит в дома, опрокидывает посуду, гасит огонь, хватает людей за спину и т. п.

Сначала над этим смеялись, но потом дело получило серьезный характер, когда начали жаловаться и почтенные люди. Многие лица, пользовавшиеся доверием и уважением, подтверждали достоверность носившихся слухов и, без сомнения, не без причины. Даже во время совершения литургии в церкви, в которой был похоронен этот умерший, он не оставлял своих проделок и вовсе не думал исправляться. После долгих споров представителей города, священников и монахов, решили, по древнему обычаю, который не известен мне, дожидаться окончания первых девяти дней после погребения.

На десятый день после погребения в церкви, в которой похоронено было тело, совершили литургию с тем, чтобы изгнать демона, поселившегося, как все думали, в трупе. После обедни вырыли тело, чтобы совершить над ним обряд изгнания демона. Положили вынуть у мертвого сердце, и городской мясник, дряхлый и неискусный, начал с того, что вскрыл, вместо груди, брюхо и долго рылся в кишках, не находя искомого. Наконец ему сказали, что нужно разрезать диафрагму[1], и сердце наконец вынули. Труп сильно вонял, и потому закурили фимиам, но дым, смешавшись со зловонным запахом, только увеличил вонь и начал действовать на мозги окружавших труп.

Их воображению, возбужденному зрелищем, являлись видения. Думали, что тяжелый дым исходит из трупа; постоянно твердили, что в церкви бруколак, одно имя которого способно было поколебать своды церкви; многие из присутствовавших находили кровь этого несчастного свежей и красной. Мясник божился, что кровь очень тепла. Из этого заключили, что в мертвом диавол поддерживает жизнь; это заключение стояло в тесной связи с представлением о бруколаке. Очень многие клялись, что заметили, будто труп так же мягок, как и прежде, когда переносили его с поля в церковь для погребения, что, следовательно, он бруколак, о котором везде говорили. Я стоял у самого трупа и потому верно мог наблюдать; обоняние мое сильно страдало от страшной вони от трупа. На вопрос, что я думаю о покойнике, я отвечал, что считаю его обыкновенным мертвецом.

[1] Диафрагма – грудобрюшная преграда, разделяющая наше тело на две части: грудь и живот. Понятно, что мяснику мешала диафрагма отыскать сердце. *Прим. переводч.*

Желая осветить помрачившуюся их фантазию или, по крайней мере, ослабить волнение, я сказал: нет ничего удивительного, что мясник почувствовал некоторую теплоту, пошарив в истлевших уже кишках; вонь так же обыкновенна, как и от навоза, когда его разроют. Что касается до красной крови, которую можно видеть на руке мясника, — это не что другое, как зловонная нечистота.

Вопреки этому представлению, решили отправиться на морской берег и там сжечь сердце умершего, думая прекратить этим неприятные выходки бруколака, который бил людей, ломал двери, бил окна, рвал платья, опустошал кружки и бутылки. Из последнего видно, что мертвец сильно страдал от жажды. Странно только то, что дом консула, в котором мы жили, был пощажен бруколаком. Этот факт доказывает только печальное состояние умственного развития островитян. Воображение было у всех и каждого болезненно, расстроено; целые семейства оставляли свои дома и уносили постели на край города для ночлега. Наступление каждой ночи встречаемо было всеобщим плачем; даже люди благоразумные бежали из своих домов. О всеобщем предрассудке я решился не говорить ни слова и этим избежал опасности быть признанным за неверующего, а также едких насмешек. Свое поведение я оправдываю тем, что невозможно же было в самом деле объяснить всему народу его заблуждение. Думавшие, что я сомневаюсь в истинности рассказываемого факта, приходили ко мне и разубеждали меня в моем неверии. Они думали уверить меня, что умерший бруколак, свидетельством мясника и миссионера П. Рихарда, Иезуита. «Это католик, говорили они, следовательно, вы должны верить ему». Меня бы постоянно беспокоили, если бы я отверг и это столь убедительное доказательство. В каждое наступавшее утро повторялась та же комедия: нас угощали рассказами о новых проделках, в которых упражнялся мертвец, и жаловались на его беззакония.

Более заботливые думали, что для полной безопасности не исполнена существеннейшая часть обряда. По их мнению, следовало совершить обедню после того, как вынуто было сердце у несчастного. Только этой мерой предосторожности, думали они, диавол непременно был бы изгнан и, без сомнения, не воротился бы опять в труп. А так как литургией началась церемония, то диавол имел довольно времени удалиться и потом опять воротиться в тело умершего.

Несмотря эти суждения, дело, очевидно, нисколько не улучшилось. Собирались по утрам и вечерам, спорили, совершали процессии в течение трех дней и трех ночей; священники заставляли поститься; дома и двери кропили св. водою и наливали ее в уста бедного бруколака. Бывавши часто бывая в городском приказе, я всегда настаивал на том, что в благоустроенных государствах в подобных случаях приказывают ночной страже строго наблюдать за всем, что происходит в городе. Совету моему наконец последовали, и в первую же ночь схватили нескольких бродяг, которые, очевидно, при-

нимали участие в ночных беспорядках. Через два дня бродяги, когда их выпустили из тюрьмы, опять возобновили свои проделки в награду за страдание в тюрьме: опустошали кружки с вином в домах, оставленных на ночь. Граждане опять прибегали к молитве.

Однажды после совершения молитвы вбили несколько сабель в могилу умершего, которого в тот день, по просьбе родственников, выкапывали около трех или четырех раз. Бывший в это время на острове Албанец доказывал, что в подобных случаях очень нелепо со стороны христиан употреблять сабли. «Вы не видите, вы слепы! говорил он, что сабли в точке соприкосновения образуют форму креста и тем самым препятствуют диаволу выйти из трупа». Предложение просветителя не имело, однако, успеха. Бруколак нисколько не исправлялся, и потому все были в страшном смятении, не знали, как избавиться от него, как вдруг, как будто сговорившись, решили сжечь бруколака. Это, конечно, лучше, чем оставлять остров, как некоторые думали; в самом деле, многие семейства собрали свои пожитки с намерением отправиться на остров Сиру или Тину в Греческом Архипелаге.

По приказанию городских властей тело умершего перенесено было на вершину острова св. Георга, где приготовлен был большой костер из сосновых дров с тем, чтобы труп сгорал медленно. Останки этого несчастного в короткое время были пожраны пламенем. Это было 1-го января 1701 года. После этого перестали жаловаться на бруколака, говорили, что диавол ловко обманут, пели песни и ругались над диаволом.

Весь Архипелаг держался того мнения, что только мертвецов-Греков может оживлять диавол. Жители острова Санторина весьма боялись таких привидений. Жители острова Мико после того, как их мечты рассеялись, опасались преследования Турок и Тинского епископа столько же, сколько и бруколака. Дело в том, что на остров св. Георга они не пригласили ни одного священника, когда сжигали труп, из опасения, что Епископ потребует деньги за то, что они без его позволения выкопали и сожгли труп; что касается Турок, то они при первом своем нападении страшно ограбили остров и таким образом кровь невинного крестьянина была вполне отмщена. — Несмотря на все это, Греки не суевернее и не невежественнее других народов». — Этого достаточно для нашей цели из рассказа г. фон Турнефора.

ГЛАВА X

Различные системы для объяснений явления вампиров

Нет ничего удивительного, что появилось много систем для объяснения явлений вампиров после того, как эти явления произвели в мире такое глубокое впечатление.

Одни думали, что случайное восстание возможно или при посредстве души умершего, возвращающейся в тело, или при помощи диавола, сообщающего на время данному телу движение и жизнь, когда кровь сохраняет еще свою упругость и текучесть, и органы еще не совершенно разрушились.

Другие, обращавшие внимание на происшедшие от этих явлений последствия, думали, что вампиры — не действительно умершие, что в них таится пока жизненная сила, а душа временами сообщает им силу подыматься из гробов и являться людям, что они для подкрепления себя принимали пищу, высасывая кровь у своих родственников.

Не так давно в Париже издана была одна книга — сочинение профессора Парижского Медицинского Факультета Винслу (Winslou), дополненная доктором медицины Бругером: «Неизвестность признаков смерти и вред от поспешных похорон», с дополнением доктора медицины Бругера. В этом сочинении можно остановиться на замечании, что многие лица, признанные умершими и погребенные, еще долго жили, когда им вовремя подавали помощь.

В апреле 1740 года профессор Винслу защищал тезис, что эксперименты хирургии более всего другого способствуют открытию малоизвестных признаков сомнительной смерти. Далее есть много случаев, говорит Винслу, когда признаки смерти бывают очень сомнительны, и указывает при этом на лица, которые признаны умершими и погребены, но, потом спасенные, еще долго жили.

Доктор Бругер дополнил этот тезис учеными замечаниями, еще более доказывающими мнение Винслу. Мы воспользуемся только годным для нашей цели и докажем достоверными фактами[1].

---

[1] Доктор Герберт Майо (Mayo) в сочинении «Истина в народном суеверии — в письмах» объясняет вампиризм мнимой смертью и смертельным обмороком (Traumtod). Для обозначения прекращения жизненной деятельности он употребляет выражения: смертельный обморок, – смертельное исступление, или экстаз. В указанном сочинении Майо трактует (письма V, VI, VII, VIII) об экстазе и его различных формах. Он различает экстатический сон и экстатическое бодрствование. Экстаз, выражающий вообще ненормальное отношение между духом и нервной системой, имеет, по замечанию Майо (стр. 100), свои фазы или степени, соответствующие нормальному бодрствованию в естественном состоянии. Натуральный сон разделяется на три вида: – глубокий, тяжелый сон сильного изнурения; обыкновенный, здоровый, глубокий сон; и легкий, тихий сон здорового и больного: точно

так же и экстатический сон троякий: смертельный экстаз, продолжительный экстаз и начинающийся, или начальный экстаз. Но когда в экстазе все элементы достигают огромных размеров, то различия трех степеней экстатического сна и свойственные каждому из этих различий феномены увеличиваются и неизмеримо усиливаются. Майо различие между мнимой и экстатической смертью объясняет так (стр. 37): «Во многих случаях мнимой смерти действия известных смертоносных влияний ведут борьбу с жизненным принципом потому, что последний противодействует напору и силе первых, – чего не бывает при смертельном экстазе или обмороке. Смертельный экстаз или смертельное исступление есть положительное состояние – период покоя, продолжение которого может быть иногда наперед определено, хотя и непонятно. Так, иногда пациент внезапно пробуждается и совершенно выздоравливает; часто представляет собой неподвижную машину, то приходит в действие опять. Базис смертельного обморока или экстаза есть прекращение биения сердца, дыхательных функций и произвольных движений; чувство, рассудок и растительные функции организма обыкновенно прекращают свою деятельность. С этими явлениями тесно связано и прекращение телесной теплоты». На стр. 102 он описывает это так: смертельный экстаз есть образ смерти. Сердечная деятельность оканчивается, дыхание прекращается; все признаки продолжающейся чувствительности и сознания исчезают, температура тела понижается. Экстатический индивидуум совершенно похож на безжизненный труп; суставы неподвижны, все тело гибко и искривлено; к этому иногда присоединяется еще и судорожное оцепенение. Единственное средство узнать, продолжается ли жизнь, – это ожидать исхода. Тело нужно положить в умеренно теплой комнате и ускорить разложение, если настала смерть тела, или удержать жизненную искру, если она еще в теле: – при этом необходимо караулить тело постоянно. Подобные примеры о смертельном обмороке приведены д-ром Гербертом Майо на стр. 38 и след., а также примеры видений в этом состоянии на стр. 103 и 104-й, и его дальнейшие замечания о мерах к отвращению поспешных похорон на стр. 45 и 46-й. Он говорит здесь следующее: «Очень часто смертельный обморок постигает в внезапных и необъяснимых смертных случаях, подает повод к печали родных и друзей, – и в тоже время непомерная ревность родных очень легко способствует поспешному анатомированию (sektion).

Если тело не пробудится и при этом последнем счастливом способе, то из этого нисколько еще не следует, что искра жизни в нем совершенно угасла. Эта мысль слишком грустна; но из нее вытекает необходимость дозволить некроскопические исследования, если есть несомненные доказательства – для того, что жизнь совершенно угасла, – т.е. для предписаний, которые должны быть везде соблюдаемы, а также для того, чтобы представить строгую оценку исследований трупа. Великая практическая важность вопроса состоит в том, как узнать, что в теле прекратилась жизнь? Полное отсутствие обыкновенных признаков жизни недостаточно для доказательства того, что жизнь прекратилась. Тело может совершенно охладеть; пульс – прекратить свое биение; дыхание – остановиться; все движения – прекратиться; члены, вследствие судороги, могут окоченеть; сжимательные мышцы – лишиться своей эластичности; кровь при вскрытии вены может и не течь; глаза – сделаться стеклообразными, может настать частная (partielle) мертвенность (mortification), вследствие которой слышится запах мертвеца и, несмотря на все это, тело может жить. При настоящем состоянии науки единственное средство – узнать, что жизнь действительно и совершенно прекратилась, – это дождаться химического разложения, которое обнаруживается в перемене краски, в синеве и зеленоватости на полости брюха и передних частей шеи и в одновременном трупового запахе».

Чтобы перейти от этих замечаний к вампиризму, д-р Герберт Майо объясняет его, с одной стороны, обмороком, который признан у него эпидемическим в известные времена и в известных местностях (напр. 47 и след. стр.), с другой стороны – психическим фактом, и притом в связи со смертельным экстазом. Он старается доказать, что дух или душа одного человека по естественному течению вещей и по известным физиологическим законам входит в непосредственную связь с духом другого индивидуума живого. В отношении к известным духовным признакам (стр. 79) смерти, – вследствие которых, напр,

Иоанн Дунс Скотт, прозванный D o c t o r s u b t i l i s, имел несчастье быть заживо погребенным в Кельне. Спустя несколько времени, открыв гроб его, увидели, что он изгрыз руки. Равным образом Император Зенон был изъят из гроба уже тогда, когда стражи услышали несколько раз внятно повторенный голос. Ланцизи, знаменитый врач Климента XI (папы), говорит, как очевидец, что в то время, как он писал, было еще в живых одно знаменитое лицо, которое ожило уже то время, как отпевали панихиду.

Петр Закхий (Zacchias), другой знаменитый Римский врач, говорит: в Свято-Духовском госпитале заболевший от холеры юноша так ослабел, что его сочли мертвым. Когда же этого мнимого мертвеца вместе с другими несли к р. Тибру, он начал обнаруживать признаки жизни; его возвратили в госпиталь, где он и выздоровел. Спустя несколько дней он опять так ослабел, что никто уже не сомневался в его смерти. На этот раз его положили вместе с другими, назначенными для погребения. Он и в этот раз ожил, — и жил еще и во время Закхия, по словам последнего.

Рассказывают, что 40-летний Виллиам Фокслей[1], уснувший 17 апреля 1546 года, проспал, без всякой болезни, 14 суток. Он думал, что он спал одну только ночь, и только тогда убедился, что действительно долго спал, когда ему указали на строение, которое начали строить перед его сном и которое было уже окончено при его пробуждении. Говорят также, что во время Григория II-го ученик в Любеке проспал семь лет сряду. Лилий Геральд[2] говорит, что один крестьянин проспал всю осень и зиму[3].

умерший уведомляет друга о своей кончине, – мы можем принять, что кончина одного человека через спиритуальный (spirituelle) мир отражает лучи света на один пассивно расположенный индивидуум или одновременно на два индивидуума, если только они в прямом отношении – друг к другу, подобно тому, как две башни церкви мгновенно освещаются молнией, которая в то же время нисколько не освещает темноты сводов, лежащих под башнями. Этот принцип годится и для объяснения посещений вампиров. Душа погребенного человека вступает в общение, как мы должны принять, с духом своего друга, а после этого на явление умершего нужно смотреть, как на обман чувств. Может быть, посещение умершего есть инстинктивное стремление его обратить внимание на продолжающуюся его жизнь во гробе. С этой точки зрения не суеверием, но осмотрительностью было бы, если бы каждый, кому являются во сне умершие его знакомые, поспешил исследовать состояние умершего во гробе. Таков взгляд доктора Герберта Майо. *Примеч. Немецкого переводч.*

[1] Larrey dans Henri VII, roi d'Angleterre, p. 536.
[2] Lilius Giraldus, Hist. Poet. Dialog. 8.
[3] При настоящем состоянии науки причины такого продолжительного сна, как семилетний, совершенно необъянимы. Но того, что положительный сон возможен, нельзя отвергать. *Примеч. переводч.*

ГЛАВА XI

Заживо погребенные и утонувшие, признанные мертвыми, — которые опять ожили

Плутарх говорит: «С высоты упал человек, которого потому сочли мертвым, несмотря на то, что в нем не видно было никаких повреждений. По истечении трех дней его хотели похоронить, но он ожил». Асклепиад[1], встретившись с большой погребальной процессией, попросил позволить ему посмотреть умершего и, прикоснувшись к нему, заметил в нем еще признаки жизни, возвратил ему жизнь при пособии лекарств и передал его родителям.

Есть много рассказов о людях, которые были погребены, но опять возвратились к жизни и долго жили в добром здоровьи. Мы укажем несколько примеров. Так, в Орлеане[2] умерла и была погребена женщина с кольцом на пальце, которое напрасно старались снять. В следующую ночь служитель, рассчитывая на барыш, отправился на кладбище, разрыл яму, открыл гроб и, не могши снять кольца, хотел отрубить палец. Мнимая умершая громко закричала; служитель, страшно испуганный криком, бросился бежать, а она поднялась из гроба, возвратилась в дом и долго жила после этого со своим мужем.

Бенард, магистр хирургии в Париже, говорил, что, когда он был со своим отцом на церковном кладбище, вынули из гроба монаха-францисканца, за три или четыре дня перед этим погребенного: связка, которой перевязаны были руки, изгрызена, — и монах скончался в то самое мгновение, как вдохнул в себя воздух.

Многим известна история жены одного советника в Кельне, погребенной в 1571 году с дорогим кольцом на руке[3]. В следующую ночь гробокопатель открыл гроб с намерением украсть кольцо; но умершая схватила его за руку и заставила его вытащить ее из могилы. Вор постарался высвободиться из ее рук и бросился бежать. Ожившая постучала в дверь своего дома. Приняв ее за привидение, ее заставили долго стоять на холоде у двери; наконец отперли дверь, ввели ожившую в дом и согрели; после этого она выздоровела, долго жила и родила трех сыновей, которые посвятили себя служению церкви. Этот факт изображен в виде картины на ее надгробии и описан немецкими стихами.

---

[1] Cels., Lib. II, c. 6.
[2] Le P. le Clerc, Ci-devant Principal du College de Louis le Grand.
[3] Mission. Voyage d’Italie, T. I, lettre 5; Goulard, des Hist.admirables et memorables, imprimé a Geneve en 1678.

Во время жестокой моровой язвы в Дижоне, в 1558 г., одну женщину, по прозванию Лентилье, сочли умершею от язвы и бросили в большую яму, в которой погребены были и другие умершие. В следующий после погребения день. Лентилье (Lentillet) ожила и сделала несколько попыток выйти из ямы, но труды были напрасны, ее слабость и тяжесть других тел, взваленных на нее, препятствовали ей достигнуть желаемого. Так пролежала она четыре дня на этой страшной постели. Наконец гробокопатели вытащили ее из ямы и возвратили в дом, где она совершенно выздоровела.

Девушка из Аугсбурга так ослабла, что ее сочли умершею[1] и похоронили в глубоком подвале, вход в который был заложен кирпичом. По истечении нескольких лет, когда один из родственников этой девушки умер, открыли пещеру и у входа в нее увидели лежащее тело девушки, весьма крепкое и неповрежденное, только без пальцев на правой руке, изгрызенных в отчаянии.

15 июля 1688 года в Меце скончался парикмахер от удара, последовавшего к вечеру; 18-го того же месяца послышался крик умершего; 19-го повторился крик несколько раз; вследствие этого открыли гроб, и врачи и хирурги исследовали труп. Врачи объяснили, что за два часа до этого умерший был еще жив. Этот факт заимствован из манускрипта современника, Мецкого гражданина[2].

Теперь мы приведем примеры утопших, казавшихся совершенно мертвыми, но потом оживших.

Пеклин рассказывает факт, случившийся в Тронингальме (Trouinghalm) в Швеции, с садовником, который жил еще во времена Пеклина и, как последний писал, имел от роду 56 лет. Этот садовник, стоя на льду, хотел оказать помощь упавшему в воду, но лед проломился под ним, и он стремглав полетел под лед и увяз в грязи ногами на два аршина под водою. В таком положении он пробыл в воде 16 часов и лишился чувств, только звон колоколов в Стокгольме и вода, проникавшая в его тело не только через рот, но и через уши, напоминали ему о жизни. По истечении 16 часов его наконец нашли и вытащили киркой из воды, завернули в сукно, положили при огне и натирали до тех пор, пока он не ожил. Король и королева приезжали посмотреть на него, говорили с ним и назначили ему годовое жалованье.

В этой же стране женщина, пробыв три дня в воде, точно таким же образом, как и садовник, была спасена от смерти. Утонувший 17-летний юноша вытащен из воды по истечении семи недель, согрет и возвращен к жизни.

Г. д'Егли (d'Egly), член королевской академии надписей и изящных наук в Париже, говорит, что Швейцарец, искусный водолаз, отправился на рыбную ловлю и утонул в реке, где и пробыл около девяти часов. Наконец его вытащили из воды киркой, которой ра-

---

[1] Graffe, Epitre à Guill. Fabri, Centur, 2 Observ. Chirurg., observ. 96.

[2] Guill. Derham, Extrait. Peclin., c. X de aere & alim.

нили его неосторожно в нескольких местах. Г. д'Егли, заметив, что из уст утопшего льется теплая еще вода, сказал, что водолаз еще жив. Около трех четвертей часа лилась из него вода. Когда истечение воды кончилось, мнимо умершего покрыли теплым холстом, положили в постель, пустили кровь и таким образом спасли от смерти.

И много есть других рассказов об утопленниках, и долгое время лежавших в воде, но потом оживших и совершенно выздоровевших. Во второй части упомянутого уже сочинения д-ра Бругера, автор упоминается о лицах, из которых одни пробыли в воде 48 часов, другие три дня, а некоторые восемь дней. Здесь же он говорит о водяных насекомых, которые в течение всей зимы находятся в воде и в иле, не обнаруживая ни малейших признаков жизни; то же говорит он о лягушках и жабах. Муравьи подвергаются на зиму смертельному состоянию, которое кончается с началом весны. Ласточки северных стран на зиму часто скрываются в озерах, прудах, реках, морях, в песке и дуплах деревьев и стенах, тогда как другие ласточки летают над морем, тобы отыскать более теплый климат.

То же случалось с ласточками в Богемии, Польше и Силезии, где также часто ловили и мертвых фазанов, которых было очень много около Женевы и Меца в 1467 г.

Здесь также можно упомянуть о перепелах и дятлах; воробьи и кукушки, во время зимы в древесных дуплах окоченелые и безжизненные, к весне согреваются и начинают летать. Известно, что еж, сурок, сонная белка и змея в течение зимы лежат бездыханно под землею; самое обращение крови у них слишком слабо. Говорят также, что медведь почти всю зиму спит.

Опытные врачи утверждают[1], что женщина в родах может пролежать бездыханною 30 дней, несмотря на то, что в ней еще таится искра жизни. Я знал одну почтенную даму, которая в продолжение 36 часов не обнаруживала никаких признаков жизни. Все показывало, что она умерла, и ее хотели погребать; только муж не согласился. Через 36 часов она пробудилась и долго еще жила. После она рассказывала, что слышала все, что говорили о ней; знала даже, что ее хотели погребать; но так была слаба, что не могла ничего сказать и беспрекословно подчинялась тому, что с ней делали.

Корнелий (Corneille) ле Брюн (le Bruyn) в своих путевых записках говорит[2], что в Дамиетте, в Египте, он видел турка, называемого «мертвым ребенком», потому что его мать, будучи беременна им, так сильно ослабела, что ее сочли мертвой и, по тамошнему обычаю, по которому покойников погребают сейчас же после их смерти, весьма скоро ее положили в пещере — фамильной гробнице турка.

Вечером, спустя несколько часов после погребения жены, муж ее припомнил, что жена его умерла беременною и что дитя может

---

[1] Le Clerc, Hist. de la Mèdecine.

[2] Corneille le Bruyn, T. I, p. 579.

быть еще живо, и открыл гроб, где он увидел мертвую жену и живого ребенка, которым умершая разрешилась. Некоторые сказывали, будто слышали даже крик ребенка, что побудило отца раскопать могилу. Этот «мертвый ребенок» жил еще в 1677 г. Ле Брюн думает, что мать уже мертвая родила ребенка. Но, будучи мертвой, она не могла разрешиться от бремени. Нужно только припомнить, что в Египте жены, по свидетельству древних и новых, весьма легко рождают, а эта женщина, будучи положена в пещере, не была засыпана землею.

В Страсбурге мнимо умершая беременная женщина была положена в подвале. Спустя несколько времени, открыв гроб, чтобы положить другой труп, увидели, что беременная лежала на земле подле гроба и держала в руках рожденного ею молодого ребенка, ручки которого были во рту матери, которая, как видно, хотела изгрызть их.

В Испании жена Франца Ареваля Суассе (Suasse)[1], впавшая в смертельный обморок в последние дни своей беременности, была предана земле под церковью; подозревая жизнь в умершей жене, муж просил раскопать могилу и, едва открыли могилу, как раздался крик ребенка, который старался вырваться из материнских недр; он был извлечен оттуда и долго жил под именем дитяти земли. Впоследствии он был Статпальтером провинции Хереса, на границе Испании.

Можно привести было бы бесчисленное множество примеров заживо погребенных или оживших в то время, как их хотели погребать, или оживших во гробе и случайно высвободившихся из него.

В этом отношении можно рекомендовать сочинение Винслу и Бругера, а также других писателей, специалистов по этому предмету[2]. Эти врачи из всех фактов вывели весьма умное заключение: «Нужно погребать умерших в таком только случае, когда об их смерти мы имеем самые основательные доказательства. Это особенно нужно соблюдать во время эпидемий и таких болезней, которые внезапно отнимают у человека движения и чувства».

Из приведенных примеров можно также заключить, что вампиры в Венгрии, Моравии, Польше и других местах не действительно умершие; они жили во гробах, но без движения и чувств; их свежая и красная кровь, мягкость членов, крик, издаваемый ими в то время, когда пробивали им голову или сердце, все это доказывает, что они были еще живы.

Впрочем, не в этом главная трудность, занимающая нас, а в том, каким образом вампиры подымаются из гробов своих и как возвращаются назад незаметно для других, как разрывают землю и открывают свои гроба, каким образом являются в своих платьях, как видят, ходят и едят? Почему они возвращаются в свои гроба? Если

---

[1] Saspard Beies, Campus Elysius jucund.
[2] Pag. 167 des additions de Bruhier.

возвращаются в свои могилы, то как засыпают их землею так искусно, что нельзя потом заметить и признаков их выхода из гробов? Почему вампиры не остаются с живыми? Почему они сосут кровь у своих родственников? Зачем мучают и беспокоят дорогих сердцу их лиц, тем более, что эти лица ничем не оскорбили их? Не есть ли это только фантазия тех, которые беспокоились о своих родственниках умерших? Почему они опять не являются и никого не беспокоят более, когда их сожгут? Успокаивается ли воображение живых суеверов после этих экзекуций? Как объяснить, что эти сцены так часто повторялись в Венгрии, Моравии и других странах, что это суеверие не ослаблялось, а с каждым днем увеличивалось и усиливалось, как доказано?

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XII

Мертвые, хрюкавшие в гробах как свиньи и грызшие свое тело

В Германии весьма распространено было мнение, что некоторые мертвецы хрюкают в гробах, как свиньи, и едят все, что им попадает в рот.

Немецкий писатель Михаэль Рофф (Rauff) написал[1] сочинение под названием «De Masticatione mortuorum in tumulis». Принимая как несомненно верный тот факт, что некоторые мертвецы в гробах едят холст и все прочее, и даже собственное тело, он замечает[2], что в некоторых местах Германии мертвецам в гробах кладут в рот медную монетку и камень или земляные глыбы под бороду, а также завязывают рот, чтобы воспрепятствовать хрюканью. Автор ссылается на многих Немецких писателей, упоминавших об этом смешном обычае, а также указывает на таких, которые говорили об умерших, которые, будто, ели свое тело во гробах. Это сочинение появилось в Лейпциге в 1728 г. Автор этого сочинения упоминает о Филиппе Рерие (Rehrius), который будто написал в 1679 г. сочинение под тем же заглавием: «De Masticatione mortuorum».

Он мог бы привесть здесь еще рассказ о заживо погребенном графе Генрихе Сальме[3]. В следующую после погребения ночь в монастырской церкви, в которой граф был погребен, послышался громкий крик и, когда открыли гроб, то нашли графа лежащим ниц лицом во гробе.

За несколько лет до этого в Барледуке (Bar-le-Duc) погребенный, ожив во гробе, начал просить о помощи и, когда на другой день открыли могилу, то просивший помощи оказался мертвым, но изгрызенная им рука доказывала, что он умер во гробе. Этот факт рассказан очевидцами. Погребенный был, как говорится, только мертвецки пьян, но не действительно умерший. Рофф упоминает об одной женщине в Богемии[4], съевшей половину своего покрывала во гробе в 1345 г. Во время Лютера заживо погребенная и заживо погребенный съели свои кишки.

Все же рассказы о том, что мертвые, как свиньи, хрюкают во гробах и едят, не более как пустые басни, основанные на нелепых предрассудках и суевериях.

---

[1] Mich. Rauff, Altera Dissert., Art. LVII, p, 98, 99 et Art. LIX, p. 100.
[2] De nummis in ore defunctorum repertis, Art. IX à Beyermuller, &c.
[3] Richer, Senon., Tom III. Spicileg. Dacherii, p. 392.
[4] Rauff, Art. XLII, p. 43.

ГЛАВА XIII

Вампир в Венгрии

Рофф приводит замечательнейший пример[1] о Петре Плогойовице (Plogojowitz), жителе Венгерской деревни Кизаловы. Петр в течение 14 дней после погребения являлся во сне некоторым жителям деревни и так сильно душил их, что они от этого скончались в 24 часа. В продолжение 8 дней он отнял жизнь у 9-ти человек.

Вдова Плогойовица рассказывала, будто к ней явился умерший муж и требовал своей обуви, и этим так напугал ее, что она решилась оставить Кизалов.

Эти обстоятельства побудили жителей Кизалова вырыть и сжечь труп Петра, чтобы избавиться от мучений. Прежде, однако ж, они обратились с просьбой о разрешении вырыть труп Петра Плогойовица к Королевскому Штаттгальтеру в Градише, что в Венгрии, и к приходскому священнику. Но как тот, так и другой отказали просителям; последние объяснили отказ по-своему: «Если, рассуждалп они, нам не позволяют вырыть труп этого человека, то, значит, он вампир, и нам приходится оставить деревню».

Видя, что жителей не могут остановить ни увещания, ни угрозы, Штаттгальтер сам явился из Градиша и вместе с священником присутствовал при выкапывании трупа. Когда открыли гроб, то тело оказалось цело и неповрежденно, только оконечность носа несколько высохла, от тела вовсе не было дурного запаха, и умерший скорее походил на спящего, чем на мертвеца; борода и волосы выросли; вместо отпавших ногтей выросли новые, под мертвою, бледною кожей явилась другая, свежая, как у живого, руки и ноги были совершенно здоровы. На устах заметна была свежая кровь, которую этот вампир, по суеверному убеждению народа, сосал у умерщвленных им.

Штаттгальтер и священник строго исследовали дело, и когда присутствовавший при этом народ страшно волновался и доказывал, что Петр был виновником смерти их соседей, не осмелились отказать желанию народа пробить грудь мертвеца колом; из раны полилась свежая, чистая кровь, а также изо рта и носа. Крестьяне бросили труп на костер и превратили в золу.

Рофф[2], у которого мы заимствуем эти рассказы, цитирует многих писателей, изучавших этот предмет, и приводит рассказы об умерших, которые будто ели во гробах. Особенно он цитирует Гавриила Рзаксинокки (Rsacsinocki).

---

[1] Rauff, Art. XII, p. 15.
[2] Rauff, Art. XI, p. 14.

Все писавшие об этом объясняли эти явления различно. Одни считали их чудом; другие смотрели на них, как на произведения фантазии и суеверия; третьи признавали их за простые и естественные явления на том основании, что вампиры не были мертвые и естественным образом влияли на другие тела. Четвертые считали все это действием диавола. Из числа последних некоторые утверждали[1], что не мертвые едят свое тело или платье, а змеи, ужи, кроты, рыси и другие кровожадные и прожорливые животные, а также известные у язычников Стрижи[2], т. е. птицы, которые едят животных и людей и сосут у них кровь. Некоторые, наконец, думали, что это бывает главным образом с женщинами, особенно во время моровой язвы. Между тем вампиры — обоего пола и преимущественно мужского. Умершие от моровой язвы, яда, бешенства и эпидемических болезней, удобнее оживают, вероятно потому, что их кровь труднее сгущается и потому, что часто только обмерших в эпидемии скоро погребают, чтобы не заразиться от них, если их не скоро погребать.

Говорят еще, что вампиры известны только в некоторых странах, как-то: в Венгрии, Моравии, Силезии, где эти болезни более обыкновенны, и люди, питаясь дурною пищею, под влиянием климата и пищи, суеверного воображения и страха предрасполагают себя к этому и подвергаются еще более опасным болезням; ибо страх и воображение, как доказывает ежедневный опыт, производят опасные болезни и могут усиливать их.

∆ ∆ ∆

---

[1] Rudig., Physio. Dur. Lib. I, c. 4; Theophrast Paracels.; Georg Agricola, De Anim. Subterran., p. 76.

[2] Ovid., Lib. VI. Vide Delrio, Disquisit. Magic., Lib. I, p. 6 et Lib.III, p. 355.

ГЛАВА XIV

Действительно ли вампиры мертвые?

Некоторые считают рассказы о вампирах делом фантазии, обольщения или болезни, известной еще со времен древних греков под названием φρενῖτις, или сумасшествие (Tobsucht) и при помощи ее хотят все явления вампиризма объяснить. Но они не объясняют, каким образом эта болезнь мозга может производить те реальные действия, какие рассказываются? Каким образом люди могут вдруг поверить, что они видели то, чего никогда не было, и в короткое время умирают от болезни собственного воображения, которое открывает им, что такой-то вампир невредим, полнокровен и живет после смерти во гробе? Как объяснить, что в целом народе не найдется ни одного человека со здравым рассудком, который бы возвысился над ослеплением?

Если эти мыслители нисколько не хотят верить рассказам о явлениях и поведении вампиров, то они напрасно писали целые системы для объяснения того, что существует только в фантазии некоторых, зараженных предрассудками; если же все или, по крайней мере, часть из рассказываемого признать верным, в таком случае эти системы не успокоят умов, которые требуют более основательных доказательств.

Мы исследуем вопрос о том, основательна ли на самом деле система, предполагающая, что вампиры не действительно мертвые. Смерть есть отделение души от тела; душа бессмертна, а тело, по отделении от души, некоторое время остается нетленным, потом мало-помалу, через несколько дней или в течение долгого времени, истлевает. Иногда оно остается нетленным в течение целых столетий, или вследствие крепкого телосложения, как напр. у Александра Великого, остававшегося нетленным в течение многих лет[1], или вследствие бальзамирования, или от свойства почвы, где погребено тело, которая, вследствие своей сухости и плотности, не пропускает никакой жидкости и таким образом удаляет главную причину тления. Всех этих причин нетленности нет нужды доказывать, они достаточно известны каждому.

Иногда тело, не мертвое и не бездушное, представляется мертвым и бездыханным или, по крайней мере, совершает такие медленные движения и так слабо дышит, что ни движений, ни дыхания нельзя заметить, как это бывает при истощении и бессилии в известных, свойственных женскому полу, болезнях и экстазе.

---

[1] Плутарх, в Жизни Александра.

Такого рода примеров можно привести очень много. Плиний упоминает[1] о многих оживших. Напр. он упоминает о юноше, который спал непробудно в течение 40 лет. Философ Епименид спал в пещере, по мнению одних, 40 или 47, а по мнению других — 57 лет. Как бы то ни было, но душа этого философа свободно могла оставить тело и потом опять возвратиться в него. То же говорят и об Аристее с острова Марморы, что в Мраморном море. Мы охотно соглашаемся, что все это — басни, но не можем отвергать того, что некоторые оживали после мнимой смерти через 5, 6, 7, 4 дня. Плиний упоминает о многих умерших, которые оживали после погребения, только он хотел об этом рассуждать, потому что, как он сам замечает, он повествует о естественных явлениях, а не о чудесах.

Плутарх говорит, что Теспезий, упав с кровли, лишился жизни, но на третий день по непонятной причине ожил.

Августин упоминает об одном Каламском священнике, Преституте, который до того поражен был рыданием плачущих[2], что впал в исступление; он ничего не чувствовал и не дышал, тело его жгли и кололи, но оно было бесчувственно, его душа была так занята рыданием, что ничего более не воспринимала[3].

Мужчины и женщины, впадавшие в экстаз, оставались иногда продолжительное время без пищи, дыхания и сердцебиения, как мертвые. Знаменитый аскет Таулер утверждает, что экстатическое состояние может продолжаться непрерывно неделю, месяц и даже год. Одна аббатиса в экстазе (Verzückung) лишилась естественных функций и в этом состоянии оставалась 30 дней кряду без пищи и чувств. В изнеможении, в бессилии душа не обнаруживает своей деятельности, хотя и остается в теле и живит его[4].

---

[1] Plin., Hist. natur., VII, 52.

[2] Plutarch., De sera numinis vindicta.

[3] August., Lib. XIV De Civitate Dei, cap. 24.

[4] Калмет хочет доказать здесь, что рассказы о вампирах не произведения одной фантазии, а имеют реальное основание в том, что часто мнимо умерших считают действительно умершими и потом вампирами.

ГЛАВА XV

Экстатическое (Verzückung) и оцепенелое состояние людей и животных[1]

Многие женщины по нескольку дней находились в истерическом состоянии и при этом лишались чувств и языка, сердцебиение прекращалось. Гален упоминает об одной женщине, которая шесть дней находилась в подобном состоянии[2]. Некоторые в истерике оставались по 10 дней без движения и чувств, без дыхания и без всякой пищи.

Некоторые, словно мертвые, не обнаруживали признаков жизни, тогда как все слышали и понимали, что говорили другие, — и употребляли все усилия заговорить и доказать, что они живы, но, не-

[1] Калмет в этой главе говорит об экстатическом состоянии, сведения о котором в его время – что очень естественно – были поверхностны в общих чертах. Из этих экстатических состояний он обращает особенное внимание только на оцепенелость и нечувствительность экстатических индивидуумов ко всему, что кругом их совершается. После этого неудивительно, что он к категории этих явлений относит и прекращение жизнедеятельности у многих животных в определенные природой времена года. Мы не станем распространяться здесь о сущности экстаза и его различных формах; свойства его известны уже читателям из примечания к главе, где говорили мы об экстазе и смертельном обмороке. Автор упомянутого нами сочинения, Wahrheiten im Volksaberglauben, nebst Untersuchungen über das Wesen der Mesmerismus – доктор Герберт Майо, со взглядом которого мы, впрочем, не согласны, представляет для объяснения экстаза такое основание: «Каждая духовная сила, говорит он на стр. 87-й, имеет свое определенное место и седалище в нашем организме. Новейшим физиологам удалось определить, с какими особенными частями нервной системы каждый духовный аффект соединен функциально... Каждая духовная сила имеет свой особенный орган, или свою собственную лабораторию в нервной системе». На стр. 95-й, на вопрос, что такое экстаз? – он замечает: «Предварительно мы заметим, что основание экстаза состоит в обнаружении ненормального отношения духа и нервной системы. Во всех почти его формах видно, что некоторые духовные функции не имеют более своего седалища в свойственных им определенных органах. От часто повторяющихся перемен этого рода прекращается деятельность органов ощущений. Естественным и самым обыкновенным следствием этого бывает совершенное притупление слуха и зрения. Если же пациент в экстазе бодрствует, то в награду за потерю эти чувства выражают свою деятельность в других органах или обнаруживают какой-нибудь неясный образ (modus) общего восприятия». Стр. 88, V: Приняв за несомненное, что дух есть принцип отличный и отдельный от материи, мы легко поймем, что человеческая душа может стать к телу в новое, необыкновенное, ненормальное отношение Из различных форм экстатического сна особенно отличаются, с одной стороны, смертельный экстаз, продолжительный экстаз и простой или начальный экстаз, с другой стороны из различных форм экстатического бодрствования особенно выдаются полубодрственный экстаз, или сомнамбулизм, и бодрственный экстаз. Письма V, VII и VIII из сочинения доктора Герберта Майо; а также книга: «Die Tyroler ekstatischen Jjungfrauen. Leitsterne in die dunklen Gebiete der Mystik», 2Bde, Regensburg 1843, Verlag Georg Josef Mang. *Примеч. Немецк. переводч.*

[2] Cf. Traite de l’incertitude des signes de la mort. T.. II, p. 404, 407.

смотря на это, они не могли ни говорить, ни обнаруживать каких бы то ни было признаков жизни[1].

Иероним Кардан говорит[2], что он произвольно впадал в исступление; он не помнит, как сам говорит, чувствовал ли он в этом состоянии тяжелую тоску или нет, но не чувствовал, как он уверяет, ни ядовитых ран, ни того, как таскали его. «Я слышу, говорит Кардан, разговор подле себя, но нисколько не понимаю его. И если я хочу впасть в исступление, то я чувствую около сердца отделение души от тела, совершающееся через голову главным образом и мозг, как через дверцу; после этого я лишаюсь чувств и замечаю только, что я вне себя».

Эти экстатические состояния могут стоять в связи с рассказами о Лапландцах[3], которые представлены нами в исследовании «О явлении отшедших душ», в главе тринадцатой.

Заметим здесь, что змеи, мухи, сонливая белка и другие в течение всей зимы словно мертвые. Жабы, змеи и устрицы могут жить заключенные в каменных кусках в течение многих лет и даже столетий. Кардинал де Рец в своих мемуарах замечает[4], что во время пребывания его на острове Минорке правитель острова дозволил вытащить скалу из моря, в которой (когда ее разбили) найдены живые устрицы, оказавшиеся весьма вкусными.

На берегах Сицилии, Мальты, Сардинии, Италии и др. находятся улитки, называемых каменными финиками, потому что они по виду похожи на пальмовые финики. Проникая внутрь камня через иголочные отверстия и добывая внутри камня пищу, улитки вырастают так, что не могут потом выйти оттуда, если не разбить скалы и не освободить их. Вынув из камня, этих улиток моют, их очищают и солят. Имея вид пальмового финика или пальца, эти улитки называются то финиками, то дактилями.

Некоторые лица могут, вовсе не дыша, оставаться долгое время в воде.

Многие люди умирают от сгущения крови, которая коченеет и твердеет в жилах у людей, поевших болиголова (schierlingskraut) и уязвленных змеей. Некоторых настигает смерть при сильном волнении крови, которое иногда случается от горячек, яда, моровых болезней, а также у людей, насильственно умерших или задохшихся в воде.

Умершим от болезней первого рода можно возвратить жизнь только чудесным образом, потому что для возвращения жизни умершим необходимо кровь сделать жидкою и восстановить перистальтное (чревообразное) движение сердца. Умерших от болезней второго рода можно иногда возвращать к жизни и без чуда, стоит только для

[1] Incertitude des signes de la mort. T.. II, p. 504, 505, 506, 514, 515.
[2] Hieron. Cardanus, Lib. VIII De Variet. rerum, c. 34.
[3] Olaus Mag., Lib. III, Epit. Hist. Septent; Perecer, De Variis divinat. gener., p. 282.
[4] Memoires du Cardinal de Retz, T. III, L. IV, p. 297.

этого удалить препятствия, остановившие движение сердца, подобно тому, как и маятник можно привести в движение опять, если удалить чуждое тело, — волос или атом, — которое препятствовало его движению.

∆ ∆ ∆

ГЛАВА XVI

Приложение приведенных примеров к вампирам

Если приведенные факты неоспоримы, то нельзя ли допустить, что вампиры, умершие от горячки в Венгрии, Силезии и Моравии, продолжали жизнь во гробах подобно животным, о которых мы говорили, и птицам, которые прячутся в озерах и болотах Польши и в северных странах во время зимы, в течение которой они бездыханны, бесчувственны и безжизненны? Жизнь, движение и деятельность возвращаются к ним при наступлении весны, когда солнце нагревает воду, или если приблизить их к умеренному теплу. Они оживают и принимаются за прежнюю деятельность, приостановленную на время холодом.

Точно так же и вампиры возвращаются к жизни в своих гробах по истечении некоторого времени, но душа покидает их совершенно уже после разрушения тела. Если органы тела истлеют и разрушатся, то их нельзя уже возвратить к жизни; поэтому-то, чтобы отнять у души всякую возможность снова оживить тело и при посредстве его беспокоить живых, народы упомянутых стран прокалывают вампирам сердце, отрезают им голову и сжигают тело.

Нет ничего удивительного в том, что у казненных и умерших от горячки растут волосы на голове, борода и ногти, что тела их мягки и гибки, и что их кровь отделяет экскременты: все это возможно в человеческом теле до тех пор, пока продолжится в нем растительная жизнь. Если верно то, что мертвые едят в гробах все, что только попадет им под руку, то необходимо допустить, что они только мнимо умершие, что они живы, что они заживо погребенные, напр. в бешенстве, — и, опомнившись, стараются высвободиться из несчастного состояния, в которое они поставлены во гробе. Но весьма трудно, да и невозможно объяснить, каким образом вампиры, или заживо погребенные, выходят из гробов своих для того, чтобы беспокоить живых, каким образом они снова возвращаются в свои гроба? — вот вопросы, которые настоятельно требуют положительного ответа; между тем, все рассказы, какие нам известны, представляют этот факт, как известный, но не объясняют ни способа, каким он совершен, ни ближайших обстоятельств его, тогда как на самом деле все это, — самая необходимая и интересная часть в рассказе, — необходимая потому, что тогда видно было бы, что истинно и что вымышлено в рассказе, интересная потому, что только в таком случае видна была бы логическая нить, последовательность и связь в рассказываемом событии.

Каким, в самом деле, образом зарытое на четыре или пять футов тело в земле, не имея возможности и места даже свободно двигаться,

будучи завернуто тщательно в холст и заключено в гробе, может выходить из гроба, не разрывая земли, и как, в самом деле, и с какой целью может производить все те действия, которые приписывают обыкновенно вампирам? Каким образом может возвратиться во гроб, в котором находят его здоровым, полным крови и свежим, часто с блестящими глазами, — словно живое? Некоторые думают, что эти тела проникают через землю, не раскапывая ее, как вода и пары, которые проходят в землю и из земли без видимого изменения ее частиц. Желательно, чтобы эти рассказы о возвращении вампиров были объяснены лучше.

Недавно очень образованный священник рассказывал, что он по пути из Жанина (Jeanin) пригласил к себе каноника Ольмюцской церкви и проводил его в деревню Либаву, в которую он был назначен комиссаром от Епископской Консистории для произведения следствия о вампире, который за несколько лет до этого беспокоил Либавян.

Начали производить следствие, потребовали показаний и повели дело обыкновенным порядком. На следствии показали, что вампир беспокоил жителей Либавы по ночам, что он выходил из гроба и являлся во многих домах. Три или четыре года тому назад кончились его шалости, когда приглашен был один знаменитый Венгерец с целью положить конец похождениям вампира. Венгерец влез на церковную башню и выжидал, когда вампир выйдет из гроба, оставив на нем свое покрывало, и отправится в деревню беспокоить жителей. Как только Венгерец заметил, что вампир вышел из гроба, он спустился с башни, схватил покрывало вампира и опять влез на башню. Возвратившись с своих похождений и не нашедши одежды, вампир закричал на Венгерца, но тот отвечал с башни, что если он желает получить обратно свое платье, то должен идти за ним на башню. Вампир поднялся на башню, но Венгерец сбросил его, ударив топором по голове, и тем покончил дело.

Ни рассказчик этой истории, ни посланный каноник ничего не видели; сведения об этом факте переданы им жителями деревни, невеждами, преданными суеверию и предрассудкам.

Если же все сказанное о вампирах — нелепые выдумки, то чем больше противоречия в этих рассказах, тем более доказательств в подтверждение нашего суждения об этом предмете.

ГЛАВА XVII

Заключение трактата

Мы показали, что утонувшие, впавшие в обморок, исступление или мнимо умершие могут быть спасены от смерти или возвращены к жизни с помощью медицинских средств или выжидающим терпением, пока природа опять возвратится в прежнее состояние, — сердце станет биться, кровь начнет свою циркуляцию в артериях и венах, и жизнь возвратится в нервы.

Заметим также, что вампиры Венгерские, Моравские, Польские, Силезские и другие, о которых наговорено столько чудес, — только обман и произведение расстроенного воображения и предрассудков. К произведениям фантазии относятся также все рассказы о возвращении вампиров в мир, о явлении их, о беспорядках, производимых ими в деревнях, о замученных ими лицах, у которых они сосали кровь и т. д. Нельзя указать ни на одного свидетеля умного, серьезного и непредубежденного, который бы мог сказать, что он действительно видел вампира, ощупывал и исследовал его, или который мог бы подтвердить действительность этих возвращений и приписываемых им действий.

Мы не отвергаем, что многие умирали из страха, обманутые своим воображением, что видят своих умерших родственников, которые приглашали их к себе в гроб. Некоторые утверждали, что вампиры стучались к ним в дверь, мучили и беспокоили их или вносили в дом смертоносные болезни; но когда их расспрашивали, они отвечали только, что видели и слышали только то, что может создать расстроенное, больное воображение. Между тем, нам нужны свидевом, такие, которые бы по зрелом обсуждении уверили, что видели, слышали и спрашивали вампиров. Далее, если бы нам представили даже доказательство действий вампиров, то и тогда мы останемся при прежнем убеждении, что этих действий, совершенных вампирами, вовсе не было.

Теперь перед нами лежит письмо от 3 февраля 1745 г. из Варшавы, писанное П. Сливицким, визитатором провинции Перки. В этом письме он сообщает, что намерен писать богословское и физическое исследование о вампирах, предварительно исследовав строго предмет, и собрал для этой цели много мемуаров. Но должность визитатора и начальника конгрегации в Варшаве не позволяет ему привести в исполнение свое намерение. Спустя несколько времени он искал эти мемуары; они остались, вероятно, в руках друзей, которые брали их для чтения. В числе этих мемуаров были два определения Сорбонны, которыми запрещалось отсекать головы вампи-

рам и издеваться над их трупами. Эти определения можно видеть, по словам Сливицкого, в указах Сорбонны за 1700-1710 г.

По замечанию Сливицкого, в Польше так убеждены были в существовании вампиров, что все отвергавшие их считались чуть ли не еретиками. В опровержение вампиров он приводит много фактов неоспоримых и много доказательств неопровержимых. «Я, говорит он, решился во что бы то ни стало дойти до самых источников, из которых выходили эти рассказы; я обращался к тем, на которых ссылались, как на очевидцев, и теперь дело дошло до того, что никто не решился утверждать, будто видел вампиров, и все начинают убеждаться в том, что все рассказы о так называемых вампирах не более как бредни и фантазии, основанные на страхе и неосновательных речах». Так писал нам (Кальмету) этот серьезный и умный священник.

Мы имеем еще одно письмо от барона Тюссена (Toissant) из Вены от 3 августа 1746 г. Барон пишет, что Е. И. Величество, будучи еще королем Тосканским, производил много процессов о фактах, совершившихся в Моравии; я не раз читал их и на деле не видел в них и тени истины, ни вероятности утверждаемого. Между тем, в этой земле смотрят эти акты, как на несомненную истину.

Мы уже представили выше возражения против того, будто вампиры выходят из гробов и возвращаются назад, не разрывая земли. Красная и жидкая кровь и гибкость членов вампиров не удивительнее ращения ногтей и волос и нетления тела; мы почти ежедневно видим трупы, не обнаруживающие никаких признаков тления и сохраняющие красный цвет кожи. Это весьма естественное явление у скоропостижных полумерших или у людей, умерших от известных болезней, не лишающих крови жидкости и членов гибкости. Ращение волос и ногтей в не истлевшем еще трупе весьма естественно: в трупе продолжается еще медленная, незаметная для наблюдения циркуляция соков, поддерживающая это ращение подобно тому, как циркуляция соков поддерживает растительность в растениях.

Убеждение Греков о возвращении бруколаков так же нелепо, как и убеждение Моравов о существовании вампиров. Только невежество, суеверие и страх вызвали в Греках эту веру, ничтожную и слепую, до сих пор поддерживаемую ее поклонниками. Рассказы о бруколаках, по словам очевидца и умного философа Турнефора, поддерживаются обольщением и обманом защитников их. Все рассказы об умерших, хрюкавших в гробах, настолько нелепы, что не заслуживают серьезного внимания и опровержения. Все и каждый согласятся, что очень часто погребают не действительно умерших; это доказывает древняя и новая история многими примерами. Тезисы Винслу и примечания к ним Бругера ясно доказывают, что других признаков истинной смерти, кроме начинающегося гниения и дурного запаха трупа, очень немного. Бесконечно многие опыты пока-

зывают, что часто мнимо умершие оживали уже после погребения их. Сколько таких болезней, в которых больной лежит без языка, движения и дыхания! А разве мало утопших, признанных умершими, которые потом оживали, когда открывали им кровь?

Все это известно и объясняет, почему некоторые вампиры, вырытые из могилы, говорили, кричали, рыдали и т. п., — потому что были еще живы. С ними поступали в высшей степени несправедливо, их умерщвляли и сжигали, отсекали им головы и пробивали сердце. И все это плод невежества и заблуждения: суеверы, принимая этих несчастных за олицетворение их фантазии, — за вампиров, боялись, что они станут беспокоить их и вредить им. Не бесчеловечно ли поступать так с этими вампирами, утверждаясь только на таком состоянии, которое возможно с каждым?

Нет ничего неосновательнее, как рассказы о явлениях и злодействах вампиров.

В заключение не можем не высказать сожаления, что умные и гуманные определения Сорбонны, запрещавшие кровавые и жестокие экзекуции над вампирами, несмотря на ее мировую власть и могущество ее авторитета, были не поняты современниками и не имели, таким образом, благодетельного влияния.

ВАМПИРОЛОГИЯ ОГЮСТЕНА КАЛЬМЕ

В каталоге библиотеки Пушкина, составленном Б. Л. Модзалевским, книга Огюстена Кальме «Traité sur les apparitions des esprits, et sur les vampires, ou les revenans de Hongrie, de Moravie, &c.» (как она называлась в третьем издании 1751 г.) значится под номером 701[1]. Сочинение Кальме, очевидно, заинтересовало Пушкина как эрудированный корпус сведений и мнений о явлениях ангелов, демонов и духов, содержащихся в Библии, у античных авторов, отцов церкви, а также в хрониках Средневековья и нового времени (т. е., среди прочего, как предмет салонных «страшных рассказов» и «разговоров о необычайном»)[2]. Можно ли представить себе тему более занимательную для table-talk, чем ожившие мертвецы, вампиры и вурдалаки?

На фоне романтического вампиризма конца XVIII-начала XIX в., Кальме предстал перед Пушкиным и его современниками как автор, прежде всего, своеобразной вампирической антологии. В конце 1820-х гг. славу Кальме упрочил только что изданный русский перевод нашумевшего «Вампира» Джона Вильяма Полидори; в дополнении к повести вампирологу было отведено почетное место: «Кальмет, в своем пространном сочинении об этом предмете <вампиризме>, рассказывая множество различных анекдотов и преданий к оному относящихся, ученым рассуждением доказывает, что это суеверие было известно и древним»[3]. В написанной на французском в конце 1830-х или начале 1840-х гг. повести «Семья вурдалака» вспоминал о Кальме и А. К. Толстой:

> Здесь надо будет вам сказать, милостивые государыни, что *вурдалаки*, как называются у славянских народов вампиры, не что иное в представлении местных жителей, как мертвецы, вышедшие из могил, чтобы сосать кровь живых людей. У них вообще те же повадки, что у всех прочих вампиров, но есть и особенность, делающая их еще более опасными. *Вурдалаки*, милостивые государыни, сосут предпочтительно кровь у самых близких своих родственников и лучших своих друзей, а те, когда умрут, тоже становятся вампирами, так что со слов очевидцев даже говорят, будто в Боснии и Герцеговине население целых деревень превращалось в вурдалаков. В любопытном труде о привидениях аббат Огюстен Кальме приводит тому ужасающие примеры. Императоры германские не раз назначали комиссии для расследования случаев вампиризма. Производились допросы,

[1] Мозалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. С. 183-184.

[2] См. Лотман Ю. М. «Задумчивый Вампир» и «Влюбленный бес» // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПБ., 1995. С. 346-348.

[3] Вампир: Повесть, рассказанная лордом Байроном. С прил. отрывка из одного недоконченного сочинения Байрона: С англ. П. К. М., 1828. С. 81. Небольшой свод поверий и известий о вампирах, означенный в русском пер. П. В. Киреевского как «Примечание», на самом деле являлся сокращенным переводом редакторского предисловия к первой (журнальной) публикации повести Полидори: The Vampyre: A Tale, by Lord Byron // The New Monthly Magazine and Universal Register, 1819. Vol. 11. С. 195-196.

> извлекались из могил трупы, налитые кровью, и их сжигали на площадях, но сперва пронзали им сердце. Судебные чиновники, присутствовавшие при этих казнях, уверяют, что сами слышали, как выли трупы в тот миг, когда палач вбивал им в грудь осиновый кол. Они дали об этом показания по всей форме и скрепили их присягой и подписью[4].

Кем же был загадочный аббат-вампиролог, самое имя которого русские авторы писали по-разному: Августин Кальмет или Калмет, Огюстен Кальме, Кальмэ?[5]

Дом Антуан Огюстен Кальме (Antoine Augustin Calmet) родился 26 февраля 1672 г. в Мений-ла-Орнь (Ménil-la-Horgne) в Лотарингии. Воспитанник иезуитов и бенедиктинцев, он присоединился к бенедиктинскому ордену и принял постриг в октябре 1689 г. После посвящения в сан (1696) Кальме преподавал философию и теологию в аббатствах Туля и Мюнстера в Эльзасе, а в 1704 году был назначен заместителем настоятеля и профессором экзегетики мюнстерского монастыря.

Здесь Кальме завершил первый из своих основных трудов, «Буквальный комментарий к книгам Ветхого и Нового Завета»; первый том этого капитального сочинения (23 тома ин-кварто) вышел в свет в Париже в 1707 г., последний – в 1716 г. В 1720 г. была завершена публикация второго издания книги, а в 1724-1726 гг. вышло третье, расширенное издание (девять томов фолио). Главным достоинством труда Кальме долгое время считалась если не смелость, то ученость и здравый смысл автора, который придерживался буквальных, в противовес распространенным ранее аллегорическим и моралистическим, толкований и к тому же писал на общедоступном французском языке.

Более 100 рассуждений или «диссертаций» по отдельным предметам, вошедшие в комментарий, были дополнены Кальме и собраны в трехтомник «Диссертации, могущие служить пролегоменами к Священному Писанию» (1720), еще при жизни автора переведенный на английский, латинский, голландский, немецкий и итальянский языки. Широко переводились и библейские комментарии Кальме, и такие труды, как «История Ветхого и Нового Завета и иудеев» (1718) и «Исторический, критический, хронологический, географический и буквальный словарь Библии» (1720, дополненное издание 1730).

В числе прочих книг Кальме можно отметить «Священную и мирскую универсальную историю с начала мира до наших дней» (1735-1747), «Цер-

---

[4] О вампирической тематике у А. К. Толстого и в русской литературе 1820-х-1840-х гг. в целом см.: Измайлов Н.В. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литератур: Сборник статей к 80-летию академика М.П. Алексеева. Л, 1976. С. 510-519; Вацуро В. Ненастное лето в Женеве, или история одной мистификации // Бездна: «Я» на границе абсурда и страха. СПб., 1992. С. 36-48; Вацуро В. Э. Эпизод из истории русского байронизма («Вампир») // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 497-517; Кошелев В. А. «Под Ижоры» // Славянские чтения III. Даугавпилс-Резекне, 2003. С. 23-33; Одесский М. П. Вампирическая топика в ранней прозе А. К. Толстого // Одесский М. П. Четвертое измерение литературы: Статьи о поэтике. М., 2011. С. 275-316 и др.

[5] К примеру, в русском переводе книги Кальме, о котором речь ниже, встречается и *Калмет*, и *Кальмет*.

ковную и гражданскую историю Лотарингии» (1728) и ряд работ, посвященных истории бенедиктинских монастырей.

В 1715 г. благочестивый и трудолюбивый монах был назначен приором Леи-Сен-Кристофа, в 1718 – настоятелем аббатства св. Леопольда в Нанси, а в 1728 г. – аббатом Сеньонского аббатства (Senones) в Лотарингии. В Сеньоне Кальме продолжал заниматься экзегетикой и историческими исследованиями, вел обширную переписку с учеными мужами Европы; переписывался он также с французскими королями, австрийской императрицей Марией Терезией и папой Бенедиктом XIV. Последний намеревался

Огюстен Кальме.
Гравюра из кн. «Достоверное известие о нынешнем состоянии, изменении и развитии наук» (Лейпциг, 1742)

возвести Кальме в епископский сан, но аббат отказался, считая себя недостойным такой чести – Кальме предпочитал заниматься делами аббатства (которое при нем было почти полностью перестроено) и устройством собранной им громадной библиотеки. Скончался Дом Кальме 25 октября 1757 года. В 1873 г. останки Кальме, оскверненные санкюлотами во время Французской революции, были перезахоронены в новой приходской церк-

ви Сеньона. Его именем названы улицы в Нанси и Меце и площади в Сеньоне и Коммерси[6].

При жизни и после смерти Кальме пользовался завидной репутацией и считался, особенно во Франции и Англии, одним из величайших католических исследователей Библии. Так, знаменитый экзегет-методист Адам Кларк (1760/62-1832) считал его труд «без всяких исключений, лучшим из опубликованных католиками или протестантами комментариев к Священному Писанию»[7]. Такого же мнения придерживался и Д. Дарлинг, отмечавший «поразительную эрудицию, здравый смысл, основательность суждений и глубокое благочестие» Кальме[8]. К концу XIX в., однако, слава Кальме начала угасать – теперь в нем видели лишь католического традиционалиста и фидеиста[9].

Но имя Кальме не было забыто – его буквально обессмертила вышедшая в Париже в 1746 г. книга «Dissertations sur les Apparitions des Anges, des Démons & des Esprits, et sur les Revenans et Vampires de Hongrie, de Boheme, de Moravie & de Silesie» («Рассуждения о явлениях ангелов, демонов и духов, а также о привидениях и вампирах в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии»). Эта сравнительно небольшая – в масштабах Кальме – книга стала наиболее известным в Европе XVIII-XIX вв. вампирологическим трактатом. Появление ее вызвало скандал и шквал нападок со стороны просветителей и энциклопедистов. В «Энциклопедии» Дидро на Кальме обрушился Луи де Жокур: «Отец Кальме написал абсурдную книгу о данном предмете; никто не ожидал, что он способен на такое, и это лишь показывает, насколько разум человеческий предрасположен к суевериям»[10].

Не пощадил Кальме и Вольтер, который переписывался с ученым аббатом и в июне 1754 г. провел три недели в гостях у Кальме в Сеньоне. В статью «Воскресение» из «Философского словаря» Вольтер включил следующий выпад: «Мудрый философ Дом Кальме находит убедительное доказательство в вампирах. Он видел, как вампиры выходили с кладбищ, чтобы напиться кровью спящих людей; понятно, что они не могли высасы-

---

[6] Подробнее о деятельности Дома Кальме и его интеллектуальном наследии см. материалы симпозиума 2007 г., отметившего 250-летие со дня смерти Кальме: Martin Philippe, Henryot Fabienne (dir.). Dom Augustin Calmet : Un itinéraire intellectuel. Paris, 2008, а также Gérard Aurélie. Dom Augustin Calmet et l'abbaye de Senones : Un milieu littéraire. Langres, 2012.

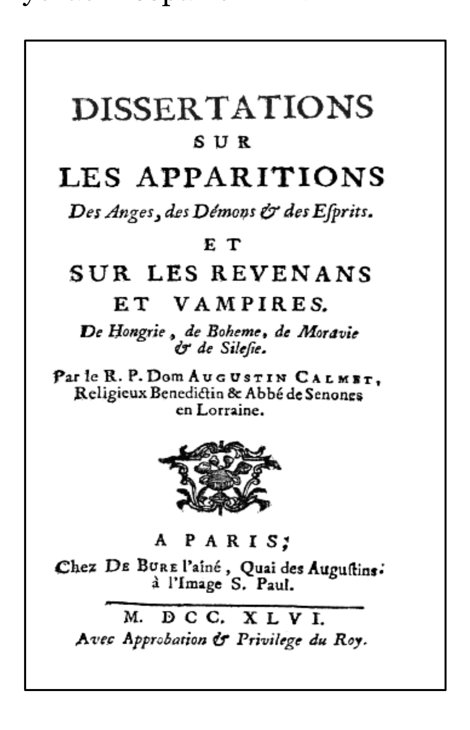
[7] Custom of Chaining Bibles // New Zealand Tablet. 1900. Vol. XXVIII, Issue 44. 1 November. C. 27.

[8] Darling James. Cyclopaedia Bibliographica: A Library Manual of Theological and General Literature and Guide to Books for Authors, Preachers, Students and Literary Men… Subjects: Holy Scriptures. London, 1859. Ст. 128.

[9] См. Childs Brevard S. The Struggle to Understand Isaiah as Christian Scripture. Cambridge, 2004. С. 255. Современный «Словарь библейской интерпретации» утверждает, что комментарии Кальме «не предлагали ничего нового, а возникающие вопросы рассматривались с фидеистической точки зрения, хотя временами предлагались рационалистические интерпретации» (Hayes John H., ed. Dictionary of Biblical Interpretation. Nashville, 1999. Vol. I. C. 158).

[10] Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1765. T. XVI. C. 828. Об отзывах на книгу Кальме см. Dimić Milan V. Vampiromania in the Eighteenth Century: The Other Side of Enlightenment // Man and Nature / L'homme et la nature. 1984. Vol. 3. C. 6-7; Introvigne Massimo. Antoine Faivre: Father of Contemporary Vampire Studies // Esotérisme, gnoses & imaginaire symbolique: Mélanges offerts à Antoine Faivre. Leuven-[Paris], 2001. C. 605-606.

вать кровь у живых, если сами все еще были мертвы; следовательно, они воскресли, что не допускает возражений».

DISSERTATIONS
SUR
LES APPARITIONS
Des Anges, des Démons & des Esprits.
ET
SUR LES REVENANS
ET VAMPIRES.
De Hongrie, de Boheme, de Moravie & de Silesie.
Par le R. P. Dom AUGUSTIN CALMET, Religieux Benedictin & Abbé de Senones en Lorraine.

A PARIS;
Chez DE BURE l'aîné, Quai des Augustins: à l'Image S. Paul.
M. DCC. XLVI.
Avec Approbation & Privilege du Roy.

Титульный лист книги Кальме «Рассуждения о явлениях ангелов, демонов и духов...» (1746)

В заметке «Вампир» (*Questions sur l'Encyclopédie*, 1772), посмертно включенной в «Философский словарь», Вольтер вновь обратился к сочинению Кальме:

> Как! В нашем восемнадцатом столетии существуют вампиры? <...> В царствование д'Аламбера, Дидро, Сен-Ламбера и Дюкло мы верим в вампиров, и почтенный отец Дом Кальме, бенедиктинский священник конгрегации Сен-Ван и Сен-Хидульф, настоятель Сеньона – аббатства с сотней тысяч ливров годового дохода, расположенного рядом с двумя другими аббатствами со сравнимыми доходами, печатает и перепечатывает историю вампиров, с одобрения Сорбонны, подписанного Марсильи? <...> Кальме стал историком вампиров и обошелся с ними так, как ранее с Ветхим и Новым Заветами, честно изложив все, что было сказано до него. <...> Настоящие вампиры – это монахи, которые пируют за счет и королей, и народа»[11].

[11] В 1757 г., впрочем, Вольтер послал племяннику и преемнику Кальме, Дому Фожере, посвященное Кальме четверостишие-эпитафию: ««Des oracles sacrés que Dieu daigna nous rendre / Son travail assidu perça l'obscurité. / Il fit plus, il les crut avec simplicité, / Et fut, par ses vertus, digne de les entendre» («Усердно трудясь, он проник в темный смысл / Священных откровений, что Господь нам даровал / И большее свершил: он простодушно им поверил / И, осененный добродетелями, был удостоин чести им внимать»; в письме Вольтер заметил: «Мне кажется, здесь содержится справедливая оценка познаний, веры, скромности и мужества покойного дома Кальме, пусть я никогда и не смогу должным образом воздать

Книга обеспокоила даже друзей и коллег Кальме. «Должен откровенно предупредить вас, что это сочинение многим не понравится и, боюсь, проделает некоторую брешь в вашей заслуженно высокой репутации как ученого. И действительно, как можно убедить людей в том, что все старые сказки, которые так поражали нас в детстве, являются правдой?» – писал Кальме ученый бенедиктинец Дом Ильдефонс Кателино (Cathelinot)[12].

Ученые возражения, однако, лишь подогревали интерес к книге Кальме. Его «Рассуждения», истинный «бестселлер» вампирологической литературы, за пять лет выдержали три издания (в 1749 г. в Швейцарии вышло второе издание, а в 1751 г. было издано третье, дополненное, под названием «Трактат о явлениях духов и о вампирах, или привидениях в Венгрии, Моравии и т.д.»). Уже в 1750-х гг. появились немецкие, английские и итальянские переводы.

Мало того: исследование Кальме стало богатейшим кладезем сюжетов и вдохновения для авторов вампирической литературы. Кальме мы обязаны, видимо, возникновением «Леноры» Г. Бюргера (1773) и «Коринфской невесты» Гете (1797), этой «вехи на пути к романтическим вариациям темы в произведениях Саути, Кольриджа, Лэмба, Мура, Полидори, Шелли, Китса, По, Тика, Брентано, Гофмана, Нодье, Мериме, Дюма, Бодлера, Потоцкого, Мицкевича, Гоголя, Алексея Толстого и других»[13].

Переиздавался трактат и в XIX в.; отметим английский перевод издания 1751 г., вышедший под заглавием «Мир призраков: История и философия духов, привидений и т.д.» (1850). Наконец, очередь дошла и до России – в 1866 г. книга Кальме была опубликована в Москве в переводе с немецкого, «дополненном и исправленном» переводчиком и названном «О явлениях духов». Анонимный переводчик не только подверг книгу значительным сокращениям, но и произвольно изменил порядок глав и ряда отрывков и сделал множество собственных вставок – вплоть до инвектив в адрес иезуитов и почему-то Ямвлиха и детских воспоминаний о пребывании в училище. В основном, однако, его вклад ограничился рационалистическими и зачастую крайне наивными объяснениями и теориями. Сведения, почерпнутые в нескольких научных трудах, излагались к месту и не к месту, дурным русским языком, с чрезвычайной въедливостью и школярским занудством; при этом, некоторые описанные Кальме явления толковались, в духе эпохи, как проявления животного магнетизма и виталистической «силы од» Карла фон Рейхенбаха[14].

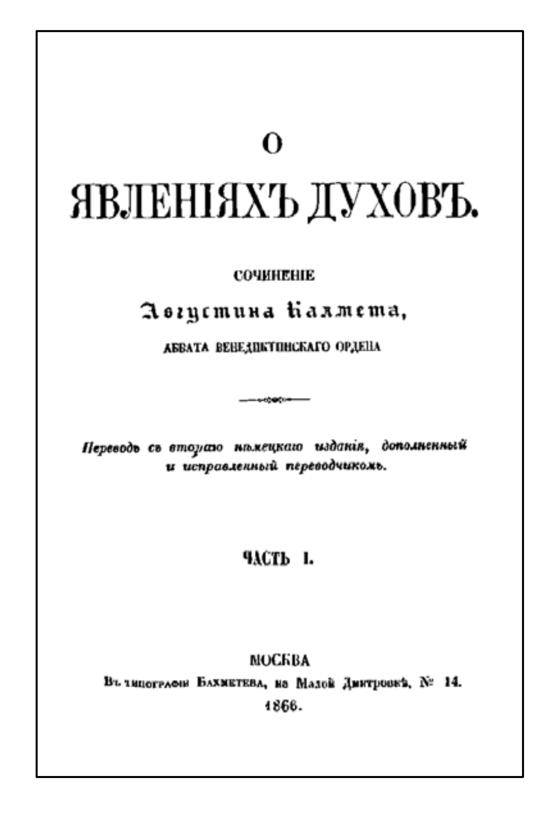
честь его памяти, которая останется для меня бесконечно дорога» (Lettre a Dom Faugères // Poésies diverses de Voltaire. Paris, 1833. T. III. C. 163).

[12] Banderier Gilles. (Ir) rationalité des vampires ? À propos du *Traité sur les apparitions …* de dom Augustin Calmet // Acta Iassyensia Comparationis. 2008. № 6. С. 35-36. Бандерье, подготовивший к печати новое издание (Grenoble, 2008) труда Кателино «Размышления или общие и частные замечания по поводу двух диссертаций дом Кальме, аббата Сеньона, касательно явлений духов» (1749), находит в этой книге намеки на «распространившиеся среди самих бенедиктинцев и многих читателей слухи о психическом состоянии Дома Кальме» (ibid., c. 36).

[13] Dimić, Vampiromania, c. 14.

[14] По мнению виднейшего немецкого ученого и естествоиспытателя Карла Людвига фон Рейхенбаха (1788-1869), «сила од», родственная электричеству и магнетизму, пронизывала все мироздание подобно некоему витальному принципу, однако уловить «одические»

Издание носило явно коммерческий характер: отнюдь не случайно горе-переводчик обильно и сочувственно цитировал М. С. Хотинского, автора, занимавшегося разоблачением «оккультных» феноменов от магии до месмеризма и одновременно спекулировавшего на модных эзотерических темах[15]. Заметим попутно, что в том же году и в той же типографии П. Бахметева вышла и книга О. Дебэ «Тайны сна и магнетизма, или толкование явлений царства незримого мира, пророческих снов, видений духов, обманов чувств, чернокнижия, колдовства, магии...»

О

ЯВЛЕНІЯХЪ ДУХОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Августина Калмета,

АББАТА БЕНЕДИКТИНСКАГО ОРДЕНА

Переводъ съ второго нѣмецкаго изданія, дополненный и исправленный переводчикомъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА
Въ типографіи Бахметева, на Малой Дмитровкѣ, № 14.
1866.

Титульный лист русского издания Кальме (1866)

Книги Хотинского, Дебэ и Кальме изданы были в годы, когда в России активно распространялось спиритическое учение А. Кардека, возникали спиритические кружки, являлись медиумы, проводились сеансы, а в журналах шли дебаты о спиритизме[16] (не прошло и десяти лет, как по инициа-

эманации могли лишь наделенные особой чувствительностью индивидуумы; свои воззрения и опыты с подобными медиумами Рейхенбах изложил в ряде работ 1850-1867 гг.

[15] Хотинский, печатавшийся в «Сыне отечества», выпустил книги «Рассказы о темных предметах, о волшебстве, натуральной магии, обманах чувств, суевериях, фокусничестве, колдунах, ведьмах и т.п.» (1861) и «Чародейство и таинственные явления в новейшее время» (1866); он умер в 1866 г., не успев составить задуманную им «Историю.чародейства и тайных наук».

[16] Подробнее о спиритическом «фоне» эпохи см. Виницкий И. Русские духи: Спиритуалистический сюжет романа Н. С. Лескова «На ножах» в идеологическом контексте 1860-х годов // Новое литературное обозрение. 2007. № 87; Панченко А. А. Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии // Труды Отделения историко-филологичес-

тиве Д. И. Менделева была сформирована Комиссия для рассмотрения медиумических явлений[17]).

Издательская задача, таким образом, сводилась к удовлетворению общественного спроса на «сеанс черной магии» с одновременным ее «разоблачением». В предисловии на сей счет была сделана специальная оговорка:

> Теперь явилось много приверженцев так называемого спиритизма или учения о сношениях с душами умерших и об откровениях, какие они сообщают. Сочинение Калмета представит немало рассказов, сходных с рассказами спиритов. Мыслящий человек увидит, что шарлатанство умело и прежде пользоваться доверием неопытных людей для своих целей. Спириты нередко приводят в подтверждение своего учения средневековые рассказы о явлениях духов, несмотря на то, что выдают свое учение, как новость, как наставшее только в последнее годы откровение тайн загробного мира. Читатель увидит, что если истина бытия духов древняя, то и заблуждения, которые примешиваются к этой истине, не новость спиритов, но повторение старых заблуждений.

Как показало будущее, замысел удалось осуществить лишь частично, в плане «сеанса черной магии». По художественному свидетельству Н. С. Лескова («На ножах»), книга Кальме, невзирая на все переводческие манипуляции, стала любимым чтением адептов спиритизма[18]. В 1877 г. сочинение Кальме вышло в Москве вторым изданием, а впоследствии, как и в Европе, служила источником сведений о всевозможных потусторонних явлениях: так, к Кальме нередко обращался в своей сенсационной «Истории сношений человека с дьяволом» (1904) М. А. Орлов.

Русский переводчик, однако, приложил много стараний и в аспекте «разоблачения»: искажена была не только буква, но и дух трактата Кальме. При чтении перевода возникает впечатление, что ученый аббат приводил многочисленные истории о духах, привидениях и вампирах с единствен-

---

ких наук РАН. М., 2005; см. также Раздьяконов В. С. Творчество Н. П. Вагнера в религиозной культуре России последней трети XIX века: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008 и приведенную в данной работе библиографию.

[17] Материалы для суждения о спиритизме. Изд. Д. Менделеева. СПб., 1876. С. 3-5. На фоне дебатов о спиритизме книга Кальме была переиздана в Москве в 1877 г.

[18] В романе русскую версию книги Кальме упоминает обратившийся в спиритическую веру бывший нигилист Иосаф Висленев: «Нет, ей-Богу, я читал, и вот позвольте вспомнить, или в книжке "О явлении духов", или в сборнике Кроу, о котором когда-то здесь же говорил Водопьянов. <…> Да, да, именно или там, или у Кроу, а впрочем, привидение с песьею головой, которое показывалось в Фонтенеблоском лесу, ведь видели все, – спорил Висленев. <…> – А вот, позвольте-с, я еще лучше вспомнил, – продолжал Висленев, – дело в том, что однажды целый французский полк заснул на привале в развалинах, и чтоб это было достоверно, то я знаю и имя полка; это именно был полк Латур-д'Овернский, да-с! Только вдруг все солдаты, которых в полку, конечно, бывает довольно много, увидали, что по стенам ходило одно окровавленное привидение, да-с, да-с, все! И этого мало, но все солдаты, которых, опять упоминаю, в полку бывает довольно много, и офицеры почувствовали, что это окровавленное привидение пожало им руки. Да-с, в одно и то же время всем, и все это записано в летописях Латур-д'Овернского полка. По крайней мере, я так читал в известной книге бенедиктинца аббата Августина Калмета». Эпиграф из Кальме также предпослан очерку Лескова «Дух госпожи Жанлис».

ной целью – незамедлительно их опровергнуть. В действительности дело обстояло совершенно иначе.

***

Вампирология лишь около полувека назад осознала себя академической областью *vampire studies*, и дебаты о том, должна ли сфера исследований включать вампироподобных созданий мирового фольклора и чудовищ античного воображения, оживающих или анимированных Дьяволом мертвецов некоторых средневековых хроник или так называемых «протовампиров» и «ревенантов» от хрестоматийного пастуха из Блова и ведьмы из Левина в Богемии[19] до несчастного сапожника-самоубийцы из Бреслау и силезского городского старейшины Иоганна Кунце (Кунтиуса)[20], продолжаются по сей день. С точки зрения пуристов от вампирологии, современные европейские и в целом западные представления о вампирах возникли лишь в самом конце XVII-начале XVIII в., когда приобрел широкое хождение сам термин «вампир» и былые привидения и *ревенанты* были наделены характерными признаками, превратившись в кровососущих живых мертвецов. Но и в этом случае сложно обойтись без греческих *вруколаков* и немецких и кашубских *нахцереров*[21] – ведь именно эти существа породили первые исследования, которые традиционно принято относить к сфере вампирологии. В частности, о вруколаках писал в сочинении *De Graecorum hodie quorundam opinationibus* («О некоторых мнениях современных греков», 1645) теолог и хранитель Ватиканской библиотеки Лев Аллатий (Леон Алаччи, 1586-1669); спустя некоторое время в Париже вышла книга иезуита Франсуа Ришара, который подробно рассказывал о вруколаках[22] и заключал, что нечистый «оживляет и наполняет жизненной силой эти мертвые тела». Но наибольшую известность приобрел цитируемый Кальме скептический рассказ французского ученого-ботаника и путешественника Жозефа Питтона де Турнефора (1656-1708), приведенный в его посмертно изданном «Описании путешествия по Леванту» (1717).

Предания о нахцерерах, этих мертвецах, которые жевали в могилах погребальные саваны и собственную плоть и высасывали из живущих жизненные соки, тем временем, проникали в популярные германские сборни-

[19] Как показал Нильс Петерсен, известия о них восходят к «Кратко изложенной римской и богемской хронике» (1360-1365) аббата-бенедиктинца Яна Неплаха (1322-ок. 1371), где данные события отнесены, соответственно, к 1336 и 1344 годам.

[20] Наиболее известные и красноречивые рассказы об этих *ревенантах* приводит кембриджский неоплатоник Генри Мур (1614-1687); см. More Henry. An Antidote against Atheism, or, an Appeal to the Naturall Faculties of the Minde of Man, wherther there be not a God. The second Edition corrected and enlarged. London, 1655. С. 208-226. Случай сапожника из Бреслау отнесен им к 1591 г.

[21] Nachzehrer, от нем. nach – «после» и zehren – «поглощать, питаться», т.е. буквально «посмертный пожиратель».

[22] Richard, François. Relation de ce qui s'est passé de plus remarquable à Saint-Erini, isle de l'Archipel, depuis l'établissement des PP. de la Compagnie de Jésus en icelle… Paris, 1657. С. 208-226. Этот отчет стал знаменит после того, как его полностью перевел Монтегю Саммерс: Summers Montague. The Vampire in Europe. London, 1929 (reprint: New York, 1968). С. 229-240.

ки, посвященные потусторонним явлениям, например *Der höllische Proteus*... («Инфернальный Протей»)[23] Эразма Францисция (Franciscus, 1627-1694) и становились объектом ученых трактатов.

Гравюра из книги Э. Францисция «Инфернальный Протей» (1690)

Еще в 1679 г. лейпцигский теолог Филипп Рор (Rohr) осчастливил просвещенную публику книгой *Dissertatio historico-philosophica de masticatione mortuorum* («Историко-философское рассуждение о жующих мертвецах»); эту волнующую тему подхватил пастор Михаэль Ранфт, который выпустил свой труд несколькими расширенными изданиями, начиная с *De Masticatione*

[23] В 1690-1708 гг. эта книга выдержала три издания.

mortuorum in tumulis («О жующих мертвецах в могилах», Лейпциг, 1725) и кончая немецким «Трактатом о жующих и чавкающих в гробах мертвецах, который раскрывает истинную природу сих венгерских вампиров и кровососов» (Лейпциг, 1738), содержавшим обсуждение вопроса о вампиризме[24]. К предшественникам Кальме можно отнести также Иоганна Христофора Рохлиуса, автора *Dissertatio de hominibus post mortem sanguisugis, uulgo dictis Uampyrea* («Рассуждение о людях, сосущих кровь после смерти, что именуются Уампирами», Лейпциг, 1732), Иоганна Христиана Штока с *Dissertatio de cadaueribus sanguisugis* («Рассуждение о кровососущих трупах», Иена, 1732), Иоганна Цопфа, Джузеппе Даванцати и, конечно, Карла Фердинанда фон Шерца, написавшего небольшой и чрезвычайно знаменитый среди вампирологов трактат о ревенантах под названием *Magia posthuma* («Посмертная магия», Ольмюц, 1704). Из числа ранних французских и важных для Кальме источников следует упомянуть две статьи, напечатанные в *Le Mercure Galant* в мае 1693 и феврале 1694 гг.[25]

Все эти исследования и «диссертации», однако, большей частью были написаны уже после того, как Западную Европу охватила вампирская эпидемия. Волна вампиромании, которую Ролан Вильнёв сравнивает с «психическими эпидемиями средневековья»[26], имела свои причины, ареал зарождения, временные рамки[27] и «нулевых пациентов». Датой ее начала следует

---

[24] *Tractat von dem Kauen und Schmatzen der Todten in Gräbern, worin die wahre Beschaffenheit derer Hungarischen Vampyrs und Blut-Sauger gezeigt…* Leipzig, 1734. Термин «вампир» Ранфт использовал с 1728 г., но в основном рассматривал нахцереров. См. Introvigne, Antoine Faivre, c. 598; Vermeir Kohen. Vampires as Creatures of the Imagination: Theories of Body, Soul, and Imagination in Early Modern Vampire Tracts (1659–1755) // Diseases of the Imagination and Imaginary Disease in the Early Modern Period. Turnhout, 2012 (PDF, c. 11-12).

[25] Первая из них, о польских и российских упырях, как указывает Вермейр (Vermeir, op. cit., c. 9-11), была написана Пьером де Нойе (Noyers), бывшим секретарем польского двора, вторая («О стригах в России») – адвокатом Маринье (Marigner).

[26] Вильнёв Ролан. Оборотни и вампиры. М., 1998. С. 102.

[27] Конец вампирской эпидемии XVIII в. можно датировать 1755 г., когда императрица Мария Терезия направила придворных медиков Иоганнеса Гастера и Кристиана Вабста расследовать случай вампиризма в Гермерсдорфе. Здесь по решению городских властей было эксгумировано тело Розины Полакин, скончавшейся в декабре 1754 г.; как уверяли жители города, она превратилась в вампира, выбиралась из могилы и нападала на них. Тело, как выяснилось, ничуть не разложилось, в венах текла кровь; труп обезглавили и сожгли. Незадолго до этого случая, в феврале 1753 г., в трансильванском городе Капник (Кавник), богатом залежами золота и серебра, были эксгумированы тела Анны Тонер и Доротеи Пихсин, которых заподозрили в вампиризме и обвинили в смерти пяти горняков (согласно официальному сообщению, в теле одного из них обнаружили только напоминавшую воду жидкость, крови же не было). После 129 дней в могиле тело Доротеи Пихсин почти не разложилось; труп был сожжен палачом под городской виселицей, тогда как разложившееся тело Анны Тонер было с почестями захоронено (см. Kreuter Peter Mario. The Role of Women in the Southeastern European Vampire Belief // Women in the Otttoman Balkans: Gender, Culture and History. London, 2007. С. 234). Ознакомившись с докладом следователей-медиков, главный придворный врач и ближайший советник Марии Терезии Герард ван Свитен (1700-1772) написал небольшое сочинение «Замечания о вампиризме», где заклеймил веру в вампиров как суеверие «варварских и невежественных» народов. По совету медиков Мария Терезия выпустила особый рескрипт, запрещавший эксгумацию трупов предполагаемых вампиров и издевательства над ними; церковным властям отныне запрещалось расследовать случаи вампиризма, а вампиры объявлялись фантомами воображения. Оригинальный французский текст «Замечаний» ван Свитена не был издан, однако в

считать 12 сентября 1683 г., когда армии христианских держав под командованием Яна III Собеского нанесли сокрушительное поражение осадившим Вену турецким силам. В течение пяти лет Австрия захватила восточную Венгрию, Славонию, Банат и Белград, а после победы войск Евгения Савойского над турками в битве при Зенте (1697) присоединила к своим владениям Трансильванию и значительную часть Венгрии и Славонии. По Пожаревацкому мирному договору 1718 г. к империи Габсбургов отошли северная Сербия, Малая Валахия, северная Босния и другие территории (владения в Сербии и Валахии Австрия была вынуждена возвратить туркам после поражения в войне 1737–1739 гг.).

Таков и был ареал зарождения вампирской эпидемии: на отбитых у Османской империи землях просвещенная Европа непосредственно столкнулась с упирами, стригоями, мороями и вампирами. Причем – столкнулась в лице своей бюрократии и науки: именно участие австрийских чиновников и военных медиков в расследованиях случаев «нулевых пациентов»: Петра Плогойовица (Петара Благоевича) в 1725 г. и Арнонда Паоле[28] в конце 1731-начале 1732 гг., придало весомость экзотическим и пугающим известиям о вампирах[29]. Повышенное бюрократическое внимание к поверьям и суевериям темных крестьян диктовалось вполне рациональными соображениями: захваченные местности в Сербии служили буферной зоной в рамках подчиненной венскому Гофркригсрату институции военной границы (Militärgrenze) между Османской и Габсбургской империями. Последнюю они защищали не только от военных атак, но и от эпидемий различных болезней, терзавших время от времени турецкие земли, в том числе чумы – так что австрийским военным хирургам приходилось тщательно расследовать случаи необъяснимых смертей[30].

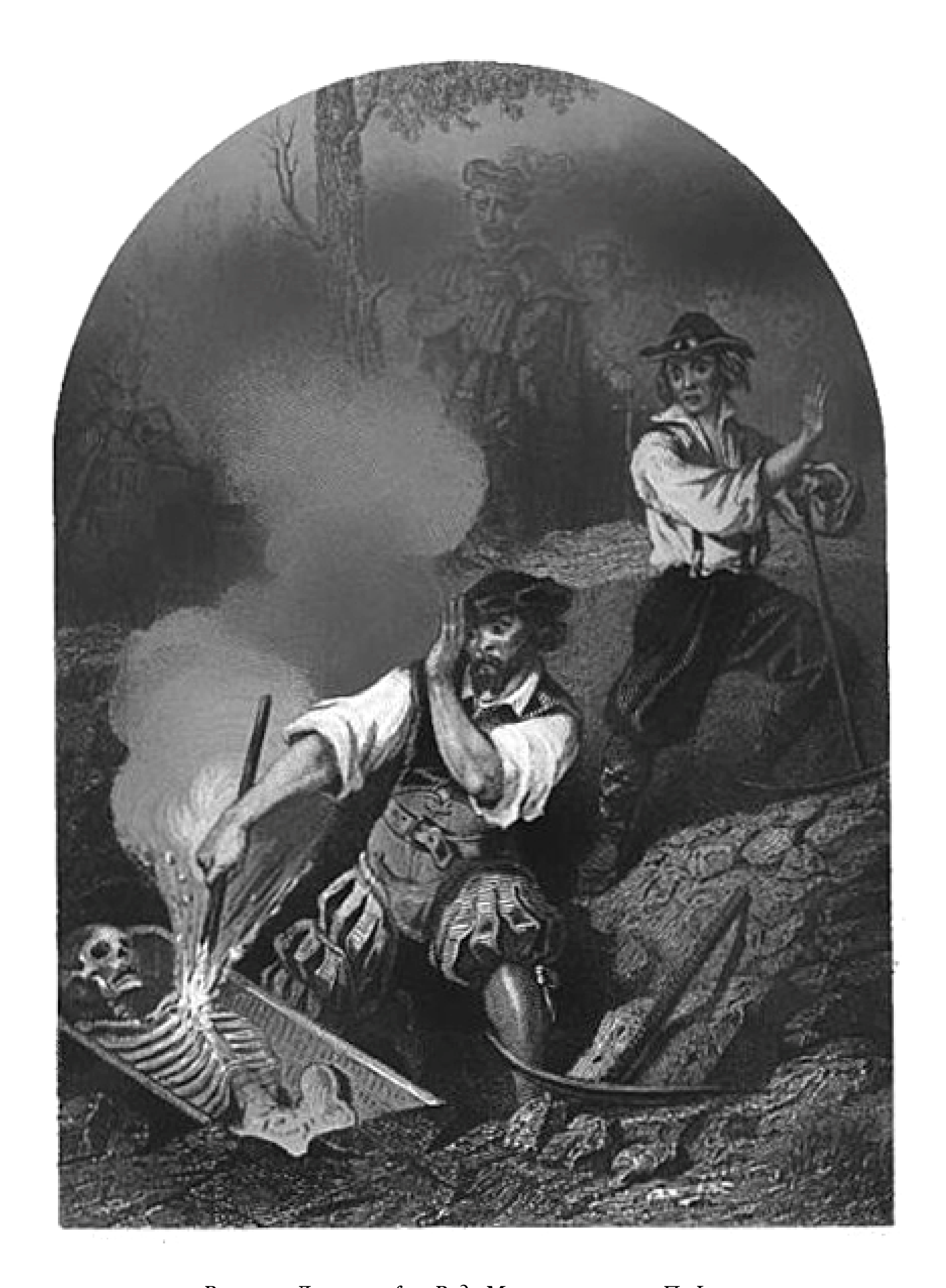
Выше мы назвали «нулевыми пациентами» вампирской эпидемии Плогойовица и Паоле, однако многие считают первым «официальным» и названным по имени европейским вампиром Юре или Джуре Грандо, истрийского крестьянина из деревни Кринга, умершего в 1656 г. О посмертных

1756 г. вышел итальянский и в 1768 г. – немецкий перевод (фрагментарный русский перевод см. в Вильнёв, Оборотни, с. 107-115). Отметим, что еще в 1749 г. папа Бенедикт XIV объявил вампиров «ложными созданиями человеческой фантазии», а позднее в послании к архиепископу львовскому требовал «подавить это суеверие <…> у истоков коего без труда обнаруживаются священники, распространяющие эти истории, дабы убедить легковерное население щедро платить им за экзорцизмы и мессы» (цит по Introvigne, Antoine Faivre, с. 608).

[28] В более поздних источниках встречаются такие варианты этого имени, как Арнод Паоле, Арнольд Пауль, Арнонт Паоле, Амонт Паоле и т.д. По одной из теорий, речь идет об испорченном «арнаут Павел» – «албанец» или «наемный солдат» Павел.

[29] Случаи Плогойовица и Паоле подробно рассмотрены в вампирологической и популярной литературе и не нуждаются в описании. В приложении читатель найдет впервые переведенные на русский язык следственные документы, связанные с этими случаями. В связи с ними можно более четко указать ареал зарождения вампирской эпидемии: это восточная часть современной Сербии.

[30] Petersen Niels K. Visum et repertum (http://magiaposthuma.blogspot.com/2008/09/visum-et-repertum.html). К сожалению, нам не удалось ознакомиться с диссертацией: Grothe Stefan. Der Einfluß der Seuchen auf die Entstehung des Vampirmythos im Spiegel der Leipziger Vampirdebatte 1725-1734 («Влияние эпидемий на развитие вампирического мифа в лейпцигских дебатах о вампирах, 1725-1734», 2001).

Вампир. Литография Р. де Морена из книги П. Феваля «Les tribunaux secrets» (1864)

похождениях Грандо подробно рассказывает Янез Вайкард Вальвазор (Иоганн Вейхард фон Вальвазор, 1641-1693) в своем монументальном историческом труде «Слава герцогства Крайна» (Нюрнберг, 1689). Согласно его рассказу, Грандо долго не давал покоя жителям деревни, бродил по ночам, приставал к женщинам и насиловал собственную вдову. Наконец, решено было покончить с вампиром. Священник Михо Радетич и несколько жителей, вооружившись распятием, светильниками и колом из боярышника, отправились на кладбище и раскопали могилу Грандо. В ней обнаружился прекрасно сохранившийся, улыбающийся труп. Попытались было пронзить труп колом, но кол отскочил от тела. Тогда священник поднес к лицу мертвеца распятие и вскричал: «Гляди! ты, стригон! Вот Иисус Христос! Он спас нас от адских мук и умер за нас. И ты, стригон, не будешь знать покоя!» При этих словах из глаз вампира покатились слезы. Затем один из крестьян, Миколо Ньена, опасливо попробовал дотянуться до тела мотыгой и отрубить голову вампира; все было напрасно. Только смелый крестьянин Стипан Миласич нашел в себе силы подобраться поближе и отделить голову *стригона* от тела. Могилу вновь закопали, и после этой операции в деревне воцарился мир[31].

В истории с Грандо, тем не менее, термин «вампир» не употребляется (впервые он был применен к Плогойовицу), да и история эта была не так известна, хоть ее и популяризировал Францисций. Поэтому невольными виновниками вампирской эпидемии действительно приходится считать Плогойовица и особенно Паоле – как наиболее документированный случай. «Вспышка в Медвегие и вызванные ею оживленные научные дебаты стали ‘часом Вампира’, то есть в точности тем моментом, когда вера в вампиров проникла в западноевропейское сознание» – справедливо замечает Сюзанна Корд[32]. Если исходить из этих соображений, лавровый венок или терновый венец вампирского первенства, пожалуй, следует присудить «арнауту» Паоле.

Известия, сведения и мнения о вампирах распространялись подобно лесному пожару. Корд насчитывает по меньшей мере 15 книг, трактатов и памфлетов о вампирах, появившихся в 1732 году и еще 25, вышедших на протяжении следующих тридцати лет. Сербские вампиры стали одной из главных тем светских разговоров; даже дамы, неодобрительно писал Ранфт, принялись «рассуждать» о вампирах[33]. «С 1790 по 1735 год только и говорили о вампирах; их подстерегали, из сердца вырывали и сжигали. Но они напоминали мучеников древности – чем большее число их жгли, тем больше их становилось» – писал Вольтер в цитировавшейся выше заметке «Вампир».

Значительную, если не критическую роль в распространении вампирской эпидемии сыграли рассказы лиц, так или иначе связанных с участни-

[31] Valvasor Johann Weikhard. Die Ehre deß Herzogthums Crain. Nürnberg, 1689. T. XI. C. 317-319. Вальвазор замечает, что таким образом жители Истрии и окрестностей обычно расправлялись с беспокойными мертвецами и что «не так давно» труп некоего венецианца также был пронзен колом.

[32] Kord Susannah. Murderesses in German Writing, 1720-1860: Heroines of Horror. New York, 2009. C. 46. Кройтер также считает случай Паоле «началом вампирской дискуссии века Просвещения» (Kreuter, The Role, c. 232).

[33] Ibid., c. 46.

ками первых расследований, газеты и журналы, а также летучие и популярные издания. Как указывает Димич,

> в 1725 году, известия о вампирах широко освещались в модных периодических изданиях, как-то *Wiener Diarium, Vossische Zeitung, Leipziger Zeitungen, Brefilauische Sammlungen,* и публиковались в виде листовок (так называемых «Fliegende Blätter», летучих изданий). В 1732-м, в год великой вампирической паники, статьи о вампирах дважды появлялись в *Le Glaneur Historique,* неоднократно в *Mercure de France,* а также в *Mercure Historique et Politique, The London Journal, The Gentleman's Magazine* и *The Craftsman.* <...> Цитаты и конспективные изложения проникали в стандартные энциклопедии, к примеру *Zedlers Universal Lexikon* (Т. XLVI, 1745) и популярные труды, посвященные иным вопросам, например *Lettres juives* («Иудейские письма») маркиза Буайе д'Аржана (письмо 137, начиная с издания 1738 года, а также в английском и немецком переводах) и *The Harleian Miscellany: A Collection of Scarce, Curious and Entertaining Pamphlets and Tracts...* (Т. IV, 1745, разд. i-ii, с. 348-59 с частыми переизданиями)[34].

Чем объяснить внезапное обаяние вампиров, сладкий ужас, с каким век разума и просвещения вглядывался в их ужасные черты? Чем объяснить само их внезапное появление? Этими вопросами задался Вильнёв, редактор современного издания трактата Кальме. Среди прочего, он упоминал «вызываемую зрительными и тактильными галлюцинациями спектропатию» или болезненную одержимость призраками, якобы исконно присущую северным народам, которая «внезапно превратилась в эпидемию и достигла своего пика между 1730 и 1735 годами. Тоска, ипохондрия и кошмары создавали атмосферу коллективного ужаса». По мнению Вильнёва,

> появление и распространение вампиризма в XVIII столетии объясняется преждевременными похоронами в результате каталептических явлений или эпидемий высокозаразных заболеваний; фольклорными верованиями и суевериями относительно злобности мертвых; местью отлученных от церкви; самоубийствами, в которых крестьяне винили себя; «чудесным» сохранением тел, захороненных в недоступных для воздуха местах или в богатой мышьяком почве; шизофренией, жертвы которой страшились заключения, испытывали периоды голода и обращали вспять цикл дня и ночи; и порфирией, наследственным заболеванием крови, которое часто встречается в Трансильвании и представляет собой нарушение метаболизма гема, главной составляющей гемоглобина, что приводит к кожным аномалиям, гипертрихозу, деформации зубов и жажде поглощения крови»[35].

Помимо сомнительных отсылок к внезапной эпидемии *спектропатии* и порфирии, многие объяснения Вильнёва фактически повторяют мнения

---

[34] Dimić, Vampiromania, с. 3-4. В письмах 1741 г. к польскому епископу и библиофилу Юзефу Анджею Залусскому Кальме упоминал вампирологические публикации *Le Glaneur Historique* (где в 1732 г. был напечатан доклад камерал-провизора Фромбальда о случае Плогойовица), которые «используются в трактате, к каковому я возвращаюсь каждый день» (Banderier, (Ir) rationalité, с. 39).

[35] Villeneuve Roland. Présentation // Calmet, Dom Augustin. Dissertation sur les Vampires. Gretoble, 1998. С. 17, 26-27.

просвещенных вампирологов XVIII в. Если перед учеными вампиры предстали в качестве невероятной научной загадки, общество в целом они заставили еще раз задуматься над фундаментальными вопросами бытия, жизни и смерти. Семена вампирского дискурса взошли на предрасположенной к тому почве. «И в искусстве, и в литературе, и в медицине XVII-XVIII веков царила неуверенность и двусмысленность в отношении жизни, смерти и их пределов. Постоянно присутствующей стала сама тема живого трупа, мертвеца, который на самом деле жив» – пишет Филипп Арьес. «Впоследствии эта тема захватила и повседневную жизнь. <...> Умами овладела "всеобщая паника" – страх быть похороненным заживо, очнуться от долгого сна на дне могилы». С другой стороны, продолжает Арьес, в указанную эпоху «что-то изменяется в многоговековой близости человека и смерти. Начинаются извращенные игры со смертью, вплоть до эротического соития с ней. Устанавливается связь между смертью и сексом, как раз поэтому она завораживает, завладевает человеком» [36]. Несложно проследить, как эта настроенность трансформировалась в характерные черты более чем двухвековых (начиная с эпохи романтизма и заканчивая современностью) культурных воплощений вампирского мифа.

Любопытную теорию выдвинул в своей давно ставшей классической, но продолжающей вызывать споры работе «Закат ведьм и восход вампиров» Габор Кланицай, который утверждает, что в Западной Европе XVII-XVIII веков вампиры заменили и вытеснили ведьм, а борьба с верованиями в вампиров и посмертным линчеванием лиц, подозреваемых в вампиризме, способствовала искоренению ведовских процессов:

> Вера в вампиров предполагала куда более захватывающие фантазии, чем традиционные обвинения в ведовстве: конкретные доказательства обеспечивал не «театр Дьявола», но находки трупов, демонстрировавших необычайные признаки жизни. В то же время, поглощение крови, эта псевдо-медицинская концепция, объясняла магическую агрессию в более соответствующих ментальности восемнадцатого столетия терминах, чем невидимая и необъяснимая способность ведьм наводить порчу. Другая возможная параллель между одержимостью и случаями вампиризма заключается в том, что обе системы представляли собой более духовную концепцию действия враждебной магии. <...> Наконец, верования в вампиров были обращены на мертвых, выходивших из могил; распространение зла все чаще объяснялось чистейшим заражением, и это, естественно, снимало вину с живых жертв нападений вампиров или людей, связанных с вампирами. Вампирские скандалы предложили также общую парадигму преодоления никак не желавшей исчезать веры в зловредную магию. <...> Эта парадигма подразумевала идею превращения невежественных и

[36] Арьес Филипп. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 332, 340. О тафофобии XVII-XVIII столетий см. с. 332-340. В завороженность смертью и физическим посмертным существованием в лице вампиров внесла свой вклад распространившаяся в век Просвещения практика анатомирования (на которую указывает автор). Нужно упомянуть и довольно широкое использование частей тел умерших и мумий для изготовления лекарств – см. Sugg Richard. Mummies, Cannibals and Vampires: The History of Corpse Medicine from the Renaissance to the Victorians. New York, 2011 (гл. VIII). В 1747 г., замечает Сугг, «свежая и теплая» человеческая кровь прописывалась в Англии как средство от эпилепсии; имеется также очевидная связь между распространением вампирского мифа и частой практикой кровопусканий.

> суеверных дикарей Восточной Европы (считавшихся далеко не «благородными») в цивилизованных людей. Интеллектуалы эпохи считали, что эта миссия Просвещения, этот цивилизационный процесс может быть осуществлен только «сверху» в социальном смысле и с «Запада» – в географическом[37].

Но словно и этого мало, вампиры были связаны с центральными для христианства концепциями воскресения из мертвых и святости. Точно задавшись целью извратить христианские представления о нетленности ряда святых, тела вампиров отвергали разложение, их могилы источали свет – словом, вся атрибутика святых была воплощена ими в извращенном и богохульственном виде[38]. В связи с этим Мари-Элен Юэ считает вампиризм «не просто эпидемией, а лже-религией», дьявольской пародией на церковь и самого Христа. Вампир восстает из мертвых, обзаводится учениками, которые в свою очередь завоевывают новых последователей, а использование его крови как защитного средства, в том числе поедание хлеба, замешанного на вампирской крови, инвертирует таинство евхаристии. Вампир «становится извращением тела Христова, неожиданным Мессией мучительной посмертной жизни, который несет своим ученикам и смерть, и воскресение из мертвых» – пишет Юэ[39].

***

Подобные параллели, несмотря на всю их рискованность, были очевидны для религиозного ученого-экзегета, каким был Кальме. Вампир являл собой теологический вызов – и Дом Кальме вызов принял. «Если возвращение вампиров имеет место в действительности, должно доказать его и отстоять; если же оно иллюзорно, в интересах религии необходимо разоблачить заблуждения тех, кто верит в его истинность и искоренить ошибку, которая может привести к опасным последствиям» – заявил он в предисловии ко второй части трактата, посвященной вампирам.

Кальме не делал секрета из того, что именно явление вампиров заставило его взяться за перо (в начале 1740-х гг. он активно собирал материалы о вампирах и, как свидетельствует его переписка, просил своих многочисленных корреспондентов сообщать новые сведения). В предисловии к трактату в издании 1751 г. он писал:

> Меня давно поражали известия о вампирах или призраках Венгрии, Моравии и Польши; о вруколаках Греции; и об отлученных от церкви, о которых говорилось, что они не подвержены тлению. Я заключил, что должен уделить этому вопросу всемерное внимание,

---

[37] Klaniczay Gábor. The Decline of Witches and the Rise of Vampires // The Witchcraft Reader. С. 397. В целом можно заметить, что в народном сознании и позднее в популярной культуре вампирам и ревенантам нередко придавались черты различных преследуемых меньшинств, либо же эти меньшинства уподоблялись и связывались с вампирами.

[38] Ibid., с. 395-396.

[39] Huet Marie-Hélène. Deadly Fears: Dom Augustin Calmet's Vampires and the Rule Over Death // Eighteenth-Century Life. 1997. Vol. 21, No. 2. С. 227-228. Идея «вампирического христианства» имеет последователей в современной «вампирской» субкультуре.

и решил посвятить ему особую диссертацию. <...> Собирая сведения о данном предмете, я обнаружил немало сведений и касательно явлений духов; большое число этих сведений мешало должному изложению трактата о вампирах. Я отделил их и составил рассуждение о явлениях духов <...> Многие сочли приложение главным и обратили большее внимание на первую часть, нежели на вторую, которая являлась, однако, первой и главной в моем замысле.

Явления ангелов, демонов и духов не представляли существенной трудности для Кальме: он безоговорочно признавал истинность всех изложенных в Священном Писании явлений (хотя и считал, что некоторые из них могут быть «объяснены») и визионерского опыта ранних святых и отцов Церкви; механизм этих явлений он описывал как неподвластный человеческому разуму. В остальном Кальме проявлял незаурядный скептицизм, отбрасывая ряд легенд как ложные; другие он объяснял обманом чувств, а в некоторых случаях признавал возможность дьявольского участия. Но в конечном итоге, замечает Фернандо Видаль, все сводилось к чудесному Божественному вмешательству[40]. Как писал Кальме, «никакое явление не может произойти без известного чуда, и без необычайного и сверхъестественного участия Господа, который приказывает, или заставляет, или позволяет ангелу, или демону, или душе, отделившейся от тела, действовать, говорить, ходить и исполнять иные действия, присущие телу».

В случае с вампирами Кальме не мог опираться на авторитет Священного Писания или сводить явление вампиров к чуду: чудо и тем более чудо воскресения из мертвых должно было прославлять Господа и истину христианства, а этому требованию вампиры никак не соответствовали. Их воскресение из мертвых ставило под сомнение единственность воскресения Христа и являлось «богохульственной карикатурой» на обещанное человечеству воскресение, тем более что вампиры восставали из гробов в человеческом облике, а не в лучезарных духовных телах Библии[41].

Вдобавок, Кальме сознавал уникальность описываемого явления: речь шла о действующих, разгуливающих по ночам, предающихся плотским утехам, пьющих кровь *привидениях во плоти*. «Ни в одной истории мы не читаем ничего похожего и так выраженного, как то, что рассказывается нам о вампирах Польши, Венгрии и Моравии» – писал он, предваряя свой трактат о вампирах[42]. Любопытно, что эти взгляды Кальме взяли на вооружение некоторые исследователи, доказывая со ссылками на аббата, что вампиры XVIII в. представляли собой совершенно «уникальный тип живого мертвеца»[43].

В определениях Кальме и многих его современников, иначе говоря, вампир выступает как мертвец, который оживает в собственной плоти и высасывает кровь живых. Отметим, что взгляд на вампира как на *кровососа* вызывает серьезные возражения у ряда исследователей. Как утверждает

---

[40] Vidal Fernando. Ghosts of the European Enlightenment //Rethinking Ghosts in World Religions. Leiden-Boston, 2009. С. 181.

[41] Banderier, (Ir) rationalité, c. 46.

[42] Traité sur les Apparitions des Esprits, et sur les Vampires ou les Revenants de Hongrie, de Moravie, &c. Paris, 1751. T. II. С. 295-297.

[43] Keyworth David G. Was the Vampire of the Eighteenth Century a Unique Type of Undead-corpse? // Folklore. 2006. Vol. 117, No. 3, December. С. 241-260; он же: Troublesome Corpses: Vampires and Revenants from Antiquity to the Present. Southend-on-Sea, 2007.

Питер Марио Кройтер, автор известного исследования «Вампирские верования Юго-Восточной Европы» (2001)[44], «в народных верованиях нет заостренных зубов, укуса в шею и высасывания крови. Таких идей не существует. Время от времени сообщается, что вампир пьет кровь. Но на вопрос о том, как он это делает, ответа нет. Совершенно очевидно, что это – метафорическое описание утраты жизненной силы»[45]. Вампиры народных поверий и в самом деле не отличались ни острыми клыками, ни романтической позой: все это производные не фольклорного, но культурного воображения. Тем не менее, уже сообщение такого осведомленного австрийского военного, как Александр фон Коттвиц (который в 1732 г. получил копию официального доклада о событиях в Медведже не позднее дня его подписания и присовокупил к нему известие о вампирской панике в близлежащей деревне Кукльин), пусть и полученное из вторых рук, содержит описание высасывания вампиром крови из шеи жертвы[46].

Кальме, впрочем, больше интересовала теологическая проблема существования вампиров. Некоторые истории (к примеру, рассказы о греческих вруколаках) аббат отверг без колебаний, видя в них следствие «невежества, суеверий и страхов». Другие, по мнению Кальме – который приводил множество примеров мнимых смертей, оживления утопленников и т.д. – могли объясняться преждевременными захоронениями. Но и такие соображения не могли объяснить, каким образом вампиры, даже представляя собой мнимо усопших и утративших в гробу рассудок людей, выбирались из могил, не потревожив земли.

Эта проблема стала главным затруднением для Кальме. Проще всего было бы заподозрить здесь Божественную волю, но с точки зрения Кальме, как уже сказано, такое темное и кощунственное по своей природе явление, как вампиры, не могли являть собой чудо Божье. Отверг он и идею вмешательства Дьявола: Кальме считал, что хотя Господь своим промыслом временами и «ослабляет узду» нечистого, возможности демона не безграничны. Следовательно, чудесные ночные путешествия вампиров – еще одно доказательство ложности вампиризма: «Никто еще не разрешил это затруднение, и никогда не разрешит. Возможно предположить, что демон истончает и одухотворяет тела вампиров, но доказательств тому нет, и это едва ли вероятно». Кальме приводит еще один, довольно оригинальнальный довод: если бы вампиры действительно воскресали, они непре-

---

44 Kreuter Peter M. Der Vampirglaube in Südosteuropa. Studien zur Genese, Bedeutung und Funktion. Rumänien und der Balkanraum. Berlin, 2001.

45 Maysenhölder Fabian. Vampire saugen kein Blut (http://www.n-tv.de/wissen/Vampire-saugen-kein-Blut-article5784581.html. 2012. 20 April). Ср. следующие высказывания Кройтера: «Ни в одном из “классических” сообщений о вампирах XVIII века, крестьяне не упоминали об острых зубах или высасывании крови. И Арнонт Павле, и Петер Плогойовиц расправлялись с соседями, навещая их и “убивая” или “задавливая до смерти”. Другие вампиры в традиционных народных верованиях также не занимаются ничем, что можно определить как высасывание крови. Кровь играет свою роль, но только когда вампир опознан… и “кровь” вытекает из носа и рта. В сообщениях XVIII века встречается слово “кровосос”, но не стоит забывать, что ни один из австрийских военных докторов не знал сербского. Попросту говоря, из этих сообщений мы не можем понять, что именно говорили сербы, как они описывали эти неразложившиеся трупы. Мы имеем дело лишь с интерпретацией врачей, которая стала частью нашего распространенного образа вампира» (http://thevampirologist.blogspot.com/2012_02_01_archive.html).

46 См. приложение.

менно рассказывали бы своим родственникам и друзьям о происходящем в ином мире, требовали бы заупокойных молитв и исправления нравов; но вампиры, «напротив, относятся к ближним как к врагам, истязают их, забирают их жизни и выпивают их кровь».

Итак, воскрешение мертвых возможно, но остается прерогативой «одной только всемогущей силы Господа». Утопленники, «обмершие, впавшие в летаргическое или экстатическое состояние либо принятые за мертвых» могут быть приведены в чувство без всяких чудес, путем природного или медицинского вмешательства. Что же до вампиров, то

> упиры, вампиры или привидения Моравии, Венгрии, Польши и т.д., о коих рассказаны столь невероятные вещи, истории столь полные деталей, столь подробные, со всеми необходимыми свойствами, заставляющими им поверить и способными даже доказать их юридически перед судьями и самым строгим и придирчивым трибуналом, а также все то, что говорится об их возвращении к жизни; их явлениях и бесчинствах в городах и деревнях; о том, как они убивают людей, высасывая их кровь, либо подают им знаки, заставляя следовать за собой, суть предрассудки и иллюзии разгоряченного воображения. <...> Я не стану отрицать, что некоторые могли умереть от испуга, воображая, что близкие взывают к ним из могилы; что другим могло почудиться, будто кто-то ломится в дверь, изводит их, терзает – словом, напускает на них смертельные болезни; и что, будучи допрошенными, они могли сказать, будто видели и слышали то, что представило им горячечное воображение. Но я желал бы видеть непредубежденных, беспристрастных, незаинтересованных, не боящихся ничего свидетелей, которые по серьезном размышлении сказали бы, что видели, слышали и расспрашивали этих вампиров; и я убежден, что подобных свидетелей не найдется[47].

Кальме произнес свой вердикт, торжественно заключает Интровинье: если в 1746 г. бенедиктинец еще колебался, пусть на самом деле и не верил в вампиров, в 1751-м он решительно заявил: «“Я не думаю, что в этом вопросе возможна иная точка зрения, нежели абсолютное отрицание возвращения вампиров из мертвых”. Таково было последнее слово Кальме относительно вампиров: он “абсолютно отрицал” их существование»[48].

Кальме, однако, излагал свое мнение с большой осторожностью и сумел запутать и современников, и позднейших читателей. Начало приведенной исследователем фразы звучит так: «Если эти вампиры или привидения в действительности не воскресли, и если их тела не являются духовными или тонкими, как мы, думается, доказали, и если наши чувства не обмануты чарами, как мы только что видели...»[49]. Отрицая физическое существование вампиров, будь то во имя разума или католических догм, Кальме произнес свое последнее слово – *чары*. Бенедиктинский аббат, как явствует из непосредственного контекста, говорил здесь о сглазе и прочих магических чарах, «производящих на предмет определенное зло-

---

[47]Traité sur les Apparitions des Esprits, et sur les Vampires ou les Revenants de Hongrie, de Moravie, &c. Paris, 1751. T. II. C. 295-297.

[48] Introvigne, Antoine Faivre, c. 608. «Дом Кальме» – добавляет по этому поводу Бандерьер – «отрицал существование вампиров во имя разума: но не рационализма Просвещения, <…> а *логоса* христианского Откровения» (Banderier, (Ir) rationalité, c. 46).

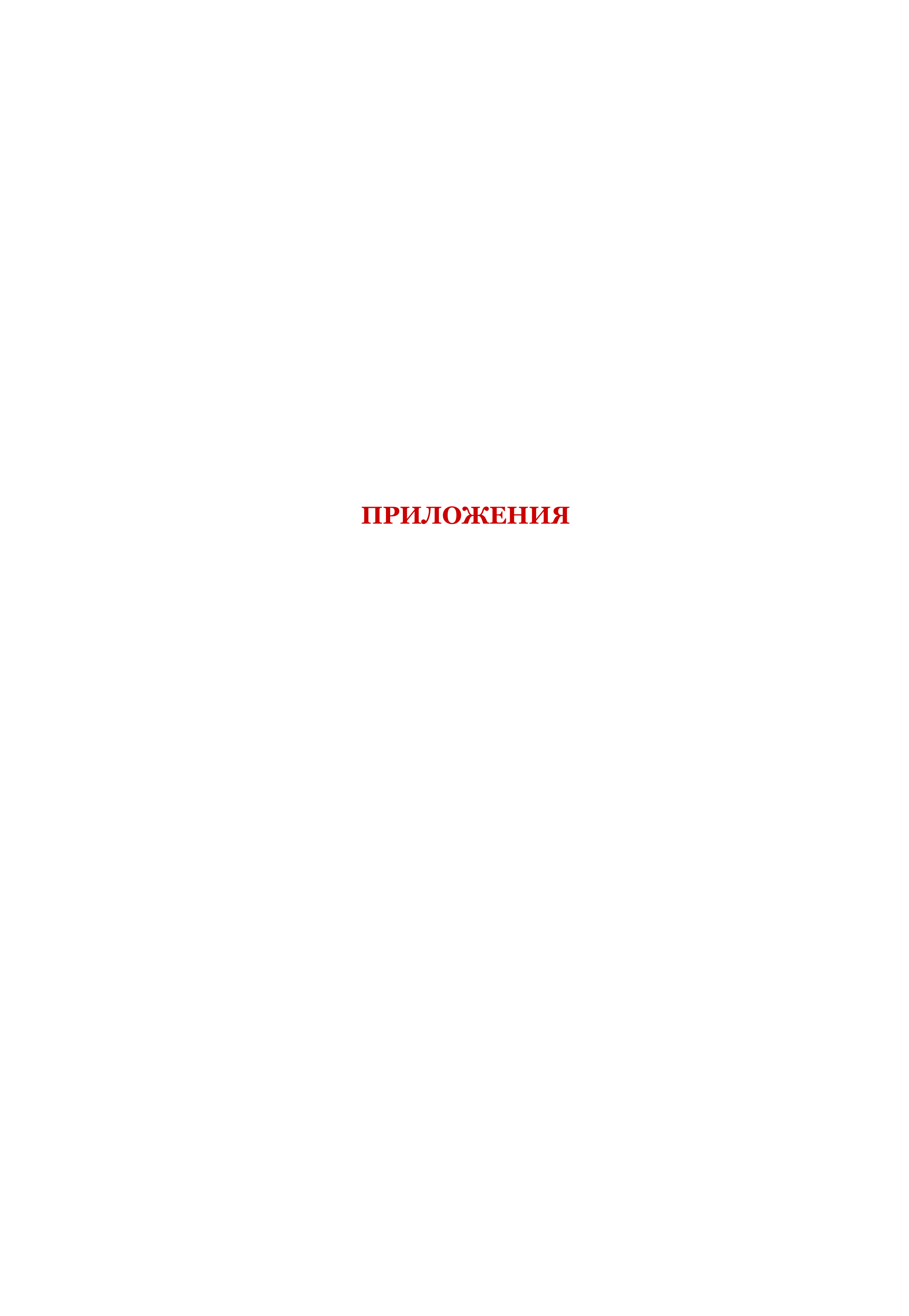
[49] Ibid., c. 262.

вредное воздействие, от которого древние так старались защитить себя и детей, надевая им на шею защитные средства или амулеты». Но Кальме допускал возможность иных обольщений чувств – обольщений божественных или дьявольских. «Подобные чары» – пишет он чуть выше – «без сомнения, превосходят обычные возможности, доступные человеку: следовательно, человек естественным путем не способен их произвести; но превосходят ли они естественные силы ангела или демона? Это остается неизвестным для нас и заставляет нас отложить суждение по данному вопросу»[50].

январь, 2013

---

[50] Ibid., с. 261.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СООБЩЕНИЕ КАМЕРАЛ-ПРОВИЗОРА ФРОМБАЛЬДА

Сообщение камерал-провизора (районного администратора при австрийской военной администрации) Фромбальда стало первым и единственным известием о событиях в деревне «Кисолова», которая обычно идентифицируется как современная деревня Кисильево в Браничевском округе на северо-востоке Сербии, в составе общины Велико-Градиште. В отчете Фромбальда впервые по отношению к конкретному, известному по имени человеку, а именно Петеру Плогойовицу (Plogojoviz) был применен термин «вампир» (Vampyr), вошедший затем во все европейские языки. Сообщение Фромбальда было впервые опубликовано 21 июля 1725 г. в венской газете *Wienerisches Diarium*, близкой ко двору; эта газета продолжает выходить сегодня под названием *Wiener Zeitung* и является одной из старейших в мире. Отчет Фромбальда был напечатан на с. 11-12 под заголовком «Копия письма из Градиского Района в Венгрии» (как обозначалась в те годы данная территория) и позднее широко перепечатывался и переводился. Одну из перепечаток (*Leipziger Zeitung*, 31 июля 1725 г.) Михаэль Ранфт включил в диссертацию, которую представил в сентябре того же года в Лейпцигский университет; впоследствии диссертация стала основой его книги *De Masticatione mortuorum in tumulis* («О жующих мертвецах в могилах», Лейпциг, 1725) и вошла в опубликованное на немецком сочинение Ранфта «Трактат о жующих и чавкающих в гробах мертвецах, который раскрывает истинную природу сих венгерских вампиров и кровососов» (Лейпциг, 1738). Перевод выполнен по первой публикации в *Wienerisches Diarium*.

Спустя 10 Недель после того, как в Деревне Кисолова, в Рамском Районе[1], Подданный по Имени Петер Плогойовиц испустил Дух и был предан Земле по Ратскому[2] Обряду, стало известно, что в указанной Деревне Кисолова за 8 Дней 9 Особ, как старые, так и молодые, также умерли после тяжкой 24-часовой Болезни, и что они, будучи живы, однако лежа на Смертном Одре, заявляли во всеуслышание, что умерший 10 Неделями ранее, помянутый Петер Плогойовиц, приходил к ним во Сне, ложился на них и давил[3] таким образом, что они поневоле лишались Дыхания.

Равно и остальные Подданные были весьма обеспокоены, и укрепились еще больше в таковой [вере], поскольку Жена упокоившегося Петера Плогойовица, каковая ранее заявляла, что Муж приходил к ней и требовал свои Оппанки[4] или букв. Башмаки, ушла из Деревни Кисолова в другую, и поскольку у подобных Особ (каковых именуют они Вампирами) имеются различные Знаки, как-то Тело их не тлеет, Кожа же, Волосы, Борода и Ногти растут, как можно увидеть, то Подданные единодушно постановили вскрыть могилу Петера Плогойовица и удостовериться, будут ли найдены на нем помянутые Знаки, с каковой Целью явились ко мне; и здесь с Указаниями на вышеприведенное Происшествие просили вместе с местным Попом, или же Священнослужителем, участвовать в Досмотре, на что сперва я сказал, что о таковом Факте должно быть прежде послано нижайшее и почтительнейшее Уведомление в Достопочт. Администрацию, дабы вынесено было ее высочайшее Постановление, однако же они никоим образом не желали то исполнить и вместо того дали сей краткий Ответ: Я волен поступать, как мне пожелается, однако же если не позволю им Досмотр и не предоставлю Юридическое Позволение поступить с Телом согласно их Обычаю, придется им

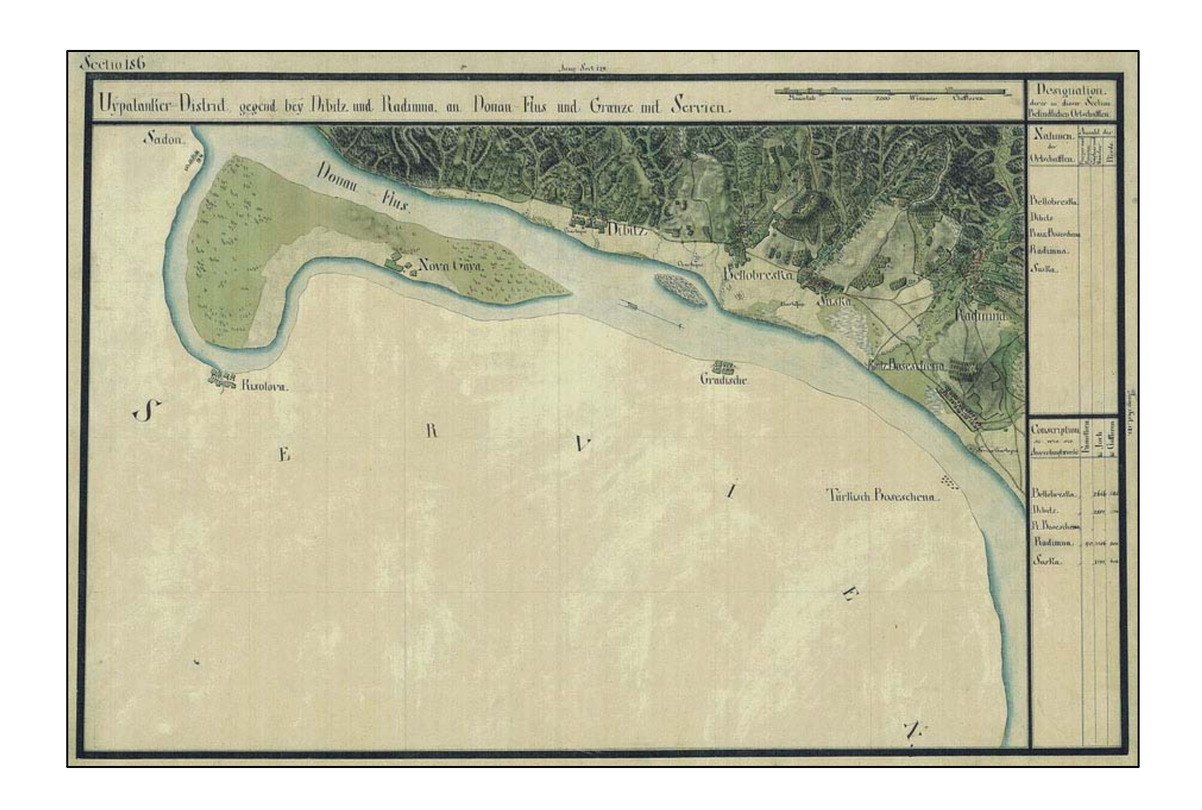
оставить свои Дома и Имущество; ибо до Получения всемилостивой Резолюции из Белграда, вся Деревня (что ранее происходило в Турецкие Времена) приведется к Уничтожению таковым злым Духом, и что они не желают того дожидаться. И поскольку и Добром, ни Угрозами не способен был я удержать сих Людей от вынесенной ими Резолюции, то с Привлечением Градиского Попа отправился в указанную Деревню Кисолова, где осмотрел извлеченное Тело Петра Плогойвица и с всемерно тщательной Истинностью удостоверился в том: что

Первое, ни от данного Тела, ни от Могилы ни в малейшей степени не исходил зловонный Запах, обыкновенно присущий Мертвым, и что Тело, за исключением Носа, каковой несколько отвалился, было весьма свежим, и что Волосы, Борода и также Ногти, из каковых старые упали, росли на нем, и что старая Кожа, каковая была чуть беловата, отделилась и под нею показалась новая и свежая, и что Лицо, Руки, и Ноги, и все Туловище имели такой вид, что и при Жизни не могли бы выглядеть лучше; во Рту его я не без Удивления заметил некоторое количество свежей Крови, каковую, по общему Показанию, он высосал из Убитых; в Целом же в наличии были все Признаки, что имеются (как указано выше) у подобных Людей. Покуда я разглядывал это Зрелище вместе с Попом, Чернь более ярилась, нежели тревожилась, после чего в большой Поспешности все Подданные заострили Кол, дабы поразить Мертвое Тело в Сердце, и после сего Прокола из Ушей и Рта не только вытекло много весьма свежей Крови, но и случились иные дикие Знаки[5] (каковые из высокого Уважения я опускаю), и наконец все Тело, по их Обычаю, было сожжено и обращено в Прах, о чем и доношу Высокопочт. Администрации с нижайшей и покорнейшей Просьбой: ежели совершена была Ошибка, то повинен в ней не я, но Чернь, что пребывала вне себя от Страха.

Имперск. Провизор
в Градиском Районе

Примечания

1. В оригинале Rahmer-District.
2. Rätzischer, т.е. «сербскому».
3. В оригинале gewürget – от Gewürge: удушье, давка, т.е. предполагаемый вампир «давил», «сдавливал» или «душил» несчастных.
4. Опанки – кожаная обувь без каблуков, иногда с плетеным верхом, распространенная у сербов, черногорцев, хорватов и т.д.
5. По мнению П. Барбера, «дикие Знаки» (*wilde Zeichen*) подразумевают эрекцию у трупа в результате разложения и вздутия половых органов (см. Barber Paul. Vampires, Burial and Death: Folklore and Reality. New Haven-London, 1988. C. 9).

Район деревни Кисельево (внизу слева) на австрийской карте 1769-1772 гг.

РАПОРТ ДОКТОРА ГЛАЗЕРА

Осенью 1731 г. оберстлейтенант Шнеццер, глава имперской военной администрации в Ягодине, получил тревожное известие из деревни, которую австрийцы называли Metwett или Medvegya– жителей одного за другим косила неизвестная болезнь. Шнеццер направил в деревню *Physicus Contumaciae Caesareae* (имперского врача-эпидемиолога) Глазера, чья штаб-квартира располагалась в близлежащем городе Парачин. Глазер прибыл в деревню 12 декабря 1731 г.; о проведенном расследовании он доложил в рапорте на имя Шнеццера. Рапорт Глазера стал первым сообщением о вампирской истерии в деревне, связанной с именем некоего Арнонда Паоле – наиболее документированном случае раннего вампиризма, который фактически стал катализатором вампирской эпидемии XVIII в. Глазер также отправил копию рапорта в венский *Collegium Sanitatis* (в чьи задачи входила борьба с эпидемическими заболеваниями) и 18 января сообщил о происшедшем своему отцу Иоганну Фридриху Глазеру (см. ниже). Как считается, Metwett или Medvegya – современный городок Медведжа (Медвеђа) в юго-восточном Ябланичском округе Сербии. Перевод выполнен по изданию: Hamberger Klaus. Mortuus non mordet: Kommentierte Dokumente zum Vampirismus 1689-1791. Wien, 1992.

Рапорт о Селении Метветт, что на Мораве, где жаловались на Смерти, по каковой причине я, пребывая в должности *Physicus Contumaciae Caesareae* в Паракине, лично Дом за Домом осмотрел и исследовал Деревню 12 Декабря 1731, и не нашел в ней ни единого заразного Недуга или контагиозного Состояния, тогда как Тертана или Квартана с приступами Лихорадки[1], Колотье, Одышка и прочие Симптомы проявлялись до их Ратского[2] Поста. И когда принялся я спрашивать далее, на что же они сетуют, то узнал, что за 6 недель умерли 13 Особ, спрошенные же, на что те жаловались пред Кончиной, уведомили меня, что на Колотье в Боках, Одышку, и страдали от Лихорадки, и Ломоты в Конечностях, в каковом Состоянии быстро один за другим сходили в Могилу, и это способны были они мне объяснить, лишь говоря о злобных Вамбирах, или Кровососах[3]. На что я, со всеми нашими Офицерами, каких мог призвать на Помощь, в Присутствии начальника Крагобаза[4] и капрала из Сталлады[5], говорил с ними и убеждал, что не должны они держаться такого их Мнения. И ответили, чем так погибать, лучше уйдут они в другое Место; в 2, 3 Домах в ночное Время собираются вместе, одни спят, другие сторожат, и полагают, что не перестанут умирать, покуда достопочтенные Власти не издадут Постановление о Казни сих тягостных Вампиров. Также имели Жительство в Деревне две Женщины, что были некогда вампированы[6], и после Смерти также стали Вампирами, и вампировали других, как сказывают. Эти умерли 7 Недель тому, и поскольку упорствовали они в отношении этих Людей, в особенности же одной старой Женщины, я распорядился вскрыть 10 могил, дабы исследовать их со всей Достоверностью, начавши со Старухи, что была, как они убеждены, Истоком всего, Именем же Милица. Вампиру 50 Лет, покоится 7 недель, 6 Лет тому пришла сюда с турецкой Стороны и поселилась в Метветте, и жившие по Соседству говорили, что она не верила в Дьявольщину и не занималась ею. При Жизни обладала тощим Сложением, однако соседям сказала, что у Турок съела двух овец, умерщвленных Вампирами, следственно, когда сама умрет, также станет

Вампиром, и на этих ее Речах вся Чернь основала свое Мнение. Эту Особу я самолично рассмотрел, и тогда как при Жизни обладала она тощим Сложением и была стара Годами, то, пролежав 7 недель в Могиле, глубоко в Почве, необходимо должна была наполовину разложиться; однако же во Рту ее обнаружена была яркая свежая Кровь, что текла изо Рта и Носа, и была она полнее, нежели при Жизни, и наполнена Кровью, что показалось мне подозрительным; и эти Люди говорили верно, ибо при Вскрытии других могил, где лежали младшие Годами, что также умерли от Болезни, но Недуга менее сильного, нежели у Старухи, я убедился, что они разложились, как подобает Мертвецам. Другая женщина, также Вампир, по Имени Станно, эта Женщина умерла при Родах, Ребенок ее появился на Свет, но тотчас помер, 20 Лет, покоится 1 Месяц, говорила Соседям, что при Жизни, когда была она среди Турок, там господствовали Вампиры, и дабы защититься, однажды намазала она себя Кровью одного Вампира и потому, сказывала, по смерти станет Вампиром. Сложена так же, как и первая, и имела Ребенка. И поскольку этот Ребенок не принял Крещения, то захоронен был не на Кладбище, а за Оградой, где проживала его Мать; Ребенка я также видел. Также были такие, что в непродолжительное Время умерли один за другим и также, согласно Мнению этих Людей, были вампированы: другие Вампиры: Миллой[7], Малый 14 Лет, покоится 5 Недель; Иоахим, Малый 15 Лет, покоится 5 недель; эти скончались с разницей в День, ощутив Недомогание в их Пост, когда праздновали Именины в Деревне, и на вид такие же, как другие. Рушица, Женщина 40 Лет, покоится 15 дней, наполовину подозрительна. Петтер, Ребенок 15 дней от роду, покоится 5 недель, весьма подозрителен. Вследствие чего Меттведцы спрашивают, как младшие Годами, и быстрее умершие от Болезни, и меньше пролежавшие в Могиле, находятся в худшем Состоянии и истлевают, другие же не разлагаются, хотя эти были корпулентней, моложе и свежее тех других, и теперь полностью разложились. Каковое Рассуждение не лишено оснований; и еще одна, Милосова, Жена Гайдука, было ей 30 Лет, покоится 3 Недели, и за это Время порядком разложилась, как и должно быть; также другие: Ради, Малый 24 Лет, покоится 3 Недели. Вутшица, Юница 9 Лет, покоится 1 Месяц.

Соответственно нижайше прошу достопочтенные Власти вынести Заключение о Казни сих Злодеев, дабы умиротворить сих Подданных, поскольку Деревня довольно велика; и сверх того ввиду изложенного я также нахожу это необходимым.

Примечания

1. Tertian-, und Quartanfieber. Речь идет о трех- или четыредневной малярии; для болезни, распространенной в свое время на Балканах, характерны приступы, повторяющиеся на каждый третий или четвертый день.
2. Räzischen, т.е. «сербского».
3. В оригинале в этом месте – «Vambyres, oder Bluthseiger»; далее везде Vampyres, Vampyr.

4. Kragobaz – возможно, Крагуевац в регионе Шумадия или близлежащий город Крушевац в современном Расинском округе Сербии.
5. Сталлада (Stallada) – вероятно, деревня Сталач близ Чичеваца в современном Расинском округе Сербии.
6. В оригинале vervampyret – букв. «вампированы» (неологизм Глазера), обращены в вампиров или подверглись нападению последних.
7. Milloi.

Ягодинский район Сербии на карте 1738 г.

ПИСЬМО ИОГАННА ФРИДРИХА ГЛАЗЕРА

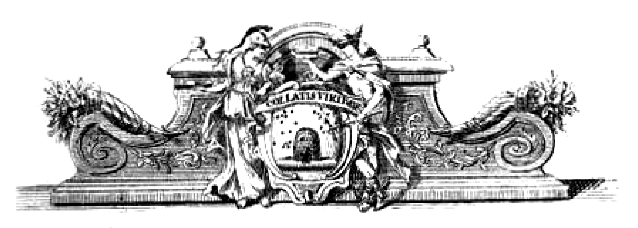
Получив письмо от сына, врача-эпидемиолога, рассказывавшего о событиях в Медведже, венский медик Иоганн Фридрих Глазер счел, что научное сообщество должно быть осведомлено о появлении вампиров. Об этом факте он сообщил одному из редакторов нюрнбергского журнала *Commercium litterarium ad rei medicae et scientiae naturalis incrementum institutum* (1731–1745), первого медицинского журнала в Германии. Письмо Глазера-старшего к Иоганну Кристофу Гётцу (Götz, 1688-1733) было опубликовано в журнале на латинском языке в марте 1732 г.; вскоре вампиров уже обсуждали в стенах академии, во дворцах и в бюргерских гостиных. *Commercium litterarium* продолжал публиковать материалы о вампирах на протяжении всего года, что наряду с трактатами и памфлетами создало неповторимую атмосферу так называемых «лейпцигских вампирских дебатов». Известный вампиролог Нильс К. Петерсен называет письмо Глазера-старшего «памятником культурной истории» – ведь именно в нем вампир обретает некоторые черты, знакомые нам по многим романам и фильмам. Перевод выполнен по изданию: Hamberger Klaus. Mortuus non mordet: Kommentierte Dokumente zum Vampirismus 1689-1791. Wien, 1992.

Мой сын, который в качестве имперского Врача (*physicus imperialis*) находится в Паракине[1], что в турецких Областях Сербии, в 20 Милях от Белграда, написал мне 18 Января о том, что в этом Регионе, и в особенности в Деревне Медвегие неподалеку от Барачина[2], уже некоторое Время свирепствует магическая Эпидемия. Обычным порядком похороненные Мертвецы встают из непотревоженных могил и умерщвляют Живых. Те в свою очередь, умершие и похороненные, также встают и вновь убивают других. Происходит это следующим Образом: ночью Мертвые хватают Спящих и высасывают их Кровь, и на третий День все они умирают. От этого Недуга никто еще не нашел Лекарства. И за краткое Время столь многие распрощались с Жизнью, что местные Власти приказали устроить тщательное Разбирательство. Моему Сыну, в качестве Врача и Естествоиспытателя (*medicus et physicus*), велено было отправиться в числе прочих. Собранные же местный Судья/Сельский Исполнитель и Присяжные (*judices/praetores et iuratos*) объявили, будучи спрошенными, что согласно различным Свидетельствам, Вещи эти происходят в действительности; но каким Образом, они не знают. Однако же можно заметить, что Люди страшатся, пугаются, боятся, измучены тяжкими Снами, жалуются и т.д. Когда вследствие этого было устроено Посещение Кладбища и Делегаты вскрыли Могилы, то нашли приблизительно десять Особ в Гробах, словно бы при Жизни, совершенно неразложившихся, но Гробы их, Платье и Саваны были покрыты свежей Кровью, каковая текла из Носа, Рта, Глаз и Гениталий, и с заново отросшими Ногтями на Пальцах Рук и Ног. У всех этих Вампиров[3], как их там именуют, отделили Головы, Тела же сожгли и Пепел их бросили в Реку Мораву. Мой Сын имел Возможность до того их анатомировать и нашел Внутренности здоровыми и невредимыми, только Желудок и Диафрагма были полны Крови. Об этом он спешно мне написал и обещал, после обстоятельного Доклада нашему Правительству и Collegium Sanitatis[4], написать мне снова.

COMMERCIVM
LITTERARIVM
AD
REI MEDICAE ET SCIENTIAE
NATVRALIS INCREMENTVM
INSTITVTVM
QVO
QVICQVID NOVISSIME OBSERVATVM
AGITATVM SCRIPTVM VEL
PERACTVM EST
SVCCINCTE DILVCIDEQVE EXPONITVR

ANNVS MDCCXXXII

ACCEDVNT PRAEFATIO ET INDICES
NECESSARII

NORIMBERGAE
SVMPTIBVS SOCIETATIS
LITTERIS JO. ERNEST. ADELBVLNERI

Примечания

1. Парачин (в тексте – Parakin).
2. В оригинале – Barachin.
3. Vampyren.
4. Коллегия здравоохранения (лат.).

VISUM ET REPERTUM

Рапорт доктора Глазера вызвал некоторый переполох в белградской ставке; было решено направить новую комиссию в Медведжу для изучения вопроса о вампирах. Возглавлял ее военный хирург Иоганн Флюкингер; в комиссию вошли офицеры Линдельфельс и Бюттенер и военные медики Зигель и Баумгартен. Комиссия прибыла в деревню 7 января 1732 г. По завершении работы был составлен протокол под названием *Visum et repertum* («При осмотре установлено») – самый знаменитый исторический документ, связанный с вампирами. По окончании следствия протокол был направлен в венский Гофкригсрат (придворный военный совет); военные власти в Сербии рекомендовали представить участников комиссии к наградам, что было одобрено лишь в ноябре. Как можно предположить, герцог Вюртембергский Карл Александр (1684-1737), управлявший Сербским королевством с 1720 г., довел *Visum et repertum* до сведения прусского короля Фридриха Вильгельма I во время визита в Берлин в начале года. Фридрих Вильгельм, в свою очередь, поручил Королевской академии наук вынести заключение касательно протокола. Обсуждение началось 7 марта, а 11 марта академия постановила, что описанные в протоколе явления могли быть объяснены естественными причинами. Сенсационный документ, однако, не замедлил разойтись по Европе в газетных и журнальных публикациях, издавался в виде памфлетов и перепечатывался в книгах, став на долгие годы одним из основных источников вампирской эпидемии. Перевод выполнен по *изданию Curieuse und sehr wunderbare Relation, von denen sich neuer Dingen in Servien erzeigenden Blut-Saugern oder Vampyrs* («Курьезная и весьма чудесная Реляция о новых Происшествиях в Сербии, связанных с Кровососами или Вампирами», 1732) с учетом ряда других источников.

Visum et Repertum

Поскольку получено было Известие, что в Деревне Медвегия[1] в Сербии, на Турецкой Границе, так называемые Вампиры убили нескольких Особ путем Высасывания из них Крови: я получил высочайшее Приказание нашего достопочтенного Верховного Командования провести подробнейшее Расследование, и с командированными Господами Офицерами и 2 Унтер-Фельдшерами отправился в то Место, где провел настоящее Дознание в сопровождении Капитана Отряда Сталатских[2] Гайдуков Горшица[3], Гаднака[4], Байактара[5] и старейших Гайдуков сей Деревни, каковые в кратком Изложении показали следующее:

Таковые единодушно твердят, что около 5 Лет тому местный Гайдук, по имени Арнонд Паоле, в Падении с Сенного Воза сломал себе Шею. Однако же при Жизни часто он извещал, что когда был он в Госсова[6], в Турецкой Сербии, его мучил один Вампир, вследствие чего съел он Землю с Могилы Вампира и намазал себя Кровью последнего, дабы освободиться от Терзаний, каковые претерпевал. Спустя 20 или 30 Дней после Смертельного его Падения, некоторые Люди принялись жаловаться, что донимает их указанный Арнонд Паоле, и действительно убил он 4 Особ. Дабы покончить с этой Бедой, они по Совету своего Гаднака (каковой ранее видывал подобные Происшествия) указанного Арнонда Паоле по прошествии 40 Дней с его Смерти выкопали, и обнаружили, что он вполне цел и не разло-

жился, в то время как свежая Кровь течет из его Глаз, Носа, Рта и Ушей, что Рубаха, Саван и Гроб были все окровавлены, и что старые Ногти на Руках и Ногах, а также Кожа, отделились и под ними выросли новые. И поскольку они увидели, что он истинный Вампир, они согласно своему Обычаю пронзили его Сердце Колом, после чего он издал слышимый Стон и началось обильное Кровоточение. Засим Тело в тот же День сожгли и Пепел бросили в Могилу.

Эти Люди еще говорят, что все, кого мучили и умертвили Вампиры, сами должны стать Вампирами, и потому они казнили еще 4 Особ таким же Манером. Далее добавляют они, что указанный Арнонд Паоле нападал не только на Людей, но и на Скотину, и высасывал кровь из Животных, Люди же поедали их Мясо. И следственно, здесь и теперь еще имеются Вампиры. Всего же за Время трех Месяцев 17 молодых и старых Особ отошли в Мир иной, и некоторые, не испытывая ранее никакой Болезни, умирали за 2 или самое большее 3 Дня. И вдобавок извещает Гайдук Йовица, что его Падчерица Станьочка[7] 15 Дней тому легла спать, будучи свежа и здорова, однако в Полночь пробудилась от Сна с ужасным Криком, в Страхе и Дрожи, и пожаловалась, что ее изводит умерший 9 Недель тому Сын Гайдука, Именем Миллое[8], каковой душит ее за Шею, после чего испытала она сильную Боль в Груди, и Час от Часу становилось ей хуже, покуда наконец на 3 День не скончалась.

Затем после того же Полудня отправились мы на Кладбище, сопровождаемые указанными старейшими Гайдуками деревни, дабы посетить Могилы и осмотреть подозрительные Тела, и по Рассечении было обнаружено:

1. Женщина, Именем Стана, 20 Лет, 2 месяца тому умерла после 3-Дневной Болезни при Родах, и перед Смертью сказала сама, что поскольку мазалась Кровью одного Вампира, то и она, и Ребенок ее (каковой умер при Рождении и вследствие небрежного Захоронения был Наполовину сожран Собаками) должны также обратиться в Вампиров; найдена вполне сохранившейся и не разложилась. При Вскрытии Трупа обнаружено было в *cavitate pectoris*[9] некоторое количество свежей экстраваскулярной Крови, в то же время *vasa arteriae & venae*[10], а также *ventriculis cordis*[11] не были, как обычно, заполнены свернувшейся Кровью; и *viscera* в целом, как-то *pulmo, hepar, stomachus, lien & intestina*[12], выглядели вполне свежими, точно у здорового Человека; *Uterus*[13] однако же в весьма увеличенном виде и с наружной Стороны сильное Воспаление, поскольку *placenta* и *lochiae*[14] остались внутри, и оттого все полностью *putredine*[15]; Кожа на Руках и Ногах и также Ногти сами собою отделились, однако же появилась свежая живая Кожа и новые Ногти.

2. Имелась Женщина, по Имени Милица, было ей 60 Лет, каковая скончалась по 3-Месячной Болезни, и около 90 дней назад похоронена. В Груди ее найдено большое количество жидкой Крови, остальные *viscera* были, как и у первой, в хорошем Состоянии. При Рассечении ее все Гайдудуки, стоявшие вокруг, дивились ее Полноте и совершенному Телу, и все сказали, что знали ту женщину с Юности и что при Жизни была она тоща и суха, в Могиле же к Удивлению их обрела Дородность; также сказали, что на сей Раз именно она была Истоком всех Вампиров, ибо поела Мяса Овец, что были убиты прежними Вампирами.

3. Имеется 8-Дневный Ребенок, покоится в Могиле 90 Дней, также найден в Вампирическом Состоянии.

4. Был извлечен Сын Гайдука, по имени Миллое, 16 Лет, каковой пролежал в Могиле 9 Недель и умер после 3-Дневной болезни, и был подобен другим Вампирам.

5. Иоахим, также Сын одного Гайдука, 17 Лет, умер после 3-Дневной Болезни, покоился 8 недель и 4 дня и по Рассечении найден в том же Состоянии.

6. Женщина, Именем Руше[16], умерла после 10-Дневной Хворобы, покоится 6 Недель; у каковой нашлось много свежей Крови не только в Груди, но и в *fundo ventriculi*[17], и то же у ее 18-Дневного Ребенка, что скончался 5 Недель тому.

7. Однако и Девочка 10 Лет, умершая 2 Месяца назад, оказалась в вышеупомянутом состоянии, весьма хорошо сохранилась и не разложилась, в Груди же имела много свежей Крови.

8. Выкопали жену Гаднака, Милоссову; она умерла 7 Неделями ранее, тогда как ее Ребенок, каковому было 8 Недель, 21 День назад, и обнаружилось, что Мать и Ребенок полностью разложились, хотя Почва и Могилы были в точности такие же, как у Вампиров, покоившихся рядом.

9. Батрак здешнего Капрала Гайдуков, по Имени Раде, 23 Лет, умер по 3-Месячной Болезни и в течение 5 Недель Захоронения совершенно разложился.

10. Жена здешнего Байактара со своим Ребенком, что умерли 5 Недель назад, также совершенно разложились.

11. У Станко, Гайдука, 60 лет, что умер 6 Недель тому, заметил я много жидкой Крови в Груди и в Желудке, и все Тело находилось в часто упоминавшемся Вампирическом Состоянии.

12. Миллое, Гайдук, 25 Лет, покоился в Земле 6 Недель, также был найден в вышеупомянутом Вампирическом Состоянии[18].

13. Станьочка, Жена Гайдука, 20 лет[19], умерла после 3-Дневной Болезни и погребена 18 Дней тому. При Рассечении я обнаружил, что Лицо у нее было довольно красное и имело сильный Румянец, и там, где Сын Гайдука, по Имени Миллое, душил ее в Полночь за Шею, как указано выше, обнаружилось, с правой Стороны под Ухом, синеватое с Кровью Пятно даҰною в Палец. При Вскрытии ее Гроба из Носа у нее вытекло некоторое количество свежей Крови. При Рассечении обнаружено (как часто сообщалось ранее) свежее Кровоточение, причем не только в Грудной Полости, но также в *ventriculo cordis*. *Viscera* во всецело здоровом и хорошем состоянии; Кожный Покров на всем Теле и новые Ногти на Руках и Ногах кажутся совершенно свежими.

По окончании Посещения Головы всех Вампиров были отделены здешними Цыганами, и затем сожжены вместе с Телами, Пепел же брошен в Реку Морава; однако разложившиеся тела были положены обратно в Могилы. О чем я свидетельствую совместно с 2 приданными мне Унтер-Фельдшерами. Медвегия в Сербии, 7 Янв. 1732.

Actum ut supra[20].

(подписано) Иог. Флюкингер, Полковой Фельдшер Пехотного Полка достопочт. Барона Фюрстенбуша.

(подписано) И. Г. Зигель, Фельдшер достопочт. Моралльск.[21] Полка.

(подписано) Иоганн Фридрих Баумгартен[22], Фельдшер достопочт. Полковника Барона Фюрстенбуша Пехотного Полка.

Нижеподписавшиеся сим свидетельствуют, что все, обнаруженное Полковым Фельдшером достопочт. Фюрстенбушского Полка совместно с подписавшимися с ним Младшими Фельдшерами в отношении Вампиров и при Осмотре, во всем соответствует Истине, и было предпринято, обнаружено и исследовано в нашем Присутствии. В Подтверждение чего мы собственной Рукой ставим свои Подписи. Белград, 26 Янв. 1732.

(подписано) Подполковник Бюттенер[23], достопочт. Александр. Полка.
(подписано) Иоганн фон Линдельфельс, Предст. достопочт. Александр. Полка.

Примечания

1. Medvegya. В других версиях Medvedia.
2. Видимо, имеется в виду упоминаемая в рапорте д-ра Глазера Сталлада, т.е., по всей вероятности, деревня Сталач близ Чичеваца в современном Расинском округе Сербии.
3. В некоторых источниках Groschitz. Вариант «Грошиц Гаднак» как имя и фамилия (Barber, Vampires, с. 16) едва ли правомочен.
4. Hadnach или Hadnuck, от венгерского hadnagy, лейтенант.
5. Букв. «знаменосец» (в других версиях barjactar, burjaktar); оттоманский титул деревенского или регионального старосты.
6. Возможно, Косово, находившееся в то время под турецким контролем.
7. Stanjoicka. В других версиях Stanacka (Станачка), Stanoicka (Станойка), Stanvicka (Станвичка).
8. Milloe.
9. Грудная полость (лат.).
10. Сосуды артерий и вен (лат.).
11. Здесь: желудочки сердца (лат.).
12. Здесь: «внутренности в целом, как-то легкие, печень, желудок, селезенка и кишечник».
13. Матка (лат.).
14. Плацента, лохии (лат.).
15. Здесь: сгнило или нагноилось (лат.).
16. Rusche. В других версиях Ruscha (Руша).
17. Здесь: дно желудка (лат).
18. Видимо, Станьочке досаждал не этот гайдук, а Миллое, указанный в пункте 4.
19. Станьочка, описанная выше как падчерица гайдука Йовицы. В версии *Actenmäßige und Umständliche Relation von denen Vampiren oder Menschen-Saugern* (1732) «Станвичка, жена Гайдука, 22 Лет <…> покоится 13 дней», что представляется более точным, т.к. выше сказано, что Станьочка заболела за 15 дней до прибытия комиссии.
20. Техническое юридическое выражение: «Так было, как сказано» (лат.).
21. В различных версиях Morall и Maragl, а также «Ис. Зигель».
22. В некоторых версиях – Баумгартнер.
23. Встречается также «Бюттнер».

ПИСЬМО ФЕНРИХА КОТТВИЦА

Александр фон Коттвиц, служивший в Белграде в звании фенриха (кандидата на присвоение первого обер-офицерского звания) полка принца Александра, получил копию *Visum et repertum* не позднее дня подписания протокола (26 января 1732 г.) – благо в работе комиссии Флюкингера участвовали два офицера его полка (судя по тексту письма, содержащееся в некоторых источниках указание на фон Коттвица как одного из офицеров, подписавших протокол, является ошибкой). Тем же числом датировано письмо фон Коттвица к почтенному лейпцигскому профессору анатомии и физиологии Михаэлю Эрнсту Этмюллеру (1673–1732). Это письмо свидетельствует о стремительном распространении известий о вампирах: вскоре оно было перепечатано в книге *Acten-mäßige und Umständliche Relation von denen Vampiren oder Menschen-Saugern* («Собрание документов и Пространная Реляция о Вампирах или Человекососах»), которая вышла в Лейпциге. Деревня, названная автором письма Kuklina или Kucklina, видимо, является современной деревней Kukljin (Кукльин), расположенной чуть восточнее Медведжи. В письме содержится, похоже, первое упоминание о высасывании вампиром крови из шеи жертвы. Любопытно также объединение вампирических и демонических верований: семя вампира, подобно семени Дьявола, холодное (деталь, постоянно повторяющаяся в ведовских процессах). Со ссылкой на Коттвица, но опуская все подробности, касающиеся несчастной жены гайдука, письмо это цитирует Э. Т. А. Гофман в «Серапионовых братьях» (1819-1821). Перевод выполнен по изданиям: *Acten-mäßige und Umständliche Relation von denen Vampiren oder Menschen-Saugern* (1732) и Hamberger Klaus. Mortuus non mordet: Kommentierte Dokumente zum Vampirismus 1689-1791. Wien, 1992.

Высокоблагородный
Высокоуважаемый господин Доктор,

я беру на себя смелость известить Вас об одном *Casum*[1], имевшем место не так давно в нашем Королевстве Сербском, о каковом Ваша Честь может узнать из прилагаемой Реляции о тамошней Деревне, куда достопочтенное Командование направило Комиссию для более тщательного разбирательства. Имеется такая Мертвечина[2], каковую на Турецком Языке именуют Вампирами или Человекососами, и указанные *capable*[3] в краткое Время изничтожить всех Людей и Скотину в целой Деревне; на сих почти ежедневно жалуются местные Власти. Подобное случилось, помимо упомянутой Деревни Медведия, также в другой, Куклина, где Жители равно заверяют под Клятвой, что двух Братьев так донимали Ночью эти Вампиры, что они сторожили друг друга, и один <Вампир> подобно Собаке открыл Дверь, но от Криков их тотчас убежал, однако же наконец, когда оба заснули, впился все же в одно Мгновение в одного, оставив красное Пятно под правым Ухом, отчего тот три Дня спустя умер; и еще отвратительнее, что похороненный Гайдук, довольно изнуренный, явился на следующую Ночь к своей Жене и, как поведала она в Сообщении в тот же день Гаднаку[4] указанной Деревни, сделал свое Дело так же хорошо, как при Жизни, за исключением того, что Семя было весьма холодным, и она забеременела и по истечении обыкновенного *Termino*[5] в 40 Недель родила Ребенка, каковой имел все Пропорции Мальчика, однако же не имел

ни единой Конечности и был словно Кусок Мяса, и на третий День даже весь сморщился, подобно Колбасе. И поскольку здесь имело место необычайное Чудо, я со всем уважением хотел бы просить Вас сообщить Ваше Личное Мнение о том, было ли то Действие симпатических, дьявольских или астральных Духов, и остаюсь со всем почтением

Вашего Высокоблагородия,
Высокоуважаемого Господина Доктора,

покорнейшим слугой.

Алекс. Фр. фон Коттвиц,
Фенрих достопочт. Принца Александра Полка.

Белград, 26 Янв. 1732.

Примечания

1. Здесь: случай, происшествие (лат.).
2. Aeser.
3. Способны (лат.).
4. От венгерского handnagy, лейтенант.
5. Срока (лат.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

ЧАСТЬ II

ЧАСТЬ III. О ВАМПИРАХ

Приложения

Книга Огюстена Кальме публикуется по изданию 1866 г. в новой орфографии без сокращений, с некоторыми исправлениями пунктуации. По возможности были исправлены многочисленные ошибки в ссылках. За редкими исключениями, устаревшее или искаженное написание фамилий, названий и т.п. оставлено без изменений.

Книги серии «Gemma magica»

Райские цветы, помещенные в седми цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью

ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

А. Я. Ильин. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Гримуар заклинания духа места. 41 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Французская рукопись XVII века под названием «Гримуар заклинания духа места» в последнее время привлекает к себе растущее внимание. Этот необычный гримуар, глубоко укоренный в традиции магико-гримуарной литературы, сочетает языческие и христианские мотивы с элементами народной карнавальной обрядности, идею жертвоприношения с церемониальным ритуалом вызывания духов. «Гримуар заклинания духа места» впервые переводится на русский язык.

Р. Бернулли. Духовное развитие в алхимии и смежных дисциплинах. 95 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IX).

Работа швейцарского искусствоведа Р. Бернулли, близкого к К. Г. Юнгу, трактует алхимию как духовную дисциплину, направленную на всеобъемлющую трансформацию мира и человека. Во второй части работы, заложившей основы юнгианской трактовки алхимии, на ряде примеров делается попытка истолкования визуальной символики алхимии. Первый русский перевод этого классического труда.

Н. А. Краевич. Луч благодати или писания Н. А. К. 68 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. X).

«Луч благодати» – единственная книга масона, мистика и визионера Н. А. Краевича (1757 или 1758-1790), весьма почитавшегося русскими розенкрейцерами и прежде всего И. В. Лопухиным, который и издал наследие Краевича. К изданию, снабженному примечаниями и кратким биографическим очерком, приложен посвященный Краевичу «Надгробный памятник» М. Н. Баккаревича, литературного наставника В. А. Жуковского.

По всему свету прославившагося Архичернокнижника и волшебника де Иоанна Фауста учиненное с дьяволом обязательство. 115 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. XI).

В издание вошла переведенная В. Левшиным и изданная Н. Новиковым в «Библиотеке немецких романов» (1780) народная книжка о чернокнижнике Иоганне Фаусте, ставшая первым «русским Фаустом». Вторую часть книги составила любопытная работа историка, исследователя гуманизма М. С. Корелина (1855-1899) «Западная легенда о докторе Фаусте».